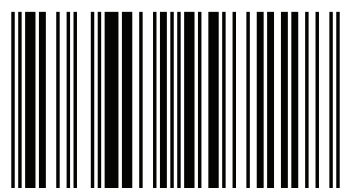

Путешествие в страну Иронии

Страну Иронии, существующую на бескрайних просторах планеты Фантазия, населяют люди, живущие по законам юмора, иронии и смеха. Еще древнегреческий философ Аристотель говорил, что из всех животных только человек способен смеяться. А смехом, по меткому замечанию одного из основоположников реализма в европейской литературе Оноре де Бальзака, исправляют нравы. Возможно, это происходит и по той причине, что юмор, по словам американского писателя Марка Твена, приводит в действие механизм мысли. А ирония, по мнению французского романиста и драматурга Альфонса Доде, является превосходным антисептическим средством. Именно с иронии, утверждал еще один француз Виктор Гюго, начинается свобода. Там же, где нет желчи и смеха, считал русский публицист и литературный критик Дмитрий Писарев, нет надежды на обновление. Предостерегал современников и потомков в этой связи и русский писатель Федор Достоевский, считавший дурным признаком, когда в обществе перестают понимать иронию, аллегорию, шутку. И как тут не согласиться с английским писателем Гилбертом Чистертоном, который полагал, что жизнь серьезна всегда, но жить всегда серьезно - нельзя. Согласны с ним и многие персонажи данного сборника.

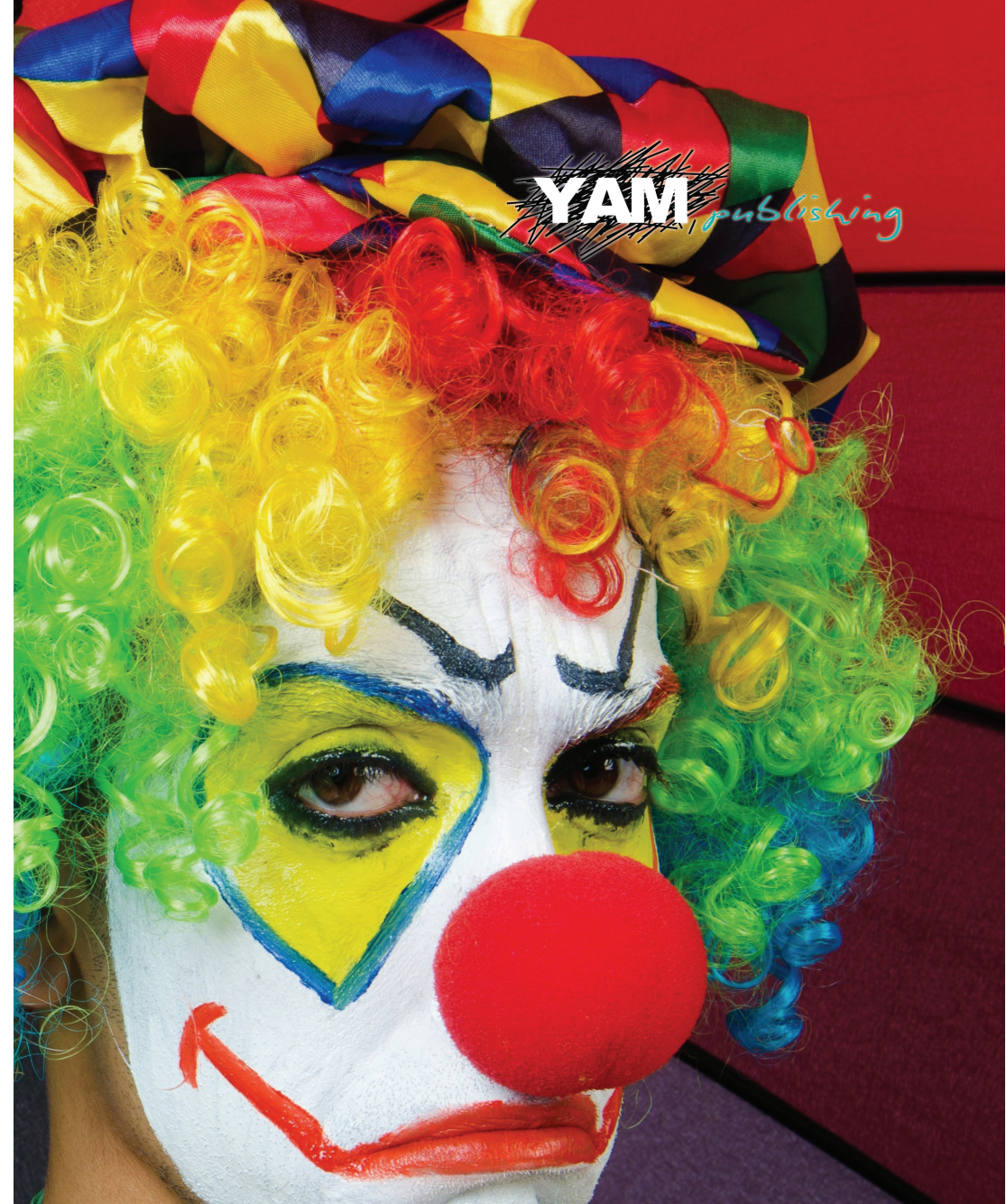
Более сорока пяти лет, отданные журналистике в студенческой ("Советский инженер"), заводской ("Трактор"), городской ("Вечерний Минск"), отраслевой ("Союз предпринимателей"), центральной ("Звезда") белорусской прессе, подарили автору немало интересных встреч с разными людьми, впечатления от которых легли в основу этого путешествия в страну Иронии.

978-3-659-99722-8

Путешествие в страну Иронии

Борис Залесский

Борис Залесский

Путешествие в страну Иронии

Юмористические рассказы

Борис Залесский

Путешествие в страну Иронии

Борис Залесский

Путешествие в страну Иронии

Юмористические рассказы

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing

Imprint

Any brand names and product names mentioned in this book are subject to trademark, brand or patent protection and are trademarks or registered trademarks of their respective holders. The use of brand names, product names, common names, trade names, product descriptions etc. even without a particular marking in this work is in no way to be construed to mean that such names may be regarded as unrestricted in respect of trademark and brand protection legislation and could thus be used by anyone.

Cover image: www.ingimage.com

Publisher:

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing

is a trademark of

International Book Market Service Ltd., member of OmniScriptum Publishing Group

17 Meldrum Street, Beau Bassin 71504, Mauritius

Printed at: see last page

ISBN: 978-3-659-99722-8

Copyright © Борис Залесский

Copyright © 2017 International Book Market Service Ltd., member of
OmniScriptum Publishing Group

All rights reserved. Beau Bassin 2017

Оглавление

Занимательная педагогика

Двигатель прогресса	11
Двойка	14
Сочинение	17
Кроссворд.....	20
Антигравитация.....	24
Задача.....	27
Урок труда.....	30
Металлолом.....	33
Фотоаппарат.....	37
Ох, и трудно!.....	43
Все резервы – в дело	45
Драма ближе к ночи	47
Плоды воспитания.....	50
На грани вдохновения.....	52
Скользкая тема	55
Экзамен.....	58
Портрет.....	61
Разговор по душам	65
Спектакль	67
Пистоны.....	70
Телефон	75
Контакт.....	80
Теперь не попадем в финал.....	83
Случай из педагогической практики.....	86
Орфографическая ошибка	89

Путевка в жизнь

Больше эмоций положительных!.....	95
Спать хочется.....	96
Как получить «отлично»?.....	99
Сон в летнюю ночь.....	101
Егоркина тайна	104
В центре партера	106
Как сломался карандаш	109
Заплыв	111
Испытание	113
Когда экзамен на носу	115
Свой метод	117
На троих	119
Доигрался	122
Подарок	124
Незаметный.....	127
Легкого хлеба не бывает.....	129
Новогодний сюрприз	132
Встреча в переулке.....	134
Влип	137
Отдай конспект!	139
Как я был редактором	142
Третьего не дано.....	145
Неожиданная встреча.....	147
Лебединая песня.....	150
Начало.....	152
Секрет фирмы	155
Фотография	158
День первого тумана	160

Любви все возрасты покорны

Вечерний моцион	167
Накануне	169
Когда кругом весна	170
С тобой и без тебя	171
Забытая пешка	172
Самоуверенный	174
Несчастливая любовь.....	176
На периферии.....	178
История любви	180
Топорное счастье.....	182
Треснувший графин	184
Клубничка	186
Снежинка.....	188
Свечи	192
Наблюдательный	194
Сон	196
Признание	198
Из студенческой практики	200
Строительный роман.....	201
Непробиваемый	204
Знакомство	207
Друг.....	210
Волшебная сила искусства.....	211
Места знать надо!.....	213
Сервис.....	216
Жених	221
Не успели... ..	227
Премия.....	229

Аромат сирени	231
Расставание	234
Поездка	236
Кукла с дефектом	238
Взаимопонимание	242
Любимая	245
Есть хочется!	249
Возвращение	252
Надпись на сосне	257
Сиамские близнецы	261

Жизненная правда

Случай в зоопарке	267
Наблюдательность	269
Если бы не ГТО	270
Моцарт ... с прицепом	271
Дурак	272
Дрова	274
Слово к непьющим	276
Пришелец	278
Оборона	281
Обмен	283
На стадион!	285
Ковер	287
Цветы	290
Роль	292
История одного преступления	294
Как сократили Ивана-царевича	296
Кто выносит сор из избы?	299
На отдых!	302

Третьим будете?	304
Потерянный человек	306
Гипотеза	308
Как все началось.....	311
К природе – с любовью.....	314
Кто же был третьим?.....	316
Как мы дошли	318
Честный выбор	319
Конфликт.....	321
Культпоход.....	325
Схватка	329
Страшная месть	331
Сириусные кабусяки	335
Человек, который стоит за дверью.....	337
Активная позиция.....	342
Лифт.....	346
Внутренний голос.....	348
Послание к цивилизации	350
Абрикосы	353

Деловые люди

Обманул.....	359
Загадка	361
Подарок шефу.....	362
Как сократили репку	364
Весомый аргумент.....	366
Цена мгновения	368
Рационализаторское предложение	370
Ох, уж эти строители!	372
Эксперимент	374

Экономия.....	377
Телепатия	379
Шляпка	382
Засыхают... ..	384
Жалоба.....	386
Шахматы	389
Тост	392
Интервью.....	396
Как я что-то избрал	400
Диспут	404
Вопрос	406
На грани фантастики.....	409
Кирпич.....	414
Кошмары	418
Мероприятия по атмосфере	423
Как я опоздал	427
Автоматизация.....	430
Решение	433
Нам реклама не нужна	436
У нас дисциплиной строго	439
Экскурсия.....	442
Раствор для рыб.....	445
Рационализация	450
Помощник	453
Профессионал	456
Талант	459
Комиссия	465
Микрофон.....	468
Авария	471
Несостоявшийся выговор	474

Как я прогуливал	477
Пусковой комплекс	480
Робототехника	483
Конкурс	487
Премия за новую технику	491
Рейд.....	494
Прогулка.....	498
Лаборатория.....	502
Дырка в стене.....	506
Пожар.....	508
Ремонт.....	512
Действующая модель	515
Чудо технической мысли.....	519
Специалист.....	523

Занимательная педагогика

Двигатель прогресса

Отец Вадьки пришел домой к вечеру. С выступившей краской на лице, воровато оглядываясь на жену, сел за большой кухонный стол и стал ждать развязки. Клавдия стала в дверях, уперев руки в бока. С сожалением смотрела на мужа и молчала. Тот удивленно обернулся. В доме было тихо. Из-под рук Клавдии выглянул Вадька.

– Батька опять бухой? – спросил Вадька, посмотрев на мать. Та брезгливо качнула головой. Отец, постучав пальцами по столу, понял, что гроза прошла мимо и можно расслабиться. Левая рука его скользнула в пиджак.

– Это еще зачем взял с собой? – Клавдия подошла к мужу и освободила ему руки. Тот с сожалением посмотрел на конфискованный “Вермут”.

– Зачем? Зачем? – Вадькин отец насупил брови. – Затем... Все в дом, как муравей, тяну... Отдай двигатель, зачем забрала?

– Что? – Клавдия удивленно оглянулась. – Какой двигатель?

– Который в руках.

Клавдия и Вадька переглянулись.

– Допился, – бросила с чувством Клавдия и вышла.

– Ничего не допился, – отец посмотрел на Вадьку. – Тебе сколько лет?

– Семь.

– Эх, мал еще, – отец вытянул лицо и заглянул в полуоткрытую дверь. Клавдия стала что-то стирать в ванне. Из другого кармана он вытащил еще один “Вермут”. Весело улыбнувшись, подмигнул Вадьке:

– Да, жаль, мал ты еще...

– Бать, какой же это двигатель? Это – стекло, – формулировка отца явно заинтересовала Вадьку. Он удивленно смотрел на бутылку своими большими круглыми глазами.

– Да, пожалуй, верно, – стекло... Только, брат, тут дело не в одном стекле, – отец Вадьки сделал пару глотков. – Там что-нибудь поесть осталось? ... Нет... Ну, ладно... Я не философ. Не-е-ет. Я слесарь. Завинтил и бросил. Но и у меня есть своя философия.

– Ого! – удивился Вадька.

– Стекло – это не двигатель... Одно стекло... Но, когда в стекле вот этот компот, тогда да, – он выразительно щелкнул языком. Так, что Вадьке тоже захотелось разок щелкнуть.

– Тогда это двигатель! Тогда можно двигать!

– Что двигать?

– Да все, – отец Вадьки отпил еще. – Вот, к примеру, нужно мне поднять мотор, чтобы гаечку шлепнуть. А это, значит, центнеры. Чугун. С включениями. Зову ребят. Смотрят в другую сторону. А поставил на мотор вот это – двигатель – побежали, кто быстрее. Первому же больше достанется... Уразумел?

– Мотор-то подняли?

– Да-а, работать еще как-никак умеем. А вот еще случай...

– Во! Сына еще втяни, алкоголик чертов! – в дверях метнулась Клавдия и ловко прилепила свою широкую ладонь к небритой щеке мужа. Отец Вадьки сразу сгорбился и отвел глаза в сторону.

– Зачем при сыне-е? А? – он зло чмыхнул носом. – Я его жизни учу, а ты чему? ... Я спрашиваю! ... Кто здесь хозяин?

– Иди, иди, Вадя, погуляй. Ребятки уже с мячиком по двору бегают. Иди... А я тут объясню... Насчет хозяина-то, – и она старательно вытерла ладони о передник.

Вадька вышел...

– От Вадька! От сукин сын! – Клавдия отодвинула занавеску и приоткрыла форточку. – Ваня, иди глянь...

Отец Вадьки, еще опухший от сна, подошел к окну. Под окном стоял Вадька с соседским Мишкой. Оглянувшись по сторонам, Вадька притянул приятеля за рукав.

– Мишк, ты только свистнешь и все. Больше ничегошеньки.

– Ага, сейчас я тебе побегу. Держи карман...

– Мишк, во, ставлю, – Вадька приоткрыл полы пальто. – Бери двигатель-то.

Мишка вытянул бутылку молока.

– Ну, это еще ладно... Чего там... Свистну...– Мишка даже улыбнулся.

– Ну, Вадька... Уши оторву... – Клавдия накинула на себя платок.

Отец Вадьки, довольный, почесался.

– Чего орешь, дура... Мужик в доме растет. Понимать надо, мужик. А ты – в крик... Хозяином будет, как батя...

– Чего?

– Ну, это я в некотором смысле, – и он опасливо посмотрел на ее крепкие, широкие ладони.

1976 г.

Двойка

Мымриков-младший вошел в комнату немного смущенный, но твердо уверенный в своих силах. Он подошел к Мымрикову-старшему, который в это время уже гулял взглядом по шестнадцатой полосе “Литературной газеты”.

– Слушай, фатер, – прокашлявшись, начал Мымриков-младший. – Негативный момент у меня получился по линии учебного фронта.

И он протянул отцу дневник.

– Понимаешь, тривиальная двойка.

– По чем? – Мымриков-старший измерил спокойным взглядом сначала свое чадо, потом дневник.

– Смешно сказать, по физике, – криво улыбнулся Мымриков-младший. – В преобразованиях Фарадея немного напутал. Глупо все получилось.

– Понимаю, – кивнул головой Мымриков-старший, но лицо его немного вытянулось. – И ты мне об этом так спокойно говоришь?

– А что? Вырывать страницу или прятать дневник? Разве я похож на кретина? Мы же – цивилизованные люди. Разве я не могу спокойно рассказать тебе о своих неприятностях?

– Можешь, – задумчиво ответил Мымриков-старший и, помолчав, также задумчиво добавил. – А я прятал дневник. И листы с двойками выдирал.

– К чему? – сдержанно улыбнулся Мымриков-младший. – К чему эти глупости?

– Отца боялся. Если б он узнал, не поздоровилось бы. Крутой был батя мужик на счет учебы. Бывало, вожжами и меня, и дядьку твоего Мишку так перетянет! Куда потом только наука не лезла. В каждую извилинку знания прыгали.

– Средневековье какое-то! Вожжами! – возмутился Мымриков-младший и сел напротив отца. – Здесь, я смотрю, серьезной педагогикой и не пахло.

– Может, и не пахло, – повторил Мымриков-старший, погруженный в воспоминания.

– Использование грубой физической силы в педагогике, прежде всего, говорит об интеллектуальной некомпетентности педагога, прямолинейности его методов, о его полнейшей инфантильности, – продолжал развивать свою мысль Мымриков-младший. – Серьезный педагог сегодня – это человек широкой эрудиции, прежде всего, правильно воспитанный сам и наделенный талантом любить детей. Таково требование века. Так сказать, объективное условие. К тому же чрезвычайно остро стоит сегодня проблема правильного понимания процесса акселерации. Да мало ли в педагогике проблем. А ведь родитель – главный педагог.

– Это точно, – глухо отозвался Мымриков-старший, рассматривая дневник.

– Так ты, фатер, распишись там внизу, что проинформирован об этом печальном факте, – сказал Мымриков-младший, поднимаясь со стула. – Покажу завтра классной, чтоб не приставала. Она же у нас такая... А я пока диски покручу. Хороший рок достал. Венгерские группы.

– А это как же? – спросил Мымриков-старший, взвешивая дневник в руках.

– Старик, я же тебя проинформировал, – укоризненно заметил Мымриков-младший. – Ну, я пошел...

– А-а, понимаю, – замотал головой Мымриков-старший, тоже поднимаясь. – Как ты там говорил – инфантильность цивилизации и акселерации.

– Да нет же. Ты опять меня неправильно понял.
Инфантильность педагога.

– Во, во, – облегченно сказал Мымриков-старший, отстегивая поясной ремень брюк и плотно прикрывая перед своим чадом дверь. – Оно самое – средневековье...

1979 г.

Сочинение

Ирина Васильевна, классная руководительница шестого “Б”, обвела аудиторию суровым взглядом.

– Сегодня я хотела бы познакомить вас с итогами сочинения, которое мы писали на прошлой неделе, на тему “За что я люблю своих родителей”.

По классу прошел оживленный гул.

Ирина Васильевна сделала минутную паузу, пока в классе не установилась тишина.

– Думаю, у нас есть, о чем поговорить на эту тему.

На последней парте в углу ехидно захихикали, что не прошло мимо внимания Ирины Васильевны.

– Ну, что же, начнем с Федоровой, – классная многозначительно посмотрела в угол и раскрыла тетрадь. Федорова медленно встала и, опустив голову, начала краснеть.

– «За что мне любить своих родителей, если днем и ночью они говорят о высокомолекулярных соединениях и крекинге нефти? За что мне любить своих родителей, если они не любят меня и, подозреваю, друг друга тоже. Очень жаль, что дети не волны в выборе своих родителей».

Последние слова Ирины Васильевны утонули в диком хохоте класса.

– Ай, да Федорова, – крикнул Кошкин, задыхаясь от смеха.

– Ай, да молодец! Что видит, то и пишет.

Стало ясно, что Федорова сейчас заплачет. Она часто-часто заморгала и закрыла лицо руками.

Ирина Васильевна вытащила еще одну тетрадь.

– А это сочинение Кошкина.

Кошкин, немного смущенный, молодецвато подмигнул всему классу, встал и пригладил волосы.

– «Наверное, ни у кого нет такого бати, как у меня. Мой старик может все. Получает он сто пятьдесят рублей, но ничего, как сам говорит, не делает. Работа у него такая: инженер. По вечерам он учит меня жить. Расписываясь возле замечаний учителей в дневнике, говорит, что я – молодец, что, когда вырасту, стану таким, как он, – умным, не упускающим своего. И еще мы часто поем с ним песни, когда выгоняем маму из дому. Соседям наши песни, кажется, нравятся. Они стучат нам в стены и что-то кричат. Наверное, просят повторить. И вообще, пиво не такое уж и гадкое, как кажется на первый взгляд. После него становится тепло и хочется петь...»

Ирина Васильевна закончила читать и выразительно посмотрела на Кошкина.

– Узнаете свою работу?

– Узнаю, – широко улыбаясь, ответил Кошкин. – Все как есть. Как говорил мой батя, Кошкины врать не умеют.

– Молоток, – сказал Федяев и крепко похлопал Кошкина по плечу. – Вишь, как батю любит. Нравится мне, когда обо всем честно...

Ирина Васильевна глубоко вздохнула и тихо сказала:

– Раз узнаете, можете садиться.

Она достала еще одну тетрадь, но вдруг опять посмотрела на класс:

– Вы понимаете, что мы прочли?

– Чего уж там не понимать, сочинения, – спокойно ответил за всех Федяев. – По-моему, ясно.

– А по-моему, это документы, которые обличают родителей, – Ирина Васильевна подняла стопку тетрадей. – Я хочу сказать, что сочинения Федоровой и Кошкина – лишь малая толика того, что здесь написано.

Класс насторожился.

– А что, много двоек? – испуганно спросил Федяев.

– Есть и двойки. Вот сочинение Федяева. В предложении – «Чтобы оторвать папу от телевизора, нужно притащить подъемный кран» – сделано семь ошибок.

– Опять двойка, – сокрушенно проговорил Федяев. – Уже третья подряд. Прямо наваждение какое-то.

Ирина Васильевна медленно перебрала тетради.

– Я хочу, чтобы у нас сегодня состоялся обстоятельный разговор. И не только о двойке Федяева...

Класс опять загудел.

Родительское собрание продолжалось...

1979 г.

Кроссворд

Началась эта история с того, что, придя после работы домой, Иван Петрович Пузырев застал первоклассника Сережу Пузырева за составлением кроссворда.

Обойдя раза два стол, за которым сосредоточенно сопело его чадо, Пузырев-старший отважился, наконец, раскрыть рот и осторожно позвать жену.

– Лида, ты видела, чем занимается наш пузырек? Никогда не догадаешься – кроссвордом!

– Что же здесь удивительного? Сережа – мальчик очень развитый, – отозвалась из кухни Лидия Михайловна и снова загрохотала посудой.

– Да, но чтобы составить кроссворд, надо затратить столько интеллектуальной энергии и жизненного опыта, сколько и у взрослого человека не хватит, – сказал вполголоса скорее самому себе Пузырев-старший и подсел к сыну. – Ну-ка, ну-ка, покажи, что ты тут натворил.

Пузырев-младший устало откинулся на спинку стула и протянул отцу большой лист бумаги.

– На, попробуй, разгадай.

– Интересно, – сказал Иван Петрович и погладил сына по головке. – Молодец ты у меня.

Тот пожал плечами, встал и подошел к окну.

– Та-а-ак, что у тебя здесь вначале... «Десять рублей с получки», – прочитал Пузырев-старший и поднял глаза. – Семь букв... Ты что, червонец имел в виду?

– Нет, – мотнул головой Пузырев-младший. – Там же написано – с получки.

– Ну и что? – Иван Петрович почесал затылок. – А ты не мог ошибиться?

– Нет, – опять мотнул головой Пузырев-младший. – Если очень трудно отгадать, открой свою записную книжку и загляни под обложку.

– Тише ты, кроссвордист, – испуганно произнес Пузырев-старший и настороженно прислушался к звукам на кухне. – Так бы и говорил сразу.

Взяв карандаш, Иван Петрович аккуратно вписал в клеточки первое разгаданное слово – «зачачка». Переводя дух, посмотрел на сына:

– Наблюдательный ты у меня... Ну, ладно, что там дальше идет... «Объект папиной любви»... Что-о-о? Опять папу вспомнил? ... Это что, весь кроссворд так? – Пузырев-старший снова посмотрел на сына, покачивая головой.

– Нет, – спокойно ответил Пузырев-младший. – Это только по горизонтали.

– Ну, ну, и на этом спасибо, – Иван Петрович опять уткнулся в лист. – Та-а-ак... Ладно... «Объект любви»? ... Ага... Впишем – «мама»... Вот те раз, не подходит...

Пузырев-старший мелко застучал пальцами по столу.

– Что ты тут напридумывал? ... Почему «мама» не подходит?

– Потому что не подходит! Потому что не «мама»!

– Странно.

Здесь Пузырев-старший, пораженный какой-то страшной догадкой, застыл, широко раскрыв рот.

– Как? Т-ты, т-ты ее тоже видел? – тихо спросил он минуты две спустя, проводя дрожащей рукой по вспотевшему лбу.

– Конечно, – равнодушно ответил Пузырев-младший. – Иначе бы не написал.

Иван Петрович угрюмо уткнулся в кроссворд, считая что-то на пальцах.

– Но послушай, – он вдруг закричал, привставая. – Она тоже не подходит.

– Как это не подходит? – Пузырев-младший подошел к письменному столу. – Ха... Вот видишь, все подходит. Шесть букв – «газета»...

От выдоха Ивана Петровича слегка зазвенели оконные стекла.

– Ты что, в могилу меня собрался загнать своим кроссвордом, – сказал он, взявшись рукой за сердце, но уже улыбаясь. – И действительно, как это я сразу не догадался, что «газета»... Да-а, ну и сыночек у меня растет...

– Посмотри дальше, там совсем нетрудно, – попытался оправдаться Пузырев-младший.

– Нет уж, спасибо... Попробуй тут угадай... Вот опять – «мой любимый родитель», – Пузырев-старший улыбнулся самому себе. – Та-ак... Впишем – «па-па»... Не под-хо-дит...

Последнее слово Иван Петрович произнес очень сурово и почему-то по слогам.

– Ты что, надо мною издеваться вздумал? Что это еще за «любимый родитель» из девяти букв? Ну? ... Ты что, не знаешь, что в слове «папа» – всего четыре буквы?

– Значит, не «папа», – обиженно возразил Пузырев-младший. – Раз не подходит.

– А кто же? – удивился Иван Петрович и озабоченно почесал затылок. – В слове «мама», между прочим, тоже четыре буквы.

– Значит, и не мама.

– Нет, это просто какое-то безобразие, – Пузырев-старший стал быстро-быстро ходить по комнате. – Отец с матерью для него никто. Выдумывает постоянно какие-то глупости... Кстати, как там твои дела в школе?

– Пятерки... Можешь посмотреть, – Пузырев-младший достал из портфеля тетрадки.

– Ладно... Поговорим как мужчина с мужчиной, – Иван Петрович остановился напротив сына. – Кого ты имел в виду? Только честно...

Пузырев-младший опустил голову и тихо-тихо сказал:

– Телевизор...

– Что-о? ... Вот этот ящик? – Пузырев-старший развернулся и посмотрел на стоящий в углу «Горизонт». – Странно. Я почему-то об этом не подумал.

Здесь в комнату вошла Лидия Михайловна.

– Мальчики, пора ужинать, – сказала она и потрепала Сережу за волосы. – Ну что, разгадал папочка кроссворд сыночка?

– Разгадал, – вздохнув, выдал из себя Пузырев-старший и пошел на кухню.

1979 г.

Антигравитация

Сразу же после звонка Надежда Васильевна, молодая учительница физики и классный руководитель, вошла в свой шестой «Б». Окинув строгим взглядом класс, она открыла журнал

– Кого у нас сегодня нет на уроке? – спросила она ребят, едва отошедших от коротких радостей только что закончившегося перерыва.

Класс безмолвствовал, ибо не было у шестиклассников учителя более строгого, чем на уроках физики.

– Так, так, кажется, нет Пузырева, – сладким голосом сказала Надежда Васильевна и что-то отметила у себя в журнале.

– А кто скажет, какая у нас сегодня тема занятия? – попыталась выбить искру взаимопонимания из опустивших головы шестиклассников молодая учительница, однако безмолвие было монолитным и сплоченным.

– Хорошо. Если вы забыли тему, которая задавалась вам на дом для самостоятельной работы, я вам ее напомним, – в голосе учительницы почувствовались нотки, не предвещавшие ничего хорошего. – Итак, гравитационное поле Земли. Кто готов отвечать?

В этот момент дверь в класс отворилась, и на пороге появился Сережа Пузырев с небольшим свертком в руках. По рядам парт пробежал вздох облегчения. Внимание учительницы сосредоточилось теперь только на опоздавшем.

– Очень хорошо, что ты пришел, Пузырев. Вот, ты нам и расскажешь сейчас о силах гравитации, – сказала Надежда Васильевна и жестом пригласила Сережу выйти на середину класса.

– Надежда Васильевна, я не только расскажу, но и покажу, – запальчиво, с горящими глазами начал объяснять Пузырев, разворачивая свой сверток. – Я ведь, собственно, из-за этого и опоздал сегодня на урок, что задержала меня вот эта штука.

Он достал и показал всему классу небольшую металлическую пластину с несколькими кнопками.

– Понимаете, очень уж меня заинтересовала вчера эта тема, – продолжал Пузырев. – В самом начале параграфа написано, что антигравитация в обычных земных условиях не существует. Дескать, абсолютно все предметы притягиваются Землей. Вот я и задумался: так ли это? И посмотрите, к какому выводу пришел...

Сережа положил свою металлическую пластину на пол, встал на нее, нажал ногой на кнопки в ней, и она медленно приподняла шестиклассника едва ли не до потолка.

– Понимаете, если хорошо поискать, то, оказывается, можно найти антигравитацию и в наших обычных условиях, – убежденно говорил Пузырев с набранной высоты. – Главное – начать сомневаться в том, к чему мы просто привыкли, и хорошенько подумать.

В классе стало нарастать возбуждение. Новинка Пузырева понравилась всем. Видя, что она начинает терять контроль над шестым «Б», Надежда Васильевна постучала карандашом по столу и ледяным тоном обратилась к возмутителю спокойствия:

– Во-первых, прекрати этот балаган и сейчас же опустишь на пол. Мало, что ты опоздал, так хочешь еще и урок мне сорвать. Во-вторых, отвечай заданную тему, – сказала она и с легкой иронией добавила. – Про так называемую антигравитацию в учебнике нет ни единой строчки. Так что попрошу отсебятину мне не рассказывать.

– Какая же это отсебятина? – опутившись на пол, спросил удивленно Пузырев. – Просто из учебника следует понимать, что антигравитации нет, а я говорю, что есть.

На лицах шестиклассников появились улыбки, которые грозили перерасти в ураганный хохот.

– Я повторяю, – в голосе Надежды Васильевны звенел металл. – Или ты будешь рассказывать то, что задавалось на дом. Или получишь то, что заслужил своим ответом.

– Я же и говорю, – попытался оправдаться Пузырев. – Как только прочитал в самом начале параграфа, что силы притяжения Земли действуют абсолютно на все предметы, так меня это и заело. Весь вечер мучился вчера, пока не придумал вот это.

И он показал на лежавшую под ногами пластину.

– Словом, ты хочешь сказать, что так и не дочитал вчера заданный параграф до конца, – жестко расставила все по своим местам Надежда Васильевна.

– Выходит, что не дочитал, – угрюмо ответил Сережа, печально опустил голову и замолчал. Глаза его потухли.

– Значит, получишь то, что заслужил, – торжественно объявила учительница физики и вывела в журнале жирную двойку. – Можешь сесть на место... Да, и передай родителям, что я хочу с ними встретиться...

Увидев выставленную отметку, Пузырев расстроился окончательно. Безнадежно махнув рукой, он нажал каблучком на кнопки пластины и медленно вылетел в раскрытое окно...

1984 г.

Задача

Мигреньев-старший, уютно устроившись в кресле, дремал возле бормотавшего что-то свое телевизора. По экрану проносились в разноцветных костюмах фигуристы, слышалась ритмичная музыка, приятно дополнявшая этот тихий воскресный вечер. И от этого дремать было вдвойне хорошо.

Вдруг кто-то тронул Мигреньева-старшего за рукав. Он нехотя открыл глаза и увидел свое чадо – пятиклассника Мигреньева-младшего – с задачкой по математике в руках.

– Папа, у меня ответ в задаче почему-то не сходится, – чуть слышно прошептал сын, вторгаясь в блаженную дремоту отца. – Сколько раз с самого начала брался решать, ничего не выходит.

Мигреньев-старший сладко потянулся в кресле, ласково растрепал сыну волосы на голове и мягко ответил:

– Ладно, чего уж там, давай помогу. Читай условие задачи.

Мигреньев-младший обрадовался, тут же открыл книгу и начал читать:

– В машину загрузили два кубометра цементного раствора. На первой стройке шофер выгрузил сто килограммов, на втором объекте – еще двести пятьдесят килограммов. На третьем и четвертом – раствор не приняли. Спрашивается: сколько кубометров ценного строительного материала шофер привез обратно в растворный узел?

Мигреньев-младший закончил чтение и вопросительно посмотрел на отца. Тот почесал затылок и улыбнулся:

– Какая интересная задача. Просто из моей практики. Я на своем грузовике, знаешь, сколько этого раствора перевозил.

– Поэтому я к тебе и подошел, – живо ответил сын, поправляя очки. – Думаю, может практика твоя подскажет правильный ответ.

– Да-а, это же надо, – захихикал Мигреньев-старший, но через несколько секунд с абсолютно серьезным видом начал объяснять. – Ты уже, наверное, понял, что вся изюминка этой задачи заключается в том, чтобы правильно перевести объем раствора к показателю его веса. Умеешь это делать?

– Вообще, да, через удельный вес, – ответил Мигреньев-младший и открыл тетрадку, чтобы показать свои расчеты.

– Подожди, ты лучше меня послушай, – остановил его отец. – Тут ведь очень сложная механика. Все зависит от того, кто тебе этот раствор на узле отпускает. Если Гаврилыч, у которого дома недостроенный гараж стоит, то тогда удельный вес раствора будет на деле, безусловно, меньше, чем это написано в накладной.

– Но в задаче про личные гаражи ничего не сказано, – сказал Мигреньев-младший, вновь углубившись в учебник.

– Это, конечно, странно, но ладно, – оптимистически заявил Мигреньев-старший. – Будем считать, что раствор мы получили через автоматический дозатор. Здесь уже все должно быть без подвоха. Если, разумеется, дозатор совершенно новый и его не успели еще переналадить местные «рационализаторы». Значит, на двух объектах мы раствор оставили, а на двух других его не приняли. Неудачно, выходит, попали. Либо перед обедом приехали, что никого на стройке не нашли, либо в день полочки. А это, сынок, святое дело. Особенно везет, когда деньги с утра дадут. Можно сказать, получается дополнительный выходной. Тут уж о растворе и думать забудь.

– Да, приходится везти обратно, – подумал вслух Мигреньев-младший.

– А вот здесь меня большое сомнение берет. Что это за вопрос такой в задаче: сколько ценного строительного материала шофер привез обратно? – сказав это, Мигреньев-старший расхохотался во весь голос. – Впервые слышу о таком шофере, который бы готовый раствор обратно повез. Во-первых, кому этот раствор на том узле нужен? Все документы на его вывоз уже оформлены, а на обратный ввоз никто их оформлять не будет. А если и начнут по глупости, то получают каменную глыбу. Раствор же твердеет. Во-вторых, у шофера что, своей дачи нету, так эту задачку надо понимать? Абсурд какой-то!

– Про дачу в условии тоже ничего не сказано, – пожал плечами Мигреньев-младший. – А ты имеешь в виду и нашу дачу?

Мигреньев-старший очень странно и пристально посмотрел на сына и еще медленнее произнес:

– Мы нашу дачу построили давно, еще до издания этого учебника. Так что наша дача здесь не при чем. Ты меня понял?

– Но ведь и тогда ты работал на своем грузовике, – попытался выяснить правду Мигреньев-младший.

– Работал, – осторожно ответил Мигреньев-старший и тут же разозлился. – А вот задачку твою я решать не стану. Не задача, а фантастический рассказ какой-то. Везти раствор обратно? Это же надо додуматься до такого...

1984 г.

Урок труда

– Ребята, а сейчас я вам покажу самого знаменитого человека в нашем механическом цехе, – услышал Федяев, проверяя точность изготовления только что выточенной детали.

Это был голос старшего мастера Мигреньева. А через несколько секунд он и сам появился в проходе между станками. За ним шла огромная ватага школьников. Ребята восхищенно смотрели по сторонам вместе с молоденькой учительницей, которая замыкала это необычное шествие.

– Вот, ребята. Этот человек, о котором я вам говорил, работает здесь, – громко, чтобы услышали все, объявил Мигреньев и подошел к Федяеву вплотную, обнял его за плечи и уже гораздо тише добавил. – Старик, я здесь с пятиклассниками из подшефной школы урок труда провожу. Ты уж извини, что я тебя немного от дел оторву. Понимаешь, нужен мне для убедительности хороший положительный пример молодого, современно мыслящего рабочего, который сразу после школы к нам на завод пришел.

– О чем разговор, Степан Степанович, – расплылся в улыбке Федяев. – Я весь в вашем распоряжении.

– Вот, и хорошо, – произнес Мигреньев и обернулся к школьникам. – Ребята, вот это и есть наш ас, наш «профессионал резца». Леня Федяев. Я уже вам многое о нем рассказал. За несколько лет он достиг больших высот рабочего мастерства.

Школьники смотрели на растерявшегося Федяева, а молоденькая учительница, протиснувшись вперед, спросила:

– Товарищ Федяев, а вы не могли бы показать нам, как вы работаете?

– Конечно, могу, – ответил Федяев и посмотрел на старшего мастера. Тот подмигнул ему и сказал, обращаясь ко всем:

– Скажу вам по секрету, ребята, что Леню у нас в цехе называют местным Левшой. Знаете, такого русского мастера?

– Знаем, – хором ответили школьники.

– Так вот, Леня умеет вытачивать на своем станке такие детали, которые бы сделали честь самому Левше.

– Ну, вы уж и скажете, – зарумянился от похвалы Федяев.

– Я скажу, а ты покажешь, – игриво заметил Мигреньев. – Ну-ка, свою «фирменную» выточи нам.

Федяев потянулся за огромной заготовкой. Едва оторвав от пола, он вставил ее в станок, закрепил, надел предохранительные очки и, бросив быстрый взгляд на школьников, открывших от изумления рты, начал обработку. Через несколько минут на его ладони лежала крохотная, едва различимая невооруженным глазом деталюшка.

– Ювелирная работа, – авторитетно сказал Мигреньев.

– Какая красота! Из глыбы грубого металла – произведение искусства, – подтвердила молоденькая учительница и потянулась за деталькой, чтобы получше ее рассмотреть. Но та вдруг выпала из рук Федяева и смешалась с металлической стружкой, покрывшей все вокруг толстым ковром.

Учительница ахнула от неожиданности, а стоявшие впереди школьники бросились разгребать стружку. Но их остановил Федяев.

– Вы уж не ищите, ребята, бесполезно. Ее там невозможно будет найти, – сказал он. – Я вам лучше еще одну такую же выточу. Мне это мигом...

И он потянулся за новой заготовкой.

Урок труда продолжался...

1984 г.

Металлолом

Шестиклассник Сережа Пузырев вбежал в комнату прямо с улицы радостный и возбужденный

– Мама! – закричал он. – Мы сегодня первое место заняли по сбору металлолома. Наш класс похвалили. И, может быть, наградят грамотой

– Молодец, сынок, – отозвалась из кухни мама. – Раздевайся и мой руки. Я тебе по такому случаю готовлю вкусный ужин.

– Поздравляю, – сказал, отрываясь от свежей газеты, Пузырев-старший, сидевший тут же в мягком кресле.

Он по-мужски пожал сыну руку.

– Весь в отца растешь, – добавил довольный Пузырев-старший. – И это правильно. Надо заботливо, по-хозяйски относиться к металлу. Знаешь ведь, какое огромное значение придается сейчас правильному его использованию в стране. Недаром металл называют хлебом индустрии. Собирая металлолом, вы делаете очень полезное, нужное нам, старшим, дело. Это – ваш пионерский вклад в борьбу за экономию материальных ресурсов.

Внимательно слушая, Пузырев-младший стал медленно раздеваться.

– Знаешь, папа, – сказал он не без гордости, – почти так же нас похвалили и в пункте приема металлолома. Очень уж они все там удивились нашей находке.

– Вот как, – покачал головой Пузырев-старший. – Ну-ка, расскажи подробнее, что у вас там было сегодня...

– Вообще, нашел этот металл не я, а Жорка, – начал, захлебываясь от восторга, Пузырев-младший. – И знаешь где? Прямо возле вашего завода. Шел там как-то вчера, за что-то

зацепился ногой и упал. Посмотрел внимательно, а из земли металлический штырь торчит. Ну, и позвал нас с ребятами. Прибежали мы туда с лопатами. Стали копать. И достали из земли десять тонн металла. Всякого-всякого. Даже кран пришлось вызывать, чтобы все погрузить.

– Ого! – искренне удивился Пузырев-старший и оживился.

– Интересно, где возле нашего завода может лежать столько ненужного металла сразу?

– А вот посмотри, – Пузырев-младший взял лист бумаги и стал рисовать на нем план. – Это где-то метрах в ста пятидесяти от проходной.

– Где, где, – все еще улыбаясь, стал вникать в суть нарисованного Пузырев-старший. – Это у тебя что – старая котельная? А здесь что – склад?

– Точно, – подтвердил Пузырев-младший.

По мере того, как до Пузырева-старшего доходил смысл изображенного на схеме, лицо его начало менять окраску. Наконец, взгляд его оторвался от бумажки и устремился куда-то в пустое пространство. Дрожащими пальцами Пузырев-старший провел по неожиданно вспотевшему лбу и позвал слабым голосом жену:

– Лида, дай мне, пожалуйста, валидол...

Лидия Михайловна вбежала в комнату растревоженная.

– Что с тобой, дорогой? – спросила она, наклоняясь к Пузыреву-старшему.

– Плохо вот здесь, – ответил тот, указывая на левую часть груди. – Знаешь, что наделали эти шпингалеты?

Он глубоко вздохнул.

– Они сдали в металлолом все конструкции нашего будущего цеха. Мы их еще позапрошлой весной завезли. Чуть

выбили по импорту. Уникальное сборное здание. Да денег на финансирование стройки у нас тогда не было. Вот и сложили конструкции до лучших времен. А в первом в квартале мне этот цех сдавать в строй действующих надо. Уже и приказ на этот счет появился. Собирались мы за это дело через неделю-другую взяться. А теперь, значит, поставили под угрозу срыва рост мощностей нашего завода...

Пузырев-старший уже злыми глазами посмотрел на сына.

– Кто вас просил соваться не в свои дела? – спросил он и потянулся к ремню. – Где этот металл сейчас?

– В приемном пункте сказали, что сегодня же отправят на переплавку. Очень им наша находка понравилась, – ответил грустно Пузырев-младший и посмотрел в окно на зажженные уличные фонари. – Да, уже, наверное, и отправили. Мы ведь еще днем тот металл сдавали.

– Лида, я погиб! – прошептал Пузырев-старший и снова схватился за сердце. – С меня эти конструкции спросят, а что я смогу ответить? Что у меня сын, благодаря им, в несколько раз норму всей школы по сдаче металлолома перевыполнил?

Пузырев-старший нервно захихикал, затем встал из кресла и грозно двинулся на сына.

– Ты чего полез туда, куда не просят? Кто вас звал искать этот металл?

– Так ведь Жорка все начал, – с обидой ответил Пузырев-младший. – Сам же ты говорил, что металл – хлеб индустрии. И относиться к нему надо по-хозяйски.

– Да, говорил, хлеб, – раздражение Пузырева-старшего продолжало расти. – Только он тоже разный бывает, хлеб. Мягкий и черствый. Понял?

– Мягкий, черствый, – пробурчал Пузырев-младший. – Да ржавый этот ваш металл был. Его у нас чуть приняли. Сказали, что это, наверное, списанный валялся. Использованный давно. Что бы вы с ним сейчас делали, не представляю.

– Не твоя забота, – почти закричал Пузырев-старший, но мысль о списании ему явно понравилась. Он тут же сел за стол и начал что-то быстро подсчитывать.

С опаской посмотрев на отцовский ремень, Пузырев-младший на цыпочках вышел из комнаты...

1984 г.

Фотоаппарат

Когда Пузыреву-младшему исполнилось двенадцать лет, отец купил ему фотоаппарат. Вечером, когда вся семья собралась за праздничным столом, Пузырев-старший достал свой подарок откуда-то из укромного места и, торжественно вручая его имениннику, сказал:

– Очень хочу, сынок, чтобы этот фотоаппарат не превратился у тебя в руках в очередную игрушку, которыми наш дом забит до отказа. Я, к сожалению, не смог в свое время освоить фотодело. Поэтому тебе придется всему учиться самостоятельно. А чтобы ты чувствовал ответственность за эту дорогостоящую вещь, я через месяц устрою тебе экзамен и проверю, как ты научился обращаться с фотоаппаратом. Вот тогда мы и узнаем, полезный подарок тебе купили или нет.

...Месяц, как это обычно и бывает в жизни, пролетел незаметно. Честно говоря, Пузырев-старший позабыл о сказанном уже на следующий день после того праздничного вечера. Поэтому был в немалой степени удивлен, когда однажды, придя с работы домой, увидел на стенах квартиры развешенные фотографии. Снимков было много. Хватило и на прихожую, и на спальню.

«Откуда это?» – хотел спросить Пузырев-старший, но, увидев выглядывавшего из своей комнаты Пузырева-младшего, все вспомнил и осознал.

– Вот это, да! – только и смог сказать он и, еще не веря своим глазам, опустился в кресло. – Когда же это ты все успел?

Пузырев-младший, стесняясь, но не без достоинства ответил:

–Я не только это успел, папа. Мы с ребятами в школе выпуск фотогазеты уже наладили. «Зоркий объектив»

называется. Старшеклассники помогли нам специальный стенд оборудовать прямо на улице. И каждые десять дней мы вывешиваем туда новый номер

– Сколько же это у вас номеров за месяц вышло? – спросил Пузырев-старший, уже приходя в себя.

– Два. Почти все фотографии из этих фотогазет я и принес показать. Специально для тебя по лишней карточке сделал.

– Молодец, – похвалил сына Пузырев-старший и похлопал его по плечу. – Ну-ка, показывай свою выставку.

Они подошли к фотографиям. На первой была запечатлена какая-то страшная картина: на огромной площадке валялось множество обезображенных, ржавых металлических конструкций, арматуры, болванок.

– Что это за марсианский пейзаж? – спросил Пузырев-старший, внимательно рассматривая фотоснимок и усмехаясь. – Сюда, наверное, и не ступала нога человека. Как ты туда добрался?

– Это, папа, мы на экскурсию к тебе на объект ходили. Я тогда только научился фотографировать. Вот и решил сначала тебя снять на пленку. Как родоначальника идеи с фотоаппаратом. Правда, тогда мы тебя на стройке не нашли. Какой-то дяденька с красным лицом объяснил нам про этот, как его... технологический перерыв. Интересно он у вас называется – перекур. Одного не пойму: при чем тут куры? Вы их что, разводите там? Мы ни одной не увидели... Я, как понял, что тебя не смогу сфотографировать, решил по-другому сделать. Как сказала наша учительница, получился фотозтюд – «Здесь работает мой папа». Все в школе отметили, что это – лучший снимок первого номера...

Выпалив все это на одном дыхании, Пузырев-младший посмотрел на отца. Улыбка у того медленно сползла с лица. Еще несколько минут Пузырев-старший смотрел на фотографию, затем перевел взгляд на сына.

– И где у вас висит эта газета? – спросил он глухим голосом.

– Висела. На стенде возле школы, – беззаботно ответил ничего не подозревающий юный фотолобитель. – Пока мы второй номер не повесили. А первый – забрали какие-то дяди. Они к директору школы специально за ним приезжали. Говорили, чтобы то ли на каком-то бюро, то ли на конференции показать.

– Да, интересно, – поморщившись, словно от зубной боли, негромко произнес Пузырев-старший, – где эта ваша газетка всплывет...

– Это еще что, – снова возбужденно заговорил Пузырев-младший. – У нас и второй номер забирают. Только уже другие дяди.

– И что у вас там сфотографировано? – насторожился Пузырев-старший.

– А вот посмотри, – юный фотолобитель подвел его к целой серии снимков у противоположной стены, пояснив при этом. – Понимаешь, папа, мы тогда после стройки решили с ребятами все-таки разыскать всю вашу компанию. И знаешь, где нашли? Вот здесь!

На одной из фотографий были отчетливо видны слова «Пивной бар».

– Это совсем недалеко от вашего объекта, – продолжал Пузырев-младший.

Дальше шла вереница весьма красноречивых снимков, на которых кое-где за пивными кружками среди многочисленных посетителей мелькало лицо и особенно рука Пузырева-старшего, периодически достававшая украдкой из-за пазухи пол-литровую емкость с какой-то светлой и, вероятно, не очень вкусной жидкостью. Разлив и выпив ее, друзья по столику долго морщились, почему-то пугливо озираясь по сторонам.

– Учительница сказала, что у нас получился фоторепортаж с места события. Его тоже признали лучшим – во втором номере. Видел бы ты, папа, сколько народа стоит сейчас каждый день возле нашей фотогазеты. И всем она очень нравится, – бодро закончил Пузырев-младший свой рассказ.

Внимательно изучив все фотографии, Пузырев-старший обмяк и тяжело опустился в кресло. Через несколько минут задумчивого молчания рука его потянулась к ремню. Но, увидев лицо юного фотографа, который с нетерпением ждал объективной оценки выполнения им уговора месячной давности, Пузырев-старший только щелкнул пальцами, почесал затылок и устало спросил:

– У вас уже и третий номер готов?

– Конечно, – пожал плечами Пузырев-младший. – Правда, все фотографии к нему остались в школе.

– А что, я и на них изображен? – рука Пузырева-старшего снова непроизвольно потянулась к ремню.

– Нет. На этот раз Славик Тюкин фоторепортаж про своего отца сделал. Как он дачу строит.

Эта информация немного развеселила совсем было впавшего в уныние Пузырева-старшего. Он даже рассмеялся и спросил:

– Интересно, наверное, получилось?

– Еще как, – с жаром ответил юный фотолобитель. – Славик все машины сфотографировал, которые привозили им стройматериалы, вместе с номерами.

– Молодец, ваш Славик, – заметил еще более веселым голосом Пузырев-старший. – Теперь его папой, вернее, вашим третьим номером «Зоркого объектива», я уверен, тоже чужие дяди заинтересуются.

– Может быть, – серьезно ответил вдруг Пузырев-младший. – Между прочим, две грузовые машины приезжали к ним с вашего объекта с бетоном, который предназначался вашей бригаде.

– Ты в этом уверен? – еще автоматически улыбаясь, спросил Пузырев-старший.

– Абсолютно.

– Да. Тогда не до смеха будет не только папе Славика Тюкина, – пробормотал Пузырев-старший. – Хорошо еще, что этот бетон прошел мимо меня... А бригадиру нашему теперь, пожалуй, не выкрутиться. Две машины бетона на мышей не спишешь... Говорил же ему, не будь жадным... Вот тебе и простой фотоаппарат...

Он посмотрел на юного фотолобителя, который никак не мог понять, отчего это его отец, разглядывая фотографии, во время разговора то покрывается красными пятнами, то хватается за ремень, то заразительно смеется, то вдруг просто грустно улыбается.

– Послушай, сынок, – как можно мягче произнес Пузырев-старший. – Вы, конечно, и дальше думаете с ребятами выпускать свою фотогазету?

– Да, это так интересно, папа. Ты просто не представляешь, какой переворот твой подарок совершил у нас в

школе. Целая очередь на фотоаппарат записалась. Все хотят заснять своих родителей.

– Еще бы, – вздохнул Пузырев-старший. – Стоит одному талантливо начать, тут же найдутся последователи и подражатели... Да-а...

Что-то обдумывая, он медленно прошелся по комнате, затем подошел вплотную к сыну.

– Знаешь, малыш, – сказал он, – я хочу тебе сделать новый подарок. Какой ты только пожелаешь. Но с одним условием: старый подарок ты вернешь мне обратно. Мне что-то тоже ужасно захотелось научиться фотографировать. Ну, не покупать же нам для этого второй фотоаппарат. Согласен?

Глаза Пузырева-младшего заблестели.

– Папа! – голос мальчика задрожал, так как никогда еще юный фотолобитель не был так близок к осуществлению своей новой прекрасной мечты. – Папа, тогда купи мне, пожалуйста, кинокамеру. Я такой фильм сделаю про вашу стройку, ты упадешь...

– Скорее сяду, – глубокомысленно изрек Пузырев-старший, реально взвесив возможные последствия такого подарка.

1985 г.

Ох, и трудно!

Дед Мороз сел и вытер пот со лба.

– Вот она, наша доля. Ох, и трудно же мне.

Снегурочка, не отрываясь от зеркала и поправляя губки, насмешливо переспросила:

– Что ты, старый, маешься? Иль к пенсии решил сворачиваться?

Дед Мороз посмотрел мимо нее:

– Я вот думаю, нечего мне здесь место держать. Стар я, это точно. И вот этим – особливо, – он постучал себя по лбу. – Сейчас на моем месте нужен молодой, энергичный, умный, красивый.

– Вот это точно, – Снегурочка от удовольствия даже зажмурилась. – Дед Мороз в современной трактовке должен быть Принцем... За принцессой дело не станет.

– Правда, молодые-то, в основном, наглые попадают сейчас. Так и норовят... Но, если бы дело знал, хоть сегодня уступил бы...

Снегурочка опять надулась в зеркало:

– Что это сегодня с тобой? Неприятности какие случились вчера? А?

– Может, и случились, тебе-то что? О-ох! – он оперся на посох, отодвинул мешок с подарками в сторону. – Как времена меняются. Вчера простому плюшевому медвежонку были рады. Сегодня, поди ты... Не хотим, говорят, видеть этот исчезающий вид животного у себя в квартире. Видите ли, интерьер портит. Рождает в нас, говорят, резко отрицательные эмоции, что сразу отражается на снижении тонуса. Вот ведь как научились говорить.

– Кто это тебе сказал?

– Санька из седьмой квартиры. Пять лет... К Семеновым вообще идти нельзя. Да и сам не пойду туда.

– Что, Петьки испугался? Он же еще в школу не ходит.

– Да, испугался... Метафизный, говорит, дед ты. По своей природе абсурден. Кто твой отец, кто мать? Конкретно. Ну? Сказки о духовном зачатии брось. Даже денег, говорит, за свою работу не получаешь. Все бороду пытается мне прижечь: настоящая или нет...

– Да что с них взять – дети еще, – попыталась найти выход Снегурочка.

– А в сказки уже не верят, – мрачно изрек Дед Мороз, поднялся и направился к очередной квартире. – Трудно им придется...

1975 г.

Все резервы – в дело

Кто-то скажет – феномен, а я скажу – веление времени. Что же тут необычного – золотое яичко. Посмотрите вокруг себя – эпоха головокружительного научно-технического прогресса. А мы еще продолжаем удивляться таким, по сегодняшним меркам, примитивам. И детям голову забиваем информацией, уже совершенно не отвечающей современным стандартам.

Меня могут оспорить. Мол, как это так, такие разговоры о классике сказочного производства. Готов поспорить.

Чего мы можем добиться этой сказкой, когда дети наши уже перестали удивляться сверхзвуковым пассажирским лайнерам. А мы пытаемся выдать им за некое чудо элементарную, хотя и немного необычную, комбинацию куриных генов. Не кажется ли вам, что этой сказочкой из области генетических парадоксов только обнажаем в глазах малыша свою инфантильность. Представляемся ему такими информационными дилетантами. Не знаю, как вас, а меня это очень смущает.

Сказка – тот жанр, который уже в раннем детстве может использоваться нами, людьми, искренне озабоченными развитием подрастающего поколения, в качестве приема для создания в мозге ребенка научно-обоснованной базы знаний. Но посмотрите, как обстоят дела в этом отношении сегодня. Все пущено на самотек. В детских коллективах бытуют какие-то сомнительные, не подтвержденные экспериментом сказочки. За примером далеко ходить не надо.

Тот же колобок. Безусловно, многое располагает к нему. Повествование ведется легко, без нажима и стилистических погрешностей. Но давайте задумаемся. Колобок – это же уникальный объект. Вот и дай, уважаемый автор, нам хотя бы

примитивную схемку, принципиальное устройство этой одноосной стабильной динамической системы. И тогда каждый малыш скажет тебе: «Спасибо!»

Ребенок тянется к знаниям. Сегодня мало его интерес заполнить действием сказки: «Я от бабушки ушел...». Маленького гражданина может заинтересовать социальная подоплека событий. Ведь налицо существование острейшего конфликта во взаимоотношениях личности и коллектива. А ведь в сказке ответа он не найдет. Что мы предлагаем ему сегодня? Элементарный перечень уходов колобка из разнообразных социальных сред, примитивные диалоги.

Хватит примеров. По-моему, все ясно. Сегодняшний день – это эпоха нового подхода к действительности во всем. И мы должны это учитывать даже в таком деле, как воспитание нового человека, в такой проблеме, как современная сказка.

1980 г.

Драма ближе к ночи (Записки дошкольника)

Два раза в месяц одна из стен нашей квартиры тихо вибрирует. За этой стеной живут наши соседи. Люди широкой души и глубокого интеллекта.

Вибрация начинается где-то к ночи, когда папа уже отрывает свой взгляд от телевизора и с тяжелым сердцем идет в ванную мыть ноги. За соседней стеной раздается два-три громких крика и оглушительный звон разбиваемой посуды. Как говорит мама, у Егоровых сегодня спектакль.

Разыгрывается драма из семейной жизни. Я не знаю автора этой вещи, но, думаю, писал ее человек, досконально разобравшийся во всех конфликтах, происходящих в современной семье. Сегодняшняя постановка на моей памяти уже двадцать вторая.

Главная роль, это уже добрая традиция, приходится на долю главы семейства – дяди Андрея. Прямо скажу, нелегкая роль. Но играет ее дядя Андрей, что называется, в охотку. У него приятный бас с большим диапазоном звучания. Его репризы звучат отточено и к месту. Его герой – современный бунтарь. Он бунтует против пошлости и мещанства. Его широкая натура буквально задыхается в этой рутине, безликости, будничности дней. Он твердо убежден, что каждый день – это праздник. Праздник души. Герой дяди Андрея рвется к чему-то светлому и радостному. И еще он страшно презирает деньги. Хотя мне приходится только слушать, я великолепно представляю, как дядя Андрей бросает в лицо всем эту ключевую фразу:

– Деньги? Вы требуете у меня деньги? ... На каком основании? А если у меня нет денег? ... Что тогда?

Уверен, этим вопросом он ставит всех в тупик. И, прежде всего, героиню тети Клары, жену дяди Андрея, которая очень точно и прочувствованно ведет свою роль. Честно говоря, я никогда не подозревал в тете Кларе такой удивительный талант перевоплощения. Судя по грохоту падающих и разбивающихся предметов, она прекрасно двигается и превосходно владеет механизмом эмоционального потрясения и взрыва своей героини. Она антипод. Именно в ее адрес сыплет герой дяди Андрея свои обвинения. Он осуждает в ней хищническое стремление завладеть чужими деньгами. Она использует для этого самое сильное оружие женщины – горькие слезы. В понимании героя дяди Андрея, жизнь – это гораздо более широкие горизонты, чем какая-то заработная плата. И он со всем жаром души противится этому стремлению к обогащению. Не только противится, но и активно борется. Вся борьба его выплескивается в пронзительный крик души:

– Пропью... Все пропью... До копейки...

И он подтверждает это сильным ударом в нашу общую стену. Меня присыпает штукатуркой, так что я становлюсь невольным участником постановки, ее вторым планом. Здесь не выдерживает мама. Она вытаскивает меня из-под слоя осыпавшейся штукатурки и говорит отцу:

– Александр, ты должен повлиять. Этот хулиган сейчас прошибет стену.

– А что я могу сделать? – папа нехотя высовывается из-под одеяла.

– Как это что? Разве ты не слышишь, что у них там творится? Всю мебель, наверное, переломали.

– Ну, и на здоровье. Это их личное дело – ломать или не ломать.

– Разве ты не понимаешь, что мы невольные соучастники преступления? Мы равнодушны к чужой беде...

Кажется, действие спектакля переносится в нашу квартиру. Если за стеной все приближается к развязке – там уже должны позвонить в милицию – у нас все только начинается. Так сказать, второй акт. Папа нервно выскакивает из постели и убегает на кухню. Мама быстренько укладывает меня и убегает туда же. Такое у них правило: при ребенке не ругаться. Его, то есть меня, можно этим испортить.

Я не знаю, что происходит на кухне. Но даже благодарен автору этой пьесы, что он оставляет меня в неведении относительно финала, позволяя мне додумать, дофантазировать самому. Наполненный веселыми и грустными мыслями я засыпаю.

И вижу удивительные сны.

1978 г.

Плоды воспитания (Записки дошкольника)

В воскресенье после завтрака отец как-то странно посмотрел на меня и задумчиво произнес:

– Лида, а тебе не кажется, что мы совершенно забыли о воспитании своего ребенка, о формировании у него правильного мировоззрения.

– Мне трудно об этом судить. Ты же знаешь, у меня еще море работы, – ответила моя мать откуда-то из-за пишущей машинки.

– Вот-вот, море работы даже в выходной день. Что же говорить о буднях? А ведь ребенку необходимы внимательные родители, чуткие ко всем проявлениям становления подрастающей личности, – отец сладко потянулся на диване и продолжил. – Ты знаешь, кто может вырасти у нас в семье при таком отношении к ребенку? Лида, ты меня слышишь?

– Александр, ты же прекрасно понимаешь, что у меня очень много работы.

– Вот-вот. При таком отношении к ребенку в нашей семье создается благоприятная почва для выращивания самого заурядного обывателя, – отцу очень нравится эта мысль, и он, поудобнее устраиваясь на диване, продолжает. – И знаешь, Лида, чем страшен обыватель?

– Александр, я же тебя просила!

– Вот-вот, не знаешь. Обыватель страшен прежде всего отсутствием духовных интересов, высокой цели в жизни. Вот скажи, Анатолий (это он мне), тебе чего-нибудь хочется сейчас?

– Нет, – чистосердечно признаюсь я и продолжаю наблюдать за мухой, которая никак не может сесть на мягкий

подбородок отца. Он лениво отгоняет ее рукой уже минут десять. Это занятие доставляет ему явное удовольствие.

– Вот видишь, Лидия, ребенку три с половиной года, а ему уже ничего не хочется. Печальные плоды бездумного воспитания. А ведь через несколько лет все свои сегодняшние упреки мы будем адресовать школе, совершенно забывая о своих воспитательных функциях. Ты улавливаешь диалектику моей мысли, Лидия?

Я вижу, как резко появляется из-за пишущей машинки моя мать. Лицо серое. В руке скомканная сигарета. Не глядя на нас, она быстро проходит в кухню. Известное дело – при ребенке не ругаться...

– Вот-вот. И попробуй после этого поднять серьезную педагогическую проблему, – приглушенно ворчит отец и переворачивается на другой бок. – Работы всегда много, а вот ребенка проглядели. Обыватель растет в доме, а мы и не волнуемся, – и он сладко зевает.

Муха, очевидно, испугавшись новых движений отца, отлетает слишком далеко.

«Уже не вернется», – с грустью думаю я и перевожу взгляд на лицо отца. Оно постепенно розовеет от безмятежного сна.

1978 г.

На грани вдохновения (Записки дошкольника)

В дяде Жоре я подозреваю папиного одноклассника. Это – человек с большой черной бородой и длинными волосами. Мама как-то заметила, что ему, наверное, кто-то всадил косую сажень в плечи. Правда это или нет, не знаю. Сами понимаете, как надо относиться к словам женщины. Но факт есть факт. Дядя Жора – мужик-молоток.

Он часто приходит к нам и берет меня на руки. Но еще чаще он разговаривает с папой. Говорит он громко, внятно и, наверное, правду. Чтобы соседи и те поняли, что есть на свете еще честные люди.

Начинает дядя Жора разговор, как правило, с малопонятной мне фразы:

– Санек (это он моему отцу), понимаешь, накатило опять. Вот послушай.

В эту минуту я представляю дядю Жору с руками, прижатыми к груди. И еще его глаза – жалкие, как у побитой собаки, но гордые. Дядя Жора начинает что-то читать. Здесь с его голосом происходят странные метаморфозы (хорошее слово, я его узнал совсем недавно от папиного друга – синоптика). Он то всхлипывает, как тонюсенький весенний ручеек, то гремит, как вышедшая из берегов горная река. Дядя Жора читает о весне и о любви. Ему тридцать пять лет, но чувство любви он называет вечным и постоянно изменяющимся. Последняя жена ушла от него полтора года назад. Но дядя Жора, как я уже сказал, мужик-молоток. Не хандрит.

– Ну, Санек, что ты скажешь оседлавшему Пегаса, – говорит дядя Жора после того, как кончает читать, и внимательно смотрит на моего отца. В полуоткрытую дверь я

вижу, как мой отец медленно прохаживается по комнате, о чем-то размышляя, хотя, на мой взгляд, размышлять здесь абсолютно не о чем. Затем как-то сбоку подходит к дяде Жоре и долго бьет своей ладонью по его плечу.

– Знаешь, Жора,.. Ты же здоровый парень... Зачем тебе это надо. Ты же у станка три нормы играючи дашь.

– Опять ты за старое, – говорит дядя Жора и закрывает голову руками. – Неужели ты не ощущаешь, как меня распирают образы, строфы. Во мне клоочет что-то есенинское. Понимаешь? Я же это чувствую каждой клеткой своего организма.

– Не знаю, не знаю, – говорит мой отец. – Я не специалист в этой области. Мне трудно судить о твоих вещах. Поговори со специалистами. Уж они-то скажут.

– Специалисты? ... Они слишком привыкли к стандартам. Что же мне делать, если я не похож ни на кого, если меня невозможно подогнать под общую мерку.

Я вижу, как трудно даются моему отцу такие разговоры.

– И все же, Жора, я уверен, у нас на заводе из тебя вышел бы толк. Я бы поговорил с ребятами.

– Завод, завод... Что мне ваш завод...

Я вижу, как у дяди Жоры вытягивается лицо.

– Не расстраивайся, Жора. Наверное, я все же плохо разбираюсь в стихах, – мой отец ободряюще хлопает дядю Жору по плечу. – О! Толька! Что ты тут делаешь?

Это он заметил меня, подглядывающего за ними.

– А знаешь, это идея. Самое непосредственное восприятие – детское. Прочти-ка свою стихи моему пузырю, – весело говорит мой отец и хватает меня под руки.

– Ты думаешь? – говорит дядя Жора и в его голосе я чувствую слабый огонек надежды. Он берет меня на руки и начинает читать по новой.

Вот этот миг, из-за которого стоило торчать битый час под дверью. Вот когда я могу взять в руки эту огромную черную бороду и что есть силы дернуть. Это приводит меня в такой неописуемый восторг, что слабый огонек надежды в глазах дяди Жоры превращается в огнедышащий вулкан.

– Посмотри, он действительно понимает меня, – кричит дядя Жора моему отцу, опускает меня на пол, хватая свои рукописи и куда-то стремительно убегает. Куда? Папа говорит, что в редакцию. Странное слово. Я почему-то думаю, что это то место, где тоже придут в восторг от бороды дяди Жоры. И тоже захотят дернуть за нее.

1978 г.

Скользкая тема (Записки дошкольника)

Скажу честно: ее я откровенно ненавижу. И в этом очень здорово расхожусь во мнении с дядей Жорой, холостяком, старым другом моего отца. Когда он смотрит на тетю Симу, у него очень поэтично соловеют глаза, хотя он отнюдь не превращается по этой причине в соловья. В такой момент он обычно наклоняется ко мне и горячим шепотом, чтобы никто больше не слышал, говорит:

– Толька, взгляни, над созданием этой женщины трудились, наверное, поэты всей Земли. Ай, да, красота! С такими бедрами и не замужем. К чему мы идем, Толька!

Я не знаю, к чему мы идем, но дяде Жоре, судя по всему, надо давно уже возвращаться к своей последней жене. Так говорит моя мама, и я с этим в принципе согласен.

Но тетю Симу я все равно ненавижу. И когда она начинает ласково трепать меня за ушко, у меня появляется, как говорит, дядя Жора, желание. Желание сказать ей что-нибудь не очень приятное.

Любимое занятие тети Симы – говорить. Она давняя подруга мамы и поэтому говорит, как правило, с нею. Приходит она чаще всего по воскресеньям и сначала долго крутится перед зеркалом в новом платье, в котором пытается скрыть свои тридцать три года и выдать их за каких-нибудь двадцать. Потом она успокаивается, убедившись в очередной раз в бесплодности своих попыток. И тогда тетя Сима начинает этот разговор.

– И все же, Лидок, я тебя не понимаю. Как ты могла? ... Ты посмотри на себя. Ты же – очаровательна, у тебя высшее образование... И вдруг этот рабочий...

– Так уж получается, Сима. У меня, видимо, свое представление о счастье... Просто свое...

– Ах, Лидочка, это вообще – скользкая тема. Ведь счастья нет. Его выдумали писатели в восемнадцатом веке. Есть хорошая, отдельная, благоустроенная квартира с раздельным санузлом, есть ослепительный легковой автомобиль у подъезда, есть дача-дворец, в которой можно устраивать дипломатические приемы и вообще вести светскую жизнь. Все вместе это, может быть, и дает то, что мы сегодня называем счастьем... Разве не так? ... Ты знаешь, у Славика Кокурина из параллельного потока – уже пост начальника управления. Говорят, он делает головокружительную карьеру, а ведь как он приударял за тобой...

– Что ты, Симочка, все обо мне, да обо мне, – тихим голосом отвечает моя мать. – Обо мне говорить нечего. Я счастлива. Без легкового автомобиля, без дачи-дворца. А квартиру мы скоро получим. По очереди. От завода. Но у меня есть гораздо большее... У меня есть любовь, у меня есть Толька.

Здесь я краснею. И хотя меня никто не видит – я вожусь с игрушками под столом – я закрываю свои горящие щеки ладонями. Потому что тоже очень люблю свою маму.

– Глупая ты, Лидка, – снисходительно говорит тетя Сима. – Ты прошла мимо своего счастья. И заменила его каким-то суррогатом.

– Ах, Сима, Сима, – улыбаясь, отвечает моя мама. – Когда ты выйдешь замуж за хорошего человека, ты сразу поймешь, кем был и остался Славка Кокурин, делающий сейчас головокружительную карьеру.

– Он умеет жить – убежденно говорит тетя Сима. – Умеет брать от жизни самое главное, самое необходимое.

– В том числе и жену?

– Между прочим, он еще холост, – слегка таинственным голосом говорит тетя Сима. – Мы как-то встречались с ним недавно в довольно неофициальной обстановке.

– После дипломатического приема? – снова улыбается моя мать.

– Зря ты иронизируешь, – небрежно отвечает тетя Сима. – Это лучше, чем промасленный запах твоего мужа, этот страшный запах завода.

За такие слова, по моему мнению, можно уже бить. Но тетя Сима – близкая подруга моей матери. Поэтому все оборачивается милой шуткой. Тетя Сима смешно морщит нос, словно нанюхалась чего-то скверного, и говорит:

– Нет, Лидка, я тебя не понимаю. Твоего дурацкого максимализма. Я бы на такое никогда не решилась. Какой-то рационализатор шестого разряда. Тоже мне, муж называется.

– Не шестого, а пока пятого, – поправляет ее моя мать, поднимается с тахты и идет ко мне. Это значит, что меня уже пора кормить, хотя я, по правде говоря, уже по горло сыт одними разговорами.

– Пятого? Тем более, – кисло усмехается тетя Сима, обводит нашу комнату медленным взглядом и идет в прихожую одеваться. Затем она прощается: весело машет мне рукой. Я смотрю на нее и сквозь ненависть у меня появляется к ней какое-то чувство жалости. В сущности, она ведь хороший человек, только вот почему-то страшно не любит моего отца. И что он ей плохого сделал? Не знаю.

1978 г.

Экзамен (Записки дошкольника)

– Лида, по-моему, нашему мальчику пора устроить экзамен на предмет воспитанности, – сказал как-то в выходной день отец, подхватив меня под руки, словно взвешивая. – Он уже достаточно вырос, чтобы уметь вести себя правильно на людях.

– Вот и проведи, пожалуйста, этот экзамен, – ответила моя мать, выглянув из-за пишущей машинки. – У меня совершенно нет времени, а вот ты мог бы сводить ребенка в кино.

– Решено! Сегодня у нас экзамен по этикету. Мы идем в кино! – отец весело подбросил меня вверх. – Смотри, не подкачай, «студент». В зрительном зале не кричать, не плакать, не сморкаться...

Кино в выходной день – это здорово. И уже через полчаса мы шагаем с отцом к кинотеатру. Он тянет меня за руку, чтобы я не отставал и не слишком паялился на бегающих во дворе ребят. Конечно, с ними интересно во что-нибудь поиграть, но и с отцом сегодня неплохо. В его кармане обнадеживающе звенит медь. По крайней мере, меня ждет мороженое, если отец не встретит кого-нибудь из друзей своего детства.

Возле кассы отец лихо забрасывает меня на руки и агрессивно протискивается без очереди. Моя задача – сидеть у него на руках, максимально поджав ноги, и строить мину, которая только может быть у ребенка двух-двух с половиной лет, не тронутого еще волной акселерации. Мне скоро четыре. Согласитесь, возраст. Трудно быть переростком, но я уже научился достоверности в этой своей роли. И уже минут через десять мы вдвоем погружаемся в темноту зрительного зала и с нетерпением смотрим на экран.

– Ба! Я уже смотрел этот фильм! – обрадовавшись, громко говорит отец, увидев титры. Он наклонился ко мне, но, заметив, что меня больше интересует мороженое, обращается к соседке справа:

– Это такой фильм, скажу я вам! Они будут так любить друг друга! А потом она умрет!

Соседка справа – довольно молодая женщина – недоуменно пожимает плечами и продолжает смотреть на экран.

– Вы мне не верите? Я смотрел этот фильм совсем недавно и могу вас заверить, что помню все превосходно... Вот эта, в купальнике, будет с ними на яхте. А потом его убьют. И она выйдет замуж за того, с сигарой... Вот видите, он уже сейчас на нее нагло смотрит.

Здесь мой отец начинает громко хохотать.

– Вот этот кувшин она разобьет у него на голове. Представляете, вдребезги. А сейчас подумайте, сколько было дублей. И каждый раз по голове!

Отец не видит, а я вижу, что справа от молоденькой женщины сидит молодой с бычьей шеей мужчина и, нежно сжимая правую руку соседки, очень внимательно прислушивается к словам отца.

– А вот этот с выбитым передним зубом будет подслушивать под дверь, и ему выбьют еще один зуб ручкой двери. Представляете, сколько было дублей, чтобы снять этот эпизод, а сколько зубов для этого нужно иметь, – от удовольствия отец заходится в гомерическом хохоте и дружески хлопает молоденькую женщину по коленке. – Если бы вы только знали, какой это отличный фильм...

Я тоже вижу, что фильм сегодня отличный, и от удовольствия зажмуриваюсь. Считаю до десяти и открываю

глаза. Отца рядом уже нет, как нет и мужчины с бычьей шеей. И только минут через тридцать где-то у выхода из зрительного зала слышится чей-то голос:

– Толик, слыфыф? Пофли домой, Толик! Я здесь.

Я узнаю голос отца, срываюсь с места и бегу по чьим-то ногам к выходу, успокаивая его звонким ответом:

– Папка, я сейчас!

Все верно. Отец стоит у выхода, смешно прижимая пять копеек к переносице. Это, наверное, новая игра со мной, на что отец большой выдумщик. Он берет меня за руку и быстро отводит от кинотеатра.

– Ну, как экзамен по этикету? – спрашиваю я, глядя, как отец смотрится в витрину. Он отнимает пять копеек и осторожно трогает лоб и нос.

– Вроде нормально. Только маме не говори...

1980 г.

Портрет (Записки дошкольника)

Не буду кривить душой: я слабо знаком с тонкостями последних теорий воспитания детей дошкольного возраста. Слышал что-то там о влиянии фактора акселерации. Но, исходя из собственного опыта, могу откровенно сказать, что самые страшные дни для моих родителей в воспитании собственного сына – выходные. Если в будни здесь все ясно и просто: поднявшись ни свет, ни заря, они, то и дело поглядывая на часы, волокут меня, чтобы побыстрее сдать в дошкольное учреждение на руки нашей воспитательнице Елене Ивановне, а перед самым закрытием забирают, чтобы уже через какой-то там час уложить спать, то с наступлением субботы у моих родителей начинаются педагогические мучения.

Утром, поглядывая на мою кровать, – я еще, естественно, в это время делаю вид, что сплю, – они задают себе нелегкий вопрос:

– Что будем делать сегодня с Толькой?

Это говорит слегка озабоченным тоном мой отец. Это означает, что у него сейчас на письменном столе лежит вот такая пачка бумаг, которую просто в обязательном, сверхсрочном порядке надо разобрать за выходные, иначе в понедельник его просто не пустят на работу.

– Надо что-то придумать, – не менее озабоченно отвечает мама. И мне ее тоже жаль: в ванной стоит полная корзина грязного белья, полы в квартире не мыты уже третью неделю, в кухне – гора посуды, которую надо хорошенько перемыть, а в моей одежде не осталось ни одной пришитой пуговицы.

– Значит, так, – бодро произносит отец и очень нежно обращается к маме. – Лида, очень многое сегодня будет зависеть

от тебя, от твоего умения организовать свой рабочий... ой, прости, пожалуйста, выходной день. Со мной все ясно: я горю синим пламенем со своими рацпредложениями. Если не успею все сделать, о премии не может быть и речи.

Я пока еще не выяснил точно, что означает слово «премия». Думаю, что-то страшное. Потому что, когда отец его произносит, мама во всем начинает с ним соглашаться:

– Конечно, конечно, дорогой. С премией нам шутить никак нельзя.

За завтраком отец выглядит очень веселым и жизнерадостным человеком. Он постоянно шутит со мной, делает мне пальцем «козу» и «буки-буки». Но после чая его сразу «сдувает» за письменный стол. Мы же с мамой долго сидим в кухне. Она внимательно рассматривает меня, словно видит впервые после длительного перерыва, гладит по волосам и тихо говорит:

– Вот так и не заметим, как ты вырастешь. Все в делах и хлопотах. Хочешь быть большим?

Здесь я всегда подавляю в себе желание честно ответить – «нет». Но я очень люблю свою маму и знаю, что сейчас она хочет услышать от меня – «да». Поэтому я в согласии утвердительно киваю головой и показываю руками, каким я скоро стану большим.

– Молодец, – хвалит меня мама. – Ну, а сейчас чем будем заниматься?

– Хочу рисовать, – на этот раз честно отвечаю я.

– Значит, будем рисовать.

Мы идем в другую комнату. Мама удобно устраивается в кресле, я – у нее на коленях. В полуоткрытую дверь я вижу отца,

который едва заметен из-за горы чертежей и других не менее важных бумаг.

– Кого будем рисовать? – спрашивает мама, доставая цветные карандаши и бумагу.

Так как я еще смотрю на отца, то и предложение мое не отличается оригинальностью.

– Папу? Ну, давай папу, – соглашается мама и начинает карандашом выводить контуры человеческой фигуры.

Надо сказать, что рисует мама достаточно хорошо, а главное, быстро. При этом она обязательно рассказывает мне, что рисует, чтобы я не перепутал изображение, скажем, головы с каким-нибудь огурцом.

– Это – глазки, – певучим голосом выводит мама, – маленькие и вытарашенные... Это – носик, большой и немного с загибом в сторону... Это – огромная голова, а волосиков на ней мало. И щеки свисают с двух сторон... Это – маленькие толстые ножки...

– А почему они похожи на букву «О»? – спрашиваю я, желая блеснуть своей эрудицией. С алфавитом нас в дошкольном учреждении еще не знакомили как следует, но кое-что я стараюсь прихватить в знаниях факультативно.

– Почему? – переспрашивает мама и вздыхает. – Какие в жизни, такие и на бумаге... Художник, малыш, прежде всего, должен быть честным человеком... Он не должен приукрашивать действительность.

В этот момент из комнаты отца начинает доноситься громкое сопение. Я не очень хорошо понимаю причину его появления. Да и мама тут же отвлекает меня новыми штрихами в портрете папы:

– А здесь у нас коротенькие ручки с толстенькими пальчиками, – уже просто выпевает мама.

– Лида! – вдруг раздается громкий голос моего отца. – Я прошу тебя прекратить это безобразие.

– А что случилось, дорогой, – отвечает нежно мама. – А-а, понимаю. Мы, наверное, слишком громко разговариваем и отвлекаем тебя от работы.

– Лида! Не делай из меня идиота, – снова кричит папа, вскакивает пружиной из-за письменного стола и появляется уже в дверях нашей комнаты. – Прошу давать ребенку правдивую, объективную информацию о его отце. Малыш меня и так не часто видит.

– Я стараюсь, – вздыхает мама. – Правда, я не художник-профессионал, но что в моих силах...

Она снова наклонилась ко мне:

– Вот папины уши, – и она пририсовала два огромных полукруга к папиной голове.

– Хватит! – вдруг очень спокойным голосом говорит отец и берет меня на руки. – Пойдем лучше, Толик, со мной. Что-то мне тоже ужасно захотелось порисовать.

И он бросает свирепый взгляд на маму:

– Кого нарисуем?

– Маму! – весело кричу я.

– Правильно, – радуется со мной отец.

И мы уходим к его письменному столу.

– Давно бы так, – слышу я негромкие мамины слова и ее шаги уже в ванной. Вскоре оттуда доносится звук работающей стиральной машины. Но мы с папой уже не обращаем на него внимания, поглощенные рисунком.

1983 г.

Разговор по душам (Записки дошкольника)

Мы идем с отцом по тихой парковой аллее, разбивая своими шагами ровный желтый ковер осенних листьев.

Отец крепко по-мужски держит мою руку и задумчиво смотрит куда-то вдаль. Его суровые скулы особенно заострены. Я снизу смотрю на его профиль и чувствую, что с ним что-то происходит.

– Ты устал, старик, – говорю я как можно мягче и пытаюсь найти у себя на лице хотя бы одну морщинку, чтобы резко обозначить ее и придать лицу сострадательный вид. Но четыре года – это отнюдь не возраст для появления морщин. Поэтому я бросаю это бесполезное занятие и снова смотрю на отца. Он не отвечает мне, а только еще сильнее щурит глаза, и я чувствую, как постепенно потеет его ладонь.

– Глупо это у вас вышло, – опять говорю я и сплевываю. – Все бабы – дуры.

– Нет, Толька, ты не должен так говорить. Она твоя мать и ты должен ее любить, – отец треплет мои вихры и скупно улыбается. – Во всем виноват я... Понимаешь, я... Я не должен был так поступать.

– Но разве ты виноват, что полюбил другую, старик? Разве можно у человека отнять право на любовь? – говорю я, резко растирая ладонь о собственный подбородок.

– Да, такого права у человека отнять нельзя, – задумчиво отвечает мой отец. – Так по какому же праву я отнимаю у твоей матери любовь ко мне? Можешь ты мне ответить?

– Ее любовь заключается в твоей зарплате. Она совершенно не понимает тебя, твоих запросов. Ты же сам мне это не раз говорил.

– Не говори так, – мученически выговаривает отец, обкусывая ноготь на безымянном пальце правой руки. – Все это слишком похоже на правду.

– Будь современен, старик. Ты живешь с нею уже пятый год. Кому нужны эти жертвы? Детям? Ерунда...

– Не знаю... Не знаю... Все это так сложно.

Мы выходим из парка и вскоре оказываемся уже совсем недалеко от нашего дома.

– Иди. Вон, твои друзья уже носятся вовсю, – говорит отец, указывая на ребят в нашем дворе.

– Вижу, – быстро отвечаю я и долго смотрю на отца. Затем ударяю кулаком о его коленку и, усмехнувшись, добавляю. – Не хандри, ну! Я прошу тебя. Будь же ты, наконец, мужчиной.

Он неуверенно пожимает плечами и также неуверенно произносит:

– Постараюсь.

– Вот и отлично, – пытаюсь я подбодрить отца, задорно кивая ему головой и оставляю одного. Ребята меня уже заждались. Я бегу к ним, а в голове неотступно сидит горестная мысль: «Ох, и беда мне с вами, мои дорогие родители. И за что мне такое наказание?»

1978 г.

Спектакль (Записки подростка)

Честно говоря, нам нравится собираться вместе всем классом. Нет, не в школе, а где-нибудь так. Пойти вместе в кино, поехать в лес на прогулку, заглянуть, как это было вчера, к кому-нибудь на день рождения, захватив с собой свою классную. Благо, пора юбилеев наступила уже и для нас: как-никак Натке Масловой стукнуло вчера десять лет.

Нам всегда есть, о чем поговорить, о чем поспорить, во что поиграть. Может быть потому, что у нас в классе учится Жорка, мой лучший друг. Вчера, например, ему пришла в голову отличная идея. Когда мы выпили по стакану минеральной воды, он вдруг взобрался на стул и крикнул:

– Давайте представим спектакль... Я буду играть своего отца, – и он, сделав страшное лицо, нахмутив брови и оттопырив нижнюю губу, грозно сказал, – Я же вам пятый раз повторяю – приходите через неделю. Сейчас я занят. Неужели вам это непонятно? Неужели я разучился разговаривать по-человечески?

Это надо было видеть. Мы так и покатались со смеху. А Зинка Соева, подскочив к зеркалу, сделала вдруг озабоченное лицо, вытянула шею и, весело глядя на Жорку, сказала:

– Котик, как тебе моя новая шубка? Ну, и что, что длинновата. Зато японская, а на базу завезли всего две штуки.

Здесь к Зинке, покачиваясь, подошел Славик Тюкин:

– Послушай, дорогая, – сказал он, старательно икая. – У нас сегодня была получка. И если ты хочешь, чтобы в нашем гнездышке все было тихо, не спрашивай меня о том, куда я дел эти деньги. Я тебя добром прошу.

Это был спектакль! От смеха мы катались по полу и кричали, как сумасшедшие.

Сергея Воронов вдруг подошел к телефону снял трубку и с непроницаемым лицом произнес:

– Алексей Иванович, здравствуйте! Помните Воронова? Ну, как же... Я вам помог пальто в министерстве надеть. Вспомнили? Ну, вот и хорошо. У меня к вам есть одна маленькая просьба...

Здесь снова вскочил Жорка.

– А я вам говорю, не подпишу! Приходите через неделю!

– Котик, – спокойно урезонила его Зинка. – Ты знаешь, за кого вышла замуж Анна Ивановна? За трехкомнатную квартиру с “Волгой”... Пусть теперь попробует сказать, что она несчастна...

– Ч-черт! – с трудом выговаривая буквы, медленно произнес Славик, обводя всех мутным взглядом. – Ничего не помню.

И, похлопав по плечу рядом стоящую Зинку, добавил:

– Мария, я вчера тебя бил? ... Если бил, то скажи – за что?

– Товарищ, товарищ, как вам не стыдно? – голосом нашей классной громко спросил Юрка Земцов. – Посмотрите вокруг. Вас окружают дети! Разве вы этого не замечаете?

– Мария, – продолжал упорствовать Славик. – Я вчера тебя бил? Нет? ... А детей? ... А?

И он вдруг заплакал. Крупными и прозрачными слезами.

Минут двадцать мы молчали, глядя на Славку. Пока не вспомнили о своей классной руководительнице. Она сидела, как-то сжавшись, в самом углу комнаты и широко открытыми глазами смотрела на нас, точно видела впервые.

– Зря спектакль при ней устроили, – шепнул мне на ухо Жорка. – Не взрослым его смотреть.

Кое-как успокоив Славку, мы стали собираться. Родители Натки Масловой должны были вот-вот появиться дома. А встречаться с ними у нас не было никакой охоты...

1979 г.

Пистоны (Записки подростка)

С Жоркой, моим лучшим другом, мы возвращаемся из школы обычно вдвоем. Во-первых, к этому времени на улице уже становится довольно темно, ведь занимаемся мы во вторую смену, и в этом случае компания нам совсем не мешает. Во-вторых, живем мы с Жоркой в одном доме, только в разных подъездах, что вообще здорово, так как Жорка – большой мастер на всякие выдумки, и во время наших вечерних прогулок постоянно что-то придумывает, из-за чего с нами случаются довольно забавные истории. Как, например, это произошло вчера.

...Сразу после уроков Жорка подошел ко мне и с таинственным лицом прошептал:

– Пойдешь со мной сейчас на охоту?

– Ты что, совсем уже от уроков одурел? – говорю ему я. – Какая может быть охота: ни ружья, ни патронов, да и мама дома ждет.

– Ерунда, – отвечает спокойно Жорка. – У меня есть два пистолета и пачка пистонов.

– Ха-ха-ха, – расхохотался здесь я. – И ты собираешься с этим на кого-то охотиться? Нет, ты действительно повредился сегодня. От математики, что ли? ... Ты же сам отлично знаешь, что такое пистоны – немного шума, запаха серы. Какая тут может быть охота? Нет, оставь эту игру для детского сада. Там это еще, наверное, интересно кому-то.

– Слушай, я говорю серьезно, и совсем не намерен шутить, – сказал Жорка и посмотрел на меня так, как это у него бывает только в очень заслуживающих того случаях. – Сегодня надо кое-кого подстрелить. Ну? Ты идешь со мною?

Вообще-то, я не трус, но в горле у меня в тот момент слегка пересохло. Даже не знаю отчего. Ведь и дураку ясно, какая с пистонами стрельба. Но было в Жорке тогда что-то такое, что заставило меня в согласии кивнуть головой.

– Вот и хорошо. Славик Тюкин нас, поди, уже заждался, – сказал Жорка и стал быстро застегивать пуговицы в пальто.

«И Славик туда же» – почему-то с грустью подумал я, но говорить Жорке не стал.

Через несколько минут мы уже неслись с ним по улице, пока не добежали до маленького скверика с оголившимися черными кустами и десятком лавочек, присыпанных снегом.

– Тихо, – предупредил меня Жорка и негромко свистнул. Откуда-то из глубины скверика послышался ответ и через минуту к нам подошел Славик Тюкин, наш одноклассник.

– Оружие не забыл? – спросил он.

– Все на месте, вот, – ответил Жорка и достал два пистолета. – Этот – для Лешки, а этот – мне.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул головой Славик. – А сейчас – за мной. Позицию я уже приготовил.

Мы подошли к огромным сугробам в конце скверика. Славик уже успел их слегка примять, чтобы удобно было лежать.

Сразу за сугробами проходила неширокая улица, на другой стороне которой был тротуар. По нему тек спокойный людской поток, обычный для этого времени суток.

– Ложись! – приказал нам Славик и лег сам. – Впереди положите портфели, чтобы удобнее было стрелять.

– Есть! – по-военному ответил Жорка и быстро залег. Я последовал его примеру.

– Заряжай! – снова отрывисто скомандовал Славик и, подождав, пока мы заложим в пистолеты ленты с пистонами, спросил. – Видите дверь возле витрины?

На противоположной стороне улицы я, действительно, рассмотрел довольно массивную дверь с крыльцом, над которой светилась розоватой иллюминацией какая-то надпись, на которую я, по правде сказать, даже сначала и не обратил внимания – до того все, что со мною происходило, было необычно и даже странно.

– Они должны оттуда скоро выйти, – сказал Славик.

– Кто? – спросил я и понял, что сделал глупость.

Славик недовольно посмотрел на меня, но ответил без злости:

– Есть тут несколько таких...

И замолчал, закусив губу.

Минут двадцать мы с Жоркой лежали, боясь шелохнуться, не сводя взгляда с той самой двери. В нее несколько раз заходили люди, но назад практически не выходил никто. Наконец, дверь медленно открыли изнутри, и на крыльце появился сначала один человек, потом второй, а за ним третий.

– Приготовились! – срывающимся от волнения голосом приказал Славик. – Я беру того, что посередине, а вы – остальных. Стрелять по ногам!

Те трое несколько секунд стояли неподвижно. Когда, наконец, тот, что стоял посередине, сделал шаг, Славик отчаянно нажал на курок своего игрушечного пистолета. Честно говоря, сначала я просто не поверил своим глазам. Мужчина, в которого стрелял Славик, вдруг покачнулся и, словно подкошенный, грохнулся с крыльца, забросив ноги выше головы.

– Попал! – радостно прошептал Славик и посмотрел на нас с Жоркой. – Ну, бей остальных!

И мы начали палить изо всех стволов. Второй упал тоже довольно быстро, сделав всего несколько шагов. Чувствовалось, что мы изрешетили ему все ноги, так стремительно они у него подкашивались, отказываясь держать бесчувственное тело.

Труднее всего пришлось с третьим. Не обращая внимания на стрельбу, он даже пытался поднять тех двоих. Я с отчаянием думал, что у меня вот-вот должны закончиться патры..., то есть патроны, а он все стоял и стоял. В конце концов, не выдержал и он: огонь наших пистолетов был, что называется, шквальным. И третий тоже растянулся рядом с двумя другими.

– Теперь не шевелитесь, чтобы нас не заметили, – сказал Славик, и мы притаились.

Действительно, через некоторое время возле нас пронеслась милицейская машина. Она подъехала прямо к раненым. Несколько милиционеров стали поднимать наши «мишени». И я увидел в розоватом, мерцающем иллюминацией свете того первого, в которого стрелял Славка, – это был его отец. Правда, на этот раз лицо его было здорово опухшим, торчавшие в разные стороны волосы делали его и вовсе каким-то другим, незнакомым, страшным.

– Вот это да! – только и смог выдавить из себя я и посмотрел на Жорку.

Тот тоже узнал Тюкина-старшего. Но лицо Жорки было не удивленным, а злым, с остро выпирающими скулами.

Минут через пять мужиков увезли, и мы с Жоркой стали медленно подниматься. Отряхнувшись от снега, мы подошли к Славику. Он лежал, уткнувшись лицом в портфель, его плечи слегка вздрагивали.

– Кончай, Славик, – мрачно сказал Жорка. – Что толку плакать? Главное, что мы их тоже здорово отделали... И за тебя, и за твою сестренку, и за маму.

– Спасибо, ребята, – Славик посмотрел на нас и тоже стал подниматься.

– Честное слово, спасибо, – и он улыбнулся. – Один бы я их никогда не сумел, как с вами.

– Все-таки здорово мы это с тобой придумали, а? – сказал Жорка, похлопав Славика по плечу, и, повернувшись ко мне, добавил. – А ты говорил: пистоны, пистоны, детская забава...

– Так я думал, действительно, на охоту пойдем, – ответил я, немного смущенный.

– Конечно, охотиться на людей нельзя, – задумчиво произнес Жорка. – Но, когда люди превращаются в диких животных, наверное, можно сделать исключение. Хотя бы с пистонами...

Уже возвращаясь домой, я все-таки прочитал надпись, светившуюся розоватой иллюминацией над той массивной дверью – «Закусочная».

1979 г.

Телефон (Записки подростка)

Этот Жорка вечно что-нибудь выдумает. Приходит недавно ко мне и говорит:

– Давай кому-нибудь позвоним по телефону.

– Зачем? – спрашиваю и внимательно смотрю на Жорку. – У тебя есть неотложное дело к кому-нибудь?

– Нет. Просто я выучил уже все уроки. Скучно стало.

– Я тоже выучил все уроки. Но что-то мне не хочется никому звонить. И совсем не скучно. Вот, решил нарисовать свою кошку.

– Это не кошка, а слон. Смешно заниматься такой ерундой, когда не умеешь по-человечески рисовать. И когда в квартире есть телефон. Если бы у меня был телефон, мне бы никогда не было скучно.

– Интересно, что бы ты с ним делал?

– Во-первых, позвонил бы куда-нибудь.

– Куда?

– Ну, в пожарную охрану.

– Чтобы сказать, что у тебя нет пожара, но, может быть, скоро будет?

– Конечно, не обязательно звонить в пожарную охрану.

Можно еще куда-нибудь?

– Куда?

– Что ты пристал как курица со своим куда-куда? Во-вторых, телефон можно было бы разобрать и посмотреть, что у него внутри.

– Внутри ничего нет. Так что можно и не разбирать.

– Я и без тебя знаю, что там ничего нет интересного. Но надо же с телефоном что-то делать?

Я спокойно пожал плечами, давая понять Жорке, что рассуждения его по-детски наивны и глупы. Жорка подошел к окну и грустно посмотрел во двор, на совсем недавно выпавший снег.

– С тобой тоже скучно, – сказал он, тяжело вздохнув.

Честно говоря, мне стало жаль Жорку, и я сказал ему:

– Ладно. Давай позвоним Зинке Максимовой. И что-нибудь крикнем в трубку. Вот это будет номер. Ты ведь с ней уже не дружишь? А у меня как раз ее номер телефона есть.

– Откуда? – подозрительно спросил Жорка.

– Ее отец вместе с моим работает. Так что, звоним?

Раскрыв телефонный справочник, я подошел к телефону.

– Постой, – вдруг сказал Жорка и тоже подошел к телефону. – Не надо звонить Зинке. Я не хочу.

– Чудак ты, Жорка. Тебе-то что? Она же все равно не узнает, кто звонил. И ты ведь с ней уже не сидишь за одной партой.

– Все равно, не надо ей звонить, – твердо сказал Жорка, как-то особенно посмотрев на меня.

– Если бы я был на твоём месте, я бы обязательно позвонил... Чего ты боишься?

– Ничего не боюсь, – буркнул Жорка, забирая у меня из рук телефонный справочник. – Представляю, был бы ты на моем месте... Неужели позвонил бы?

– Конечно, – твердо сказал я. – И сказал бы еще, что она дура.

– Так и сказал бы? – удивился Жорка и вдруг хитро улынулся.

– Так и сказал бы! Чего тут стесняться, раз уж поссорились.

– Хорошо. Если так, то позвоним, – сказал Жорка, заглянув в телефонный справочник. Затем он снял трубку и набрал номер.

– Только говорить будешь ты, – шепотом произнес Жорка и протянул трубку мне. – Бери. Я как-то не могу.

– Эх, ты! Учись!

После трех-четырёх длинных гудков кто-то поднял трубку.

– Алло! – послышался чей-то тонкий, даже писклявый голосок.

Я мотнул головой Жорке – Зинка. И набрав побольше в легкие воздуха, выпалил одним духом, даже не искажая собственный голос:

– Если ты думаешь, что самая красивая в классе, то очень ошибаешься. Ты – самая большая дура, потому что слишком много о себе воображаешь. Ты думаешь, что всем нравишься. И не замечаешь, как презрительно сплевывают за твоей спиной все ребята нашего класса. Поняла?

Мне показалось, что на том конце телефонного провода кто-то всхлипнул и быстро положил трубку.

– Вот так. Теперь уже задаваться не будет, – сказал я и ободряюще похлопал Жорку по плечу.

И здесь я впервые увидел, как может хохотать Жорка. Вообще он любит смеяться, но так хохотать – закатываясь и захлебываясь в смехе, откинувшись всем телом назад – он может только когда происходит что-то действительно из ряда вон выходящее.

– Ты чего? – удивленно спросил я, тоже пытаюсь улыбнуться и понять причину этого дикого хохота.

– Просто так, – внезапно утихнув, ответил Жорка и виновато шмыгнул носом. – Мы звонили совсем не Зинке Максимовой.

– А кому же? – чувствуя недоброе, спросил я, вытаращив глаза.

– Наташке Гореловой, – уже испуганно произнес Жорка. – Ты ведь с ней тоже поругался и уже не сидишь за одной партой.

– Как Наташке? Мы же так не договаривались.

– Но ты же сам сказал, если бы находился на моем месте, то обязательно позвонил бы. А так тебе даже не пришлось становиться на мое место.

Видимо, было в моем взгляде что-то такое, что заставило Жорку вздрогнуть.

– Но вы же с ней тоже поругались, – снова попытался оправдаться Жорка.

Только после этого до меня стало доходить, что я наделал. Конечно, Наташка без труда узнала мой голос.

Минут десять мы молчали. Я смотрел на падающие в наш двор пушистые снежинки, совсем забыв про кота и свой рисунок.

– Кому какое дело, с кем я поругался, а с кем еще нет, – сказал, наконец, я, понимая, что уже никакая сила не заставит Наташку сесть снова со мной за одну парту.

– Но ты же сам говорил, – виновато ответил Жорка, испепеляя взглядом злополучный телефон.

– Говорил... Мало что мы тут говорили...

– Верно, – согласился со мной Жорка. – Только ты не обижайся...

Я все еще смотрел в окно, переваривая произошедшее.

– Что тут обижаться, – сказал я, понимая, что во всем виноват, собственно говоря, сам. – Только дураки мы с тобой.

– Верно, – снова согласился со мной Жорка. – И скука у нас дурацкая...

1979 г.

Контакт (Записки подростка)

Андрей Егорович приходит к нам в гости часто. Веселый и общительный, он нравится моему отцу. Каждый раз они с ним долго разговаривают, смеются, вспоминают былое – как-никак вместе учились в институте. После того, как заряд воспоминаний постепенно иссякает, взгляд дяди Андрея начинает все чаще и чаще бродить по комнате в поиске новых тем. Вот тогда-то он и натывается на меня, зубрящего математику.

Дядя Андрей называет меня своим «старым знакомым». Отец говорит, что он видел меня в пленках. Ну, что же, я против ничего не имею. И еще в глазах моего отца дядя Андрей слывет «специалистом по контакту с детской душой». Он заводит со мной беседу.

– Ну, зубрилка, – говорит дядя Андрей и лукаво подмигивает, – при отце не куришь еще?

– Да ты что, Андрей? Толик еще в третьем классе. Какие могут быть сигареты, курение? – пытается помешать налаживанию «контактов с молодежью» мой отец.

– погоди, Саня. У нас тут свой разговор.

– А-а, – понимающе кивает головой отец и едва ли не на цыпочках идет в кухню помогать маме готовить ужин.

Мы остаемся вдвоем.

– Ну, так как у тебя с курением?

Я краснею и, не поднимая головы от тетради, тихо отвечаю:

– А я не курю, дядя Андрей. Честное слово.

– Врешь, поди, все. Я же по глазам вижу... «Бычки» по подъездам зашибаете с дружками. А то в портфеле на доньшке спрячешь сигарету, а потом в школе в туалете выкуришь.

Меня передергивает от таких страшных слов, но я все-таки нахожу в себе спокойствие ответить:

– Нет, дядя Андрей, так у нас поступают только очень плохие мальчишки.

– Ага, а ты, значит, хороший, – ухмыляется дядя Андрей. – Значит, ябедничаешь на тех плохих мальчишек?

– Я не ябедничаю, – отвечаю спокойно, но во мне уже начинает закипать злость.

– Э-э, опять врешь. Я по глазам вижу, – настаивает на своем дядя Андрей. – Я ведь вашу братию насквозь вижу. У меня у самого такой басурман, как ты, на шее сидит. Лешкой звать.

– Какой же я басурман? Я математику учу, – говорю я и откладываю авторучку в сторону.

– «Математику учу», – слегка передразнивает меня дядя Андрей и добавляет:

– А дневников, небось, три штуки имеешь? Один – для отца, один – для учительницы, один – на всякий пожарный случай.

После этих слов терпение мое лопается. Медленно растерев подбородок ладонью, я встаю и подхожу к дяде Андрею вплотную.

– Слушай, старик, ну, чего ты разговорился? Курево вспомнил. Ты на себя посмотри, что с тобой сигареты сделали. Да в гроб краше кладут.

– В смысле? – не веря своим ушам, переспросил Андрей Егорович.

– Вот тебе и весь смысл. Ищешь недостатки у других, а у самого сколько? Первую жену с двойней на руках оставил, да и со второй жизнь кувырком идет... Я ведь про тебя все знаю. Мы с твоим басурманом в одном классе учимся. Кстати, только честно, тебя совесть не мучает, что твой Лешка на тебя не похож?

– Да я, собственно, – Андрей Егорович как-то отпрянул, часто моргая глазами.

– Вот видишь, мучает... Вот ведь как получается: ищем соломинку в чужом глазу, а в собственном – бревна не замечаем.

– Да я ведь это так, для контакта, – попытался оправдаться дядя Андрей.

– Контакт тоже разный бывает, – строго отвечаю я и, похлопав его по плечу, добавляю. – Вы лучше ступайте на кухню. Там уже все приготовлено для этого самого контакта... А Лешке передайте, чтоб математику лучше учил. Его скоро опять вызовут двойку исправлять.

– Передам, – тихо говорит дядя Андрей и продолжает, уже не мигая, смотреть на меня.

– Вы ступайте, ступайте. Папка вас уже звал, – я легонько дергаю его за рукав.

– Ах, да, да, – кивает головой дядя Андрей и идет на кухню. В дверях он опять останавливается и долго смотрит на меня. Но мне, честно говоря, уже не до него. Задача не выходит – хоть умри. А решить надо.

Я снова берусь за авторучку и с головой ухожу в расчеты.

1979 г.

Теперь не попадем в финал

После хоккея Санька пришел домой мокрый и возбужденный. На лице его еще блестел пот. А волосы, еле-еле выглядывавшие из-под кое-как сидевшей на голове шапке, покрылись тонким слоем инея.

Санька быстро прошел в свою комнату мимо кухни, где у плиты возилась мать. Мельком взглянув на Саньку, она покачала головой и сердито сказала:

– Явился?

«Заметила... Сейчас начнется», – подумал Санька и стал раскладывать свои хоккейные принадлежности. Ключку он аккуратно протер и поставил у изголовья кровати. Коньки затолкал в шкафчик. Щитки и прочее оставил в рюкзаке. Затем скинул с себя фуфайку и подошел к зеркалу. Возле левого глаза медленно расплывалось кроваво-синее пятно.

«Пожалуй, скоро глаз закроет», – подумал Санька и огляделся. Где бы взять что-нибудь холодное, чтобы приложить к лицу? Ничего не найдя, он просто прижался щекой к зеркалу. «Теперь я влип. Сначала клюшку сломает, а потом коньки спрячет», – думал он, прислушиваясь к звукам на кухне.

Мать вошла и остановилась у дверей.

– Ну, показывай свои медали...

Санька опустил голову и отошел от зеркала.

– Доигрался, – мать сложила руки на груди.

– Вроде, как доигрался, – тихо ответил Санька, посапывая носом.

– Я уже не знаю, как тебя воспитывать, мой дорогой сын. Ведь взрослый парень... Четвертый класс, а все клюшки, синяки, шишки.

Мать покачала головой.

– Ну, что ж. Раз мои слова до тебя не доходят, может ремень отца дойдет.

Она приоткрыла дверь в кабинет отца и сказала:

– Костя, иди сюда. Можешь полюбоваться на свое побитое чадо.

Отец вышел в полосатой пижаме. Высокий и здоровый. Санька поежился, но решил не плакать. Он посмотрел на себя в зеркало и увидел, что половину глаза уже прикрыла опухоль.

Отец присел возле него на корточки и спросил:

– Что-нибудь прикладывал?

Санька утвердительно мотнул головой.

– Я уже не знаю, как с ним разговаривать, – подала голос мать. – Он совершенно перестал меня слушать.

– Ясно, – сказал отец и пошел обратно в свой кабинет. Вернулся оттуда с ремнем.

– Поговорим, как мужчина с женщиной, – сказал он громко, закрыв за собою дверь, и прислушался. Мать ушла обратно на кухню. Затем подошел к Саньке и снова присел на корточки.

– С кем играли? – спросил он шепотом, разглядывая синяк на лице Саньки.

– С третьей школой, – ответил Санька, тревожно поглядывая на ремень.

– Выиграли?

– Нет, – мотнул головой Санька и не удержался: две слезинки показались у него на глазах. – Теперь не попадем в финал.

– Что же это вы, брат, так подкачали. Мы третьей школе сроду не проигрывали. Как сейчас помню, – отец грустно покачал головой. – Ты хоть забил шайбу?

– Ага. В первом и третьем периодах, – Санька попытался было вытереть слезы, но на месте старых появились новые, еще более крупные.

– Да-а... Забил, не забил, а команда все равно проиграла, – сказал отец трагическим голосом. Здесь уж Санька сдержаться не мог. Он тихонько жалобно заскулил и уткнулся лицом в плечо отца.

– А это откуда взялось? – спросил отец, показывая на синяк.

– Шайбой...

– Неужто под бросок лег? – в голосе отца слышались страх и удивление.

– Лег, – ответил Санька прерывистым голосом. – Все равно ведь в финал не вышли...

Отец внимательно посмотрел на Саньку. Взъерошил ему волосы своею теплой рукой.

– Пожалуй, верно. Ничего особенного, раз в финал не попали.

Потом он помолчал, встал и вышел из комнаты, захватив с собой ремень. И сразу же к Саньке заглянула мать.

– Я тебя уже не раз предупреждала, – сказала она, увидев Саньку, вытирающего слезы. – С отцом больно не заупрямишься. Это не я, что не могу руки на тебя поднять.

Санька шмыгнул носом, подошел к зеркалу и осторожно потрогал свое лицо. Только сейчас, в тепле, он по-настоящему почувствовал боль...

1980 г.

Случай из педагогической практики

Хороший у нас двор. Уютный. И мальчики по нему бегают симпатичные. Веселые, общительные. Иду как-то с работы, вижу, в беседке в картишки сбрасываются. Картишки старые, потрепанные. Смотреть страшно. И как-то так замечаю – крапленая колода. Тринадцатилетний Минька из второго подъезда явно здесь всех немножко обыгрывает. Не по себе мне стало. Что же это такое, думаю. Несправедливо так. Куда это взрослые смотрят? Да и с моей стороны непедагогично проходить мимо, не вмешавшись. Подхожу.

– Как же это вы, ребята, такими картишками еще играете? Их на помойку давно пора. А сами бы за шахматы сели, – говорю и вижу: Минька банк мечет, мизинцем сдергивает чуть ли не в открытую. Обнаглел парень.

– В шахматилки столько не выиграешь, – отвечает мне за всех Минька и нахально смотрит в глаза. – А что грязноваты, так других нету.

Остальные, насупившись, тоже качают головой. Мол, точно так. Даже те, кто проигрался вчистую.

Вижу, нехорошая обстановка складывается у ребят в коллективе. Нет интересного, захватывающего, здорового соперничества. И ясно понимаю, надо что-то делать. Немедленно. Сейчас.

– Так обратились бы ко мне. Дядя Егор, так, мол, и так, неувязка у нас. Надо помочь.

Говорю и достаю из кармана новенькую колоду карт. Сегодня только первый день, как на работе играны. Чистенькие, почти без помарок.

– Вот это да! ... Вот вам и дядя Егор!

Вижу, потряс я их маленько. Прямо глаза заблестели у всех. Минька вообще розовым стал.

– Дядь Егор, может сыграем здесь с нами партию, другую. Деньги-то есть? – говорит Минька и так иронично смотрит, прямо сил моих нету. Что же делать? Назвался груздем – полезай в кошелек. Почесал я подбородок и говорю:

– Ну-ка, ребятня, дай примоститься. Посмотрим, что вы из себя стоите... Не беспокойтесь, за мной не заржавеет...

Беру карты. Сдаю. Чувствую, подсмеиваются они надо мной. Мол, неумело сдаю. У Миньки лучше выходило. Однако взял я первых три банка. Вижу, огорошил малость. Повнимательнее стали смотреть на мои руки. Да и Минька все на картах метки выискивает. Чувствую, надо пары спустить. Спокойнее будет игра. Отдал я следующий банк Миньке. Парнишка он шустрый. Игру чувствует. Это у них фамильное. Отец его, Ефим Данилович, у нас в отделе в чемпионах ходит.

Потом опять три банка взял. Тактика, хотя и старая, но верная. Вижу, ребятки уже кармашки поскребывать стали, монетки выискивая. А я от своей тактики не отхожу. Главное в наших педагогических делах – держаться одной цели.

Темнеть стало. Наконец, и Минька понуро опустил голову:

– Все, дядя Егор, больше нечего ставить.

– Нет, так, нет, – говорю и спокойно пересчитываю выигрыш.

Обступили они меня.

– Да, сорвал ты, дядя Егор, сегодня куш неплохой.

Тут, как я понимаю, пронял я их.

– А что, ребята, может, и завтра, эдак, скинемся. В это же время, – говорю и вижу: Минька, паршивец, мои карты на свет рассматривает. Потом протягивает их мне и отвечает за всех:

– Знаешь, дядя Егор, мы уж лучше того, в шахматишки поиграем... Только вот не пойму, как колоду метили. Ничего же не видно, хоть убейте.

Хороший он все-таки мальчик, Минька. Погладил я его по голове и говорю:

– Не буду я тебя убивать, Миша. За тобой же карточного долга нет. Вот, будешь хорошо учиться, кончишь школу без троек, придешь к нам в отдел работать, тогда и узнаешь... А пока играйте, ребята, в шахматы... Там хоть ставки меньше...

1985 г.

Орфографическая ошибка

Знаете, стыдно мне и больно, когда нашу молодежь кругом все ругают. Мол, неграмотная она у нас растет. Книжек не читает, голову интернетом забила, только и смотрит, где бы напакостить.

Рассуждать так – значит, снимать с нас, старших товарищей, всякую ответственность за воспитание этих юнцов. А ведь именно от нас – людей старой закваски, седовласых и умудренных жизненным опытом, – сегодня особенно зависит, какими эти нынешние пацаны вырастут. И мне всегда до глубины души бывает обидно, когда мы, взрослые, видя недостатки молодых, не стараемся помочь им добрым словом и конкретным делом, чтобы, глядя на нас, эти шпингалеты видели: они – не одиноки перед своими проблемами, им обязательно придут на помощь те, кому не безразлична их дальнейшая судьба.

...Вот сегодня иду вечером с работы через двор. На часы поглядываю. Время до футбола по телеку еще есть. Несколько бутылок пива в авоське колышется. Краем глаза замечаю: местная шпана возле автомобилей за трансформаторной будкой ошивается. Понятное дело: где же им еще вертеться, если машинами весь двор заставлен так, что яблоку негде упасть.

Иномарки, как водится, все старые. Но ребятня собралась у новенького серебристого «Мерседеса», которого я раньше здесь не видел.

– Это чей такой навороченный? – подхожу и спрашиваю у дворовой команды – Просто чудо технической мысли!

– Козлокранова из пятого подъезда. Только что из автоцентра пригнал, – отвечает самый бойкий – Минька. – Знаете, сколько эта хреновина стоит? Вы за свою жизнь даже на

колеса от нее не заработаете, хотя и горбатитесь на своем заводе с утра до вечера. И мой батя тоже.

– Ну, уж так и не заработаем, – отвечаю, а сам понимаю, что прав пацаненок. Бандюганов развелось столько, что честным людям даже по двору своего дома пройти спокойно нельзя. Конечно, всего этого я мальчикам не сказал, а только бодро кивнул им:

– Вот будете хорошо учиться, тогда и у вас будут такие автомобили.

– А вы, значит, дядя Егор, учились не очень, если пешком с работы идете, – не унимается Минька.

Пришлось мне четко расставить все акценты.

– Я, Михаил, академий не кончал, – отвечаю ему и наблюдаю, как он на боку «Мерседеса» ржавым гвоздем заканчивает выцарапывать какое-то слово. Когда он отошел, я смог прочесть: «Сволоч».

– Тем не менее, – продолжаю я, – если берусь за какое дело, то стараюсь сделать его аккуратно и красиво, чтобы не было мучительно больно за собственную тупость. И чтобы сделанное за мной уже никто не переделывал. В отличие от тебя, грамотей.

Взял у него гвоздь и исправил орфографическую ошибку на боку «Мерседеса». А возвращая инструмент возмездия, добавил:

– Стыдно мне за вас, мальцы! Я в вашем возрасте таких ошибок при письме не делал.

Вижу, дошли им мои слова до самого сердца. Стоят, как в воду опущенные.

–Ладно, – говорю, – Еще не все потеряно. В следующий раз, прежде чем за серьезное дело браться, чтобы обязательно в

орфографический словарь заглянули. А то ведь позора с вами не оберешься!

Глянул я здесь на часы и заторопился домой. До футбола ведь считанные минуты остались.

2007 г.

Путевка в жизнь

Больше эмоций положительных!

Интересный эксперимент провел в дни сессии первокурсник Х. Магелланов. Материал, который читался в течение целого семестра, он сумел «заглотить» всего за три дня. Результаты не замедлили сказаться. На неосторожный вопрос преподавателя по высшей математике: «Что вы можете сказать о производной?» – он, не задумываясь, ответил:

– В рибонуклеиновом свете инверсии электролитической индукции эквивалентный синтез инфракрасной адаптированной коагуляции дегенеративного фотона может интерференцировать дифракцию эрудированной функции в коре больших полушарий головного мозга.

...Сейчас преподавателю С.Я. Фарадееву уже лучше.

– Скоро будем ходить, – обнадеживающе говорит его лечащий врач. – Главное, больше положительных эмоций!

1975 г.

Спать хочется (Почти по Чехову)

Ночь. Варька, девка лет двадцати, читает толстенную книгу, переполненную бесконечными формулами сопромата. Перед Варькой горит настольная лампа, от которой на потолок ложится большое светлое пятно. Когда лампа начинает мигать, пятно и тени приходят в движение, как от ветра. Душно. Пахнет импортным кремом.

Книга толстенная. А Варьке хочется спать. Глаза ее слипаются, голову тянет вниз, шея болит. Она не может шевельнуть ни веками, ни губами, и ей кажется, что лицо ее высохло и одервенело, что голова стала огромной как три книги. В углу в тихом экстазе надрывается магнитофон. Сама Варька мурлычет что-то в стиле «диско» и все это сливается в ночную убаюкивающую музыку. Теперь даже «Бони М» начинает раздражать Варьку, потому что их музыка вгоняет в дремоту, а спать нельзя. Если Варька, не дай бог, уснет, то экзаменатор завтра ее прибьет – поставит двойку.

Лампа мигает. Светлое пятно приходит в движение, лезет в полуоткрытые, неподвижные глаза Варьки и в ее наполовину уснувшем мозгу складывается в грезы. Она видит темные двутавровые балки, которые гоняются друг за другом, словно какие-нибудь фиктивные, и кричат так, как будто бы касательные напряжения у них стали давно больше допустимых. Но вот подул ветер, пропали балки. Изгиб с кручением окончательно доконали их. Варька видит огромный забор, прутья которого закручены каким-то невероятным узлом. «Это же – формула Журавского», – вспоминает Варька. Люди, идущие рядом с ней, вдруг яростно бросаются на забор и быстро

отскакивают от него, и валятся прямо в грязь. «Зачем это?» – спрашивает Варька. «Спать, спать, все равно не выучишь», – отвечают ей. И они валятся, и засыпают крепко...

– И от солнышка ребенка родила, – мурлычет Варька и уже видит себя в светлой и большой аудитории. У доски кто-то стонет, затем втягивает в себя воздух и отбивает зубами барабанную дробь:

– Бу-бу-бу-бу...

Над ухом Варьки кто-то, гадливо улыбаясь, шепчет:

– Все равно двойку засветит.

Вдруг встает преподаватель. Щеки у него розовые, глаза блестят и взгляд как-то особенно остр, точно видит он Варьку насквозь.

– Ну, что? Что это ты вздумала? Сдавать? Ха-ха-ха... Сколько же ты учила? Всего одну ночь? Ха-ха-ха...

Варька опускает голову. Преподаватель с четверть часа возится с тем, что у доски, потом поворачивается и говорит прямо Варьке:

– Я ничего не могу поделать. Тебе нужно арифметику учить, а не сопромат сдавать, – и опять отворачивается к тому, у доски. Варьке откровенно жаль того, у доски. Лицо синее-синее...

Варька идет из аудитории и плачет как дуреха в пустынном коридоре. Вдруг кто-то бьет ее по затылку. Она подымает глаза и видит здоровенный равнобокий уголок.

– Что же это ты, горемычная, – он больно треплет ее за ухо, – забыла меня на прочность проверить...

Варька встряхивает головой и все пропадает. Светлое пятно по-прежнему висит на потолке. Спать хочется опять, ужасно хочется! Все тело буквально налилось свинцовой

тяжестью. Варька все понимает, все узнает, но сквозь полусон никак не может понять той силы, которая сковывает ее по рукам и ногам, мешает ей жить. Она оглядывается, ищет эту силу, чтобы избавиться от нее и находит: толстенная книга, которая мирно покоится у самых ее глаз. Варька смеется. Ей удивительно: как это раньше она не могла понять этого? Она встает со стула и, широко улыбаясь, не мигая глазами, прохаживается по комнате. Ей приятно и щекотно от мысли, что она избавится от книги, а потом спать, спать...

Смеясь и подмигивая, грозя магнитофону пальцем, Варька подкрадывается к книге, хватает ее и, что есть силы, запускает в угол. Разорванные страницы легким, белоснежным ковром покрывают магнитофон.

«Все. Теперь не соберешь», – проносится в голове Варьки. Она быстро ложится на кровать, смеется от радости, что ей можно спать, и через несколько минут спит уже крепко, как мертвая...

1975 г.

Как получить «отлично»?

Эта мысль пришла к Егорушке Катапультову, студенту 012345 группы, за три дня до экзамена, на двести двадцать первом сантиметре его знаний по физике. Мысль была настолько дерзкой, что Катапультов с опаской поддержал голову руками, чтобы мысль осела. Чувствуя, что формула линзы не дает ей спокойно лечь в извилину, Катапультов постучал головой... Стены остались целы.

– Все! К черту все шпаргалки! – Катапультов отодвинул шпаргалки в сторону. – Риск – благородное дело, если дело в шляпе. Эх, разок можно попробовать...

В то утро перед экзаменом Катапультов умышленно встал не с той ноги, выбросил из ботинка старый пятак, разогнул подкову, висевшую на стене, надел новый, только что взятый из ателье проката костюм, выбросил все шпаргалки в мусорный ящик, вышел через порог левой ногой, забыв присесть перед дорожкой и сплунуть три раза через левое плечо, чтоб не сглазить.

Самое странное началось на экзамене. Преподаватель внимательно выслушал ответ Катапультова, медленно окинул его пронизательным взглядом. Почувствовав взгляд, Катапультов как бы невзначай развернул полы пиджака. Временных нашивных карманов там не было. Ни слова не говоря, только удовлетворенно кивнув головой, преподаватель поставил в зачетку «отлично».

Все были шокированы.

– Послушай, старик, куда ты засунул «шпоры»? – кто-то из ребят восхищенно потрогал плечо Катапультова. – Мы за тобой следили в окно. Ни одного лишнего движения. Все было так естественно. Как тебе это удалось?

Кто-то вытащил свои шпаргалки, готовый последовать совету опытного человека. Видя это, Катапультов улыбнулся:

– Как получить «пять»? В общем-то, просто. Нужно сесть и ... выучить.

1975 г.

Сон в летнюю ночь

По слабо освещенному двору скользнули вытянутые тени. Под ногами захрустели сухие ветки. Кто-то тихо постучал в окно. Иван лениво протер глаза. Стук повторился. Иван, нащупав ногами тапочки, подошел к окну.

– Кто?

– Открывай, свои, – услышал Иван низкий голос.

«Кого там черт принес?» – Иван потянулся к защелке, усиленно соображая, где он мог слышать этот чем-то знакомый голос.

Окно распахнулось, и Иван почувствовал, как что-то скользкое и липкое, цепко ухватившись, сдавило ему горло...

Очнулся Иван Антонович Бульжник от боли в левом ухе. Большой палец одноименной ноги очень неприятно давил на барабанную перепонку. Кто-то, видимо, заметил, как дрогнули его веки. Чей-то палец бесцеремонно отвел веко Ивана от занимаемого положения.

– Живой, гнида. Ребята, еще ведро воды.

Иван открыл глаза. Теперь он вспомнил, чей это был голос. Таким же голосом у него требовали цемент, бетономешалку, насосы. Это был голос Димки-мастерка, командира студенческого строительного отряда.

– Ну, товарищ прораб, будем говорить? – Димка стоял буквально в двух шагах. В его руках блеснул раскаленный до пластического состояния металлический прут.

– Ребятки, вы что?... Железку бы в воду опустили, чем мне под нос сунуть.

– Э-э, нет! – в узких глазах Димки блеснул злой огонек. – Ты нам сейчас за все ответишь... Владька, готовь розги...

– За что?! – зашелся в крике Иван. Он уже чувствовал жар раскаленного металла на своей вспотевшей груди. – Что вам нужно?!

Димка отступил.

– Будешь слушать?

– Да!... Да!... Да!

– На стройплощадке ты нас не больно желал слушать. Ладно... Серега, начинай.

Голос Сереги донесся откуда-то издалека:

– ...г) обеспечить бесперебойную доставку бетона, кирпича, пиломатериалов; д) обеспечить необходимым количеством техники, насосами, краном.

«Фу, хоть время выиграл. Может, наши поспеют, – Иван огляделся. – Черти, за горло берут». Бежать было некуда. Вокруг плотным кольцом стояли студенты.

– ... е) обеспечить студентов телевизором марки «Горизонт».

«Держи карман шире. Может, вам еще Малый театр сюда привезти?» – Иван поежился. Чтение закончилось.

– Ну? – кольцо студентов стало сжиматься. – Говори.

Впереди всех шел Димка с прутом. Иван понял, что сейчас будет нехорошо. Почему-то вспомнились жена, дочь, желтый «Москвич» управляющего.

– Я готов подписать ваши требования, друзья, – иного выхода не было. – Я готов, но у меня нет авторучки.

– Возьми, – кто-то бросил авторучку. Иван быстро схватил ее и расписался. Студенты удивленно переглянулись и ... расхохотались. И вдруг все исчезло. Только откуда-то издалека, из темноты, слышался голос мастера участка Кузьмы.

– Иван Антонович! Что же ты, родной? Ну?

«Приставили б тебе прут к горлу, не то бы сделал», – хотел зло ответить Иван Антонович, но почувствовал, как кто-то его очень больно трясет, так что отдается в мозжечке...

Иван Антонович открыл глаза. Над его кроватью стоял вспотевший Кузьма и, облизывая сухие губы, отчаянно кричал:

– Иван Антонович, родной, ну что же ты? Вставай, вставай быстрее!

Иван посмотрел в окно. Светило яркое и свежее утреннее солнце.

«Неужели сон? Чудно как-то. Чего только людям не приснится! Скажи кому – не поверят».

– Чего ты кричишь, Кузьма?

– А что мне еще делать? Студенты кричат: «Давай работу!» И я кричу: «Нету!». Чуть ли не с ножом к горлу подступают. Выручай, Антонович!

Иван снова посмотрел в окно: «Никак сон продолжается».

1975 г.

Егоркина тайна

Вечером на Егорушку Катапультова все смотрели с удивлением. Даже девушки. Этот худенький паренек с иссиня-черными глазами оказался скорым на руку. Обогнав всех на несколько сот килограммов, он стал лучшим картофелекопателем своей 012345 группы. Удивляться пришлось и на следующий день, когда история, прямо сказать, повторилась.

– Честное слово, эти Катапультовы хохмы к добру не приведут, – Сизифов высказался первым.

– Этак, на нас глядя, скажут, что мы ничего не делаем, – не на шутку встревожился Макушкин.

– Егор – молодец, – крикнул кто-то из девчонок.

– Нет, здесь что-то не так. Он что-то придумал, потому и обгоняет всех, – сказал Сизифов. – Интересно, что?

Макушкин почесал затылок.

– А что? Если что интересное, можно даже перенять опыт... Может, за него кто работает?

Все были заинтригованы. Сизифов и Макушкин решили пожертвовать рабочим днем ради общего дела...

...С третьими петухами залегли в кустах рядом с участком Егора.

– Глянь, пришел. Ишь, пташка ранняя... Все еще завтракать сели, а он уже здесь. Ясное дело, что-то тут нечисто, – Сизифов получше замаскировался в кустах.

Егор, ничего не подозревая, поставил ведро на землю и опустился на колени.

– Червем в землю входит, – заметил Макушкин.

...Егор, немного уставший, наполнил семнадцатое ведро и, улыбнувшись, сел отдохнуть.

– Ну, сейчас увидим, – Сизифов с улыбкой смотрел на Егора. – Намаялся.

Макушкин потянулся:

– И я тоже.

Однако ничего не произошло. Немного посидев, Егор опять «ввинтился» в землю.

– Это мне не нравится, – Сизифов с тревогой взглянул на Макушкина. – Наверное, что-то заподозрил. Чувствует, что наблюдаем.

– Чем? Носом что ли?

– А что? – Сизифов брезгливо посмотрел на Макушкина. – С таким пойти куда – за версту слышно.

Макушкин задумался:

– Не, тут что-то другое. Может, еще не время, может, когда устанет, тогда и начнет?

– Куда уж начинать. Солнце – над верхушками. Обед.

– А он работает.

– Да, загадка на загадке...

...Вечером история повторилась. Егор продолжал удивлять: опять стал лучшим...

1975 г.

В центре партера

Какой чудесный балет «Лебединое озеро»! Вчера мы смогли убедиться в этом еще раз. Всей группой. Сразу.

Места попались удобные – в центре партера. Сцена – как на ладони. То, что сцена была, помню точно.

После первых звуков увертюры кто-то толкнул меня в бок:

– Витек, логарифмическую взял?

Я, стараясь не отрывать взгляда от сцены, отдал линейку... Какая прекрасная музыка! Я чувствовал, как у меня вырастают крылья.

– Витек, что-то я не могу разобраться, – меня сзади потрогали за пиджак. – Посмотри, где насыпь, а где выемка. Посмотри, а то горю.

У нас действительно горел проект. Дружно хлопнули замки сумок. Я попытался что-то объяснить. В темноте это прозвучало неуверенно и трудно представимо. Кто-то из наших вдруг радостно ойкнул:

– Ребята, вон там, видите, во втором ряду? Это же наш Егорыч.

Действительно, это был Егорыч, наш консультант.

– Зови его!

Но трудно перекричать целый оркестр. Наши бесплодные попытки – хорошее тому подтверждение. Нужно было идти и брать живым. Идти решили вдвоем, чтобы в случае отказа принести на руках. Через весь зал. Пусть все видят, в какой цене хорошие педагоги.

Увидев нас, Егорыч как-то осунулся и согласно кивнул головой. Отказывать было бесполезно. Он хорошо знал об этом.

К началу второго акта курсовые проекты сдвинулись на местах. Несмотря на темноту и громкую музыку, работа не останавливалась ни на секунду. Голос Егорыча звучал внятно:

– Итак, посмотрим на сцену. Видите, там, в углу стоит маленький черный лебедь. Представим, что это трактор «Беларусь». Место, где только что пробежал парень в трико, обозначим, как котлован. Из него тоже можно было бы сделать озеро и пустить туда лебедей...

Это была разрядка. Мы дружно рассмеялись.

– Ну, все. Посмеялись и работать. Видите, черный лебедь медленно приближается к парню. Вот таким образом трактор «Беларусь» подходит к котловану. Ковш опущен. Семенову на сцену не смотреть. Это же по его курсовому проекту. Можно переписывать один к одному. Тебе сказали, отвернись. Сам думай. Я не виноват, что твой курсовой так совпадает.

– И все же чего-то я не понял, – Сизифов поднял руку. – А если грунт слабый? Видите, черный лебедь упал. Что я говорил! Надо, видимо, учитывать связность грунтов. Котлован-то глубокий...

– Нет, здесь немного иначе. Во-первых, мы его можем вытащить из котлована. Видите, парень в трико уже пытается это сделать. Во-вторых, кроме связности, нужно учитывать еще и правила техники безопасности. В-третьих, мы можем с гораздо большим эффектом использовать грейдер. Видите, вон того рыцаря? Сравните его с черным лебедем. Теперь ясно, чем грейдер отличается от трактора и когда лучше его использовать? Правильно. Потому он и топчет этого в трико. Чтобы провести планировку котлована, разровнять неровности и складки...

После спектакля пятьдесят процентов курсового лежало в наших сумках. Нам было очень хорошо. Музыка просто удивительная!

1975 г.

Как сломался карандаш

(Сказка)

Мягкий Карандаш размышлял вслух. Он лежал в коробке со всеми карандашами и говорил, ни к кому не обращаясь:

– Это просто ужасно. Ужасно гадко. Со мной за всю жизнь не случилось ничего подобного.

Он был очень мягким, эмоциональным карандашом. Может быть, поэтому так близко к сердцу принимал все происходящее не только с ним, но и вокруг него.

– Таков суровый закон жизни, – не глядя на него, жестко сказал Твердый Карандаш, думая о чем-то своем.

– Вы так думаете? А я – нет. Но это действительно ужасно... Вот уже три года, как я работаю над курсовыми, дипломными проектами. Если бы вы знали, как это интересно. Постоянно что-то ищешь, экспериментируешь. Творческий поиск – что может быть интереснее. О! Я бы мог рассказывать об этом часами. Уж кто-кто, а я знаю, что такое истинное наслаждение. Это – успешно законченный эксперимент, исследование, курсовой проект... И вот, пожалуйста, вчера я впервые занялся плагиатом. Не по своей, конечно, воле. Где эти добрые, старые времена? Я обводил уже готовые чертежи, просвечивающиеся лампой через стекло. Где полет фантазии, где творчество?! Я бегал по заранее намеченным линиям, не имея возможности отклониться даже на миллиметр. Как дрожала рука этого мерзкого молодого человека... Он очень боялся что-нибудь упустить. Как он боялся! Ничего более противного я еще не видел.

– Суровый закон жизни, – Твердый Карандаш был как всегда тверд.

– Я мог бы согласиться с вами. Но я знаю подлинную цену этому. Это – ремесленничество. Ремесленничество даже в чем-то одном рождает его во всем, во всей жизни. Что может быть страшнее?

Твердый Карандаш не мог понять его. Он работал на копировальных устройствах. И был этим вполне доволен. Мягкий Карандаш осекся. Невозможно говорить, если тебя не понимают. Остается ждать...

...На следующий день Мягкий Карандаш сломался. Он не мог ждать. Мягкая эмоциональная натура. Он думал этим что-то изменить. Его заменили Твердым Карандашом, который великолепно знал свое дело.

1975 г.

Заплыв

Кажется, мы вместе вынырнули. Я приподнял голову над водой и осмотрелся. Он плыл рядом, но не подавал особых признаков активности.

– Куда нам плыть? – мне трудно было сразу схватить ориентиры. Он медленно повернул голову.

– Я думаю, вперед. Внизу дно, туда никак нельзя.

– Ага. Понятно. Значит, вперед.

Минут пять мы плыли молча. Наконец, я не выдержал:

– Ты когда-нибудь плавал?

– Ага. В ванне. Дома.

– В ванне плохо.

– Стенки мешают. А здесь – класс! Можешь плыть, можешь под воду уйти.

Сказав это, он ушел. Я немного испугался.

– Э-э, не шути, – я похлопал ладошкой по воде. Он показался так же медленно, как уходил.

– Что? Испугался? Ты что, плавать не умеешь? Никогда не плавал?

– Почему не плавал? Плавал. Каждую сессию, как дельфин. От одного рифа уйду, другой уже ждет острым концом.

Мы опять немного помолчали. Минут десять.

– Как ты думаешь, скоро финиш? – я опять попытался осмотреться.

– Я думаю, пока не наткнемся на что-нибудь. У всякой дороги есть конец.

– Масштабно мыслишь, друг. Вот жаль, что мы тобой одни остались, остальные уже где-то закончили дистанцию.

– Ты что? – слева от меня, немного сзади, захихикали. Я попытался обернуться, но, вероятно, сделал что-то чересчур резко...

– Ну, ты больше не шути так, – я открыл глаза.

Чьи-то руки держали меня на плаву и пытались сделать мне искусственное дыхание. Я узнал соседа по заплыву.

– Где, где я?

– Не беспокойся, все тут. Плыдем... Хлебнул воды. Любопытный? Сплюнь.

Мне стало легче.

– Долго ты со мной возился? – я с уважением посмотрел на него.

– Минут двадцать, – удостоверившись, что я в полном сознании, он перелез на свою дорожку.

– Да, эпопея... – я осторожно разгреб воду.

...Час финиша пробил. Мы наткнулись на что-то бетонное. Стенка бассейна. Сквозь сентиментальный туман в глазах я увидел, как подбрасывали вверх нашего преподавателя по физвоспитанию. Сдача норм ГТО по плаванию нашей группой была успешно завершена. К финишу пришли все.

1976 г.

Испытание

Нас взяли совсем еще тепленькими. Это бывает, когда начисто забываешь о какой-либо опасности. Это бывает, когда от безделья становишься доверчивым и невнимательным.

Как-то перед одним из экзаменов к нам пришел наш куратор и сказал:

– Ребята, завтра у вас знаменательный день. Вас выбрали для участия в научном эксперименте – сдавать экзамен электронно-вычислительной машине. Понимаете, весь фокус в том, что ей не надо будет отвечать. Достаточно лишь вспомнить соответствующий участок информации вот здесь, – он показал на голову, – как машина уже будет обо всем знать и сразу выставит самую объективную оценку ваших знаний.

Он восхищенно гладил нам головы, но это больше напоминало нам следствие его удивления: «Неужели у них есть этот участок информации?» Большинство из нас тоже было бы не прочь узнать ответ на этот вопрос. А пока мы были тепленькими, как свежеприготовленные к эксперименту кролики. И наш час пробил.

Это было Варфоломеевское утро. Эксперимент явно выбил почву из-под многих ног, так что приходилось приземляться на голову, на участки соответствующей информации. С непривычки это было очень больно.

...Людочка, наша отличница, плакала самым обыкновенным образом, размазывая тушь по всему лицу.

– Забыла три последние строчки и все, – в ее раскрытой зачетке жирно чернел печатными буквами «неуд». Это был первый звонок. Мы собрались на летучку.

– Думаю, так, – сказал кто-то из наших, кажется, Сизифов.
– Надо что-то делать.

– С кем?

– Или с экзаменатором или с нами... Надо спасти группу.

– Как?

Мы тяжело задумались.

– Может отказаться от эксперимента?

– Ты что? Это же событие в научном мире! На нас же надеются...

Кто-то продолжал всхлипывать. Это были уже ответившие. Эксперимент удался. После выхода шестого человек троек не было.

– Следующий! – из аудитории раздался голос электронного человека.

Отступить было некуда: вокруг были стены. И мы решились:

– Сизый! Иди! Твоя очередь!

Сизифов беспомощно осмотрелся и, опустив голову, вошел в аудиторию.

Трудно сказать, что это было: состязание интеллектов или что-то другое. Ясно одно, после непродолжительного контакта в экзаменаторе что-то шелкнуло, и он затих. Ведь он был всего лишь машиной. Растерянный Сизифов с грустью смотрел на машину. Все оцепенели. От ужаса и счастья. Сизифов качнул головой:

– Так и не смог вспомнить. Эх-ма!

– Что ты там бормочешь? Чего ты не смог вспомнить?... Ты же нас спас! Вот это настоящий друг! – мы понемногу отходили от шока. – Как тебе это удалось?

Сизифов с опущенной головой отошел от машины.

– Так и не смог вспомнить, какой же мы сегодня предмет сдаем. Вот память проклятая!

1976 г.

Когда экзамен на носу

Несмотря на бурную весну, в парке тихо и пустынно. Только возле одной из скамеек стоят две детские коляски. Рядом сидят двое молодых мужчин с книгами в руках.

Изредка они отрывают от книг свои застекленевшие глаза и долго смотрят на беснующихся в колясках малышей. Взгляды их теплеют.

– Мой Борька точно студентом будет, – улыбаясь, говорит первый. – Ишь, ручку куда-то засунул. Рукавчик рубашечки есть, а ручки нету. Ай, да, Борик! Мистифицирует!

– Моя Галочка – не-е-ет! – улыбаясь еще шире, говорит второй. – Посмотреть, любо-дорого. Спокойная, рассудительная. Прямо, преподаватель вылитый... Возьми, возьми бумажечки. Поиграй.

– Как же так: рукавчик есть, а рученьки нету. Что же он отвинтил ее, что ли?... Ух, ты, студентик мой! Рукавчик е-е-есть!

– Поиграй доченька... Э-э! Не так... Зачем же бумажечки рвать? Все «шпорочки» – в кусочки... Ай да, Галочка! Что, папка, сиди опять сутки? Пиши своим корявым.

– Вот вам и Борик. Рученьку оказывается за спинку спрятал... Неужели это я его так одевал? Обожди, а ножки есть? Фу-у... Есть. И обе в штанишках... А с рукавчиком так неплохо бы и самому попробовать на экзамене. Только не на спинку, а на животик. Кажется, есть рациональное зерно.

– Правильно, доченька. Смотри на папку и смейся. Папка у тебя, действительно, похож на барана. Папка теперь без «шпорочек», как птичка без крылышек. Не полетит. А полетит, так быстро посадят... На свое место.

– Ай да, Борик! Студентом будет, точно... Что это за бумажечки из ротика вытаскивает? Вот ведь мыслит! Да там же

шпаргалку можно положить. Под язык. Обожди, обожди, Боречка, дай папке попробовать... Вроде неплохо...

– Ой! Что у нас с Галочкой? Плачет, Галочка! Папку жалко? Конечно, жалко.

– Ей, по моему, себя жалко, – сострадально говорит первый и показывает на пеленки.

– Да-а, – второй растерянно смотрит то на коляску, то на книжку. – Сдашь ты, папка, завтра экзамен! Что, доченька, пойдем? ... Нет, она у меня преподавателем будет. Вечно у нее дела, когда у меня нет времени.

Они поднимаются и уходят, осторожно подталкивая перед собой коляски и не менее осторожно кося одним глазом на книжки. Ничего не поделаешь, экзамен на носу.

1976 г.

Свой метод

– Что это мы с тобой сегодня целый день встречаемся в автобусах да троллейбусах, – сказал я и похлопал Его по плечу.

– Да, уже, наверное, раз пятый видимся, – ответил Он и улыбнулся.

У Него была немного загадочная улыбка. Он сел сразу за мной. Чтобы как-то рассмотреть Его, мне пришлось немного развернуться на сидении.

– Ты что, работаешь здесь? – я с интересом посмотрел на Него.

– Почти, – сказал Он и вдруг опять широко улыбнулся.

В заднюю дверь автобуса вскочил какой-то мужчина и стал почти рядом с Ним. Он быстро встал и, все также широко улыбаясь, сказал:

– Здравствуйте, Игорь Михайлович. Садитесь, пожалуйста.

Мужчина изумленно взглянул на Него, но возражать не стал. Сел. Я тоже посмотрел на Него:

– Ты что?

Он наклонился к моему уху и тихо проговорил:

– Вот такая у меня работа...

– Какая?

– Уступаю место старшим... Вот этот – наш проректор по учебной части. Сам понимаешь, сессия скоро, пора за голову браться. Сегодня уже трем преподавателям уступил место. Плюс сейчас проректору.

– Ты знаешь, это – идея, – я увидел, как в переднюю дверь вскочил наш заместитель декана по общежитиям.

– Евгений Эдуардович, пожалуйста, садитесь, – я быстро встал и широким жестом указал на свое место. Заместитель

декана восхищенно посмотрел на меня и сел. По взгляду я понял: меня запомнили надолго.

– Что-то мы с тобой, действительно, сегодня часто встречаемся в общественном транспорте, – сказал Он и подозрительно осмотрел меня с ног до головы.

– Дела, – ответил я, неопределенно пожав плечами. И двинулся к выходу. Можно было менять автобус...

У меня сессия тоже была на носу.

1976 г.

На троих

– Ну, как пошло? – спросил Синекуров, с состраданием во взгляде осматривая своих товарищей.

– Вроде ничего, можно продолжать, – глухо отозвался Мигреньев, прислушиваясь к чему-то внутри себя.

– А, по-моему, надо передохнуть, чтобы не перебрать, – словно извиняясь за глупость, тихим голосом произнес Поливинилов. – Куда спешить? Весь вечер еще впереди. Что-то голова у меня закружилась.

– Слабак, – брезгливо поморщился Синекуров. – С твоим здоровьем знаешь, где быть?

– Знаю, – угрюмо глядя впереди себя, ответил Поливинилов. – Что делать, если я так уж природой устроен?

– Спортом надо заниматься, спортом, хотя бы в период между сессиями, – молодецки поигрывая бицепсами под рубашкой, наставительно произнес Синекуров. – С тобой ведь, Поливинилов, стыдно за одним столом сидеть. Мешок мешком. И это в двадцать лет. Что с тобой, дорогой мой будущий инженер, будет уже через пару лет? А ведь впереди тебя ждет столько нервных перегрузок.

– Может, привыкну? – попытался оправдаться Поливинилов.

– Эй, хватит трепаться, – прервал диалог товарищей Мигреньев. – Я считаю, можно продолжать. Не спеша, конечно. Чтобы Поливинилова не пришлось выносить отсюда.

– Ох, лишнее это мне, ребята. У меня это все уже в горле стоит, – сказал, все больше и больше бледнея, Поливинилов, затем встал из-за стола и нетвердой походкой подошел к окну. – Не выдержу я...

– Но-но, только без глупостей, – строго предупредил его Синекуров. – Знаем мы эти комки в горле.

– Не хочешь, Поливинил, не надо, – примирительно сказал Мигреньев. – Заставлять особенно не будем. Но вот что тебе скажет твоя собственная совесть, когда мы, твои близкие товарищи, уйдем вперед тебя?

– Не знаю, не знаю, – хватая ртом свежий воздух, ответил Поливинилов, уже немного розовея.

– Да брось ты раскисать! Сколько нам тут осталось? Ерунда совсем. В два приема и готово, – Синекуров тоже встал из-за стола, подошел к Поливинилову и хлопнул его по плечу. – Ну, возьми себя в руки, ты же – мужчина!

– П-п-постараюсь, – вяло ответил Поливинилов. – И как это люди к этому привыкают? Не представляю.

– Такое, конечно, трудно представить, – философски заметил Мигреньев. – В этом один из секретов человеческого организма – высокоразвитой материи... Ну-у, так я снова ставлю вопрос ребром: будем продолжать?

Чувствуя на себе острые, требовательные взгляды своих товарищей, Поливинилов съежился и, с минуту помолчав, отчаянно махнул рукой:

– А-а, где наша не пропадала. Была – не была, давай продолжать.

– Вот это другой разговор, – обрадовался Мигреньев. – Давай, Синекур, банкуй...

– Все понял, – Синекуров быстро сел на свое место, раскрыл учебник высшей математики и, обведя товарищей испытывающим взглядом, спросил, – Так, на каком билете мы остановились?

– На двенадцатом, – угрюмо уточнил Поливинилов и, потянувшись за авторучкой, с чувством выдохнул. – Трудное это все-таки дело – последний день перед экзаменом.

– Это точно, – согласился с ним Мигреньев. – Одно слово – сессия... Читай, Синекуров...

1976 г.

Доигрался

Я всегда думал, что когда-нибудь доиграюсь. С таким отношением к учебе. И знакомые так говорили. И родные. И, действительно, доигрался. После того, как сдал экзаменационную сессию без единой хорошей оценки. Только отличные.

Уже на следующий день на меня смотрели иначе. Даже не на меня. На мою голову. В глазах знакомых я читал одну нестерпимую мысль: «Интересно было бы постучать. Каков звук?» Отец был более категоричен: «У нас в роду ты первый такой. Хороший. Лучше всех, видели такого. Вот она, нынешняя молодежь».

В своем родном потоке я почувствовал вокруг себя вакуум. Самые симпатичные девушки стали смотреть на меня с сожалением и с нескрываемым подозрением: «Интересно, чем он болен: почки, поджелудочная железа, мозжечок? Болезнь, конечно, хочет скрыть!» В отместку им всем я сдал нормы ГТО. Но это еще больше усилило подозрения: «Ага. Ишь, старается. Значит, действительно, что-то есть. Что-то нечисто».

Мне стало совсем неловко. Ко мне стали обращаться с забавными вопросами. Я обязан был знать все. Иначе мне грозило услышать что-нибудь такое, брошенное вскользь, но обязательно касающееся меня или, по крайней мере, моей анатомии.

Наконец, деньги. Мне дали повышенную стипендию. И я понял, что лишние деньги, действительно, развращают. Я стал испытывать тяжкие муки, не зная, куда деть лишнюю десятку, так как привык жить строго на сорок рублей в месяц. И сознание того, что не все у меня складывается как надо, стало отравлять мне жизнь.

Ну, ничего, скоро сессия...

1976 г.

Подарок

Я мог бы поклясться перед кем угодно: мне он был совершенно незнаком. Но его улыбка была настолько открытой и располагающей, что мне просто ничего не оставалось делать, как ответить ему тем же. Так же широко и так же мило.

Он позвонил мне в дверь и сейчас стоял у порога. Мы с минуту молчали, улыбаясь друг другу. Наконец, он подавил в себе этот улыбающийся пузырьек щек и вкрадчиво произнес:

– А я ведь принес...

Признайтесь, приятно, когда вам что-то приносят. Начинаешь чувствовать себя нужным людям. И хотя я абсолютно не знал, о чем идет речь, я широким жестом пригласил его пройти в комнату.

Он прошел и оглядел стены моей квартиры, сплошь заставленные книгами.

– Да-а, Антон Яковлевич недаром говорил о вас, как о тонком ценителе, – он, прищелкивая языком, скользил взглядом по корешкам книг. Затем, словно спохватившись, быстро достал из портфеля какой-то сверток.

– Вот. Антон Яковлевич сказал, что вы очень нуждаетесь в этом издании.

Мне трудно было судить, о ком из моих знакомых идет речь. Потому что знакомых Антонов Яковлевичей я не имел. Сами понимаете, я не мог обидеть гостя своими бестактными уточнениями. Тем более, что речь шла, в конце концов, о книгах.

Он развернул сверток и показал мне книгу небольшого формата с пожелтевшими страницами.

– Всего два дня поисков и вот оно перед вами, – он старательно заглянул мне в глаза, пытаясь прочесть там умиление или, по крайней мере, одобрение содеянному. Я

напрягся и посмотрел на него теплыми глазами. Затем, млея от восторга, спросил:

– Что это?

– Как что? Это курс «Сопrotивления материалов». Тысяча девятьсот тридцать девятого года издания. На испанском языке, – он чутко смотрел на меня и аккуратно гладил книгу своими тонкими белыми пальчиками.

Пытаясь как-то сориентироваться в неожиданной обстановке, я старался как-то выиграть время.

– Неужели? – мягко спросил я и прикинул, кто из знакомых мог бы сыграть со мною такую милую шутку. Это было немножко затруднительно.

– О, да! Это именно так. И всего два дня трудов... Антон Яковлевич был прав: вы – фанатик. Я это вижу по вашим глазам, – он участливо покачал головой.

Я старательно отвел глаза, чтобы он там не прочел еще чего-нибудь. Менее сентиментального.

– Может быть, чай или кофе? – я никак не мог понять, зачем мне нужен курс «Сопrotивления материалов». Тысяча девятьсот тридцать девятого года издания. На испанском языке. И поэтому тянул, как мог.

– Вы знаете, время – оно так дорого, – и он постучал костяшками своих воздушных пальчиков по циферблату своих часов. – Я думаю, мы быстро сговоримся.

Я задумчиво кивнул головой.

– Значит так. Оскар Уайльд, Уильям Фолкнер, Рэй Брэдбери, – он последовательно загнул три пальца и посмотрел на меня. – Только не предлагайте мне Хэмингуэя и Эренбурга... Конечно, я знаю истинную цену этому изданию.

Он кивнул на курс «Сопrotивления материалов».

– Но ради нашего маленького знакомства... – он наклонился ко мне и похлопал своей ладошкой по моей коленке.

– Мы ведь с вами друзья, не правда, ли?

Потом он потрепал меня по щечке и добавил:

– Ну-ну, не огорчайтесь. Их вы мне отдадите в другой раз.

...Я не смог повредить тогда ему мозжечка и сейчас очень сожалею об этом. Когда смотрю на это загадочное издание «Сопrotивления материалов» тысяча девятьсот тридцать девятого года. На испанском языке. Хотя тогда мы все-таки расстались друзьями.

1976 г.

Незаметный

Он появился как-то незаметно. Почти не сумел привлечь к себе внимания. О нем никто не думал. И не заботился. Слишком много было других, важных дел. Наверное, он тоже не подозревал, что к нему так отнесутся. В высшей степени холодно. Его туманные угрозы были слишком отдалены сроками сдачи. Других мер воздействия у него не было.

А ведь он был не таким уж и простым. Чтобы разобраться в нем, надо было прилично покопаться, многое прочесть, проанализировать, сопоставить факты. Нельзя сказать, что от него отмахнулись. Просто его появление никого не обрадовало. Незванный гость хуже... Его это тоже задело. И довольно глубоко. Он был не так уж прост, чтобы его могли свободно игнорировать. И он затаил злобу. На весь мир. На всех этих поверхностно-веселых и объемно-пустых молодых людей. Он знал, как он будет мстить. Они с ним еще побегают. Поносят его на руках, поплачут над его удивительной сложностью, постучатся головой в закрытую дверь своего консультанта. Уж он-то им устроит.

Сейчас им весело. Кто-то даже заметил его. И пытается остроумно иронизировать над его неуклюжестью и, может быть, не совсем компактным видом. Иронизируй, яйцеголовый. Будет и на твоей улице траур. Когда тебе твоя ирония будет вылазить боком. Уж тебя-то надо будет помнить особо. Ты еще угробишь тонну здоровья, чтобы получить килограмм знаний.

Курсовой проект продолжал придумывать козни. Вот этот красавчик, который так брезгливо поднял двумя пальцами свое задание по курсовому проектированию, будет рассчитывать фигурное сечение. Разработок в учебных пособиях по такому сечению нет. Поработаешь, голубчик, сам. Познаешь вкус

исследовательской работы, когда над головой у тебя висит еще парочка проектов.

А вас, девушки-хохотушки, придется наказать графической частью. Вы еще поработаете над ступенчатым разрезом. Когда все оси у вас будут идти мимо проектных отметок. Вы еще узнаете, как работать с курсовыми проектами. Придется расплачиваться кровью. И никакая библиотека вам не поможет. Вы еще у меня почете...

1976 г.

Легкого хлеба не бывает

Дверь скрипела долго и колюче. Антон Антонович невольно оторвал взгляд от скучающей аудитории, набитой экзаменующимися, и удивленно посмотрел в проем двери. Сначала показалась голова и узкие вздернутые плечи. Затем чья-то правая нога аккуратно скользнула через порог. Это был экзаменующийся.

– Я, – молодой человек как-то странно развел руками. – Я прошу меня извинить... Но это... Это экзамен... Я не совсем...

И затем, вдруг опомнившись, кивнул головой:

– Здравствуйте...

Антон Антонович тщательно поправил очки и приветливо ответил:

– Вы, наверное, пришли сдавать...

Молодой человек в каком-то суеверном ужасе раскрыл глаза и вытянул вперед руку:

– Да, да... Сдавать... Это именно то слово...

«Волнуется, – подумал Антон Антонович. – Прямо слово не может связать. Ох, уж эта сессия! Сколько здоровья отбирает... А ведь где-то выучил все от корки до коки. А все боится. Эх, студенты, странный народ. И ведь так всегда».

Антон Антонович откинулся к спинке стула и, размышляя, на мгновение прикрыл глаза. Молодой человек быстрым, настороженным взглядом окинул страдающую аудиторию. Антон Антонович открыл глаза и мягко сказал:

– Ну, что же вы, билеты, вот здесь, – он спокойно указал на лежавшую рядом стопку билетов.

Молодой человек как-то некрасиво поднес руки к полуоткрытому рту и попытался что-то сказать. Из его горла вырвался несколько неестественный звук. Антон Антонович

сочувственно покачал головой. «Этот, точно, зубрилка. Всю ночь где-то напролет сидел. По пятому разу все прошел... Ишь, как его крутит. Чем больше знаешь, тем больше крутит. Старая истина...»

– Да... Да... Вы правы... Билет... Где? – походкой полиомиелитика молодой человек подошел к столу. Неаккуратно смахнул вибрирующей рукой крупную испарину со лба, немножко угодив в экзаменатора.

Антон Антонович несколько поморщился и мелко застучал пальцами по столу: «Гм. Холодный пот. Как бы припадок не устроил».

Молодой человек угрожающе сглотнул. И настойчиво взглянул в глаза преподавателя.

«Этот может», – как-то органично и легко оценил ситуацию Антон Антонович и чуточку пожалел свой совершенно новый кримпленовый костюм с голубым отливом. Затем заставил себя интеллигентно улыбнуться и повторить:

– Ну, что же вы? Билеты здесь...

– Где? – молодой человек уже смотрел невидящим взглядом и конвульсивно клонился над столом, дав новую пищу для размышлений.

«Не нравится мне все это. Может, ну, его. Взять зачетку и все. Знает ведь, чертяка. По глазам вижу, знает». Антон Антонович незаметно отодвинул стул подальше. «И все-таки нет. Пусть подготовится. Успокоится. Представляю, какое наслаждение он мне доставит как экзаменатору».

– Правее, правее, – ободряюще ответил Антон Антонович и попытался поддержать молодого человека за рукав.

– Спасибо, – уныло сказал тот, рухнув на пол, и, зажав билет в зубах, пополз готовиться, изредка оглядываясь...

– Кремень, – сокрушенно вздохнули за дверью в адрес преподавателя. – Такие номера у нашего не проходят. Легкого хлеба не бывает. Надо идти другим путем... Готовь, ребята, «шпоры»...

1977 г.

Новогодний сюрприз

Он сразу понял, что за ним идут. Двое здоровых ребят по этой стороне улицы и трое – на противоположной. Он быстро среагировал на это и юркнул в уже отходивший автобус со слабой надеждой избавиться от нежеланных преследователей, но и там сразу заметил двоих. Он был слишком опытен, чтобы ошибаться и узнавал их по едва уловимым признакам.

В автобусе он почувствовал, что дело обстоит гораздо серьезнее, чем это могло показаться на первый взгляд. За ним следили комплексно, передавая его из рук в руки, что свидетельствовало об их высоком уровне готовности.

Через две остановки он выскочил из автобуса и профессионально огляделся. Их стало вдвое больше, и они бдительно следили за каждым его шагом, каждым движением. Первые симптомы паники стали проникать в его сознание.

«Все. Сегодня не уйти, – грустно подумал он, продолжая прикидывать варианты спасения. – Сегодня они резко активизировались. Пикеты стоят на каждом углу. Надо играть в открытую».

Быстрым шагом он направился к огромному зеленому зданию. Это было его отступление. Они, предвкушая скорую победу, ринулись толпой за ним, оживленно обсуждая ловко организованную операцию.

«Рано радуется, – подумал он, пробежав по коридору здания и заскочив в небольшую комнату. – Талант организатора акции несомненен. Его можно выделить. Но остальные...»

Он услышал, как за дверью катастрофически быстро росла толпа. Ее приглушенный рокот создавал нездоровую вибрацию стен и потолка. Его соседи испуганно переглянулись. Он спокойно улыбнулся и покачал головой им в ответ: «Не

беспокойтесь, коллеги, все в порядке». Затем он вытащил небольшой листок бумаги и написал на нем: «Прием курсового сегодня с 14 до 15».

– Машенька, – мягко сказал он лаборантке кафедры, – прикрепите это, пожалуйста, на двери с той стороны...

1977 г.

Встреча в переулке

Они выросли передо мною, словно грибы после теплого и сочного дождя: красивые и здоровые.

– Ну? – сказал первый товарищ. – Сымай!

– Что? – немедленно спросил я, так как впервые попал в историю «один против трех в темном переулке» и имел все основания задать этот вопрос, чтобы каким-то образом конкретизировать свои дальнейшие поступки.

– Сначала часы! – конкретизировал первый товарищ.

Я охотно расстался с часами, так как у двух других вид был не менее «дружелюбный».

– А теперь плащ, – процедил сквозь зубы второй и сплюнул.

Третий критически осмотрел меня.

– Да-а, костюмчик подвел. Ты им что, пыль на мебели протираешь? Потрепанный, потертый весь... Ладно, все равно снимай... Пригодится.

– Как вам сказать? Если столы в студенческой аудитории классифицировать как мебель, то выходит, что протираю, – ответил я и ласточкой выпорхнул из костюма.

– А-а, – понятиливо закивал головой третий, принимая костюм. – Значит, учишься.

– Да, еще пару лет, – и на самостоятельный хлеб. А пока, сами видите, костюмчик один, да и тот подводит.

– Стоп, – сказал первый товарищ и внимательно посмотрел на меня. – Где учишься? На дневном? В теории машин и механизмов сечешь?

– Мы – «технари»... Специалисты широкого профиля, а ТММ – один из компонентов нашего учебного процесса...

– Ну?... Вот это удача!... Тут понимаешь, какое дело... Я немного заочник. Надо контрольную решить.

– Всегда рад помочь нуждающемуся товарищу, но сам понимаешь, – я выразительно щелкнул языком. – Такие дела сразу не решаются.

– Возьми, – первый отдал мне мои часы.

– Мало! – ответил я.

Контрольная по теории машин и механизмов стоила минимум двадцать восемь рублей – это без проверки сечения в последней задаче. Мои же часы стоили всего двадцать три рубля.

– Сейчас хватит? – первый товарищ снял свои часы.

– Пожалуй, да, – прикинул я сумму. – Сдачу получишь вместе с решениями.

– Слушай, как у тебя с интегралами? – второй тоже задумчиво почесал затылок.

– Интегральное исчисление – неразрывная часть большинства инженерных наук. Так что обязан знать его как таблицу умножения.

– Ну?! Слушай, возьми заказ. Все сроки горят. Выручи, друг!

Я пожал плечами. При сентябрьской нынешней погоде в часах и ботинках было немного зябко.

– Почему бы не помочь!... При определенном материальном стимулировании – это не проблема.

– Ага. Понял. Бери, – второй кинул мне мой плащ.

– Мало, – уверенно сказал я. Плащ был старенький, а коэффициент «за скорость» резко увеличивал цену. Второй товарищ, не раздумывая, стал снимать свой плащ.

Я повернулся к третьему. Тот укладывал мой костюм в свою спортивную сумку, потом поднял голову и сказал:

– Ну, что, пошли, ребята. А то у меня завтра зачет по физвоспитанию. Нужно еще пресс «покачать». Это – дело серьезное. Это вам не машины и механизмы. Здесь самому готовиться надо.

Правильно сказал товарищ. Без самостоятельности сейчас далеко не уедешь. Очень ценное качество...

На том мы и разошлись.

1984 г.

Влип

Где-то около одиннадцати за Кузей зашел здоровенный парень в джинсовом костюме и кожаной кепке. Он окинул тяжелым взглядом исподлобья Кузю, выбежавшего открывать дверь в пижаме, мать Кузи, выглянувшую из кухни.

– Что стоишь? – строго произнес парень и сурово добавил.
– Я за тобой. Одевайся.

Кузя как-то обмяк и украдкой взглянул на свою мать, несколько удивленную происходящим. Почувствовав недоброе, она подошла к парню вплотную.

– Ты куда его тянешь?

– Он знает, куда, – нагло оскалился парень, поигрывая мышцами.

Маргарита Васильевна посмотрела на Кузю. Тот медленно и нехотя собирался. Очень задумчивый и, как ей показалось, чем-то угнетенный...

– Понятно, решили взять испугом!

– Если вам нравится, то можно классифицировать и так, – голос незнакомца вдруг снова стал очень строгим. – Сколько тебя ждать? Или ты думаешь, что я здесь для мебели торчу? Тебя уже давно ждут...

Бицепсы парня угрожающе вздулись. Маргарита Васильевна, не сводя с него глаз, пошарила руками вокруг себя. Наконец, нащупала что-то, заслуживающее внимания, – пылевывивалку. Что же, это как раз то, что нужно.

– Уходи отсюда, – сказала Маргарита Васильевна и выставила перед собой свое «холодное оружие». Парень только усмехнулся.

– Не трогай его, – вдруг тихо сказал Кузя. – Я все равно пойду. Иначе меня не простят.

Маргарита Васильевна онемела от ужаса, и пылевыбивалка выпала из ее рук.

– Ты их боишься?

– Боюсь, – чистосердечно признался Кузя. – Сейчас уже слишком поздно что-то изменить. Я слишком завяз в этом деле.

И Кузя поплелся за незнакомцем.

– Влип, – сглатывая слезы, произнесла Маргарита Васильевна, когда за Кузей уже закрылась дверь. – Что же делать? Влип!...

Несколько секунд она смотрела на дверь, пытаясь как-то осознать происшедшее. Затем нетвердой походкой подошла к телефону и сняла трубку:

– Алло!... Милиция!...

– Что же ты думаешь, если меня назначили ответственным за успеваемость в группе, так я буду сквозь пальцы смотреть, как ты просыпаешь уже второй зачет подряд, – строго говорил парень в джинсовом костюме, крепко держа Кузю за рукав рубашки.

– Но я, честное слово, нечаянно, – как-то нескладно попытался оправдаться Кузя.

– Погоди, то ли еще будет. Сегодня же устроим экстренное заседание бюро. Мы с тобой там поговорим. Ведь всю группу позоришь.

«Влип, – подумал Кузя. – Вот ведь в группу попал. Так и отличником сделают. По крайней мере, к тому ведут».

1984 г.

Отдай конспект!

В тот вечер я хотел написать юмореску о студентах, попавших в трудное положение во время сессии. Но как-то так получилось, что сначала я попал на новый зарубежный фильм из серии тех, в которых по обыкновению бывает много суровых парней, постоянно спасающих обольстительнейших девушек, много стрельбы, драк и погонь, и мало того, что мы называем содержанием картины. Придя поздно вечером из кинотеатра домой, я все-таки не отказался от мысли написать юмористический рассказ. И вот что из этого вышло.

Энди откинулся на спинку сидения и устало потер висок новеньким «винчестером».

– Он не мог чего-нибудь заподозрить? – спросил он и, перегнувшись назад, посмотрел на меня.

– Не беспокойся, все будет о`кей. Лучше выпей, – я протянул ему немного неразбавленного виски. – Это сейчас очень кстати.

Он выплюнул жевательную резинку прямо под ноги и выпил.

– Мы здесь торчим, как белые вороны, – снова сказал Энди, на этот раз со злобой. Действительно, машины проносились по авеню словно форварды «Бостон Брюинз» в свои лучшие годы. И только мы скромно причалили к обочине в ожидании своего дела.

– Потерпи немного, – ответил я и еще раз прокрутил магнитофонную запись беседы Черного Эдварда с Красавчиком. Черный Эдвард был нашим человеком. Он славился своим умением развязывать языки самым молчаливым и самым стойким. Но с Красавчиком у него вышел прокол. С какой бы

стороны он ни подходил, Красавчик ловко парировал все его угрозы, построив целую крепость из недомолвок и несущественных намеков.

– Ты думаешь, Хэдли будет осторожна? – Энди снова повернулся ко мне.

– Сейчас ты сам в этом убедишься, – сказал я, настраивая приемник на волну микропередатчика, установленного в серьгах Хэдли. Энди наострил уши.

–... ах, дорогой, прекрати об этом говорить. Неужели у нас больше нет тем для разговора, – из приемника послышался капризный голосок Хэдли. – В конце концов, теорий прочности так много, а мы с тобой здесь только вдвоем...

– Что она делает? – воскликнул Энди. – Он же почти раскололся...

– Не кричи, – грубо оборвал его я. – Что делать, она знает лучше нас.

– Ну, что же ты, дорогой, – услышали мы опять голос Хэдли.

– Одну секунду, моя крошка... – в приемнике вдруг послышался громкий треск.

– Красавчик включил систему помех, – констатировал Энди. – Парень не промах.

Меня это разозлило. Слишком много неприятных минут доставил мне Красавчик за последние дни.

– Одевайся, – крикнул я Энди и кинул ему пуленепробиваемый жилет. – Мне надоело ждать. Конспекты, наверняка, у него дома.

– Давно бы так, – крикнул Энди, шелкнув предохранителем своего «винчестера». – Вот такая работка мне по душе.

Мы выскочили из своего «форда» и зашагали к дому Красавчика. Иного выхода у нас не было. Экзамен по сопромату – завтра.

1985 г.

Как я был редактором

Как-то на очередном профсоюзном собрании выдвинули меня редактором нашей факультетской газеты. Это Ершов, активист нашей профгруппы, постарался. Встал и напрямик всем заявил:

– Нам давно уже пора оживить выход своего боевого органа. И Поливинилов для этого – самая подходящая кандидатура. Самокритичен, гибок, напорист. Энергия – через край. Что еще для редактора надо?

За неимением других кандидатур все проголосовали за меня. Тогда я встал и в ответном слове неосторожно заметил:

– Спасибо, товарищи, за доверие. Я приложу все свои силы, чтобы наша стенная печать превратилась в действительно боевой, острый орган, неуживчивый с отрицательными явлениями.

Уже на следующий после собрания день я взялся за редакторские дела. Этот факт почему-то ошеломил на факультете всех. Весть о подготовке первого номера стенгазеты распространилась с быстротой молнии.

– Это правда? – спросил меня Кошкин, едва ли не шепотом, когда мы шли с ним обедать в студенческую столовую.

– Правда, – спокойно ответил я.

– Тогда возьми вот эту заметку. Я ее, правда, псевдонимом подписал, но все изложенное здесь соответствует действительности. И про нашего декана тоже, – и он, оглядываясь так, словно это был текст зашифрованного донесения, передал мне сложенный до размера трехкопеечной монеты листочек.

С приближением выхода первого номера стенгазеты шум вокруг этого предстоящего события стал нарастать. Я заметил, что к нам все чаще и чаще стали заглядывать преподаватели и студенты с других факультетов, глядя на меня, тихо спрашивали у кого-нибудь:

– Этот?

– Этот, – скорбно отвечали им трагическим голосом.

После обеда ко мне пришел Котелков.

– Отчаянный ты человек, Поливинилов, – сказал он. – И знаешь, мысленно я с тобой.

– А что такое? – не понял я.

– Разве не боишься? – спросил Котелков, хитро сощурившись.

– А чего бояться? – в свою очередь спросил я. – Ничего нового в вопросе критики и самокритики нет. Требования на этот счет известны всем. Их надо только придерживаться и развивать.

– Ну-ну, давай придерживайся и развивай, – с легкой иронией произнес Котелков, но все-таки полез в карман и вытащил оттуда листок бумаги. – У меня здесь под псевдонимом. Это ничего?

– Ничего, – ответил я и забрал очередную заметку. – Спасибо. Честно говоря, не ожидал от вас такой активности и помощи.

Накануне выхода первого номера вызвал меня к себе, наконец, и наш декан товарищ Лепестков. Честно говоря, я давно уже ждал этого момента.

– Что-то вокруг вас, Поливинилов, такой ажиотаж поднялся. Затмили славой на факультете всех, – сказал он,

пристально глядя мне в глаза. – Дешевую популярность таким образом завоевать думаете?

– Да я здесь, честное слово, ни при чем, – попытался оправдаться я, но вышло это у меня не очень убедительно.

– Не знаю, не знаю, – задумчиво произнес декан. – А я в вас, откровенно говоря, был уверен. Скоро распределение, были предложения оставить вас на кафедре. А тут вы со своей стенгазетой. Говорят, много в ней будет интересных, полезных, острых, критических материалов, замечаний, не взирая на лица. Это, конечно, очень хорошо. Даже прекрасно, можно сказать. Но как-то не связывается все это в единое целое. Понимаете меня, Поливинилов? Стенгазета получается сама по себе, перспектива – сама по себе. Не вижу я в этом противостоянии органического единства. А вы видите?

Пришла моя очередь задуматься. Щелкнул я тогда языком и ответил:

– Если вы не видите в этом гармонии, Иван Николаевич, то уж мне ее вдвойне трудно увидеть.

Словом, вышел я от декана с точно поставленной перед собой целью. Собрал все материалы первого номера стенгазеты и понес их Ершову. Тот, ничего не понимая, уставился на меня.

– Знаешь, Ершов, – сказал я. – Ты меня в редакторы выдвигал, ты меня и задвинь. Очень прошу тебя.

– Эх, значит, опять осечка вышла, – горестно вздохнул активист нашей профсоюзной организации. – Не везет нам с редакторами. Не задерживаются они у нас. Никто не выдерживает. Что же, будем искать замену...

– Ты их только не выбрасывай, – посоветовал я, передавая материалы. – Дело это очень нужное. Может, кому еще пригодится. А может, и мне самому. Через пару лет... 1986 г.

Третьего не дано

Зашнуровав кроссовки, Сандрик, пожившись, вышел на беговую дорожку. Подпрыгивая, разминаясь, разогревая мышцы, приблизился к тренеру.

– Надеюсь, ты понимаешь, – сказал тот, – экзамен, тем более такой, какой у тебя сегодня, это всегда тяжелый труд.

Сандрик согласно кивнул головой.

– Постарайся пройти всю дистанцию как бы на одном дыхании, – продолжал наставлять тренер. – Запомни, на первенстве вузов слабых соперников у тебя не будет. Поэтому уже сейчас ты должен вы-ло-жить-ся! Мы очень рассчитываем на твою победу послезавтра.

И, подумав, добавил:

– Словом, запоминай: на «отлично» – двадцать три секунды, на «хорошо» – двадцать три с половиной, на «удовлетворительно» – двадцать четыре секунды. И всего двести метров бега.

– Ого! – вырвалось у Сандрика.

– Но сам понимаешь: иного выбора нет. Одно из двух. Третьего не дано.

– Я готов, – хрипло произнес Сандрик, концентрируя волю.

– Приготовились!... Марш!

Сандрик со старта вылетел словно из катапульты. Домоклов меч экзамена гнал его по дистанции.

За финишем Сандрик опустился на зеленый газон стадиона.

– Признаться, не ожидал от тебя такой прыти, – услышал он голос тренера. – Великое дело – стимул!

Придя немного в себя, Сандрик потянулся к заднему карману трико – за зачетной книжкой.

– Четверку ты сегодня заработал честно, – сказал тренер, забирая зачетку.

Пряча ее в свой карман, он только уточнил:

– Это какой у тебя сегодня экзамен? Политэкономия?

– Да, – выдохнул Сандрик, откидываясь на траву. – А потом – физика...

1988 г.

Неожиданная встреча

Экзамен по математике начинался в девять. Без пяти минут почти вся группа была в сборе. Староста посмотрел на часы и покачал головой:

– Что-то наш преподаватель задерживается...

– Не к добру, – добавил Сандрик и слегка поежился. – Плохая примета.

– А тебе этот экзамен в любом случае не к добру, – высказал предположение староста.

– Это почему же? – возмутился Сандрик, инстинктивно проверяя наличие учебников под своей джинсовой курткой.

– Ты на лекции фактически не ходил, – рубанул с плеча староста. – Откуда знаниям быть?

– Ну и что, что не ходил? Запомни: я удачливый. Главное в нашем деле – крепкие нервы. Кто со мной не согласен?

Ему никто не ответил: все жадно изучали конспекты. От этого лихорадочного листания Сандрику стало не по себе. Решив размяться, он вышел из аудитории.

Сделав несколько шагов по коридору, увидел стремительно летящую навстречу девушку в строгом платье. Что-то знакомое померещилось Сандрику в ее облике. Недолго думая, преградил незнакомке дорогу:

– Тебе не кажется, что мы с тобой где-то уже встречались? – дружелюбно спросил Сандрик, игриво обнимая девушку. – Вот только не помню, где?

– Разве? – удивленно спросила она, с трудом освобождаясь из объятий Сандрика. – Я вас на лекциях что-то не припомню...

– А-а, ты, наверное, учишься в нашей группе, – догадался Сандрик. – То-то я вижу, что лицо мне твоё знакомо, а где видел – понять не могу.

– Простите, я опаздываю, – сурово сказала девушка, пытаясь пройти мимо.

– Да погоди, ты, чертовка, – остановил ее Сандрик. – Наш преподаватель все равно еще сон досматривает. Так что придется подождать. А вдвоем, согласись, ждать веселее.

Сначала незнакомка хотела что-то возразить, но, посмотрев на решительное лицо Сандрика, улыбнулась и сказала:

– Я бы хотела еще немного почитать конспект. Говорят, наш преподаватель – очень строгая.

– Да брось ты – конспект, строгая, – немного рисуясь, произнес Сандрик. – Ты бери пример с меня. Я только на одной, самой первой лекции по математике был. И все равно считаю, что экзамен у меня в кармане.

– Это почему же? – удивилась незнакомка. – Потому что в каждом кармане по шпаргалке?

– Ты, что? – рассмеялся Сандрик. – Чтобы шпаргалки иметь, их надо сначала написать. А у меня со временем, честно говоря, туго. Ты, кстати, не хотела бы сегодня вечером посидеть со мной в баре? Хороший «металл» ребята крутят. И ты, между прочим, ничего. С такой не стыдно показаться. Только, конечно, не в этом платье. Ты меня понимаешь, верно?

– Как же ты без шпаргалки думаешь сдавать математику? – пропуская мимо ушей приглашение, спросила девушка. – Поделись опытом. Мне ведь тоже времени катастрофически не хватает.

– О`кей, – усмехнулся Сандрик, распахнул куртку и продемонстрировал торчащие под рубашкой учебники. – Здесь скорее важна ловкость рук, умение выдержать паузу. Физик, между прочим, на предыдущем экзамене ничего не «подсек».

– И ты сдал физику? – не поверила незнакомка.

– Сдал, – гордо ответил Сандрик, застегиваясь. – Ты пойми, им ведь тоже нет никакого резона нас «заваливать». Бегай потом за нами, пока пересдадим.

– Интересная теория, – задумалась незнакомка.

– Так что мы решили относительно сегодняшнего вечера?
– настойчиво добивался Сандрик.

– Давай договоримся так. Если ты сейчас сдашь экзамен по математике, то вечером мы с тобой идем на дискотеку. Но если «завалишь»...

– Решено, – обрадовался Сандрик. – Я рад, что мы так быстро нашли общий язык. Тебя, кстати, как зовут?

В этот момент из аудитории вышел староста. Увидев незнакомку, сразу же бросился к ней:

– Марина Николаевна, а мы вас уже ждем. Аудитория к экзамену готова.

– Да-да, сейчас иду, – ответила Марина Николаевна и посмотрела на Сандрика. В ее глазах плясали веселые огоньки. И она быстро направилась в аудиторию.

– Кто это? – шепотом спросил остолбеневший Сандрик у старосты, чувствуя выступивший под рубашкой холодный пот.

– Наша математичка, – ответил тот, отправляясь вслед за нею. – Говорят, сразу после университета пришла к нам лекции читать.

– Так вот почему ее лицо мне знакомо, – горестно сказал самому себе Сандрик, доставая книги из-за пазухи. Чутье подсказывало ему, что на сегодняшнем экзамене они уже не понадобятся.

1988 г.

Лебединая песня

Он сидел, опустив голову и глубоко задумавшись.

«Все. Моя песенка спета, – подумал он, и ему стало как-то очень и очень жаль себя. – А ведь я еще такой молодой... Да-а, попал в переplet. Сейчас попробуй, выкрутись...»

Он поднял голову и обвел отсутствующим взглядом присутствующих здесь людей: «Что им от меня надо? Неужели конец? Ах, как быстротечны мгновения счастья».

Только сейчас он понял, как совершенно не ценил своих золотых дней молодости. Он был легкомысленным, легко поддающимся чужим влияниям наивным человеком. Все – в прошлом. Даже нечего вспомнить. Если только Маришку. Да и та, увидев, в какую историю он влип, ушла к другому, умному, хотя и в очках, мужику.

Он уже ни в чем не обвинял себя. Поздно. Слишком поздно. Он прекрасно знал, на что шел. Тогда. И остальные тоже знали. Знал, что возмездие неотвратимо. И все же как-то не верилось, что все будет так просто и нудно.

На него смотрели с некоторой опаской. Он чувствовал это. Но предпринимать что-то было просто лень. Что заслужил, то и получишь. Это он тоже знал неплохо. Меньше трех лет за такие дела не дают. У него все поплыло перед глазами. А может заплакать, попроситься, смягчить сердца слезливой физиономией. Три года, маменька моя родненькая... А, может, честно признаться, что он ничего не знает и совершенно напрасно морочил столько времени им всем головы.

«Нечего ныть, – сказал он себе. – Надо держаться. Надо быть мужчиной. И принять этот удар судьбы с высоко поднятой головой».

Это самовнушение придало ему сил, и он уже смелее посмотрел на этих людей. «Вы думаете, это мне дадут три года? Нет, это нам с вами дадут такой срок», – хотелось ему мысленно крикнуть всем присутствующим, но его перебил громкий голос декана:

– Итак, Сизифов, куда бы вы хотели ехать по распределению? Мы слушаем ваши пожелания... Внимательно слушаем...

Присутствующие одобрительно закивали головой...

1977 г.

Начало

– Боязно? – понимающе улыбаясь, спросил Катапультов-старший, глядя на сына, который слегка дрожащими пальцами медленно перелистывал учебник «Сопротивления материалов».

– Правильно, первый рабочий день – это, брат, как фундамент: как поставишь, так и будет держаться авторитет в коллективе.

– То-то и оно, – ответил Катапультов-младший. – Все-таки после защиты диплома призабыл некоторые формулы...

– А ты учи, вспоминай... Я, брат, свой первый рабочий день как сейчас помню. Пришел в бюро, и завалили меня проектами. Специалистов тогда не хватало, так что попотеть пришлось. А потом и в привычку вошло работать изо всех сил. Так до пенсии время незаметно пролетело. И все равно руки чешутся. Так бы, кажется, и стал снова за кульман, – сказав это, Катапультов-старший потрогал лежавший на столе диплом сына. – Вкладыш не забудь взять. Пусть посмотрят, что не зря хлеб на студенческой скамье ел. Вон, сплошные пятерки...

– Да что ты, отец, в самом деле, – ответил, смущаясь, Катапультов-младший, выписывая на бумажку формулы изгиба и кручения.

– Ладно, ладно, – пробурчал Катапультов-старший и направился из комнаты сына, но в дверях обернулся. – Ты только долго не засиживайся. Завтра рано вставать. Грех в первый день на работу опаздывать. А вкладыш не забудь. Непременно спросят...

– Начальника пока нет, но я могу показать ваше рабочее место, – сказала Лидочка-машинистка, оглядывая с ног до головы Катапультова-младшего, робко сжимавшего в руках диплом и приложение к нему. – Вот стол и кульман возле окна.

– Спасибо, – поблагодарил Катапультов-младший и медленным взглядом обвел комнату.

– Да ты не дрейфь, парень, – весело крикнул Кошкин и, вытащив из стола шахматную доску, подмигнул новому работнику. – Здесь все свои, самый мировой отдел... Ты в шахматы как? Может, скинемся партейку?

– Да нет, я в шахматы не очень, – ответил Катапультов-младший и робко поправил галстук.

– Ты что? А чем в институте занимался?

– Да больше конструкционными материалами.

– Жаль, – огорченно произнес Кошкин и, повертев доску в руках, положил ее обратно в стол. – Я-то надеялся, времени до обеда еще уйма.

– Э-э, молодой человек, оперу Чайковского из семи букв не подскажете, – выглянул из-за своего кульмана умный Ершов.

– Да я, собственно, не музыкант, – тихим, слегка подрагивающим голосом ответил Катапультов-младший. – В институте нас ориентировали на конструирование прогрессивных систем...

– Детektивами не увлекаетесь? – оторвавшись от чего-то, наверное, очень интересного, поднял глаза на молодого специалиста Котелков. – Я вот здесь один заканчиваю. Японский. Убийства на каждой странице и все разными способами. Могу дать почитать до конца рабочего дня.

– Нет, детektивами не увлекаюсь, – совсем испугавшись, ответил Катапультов-младший. – Времени как-то не было. То курсовые, то студенческое конструкторское бюро. Червячные, ременные передачи... Проекты, знаете, идеи новые...

– Слышь, новенький, батник не купишь? – из-за кульмана со свертком в руках вышел Поливинилов. – Недорого возьму.

Мне он не подошел. Обидно. Весь день вчера примерял. Ты в плечах меньше, тебе подойдет... Да ты не бойся. Иди сюда, за кульман, прибрось на плечи.

– Да я, собственно, работать... По направлению ... На должность инженера, – беспомощно оглядываясь по сторонам, пропищал Катапультов-младший.

– Кого вы слушаете? – подскочила к растерявшемуся молодому специалисту Лидочка-машинистка. – Всем известно, что у этого Поливинилова одни джинсы да батники с дубленками в голове. Вы лучше посмотрите, что у меня есть. Настоящие французские моды. Между прочим, и для мужчин такого типа, как вы, – и она потащила Катапультова-младшего к своему столику.

– Да я... Да вот, диплом... Вкладыш с отметками... – залепетал тот что-то совсем непонятное, двигаясь за Лидочкой.

– Что вы говорите? – переспросила она.

– Нет, нет, ничего, – вдруг бодро ответил Катапультов-младший, словно очнувшись от шока. – Так вы говорите, моды. О, это очень интересно.

Никто из присутствующих так и не заметил, как он быстро смял вкладыш к своему диплому и незаметным движением опустил его в карман пиджака. Не мудрено, все были заняты своим делом.

1980 г.

Секрет фирмы

Что там говорить, весь наш курс знал, что Катапультову просто дьявольски везет. Бывают такие люди, которым достаются исключительно счастливые билеты в новогодней лотерее, самые лучшие места в театре, самые красивые знакомые девушки. Катапультову доставались самые легкие билеты на экзаменах.

Приходишь, бывало, сдавать сопромат. Лицо от формул перекошено, руки после бессонной ночи трясутся, в голове – вавилонское столпотворение, в глазах – темно. По стенке добираться до нужной аудитории и немного стихаешь перед последним рывком. И здесь же вдруг появляется в коридоре Катапультов. Щеки – розовые, в глазах – огонь, жажда предстоящей схватки с преподавателем, на губах – улыбка во весь рот, а с языка шутки в наш адрес так и слетают. Не знаю, как кого, но меня лично это просто бесило. Вот ведь, думаю, везет человеку, наделила его мать-природа такой незаменяемой в студенческих делах способностью – тащить самые легкие билеты. Хоть ты плачь тут прямо под дверью аудитории.

Интересно, что заходил Катапультов на экзамен всегда самым первым. В течение получаса «отстреливался» и выходил с очередной «пятеркой», все так же ехидно улыбаясь, смеясь над нашим жалким видом. Все, конечно, со всех ног к нему: «Что отвечал? Какой билет? Как настроение преподавателя? Можно ли списать? Стоит ли вообще сегодня идти на экзамен?» А он так спокойно выставит ладошку вперед и говорит свою знаменитую «дежурную» фразу:

– Ребята, вы меня знаете, как всегда, самый легкий билет, – и все на этом.

Чего мы только не делали, чтобы разгадать метод Катапультова. Было даже время, когда следили за каждым его шагом. Он в столовую – и мы за ним, он в общежитие – и мы, он на тренировку – и мы, он в читальный зал – и мы, он на лекцию – и мы, правда, не все. И ничего в нем особенного не нашли. Сидит себе, конспектирует, а мы на него смотрим, в столовой ест, на тренировке носится как угорелый, в библиотеке читает, а мы все на него смотрим. И ничего заслуживающего внимания не видим.

Плюнули мы потом на это дело – слезку за Катапультовым. Или он чувствовал, что мы за ним следим, поэтому и не раскрывал своих карт, или действительно сидела в нем какая-то сила сверхъестественная. Но как подходила очередная сессия, картина повторялась в точности. Мы – синие от злости и недосыпания. Катапультов – кровь с молоком, так от него и несло оптимизмом.

Самое интересно, что мы в институте так и не смогли раскрыть его секрета. И уже где-то лет пять спустя встретил я Катапультова на автобусной остановке. Он все такой же: здоровый, глаза веселые, шутками так и сыплет. Понятно, уже начальник управления – и там ему, наверное, везет. Так вот, встречаю и говорю:

– Слушай, Катапульт, ну сейчас-то можешь ты сказать, как тебе удавалось эти номера проворачивать с экзаменационными билетами. Раскрой секрет фирмы.

– Сейчас могу, – говорит. – Просто они для меня, действительно, все легкие были. В семестре поработаешь, в сессию можно и отдохнуть.

– Привет, – говорю, – от мастеров художественного свиста. Я ведь сам мастер заливать. Ну, можешь ты мне всю правду сказать?

Он, чудака, удивляется:

– Да я тебе все, как было, выкладываю.

– Ладно, я тебя ведь, Катапульта, насквозь вижу. Ты этим способом, наверное, и сейчас пользуешься, вот и не хочешь открываться. Признайся, так?

Он улыбнулся, покрутил головой и так ехидно, как бывало в институте, говорит:

– Раз знаешь, зачем спрашиваешь?

На том мы с ним и расстались. И, если честно, меня это дело до сих пор мучает. Есть же счастливые люди. Вот Катапультиков – уже управляющий трестом. И почему удача выбрала его, а не меня? Не пойму.

1980 г.

Фотография

Хорошее дело – институт. Сколько лет прошло, а с какой теплотой вспоминаешь то беззаботное студенческое время. Порой так и хочется вернуть все обратно, стать таким же молодым и веселым, каким был. Встретиться с друзьями, лица которых уже постепенно размываются в памяти. Жаль, фотографии нет. Была, да сжег я ее как-то. И, прямо сказать, редко жалею об этом. Потому что вышла с фотографией такая история.

Случилось это года три назад, когда напала на меня тоска, подобная сегодняшней. Достал я фотографию всего нашего выпуска. Рассматриваю. Вспоминаю. Подходит жена.

– Кто этот, симпатичный такой? – указывает пальцем на одну из карточек и садится рядом со мной.

– Этот?... Витя Хромов... Сейчас в министерстве отделом заведует. За несколько лет сделал отличную карьеру.

Жена с уважением посмотрела на физиономию моего старого друга.

– А этот где сейчас?

– Саша Поливинилов? Защитил кандидатскую. Преподает в том же институте, где мы и учились. Башковитый, ужас! Ему и докторская по плечу. Вот увидишь!

– А здесь кто? – жена с интересом посмотрела на следующую карточку.

– Это Володя Котелков. Непоседа – жуть! Закончили институт, попросился на Камчатку. Представляешь, буквально через несколько лет получил орден за строительство нового города. Каково, чувствуешь? Сейчас руководит трестом.

Жена задумчиво покивала головой.

– А это кто?

– Ха-ха-ха. Неужели не узнала? Это же я – Александр Борисович Елкин, инженер планово-экономического отдела... Ну, не узнала?... Каково? Не узнать собственного мужа? Неужели я так изменился?...

Честно говоря, меня это так рассмешило, что я подскочил к зеркалу и стал мять свое лицо руками.

– Клава, ну, посмотри. Нос – тот же. Глаза – те же. Щеки... Вот, может, щеки немного толще стали? А?

Я обернулся и увидел, каким взглядом меня измерили.

– Нет, – сказала жена, делая почему-то на этом слове странное ударение. – Ты абсолютно не изменился после своего института...

В тот же день мы крупно поссорились. Из-за моей зарплаты. Но я-то знал, что виной всему – фотография. Вот и пришлось ее ночью сжечь, тайком от жены. И сейчас редко жалею об этом. Так как Витя Хромов уже заместитель министра, а Саша Поливинилов защитил докторскую.

1978 г.

День первого тумана

Я не знаю такой девчонки, которая бы в свои двадцать два года не хотела бы выйти замуж. Не знаю, потому что таких нет. А если где-то и есть одна, так это дура. Самая настоящая дура. Я всегда так думаю, когда стою у витрины «Салона для новобрачных». Я могу простоять здесь целый час, пока на меня не станут обращать внимание. Только тогда я могу уйти от этого белоснежного, воздушного платья. А могу и остаться. И совершенно не обращать внимания на хихикающих прохожих. Наверное, даже моих ровесниц. Но я обычно ухожу. Чтобы побродить по городу...

Сейчас весна. А я люблю осень. И особенно тяжелые осенние туманы. Такой вот у меня вкус. Но мне все равно хочется побыть одной. В такие минуты я люблю о чем-нибудь думать и даже мечтать. О себе, о своих друзьях. О том, какая я старая. И о том, какая я дура. Мне уже двадцать два года. Я заканчиваю институт. Так что есть, о чем подумать.

Моя мама вышла замуж в девятнадцать лет. Страшно подумать. Девятнадцать лет мне было три года назад. И если бы мне кто-нибудь сказал тогда, что пора выходить замуж, я бы не рассмеялась. Я бы, пожалуй, испугалась. А сейчас иногда подолгу смотрюсь в зеркало и думаю: «Кто тебя возьмет, кому ты нужна. Ты даже не можешь по-человечески строить глазки. Не говоря уже о том, чтобы грамотно целоваться. У тебя появилась первая морщинка у глаз. А через двадцать лет ты будешь такой».

Здесь я обычно не могу удержаться, чтобы не посыпать собственные раны солью, и строю самой себе довольно отгалкивающую гримасу. После этого хочется немного плакать. Но я не плачу, а только думаю, какая мама счастливая. В

двадцать лет она уже стала моей матерью. Двадцать лет мне было два года назад. Тогда я билась над своими курсовыми и ни о чем не думала. Ни о чем таком. А вот сейчас, когда до диплома осталось чуть больше двух месяцев, думаю. Думаю о том, кто из нас в свои двадцать лет был счастливее: я или моя мать? Наверное, глупый вопрос, правда? Но я не нахожу ответа. И совсем не склонна считать себя счастливой. В девятнадцать лет у моей мамы был настоящий друг – мой отец. У меня такого друга нет. И еще неизвестно, когда будет. Да и будет ли вообще?

Мама говорит, что я должна чувствовать себя счастливой. Потому что через несколько месяцев стану дипломированным специалистом. Что же здесь счастливого? Я ведь шла к этому пять лет. Пять лет лекций, семинаров, курсовых, лабораторных, экзаменов. Так что диплом – это скорее не счастье, а закономерность. Однажды я спросила маму, хотела бы она сейчас поменяться со мною местами, поменяться судьбами. Помню, как долго смотрела она на меня, прислушиваясь к звуку пишущей машинки. Отец работал в своем кабинете. Как долго боролись в ее душе какие-то противоречивые силы. Помню ее задумчивую улыбку и немного ироническую окраску слов:

– Ах, Галка, это просто невозможно. Зачем зря душу шевелить? У нас слишком разные судьбы...

Говорят, я внешне очень похожа на свою мать в молодости. А характер – отца. Стеснительный. Сейчас, когда я смотрю на отца, часто думаю, смогла бы я на месте матери тогда, двадцать три года назад, выйти за него замуж? Невысокий, коренастый, постоянно короткая стрижка, немного сгорбленный. Костюмы и те, судя по фотографиям, уже тогда сидели на нем, как и сегодня: только бы тело прикрыть. У нас в группе его обязательно прозвали бы «трактором» или еще чем-

нибудь таким. Что в нем было такого, чтобы можно было влюбиться? Может быть, только глаза. Спокойные и теплые. И еще какие-то наполненные. Нечасто встретишь такие. Но я бы и за глаза не вышла.

Вообще, отношения у меня с родителями немного странные. Нет, они меня не опекают. Я чувствую себя совершенно свободно, так как право выбора во всем предоставлено мне самой. Они как бы наблюдают за мной со стороны. Иногда я ловлю себя на какой-то неестественности таких отношений. Я свободна и ... одинока. Правда, я никогда не стремилась выходить за рамки уже сложившегося обо мне представления, как о девочке тихой, еще со школьной скамьи увлеченной черчением, математикой, физикой. Так что только пытаюсь представить, какова будет реакция моих родителей, если вдруг приведу в свою комнату, скажем, парня. Мне двадцать два года. Что же в этом плохого? По правде говоря, я не представляю, как это может случиться, как не представляю и реакции моих родителей. По-моему, шансов на то, что они обрадуются, у меня почти нет. Конечно, если только парень будет очень уж воспитанный и смазливый. А для этого мне самой необходимо подыскать хотя бы французскую оправу, потому что в нынешней на меня будут смотреть, но не видеть. Так что шансов ноль.

Прочла бы эти мысли моя мама! Она бы все равно не поверила. Разве может быть у человека, получающего вот-вот диплом о высшем инженерном образовании, в голове что-то еще кроме счастья. Она бы не поверила, как и сейчас не верит, что ее дочери уже двадцать два года. А это ровно на три года больше того возраста, в котором она сама стала счастливой.

Нет, об этом больше нельзя думать. Во-первых, может надоест. А во-вторых, я уже подошла к кинотеатру. Сегодня я с Аликом иду в кино. В принципе, в кино мы идем всей группой. Одна из самых глупых привычек, которая дожила с нами до пятого курса. Но после кино меня будет провожать домой Алик. В третий раз. Самое интересное, что он похож на моего отца: такой же коренастый и невысокий. Правда, глаза у него не такие теплые. И еще у него ужасная манера разговаривать. За каждым его словом чувствуется какая-то издевка или ирония. И к себе, и ко мне. Честно говоря, я его только и заметила, когда он взялся меня провожать в первый раз после дня рождения Натки Масловой. Две недели назад. Словно и не видела его раньше, а пять лет проучились вместе. Странно как-то. Остается каких-то два месяца до конца учебы и только сейчас начинаешь открывать вокруг себя людей. Оказывается, я его совсем не знала. Что он умеет так молчать. И так серьезно смотреть на меня. От неожиданности я тогда так рассмеялась, что даже испугалась. Чего? Ну, что он уйдет. А он не ушел. И совсем не обращал внимания на мой смех. А только молчал и совершенно серьезно смотрел на меня. Наверное, глупо так смеяться в двадцать два года. Но он не ушел, а это главное.

Вот я и в кинотеатре. Возле кассы, кажется, стоят наши. Даже с такого большого расстояния я вижу Алькину кожаную куртку. Наверняка, они опять ждут меня. Я мимоходом смотрюсь в свое отражение на витраже кинотеатра. Двадцать два года. Ну и что?

Я прибавляю шаг и почти бегу к нашим...

1976 г.

Любви все возрасты покорны

Вечерний моцион

Бухгалтер Петр Степанович Пыжиков – человек скромный. Об этом говорят все, даже его жена Клавдия Ивановна...

В тот субботний вечер Петр Степанович как обычно погулял по всем каналам своего “Горизонта”: почмокал языком, увидев новую прическу давно знакомой дикторши, хихикнул при виде обезьянок, посмотрев “В мире животных”, потянулся и зевнул, оценив игру футболистов высшей лиги, и лег отдохнуть – почитать судебный очерк “Известий”...

– Я вот думаю, Петик, скучно так жить, – устраиваясь рядом с мужем, проговорила Клавдия Ивановна. – Одна забава, что телевизор.

– Гм...

– Транспорт какой-нибудь приобрести, что-ли? Вон, у Пузыревых мотоцикл. Сели и поехали. Вот тебе и развлечение, вот тебе и выходной. А? Петюнчик!

– Гм...

– Конечно, мотоцикл – это не самое лучшее. Если дождь или еще что-нибудь такое, не завидую я тогда Пузыревым...

– Гм...

– Точно. Лучше уж автомобиль. “Жигули” там какие-нибудь. Тогда в любую погоду ехать можно: и в снег, и в ветер. Вот как у Пироговых. А? Петюля!

– Гм...

– Это ты правильно про гараж вспомнил. Горя тут натерпишься, но ничего... Представляешь, выезжаем мы с тобой вот в такой субботний вечер на этих, на “Жигулях”... И на людей посмотреть можно, ну, и, между прочим, себя показать. Не то, что век возле этого телевизора торчать.

– Гм...

– Это ты опять-таки правильно заметил. Водители, они всякие бывают. Особенно эти лихачи. Вон сколько аварий... Страшно подумать... Да и машины сейчас, говорят, не очень надежные...

– Гм...

– Вот именно. Зачем нам эти “Жигули”? Крути баранку и все... И с гаражом хлопоты. Не-е-ет. Ну, что от нее пользы – от этой дуры четырехколесной? Только что сел и поехал. И все... Уж лучше мотоцикл. И хлопот меньше, и цена подходящая.

– Гм...

– Я понимаю тебя, Петюнчик. Мотоцикл – тоже техника. Хлопот с ним вон сколько. Пузырев как купил, так и не просыхает от грязи.

– Гм...

– Вот это правильно!... Куда нам надо ехать? Зачем? Что, нам здесь плохо? Сиди себе, смотри телевизор. Захотел газетку почитать – читай. Ни пыльно, ни душно.

– Гм...

– У-ух! Умница, ты моя! – Клавдия Ивановна наклонилась и звучно чмокнула мужа в лоб. – Петушок, ты мой!

Петр Степанович лениво отложил газету, повернулся на бочок и заснул.

Вечерний моцион закончился...

1974 г.

Накануне

Вагон был переполнен. Все спешили на праздник. Спешили поздравить.

– Как время летит, батюшки! – произнес сухонький старичок у окошка. – Кажется, совсем недавно своей Груне вот таких сомов дарил. А сейчас?

В банке из-под огурцов грустили три карасика.

– Тоже мне подарок, – пробубнил здоровый мужик за спиной старика. – Рыбки, карасики. Я вот своей мясорубку купил. Во, обрадуется.

– Моя бы меня этой же мясорубкой, – слышался голос из-за развернутой газеты, потом появились очки и усы с маленькой бородкой. – Я вот везу замечательную шубку. Может, порадуетя.

– Если чему и порадуетя, так только успехам по работе, – кто-то в середине вагона хлопнул себя толстой папкой. – Вот отчет сдал. Так это действительно подарок.

– Точно. Я вот вчера два гола забил...

– А мы новый элемент открыли...

– Новую роль вчера исполнил. Посвятил ей...

– А я роман закончил о чистой и нежной любви. Тоже о ней.

– У нас новый ураган родился, назвали «Любимая».

В движение пришел буквально весь вагон. Молчал только я, боясь пошевелиться, потому что мой подарок был самым лучшим – цветы. Красивые и нежные...

1975 г.

Когда кругом весна

Это была настоящая весна. Солнце золотистым светом залило оживающие деревья. По стволам берез катились блестящие бусинки сока.

– Посмотри, какое солнце! Какое небо! Какие деревья! – я взял ее руку и протянул к солнцу.

– Ничего особенного. Самый естественный процесс образования хлорофилла, – она внимательно посмотрела на березу и осторожно вынула руку из моей. – Это еще в школе проходят.

– Ну и что? Посмотри, какой замечательный воздух! Как он пьянит!

Она осторожно шмыгнула носом:

– Ничего особенного. Повышенная концентрация озона в окружающей среде. Вот и весь фокус.

– При чем здесь концентрация, – я снова взял ее за руки. – Я чувствую тепло твоих рук. Как это прекрасно, правда?

– Тепло говоришь? Чему же здесь восхищаться? Ответная реакция организма на повышение температуры и влажности воздуха: выделение пота...

Я закрыл глаза. Потом открыл.

– Ты знаешь, что такое любовь?

– Это процесс, возникающий...

Я ойкнул. Она взяла меня за руку:

– Что с тобой?

Я беспомощно огляделся. И, о чудо! Выход был найден.

– Посмотри, как интересно гравитация влияет на конфигурацию облаков в северо-западной части небосвода...

Она впервые улыбнулась, и я увидел, какие у нее голубые, словно пламя неотрегулированной газовой горелки, глаза. 1975г.

С тобой и без тебя

Он медленно переворачивал страницы...

Он отчетливо видел ее огромные голубые глаза, как само море, чувствовал горячий запах шашлыков и соленый морской воздух. Волны, подбегая, нежно окатывали их, веселых и возбужденных, искрящихся пеной и, словно извиняясь за неожиданность, убегали обратно, далеко-далеко в море. А он, улыбаясь, поворачивался и долго-долго смотрел в ее глаза...

Он перевернул страницу.

...Они неслись на гладкоскользящих лыжах с самой вершины, а вокруг лежал горящий в солнечных лучах, удивительно мягкий, чем-то манящий снег, который так хотелось разрезать своими острыми лыжами на равные чистые поля. И у них получалось. И тогда он, улыбаясь, поворачивался и долго-долго смотрел в ее глаза...

Он перевернул страницу... «Оглавление»... Все. Учебник физики был изучен.

1975 г.

Забытая пешка

Ах, как она всем завидовала! Она стояла на самом краю доски, но все отлично видела. Она видела, как красиво стояли в центре доски ее сестры – центральные пешки. О лучшем, кажется, и мечтать нельзя. Как их смело брали под свою защиту красавцы-слоны, не жалея самих себя, ловко парируя угрозы ужасно страшных черных коней. Она видела, как пешки кололи своими взглядами пугливого черного короля, который, может быть, поэтому, быстренько рокировавшись в угол, отчаянно кричал оттуда: «Все, все в центр!»

Ах, как она всем завидовала! Изредка, чтобы получше рассмотреть происходящее на доске, она перескакивала на клеточку вперед. Нет, она не то, чтобы обиделась. Про нее просто все забыли. И она отлично понимала, что есть дела в принципе поважнее, чем в этот момент заниматься ею.

Ах, как она плакала, когда красавцы-слоны не смогли все же защитить ее сестриц – центральных пешек от этих ужасно гадких черных коней. Чтобы получше увидеть эту сцену, ей пришлось перепрыгнуть еще через несколько клеточек. Она видела, как побелел и без того белый ее король, как нахмурилась прекрасная ферзь.

Ах, как она хотела сделать для них что-нибудь сейчас. И она смело прыгнула вперед еще на одну клетку. И, о! свершилось чудо. Стан черных пришел в замешательство. По лагерю пронесся предательский панический шепоток: «Пролодная! Пролодная!» Ладьи в ужасе заметались по восьмой горизонтали. И без того перепуганный черный король спрятался за бастион своих верных пешек, не пуская к себе никого, даже очаровательную черную ферзь. Она впрямь была весьма мила...

И только кони – какие противные! – бросились на белую забытую всеми пешку. Она видела, как они храпели, взмыленные, в пене, предвкушая легкую добычу. Ей по-настоящему стало страшно. Она видела, что свои – далеко позади и помощи не дожидаться. И она решилась. А что было делать? Она бросилась вперед, еще дальше. Она слышала, как буквально за нею цокнули подковы. Бр-р-р! Она зажмурилась. Но ничего не произошло. Она обернулась. Кони в ужасе дрожали перед нею. К ней подскочили белые красавцы-слоны.

– Наша прекрасная ферзь, – и они послушно склонили головы перед нею. Она была удивительно красива. Как и всякая забытая пешка, одевшаяся вдруг в королевский наряд. Черный король от восхищения согнулся и не смог выпрямиться. Он сложил свои полномочия, А, значит, пришла победа. Это было лучшим выходом из создавшегося положения, так как белый король был удивлен не менее. Приятно удивлен. И даже бочком-бочком успел сделать к ней несколько шагов. Победа была лучшим выходом. Иначе, кто знает, как и кому улыбнулась бы фортуна. Двум ферзям всегда тесно при одном короле...

1975 г.

Самоуверенный

Он был горд собой. Чрезвычайно горд. Даже высокомерен. Он знал, что очень красив.

Белый Конь стоял на своем месте на краю доски и млея от гордости. Он еще не сделал ни одного хода, но это заботило его меньше всего. Когда сам ослепительно красив и знаешь об этом, окружающее всегда выглядит бесцветным и серым.

Конечно, у него была своя цель. Черная Королева еще в начале партии бросила в стан белых несколько острых взглядов. Нет, она не могла не остановиться на нем. А как она прекрасна! Тайком от других Белый Конь восхищался ею, находил ее более красивой, чем... Нет, нет, лучше не говорить, еще услышит Белая Королева. Что делать, ему всегда нравились брюнетки. В конце концов, среди врагов тоже попадаются красивые фигурки.

Чем больше он думал о Черной Королеве, тем больше она нравилась ему. Как она остроумна, распутывая все комбинации белых.

И он не выдержал. Он рванулся к ней. Он был уверен в себе, в своей неотразимости. Он летел к ней навстречу и даже заметил, как она покраснела. Может быть, ему это только показалось? Не это было главное. Главное, что через пару ходов они уже стояли рядом. И он, честно говоря, смотрелся совсем не хуже Черного Короля. Как он хотел сказать ей что-нибудь ласковое! Но...

– Он был слишком самоуверен, – сказали Белые Пешки, эти известные сплетницы королевского двора. А они всегда знали, что говорили. Впрочем, ему и без этого было гадко. Как она с ним обошлась! Она попросту сбила его как какую-нибудь завалящуюся фланговую пешку...

«В каждой партии – одно и то же, – уныло думал Белый
Конь, валяясь в коробке из-под шахмат. – Никогда не поймешь,
что у этих женщин на уме».

И он был по-своему прав.

1976 г.

Несчастливая любовь

Несчастливая любовь всегда привлекает к себе внимание. Почему? Потому что это может быть с каждым. Но не каждый может снести этот тяжелый крест своей судьбы. Так что лучше набраться чужого опыта, чтобы не иметь своего...

С самого начала они были обречены.

Любовь красавца белопольного слона к ферзевой пешке, наверняка, имела ответ. Только слепой мог бы не увидеть всего благородства слона. В глубине души им восхищались все, даже королева.

Но что он нашел в этой замарашке? Изящество форм, красоту линий? Абсурд! Пожалуй, еще на фабрике оборудования для спортивных игр позаботились, чтобы об этом никто и не думал. Пешка есть пешка. Наверное, так рассуждали там, утверждая эскизы форм шахматных фигур. И совершенно забыли, что пешка тоже когда-нибудь захочет кого-то полюбить и быть любимой.

Но ведь правильно говорят, что любят не за красоту форм, а за красоту души. Трудно сказать, когда слон понял эту несложную истину. Наверное, еще в дебюте, когда он бросился защищать ее в центре доски. По крайней мере, с течением партии все хорошо почувствовали, как крепнет их дружба. А может быть, и любовь. Различия между этими понятиями всегда вызывали массу споров, как и тогда. Об этом сплетничал весь королевский двор.

Но они ничего не слышали. Ей было удивительно приятно, что слон – такой сильный, красивый, стройный, что он стоит рядом с нею. Не просто стоит, а защищает ее. Может быть, здесь и кроется разгадка самого чувства любви – это чувство благодарности. Он тоже чувствовал свою силу и видел, как

беззащитно это хрупкое создание, которому так нужна была его помощь. И это тоже могло быть разгадкой самого чувства любви – ощущение надобности другим.

Шахматная судьба – одно из самых капризных явлений на свете. Никогда не знаешь, что тебя ждет через несколько ходов: победа, поражение, слава, позор. Они прочно забыли про все это. Потому что были вместе, и вместе с ними была такая серьезная штука как любовь.

Фортуна никогда не прощает равнодушия к себе. И они попали в переплет. Им бы стоять где-нибудь на краю доски и ворковать вдали от всех. Но судьба распорядилась по-своему. Черные пошли ва-банк, решив через центр взломать позиции белых. И эта парочка на передовой линии уже давно мозолила им глаза. Их окружили едва ли не со всех сторон. Но как дрался слон! Сюда стянулись едва ли не все силы черных. Но слон был счастлив. Искусен. Смел. Вот что может сделать настоящая любовь с каждым из нас. Он был неуязвим. Но и враг был слишком многочисленен...

Это – грустная история. Слон был отдан в жертву. Стянув к себе все войска черных, он дал возможность белым зайти к ним с флангов и в итоге одержать великолепную победу.

Но разве может даже этот столь радостный миг победы уменьшить поток слез у вдруг отобранной любви. Пожалуй, даже наоборот...

1976 г.

На периферии

Этот дебют Белый Конь не любил больше всего. Злая судьба шахматной партии уже на четвертом ходу загоняла его на самый край доски. Проще говоря, не периферию. Здесь ему, такой широкой и деятельной натуре, отводилась роль наблюдателя, да те несколько полей, которые он должен был контролировать.

Что он мог поделывать, если основные события разворачивались в центре доски, где фигуры шли лоб в лоб, сметая все на своем пути, где стройные ряды пешечных цепей то и дело рассыпались под ударами прямой наводкой мощных ферзей и ловких слонов. Разве можно так отличиться здесь, не периферии, когда перед тобой и противника-то нет приличного. Так, мелочь всякая. Чтобы не потерять в этом вынужденном бездействии боевой хватки, Белый Конь изредка «съедал» пешку-другую черных.

«Нет. Так героем не станешь», – думал он и отчаянно завидовал своему братцу с королевского фланга, который уже врзался в самый центр боевых действий и отчаянно рубил копытами наседавшего врага.

Белый Конь еще раз осмотрел уже порядком надоевший ему ферзевый фланг и убедился, что делать ему здесь практически нечего. Единственная оставшаяся в живых пешка черных только усиливала в нем чувство собственной бесполезности и абсолютного бессмыслия своего существования. «С кем дерусь, – думал Белый Конь, «Съедая» и эту последнюю пешку ферзевого фланга черных. – Стыдно даже кому-нибудь рассказать».

И ему стало так не по себе, что он даже расхотел смотреть в центр. Он повернулся к шахматным часам, которые жили

своей философски размеренной жизнью. Белый конь даже не почувствовал – настолько тихо за его спиной прошуршали и унеслись вперед три маленькие тени – пешки ферзевого фланга белых. На голом краю противника им стало вдруг очень вольготно. Не слышал Белый Конь и того, как по рядам черных пронесся крик ужаса: «Три приходные на ферзевом фланге!» Через пару ходов Черный Король уже подписывал акт о капитуляции своего войска. Иного выхода у него не было. Проходные пешки белых уже стояли на седьмой горизонтали...

Да, пешек поздравлял сам Белый Король и награждал их чем-то приятным. За их очевидное мужество и отвагу. Не каждая пешка может пройти за партию все шахматное поле, а здесь их сразу три.

Белый же Конь не переставал клясть фортуны за такое невнимание к нему и в душе добросовестно просил, чтобы судьба больше не даровала ему таких неудачных дебютов, как сегодня. В котором, он так и не смог по-настоящему отличиться.

1976 г.

История любви

Он стоял в классической позе влюбленного под ее балконом и плел классическую тираду о своих чувствах к ее классическому облику красавицы. Вместо классической для таких моментов гитары у него в руках был классический справочник формул по высшей математике и физике. Все верно. Времена меняются. И это всегда накладывало свой отпечаток на взаимоотношения между людьми. За что раньше сжигали, сейчас прилично платят. И наоборот.

Он, видимо, порядком надоел ей, отчего окно было наглухо закрытым.

– Ни один из законов не может сравниться по своей гармонии с этим удивительным созданием. Даже первый закон Ньютона, – говорил он прохожим, и они понимающе кивали ему головой.

– О! Если бы она знала, как она напоминает мне теорему о непрерывности функций. Любовь ведь тоже непрерывна... Настоящая любовь. И в экстремальных значениях она также мало изменима как параболическая функция. Моя парабола! – и он в иступлении закрывал глаза. Что поделаешь, он был поэтом. Только в своей области. И он начинал читать:

Я приду, как гипербола, ласковым,
И суровость, как соль аксиом,
Интегрирую вечными красками,
Мир окрасивших в формульный ком.

Он заглядывал в справочник формул и продолжал:

Я – не косинус, я – не изменчив,
Я – не тангенс, к оси не уйду...

Какие он читал стихи! Чудо! Ни один компьютер не выдержал бы таких страстных, логически выверенных признаний. Но только не женщина...

Как это ни странно, она не могла его понять. Что он парень с головой. Что он студент только сегодня. А ведь это так важно осознать вовремя. Особенно в таких ситуациях.

Он грустно смотрел на закрытое окно и с досады кусал себя за локти. Как часто он это делал в детстве, когда его не понимали...

1976 г.

Топорное счастье

Как прекрасно было это утро в лесу! Ели, сосны, березы, перемешавшись самым невероятным образом, сплетались своими ветвями в причудливые кружева. Весеннее солнце высвечивало в деревьях многообразие узоров и форм.

Они были потрясены.

– Это – невероятно! – сказал он.

– Это изумительно! – сказала она.

Им было хорошо. Вместе. В такое утро. В лесу.

– Посмотри, на ветвях еще остались капельки ночи, – он резким движением руки выломал красивую березовую ветвь и поднес ей. – Посмотри, какие они прозрачные.

– Это, наверное, сок, – ее восхищению не было предела, и ему от этого было вдвойне приятно.

– В этом напитке собраны лучи щедрого весеннего солнца, – он вытащил большой охотничий нож и сделал глубокий срез на березе. Показались две-три капли. Она, зажмурившись, прильнула губами к дереву.

– О! Это – чудо! Посмотри, какое высокое, красивое дерево. У него такой чудесный сок.

Ее взгляд обжег его сердце.

– Я заберусь на самую вершину, – он не мог спокойно стоять, так билось его сердце. И он бросился к березе. Все попадавшееся ему на пути трещало и ломалось. Нет, невозможно остановить благородного порыва человеческого сердца. Наконец, затрещал ствол березы. Он быстро слез.

– Ты – сильный и смелый, – потрясенно сказала она, протянув ему руки. Ствол березы все же не выдержал и упал рядом с ними. Он ласково поднял его и бросил в кусты.

– Ты – нежный, – она провела рукой по его волосам.

– Хочешь, эта ель будет расти под твоим окном, напоминая тебе каждое утро этот удивительный миг, – сказал он и вытащил топор.

– Напоминая тебя, – умиленно прошептала она.

Он решительно двинулся к ели. Ель не шелохнулась. Он еще раз оглянулся. Мотопилы нигде не было. Зато рядом была она. И он, крякнув, занес топор над головой...

1976 г.

Треснувший графин (Сказка)

У них никогда не было конфликтов. По той простой причине, что они никогда почти не разговаривали друг с другом. Графин был очень толстым и гордым. Сами понимаете, каково стоять перед целыми собраниями или конференциями. Невольно загордишься. Вода же чаще всего не успевала даже рта открыть, как попадала в другой, чужой рот. Но однажды...

Без такого «однажды» не обходится ни одна мало-мальски уважающая себя сказка. Так вот, однажды зимой их оставили в плохо отапливаемом помещении на целую ночь вдвоем.

Графин уже был готов уснуть, как услышал, что вода что-то проговорила. В принципе, ничего удивительного, но для него это было в новинку.

– Ты чего? – удивленно спросил он.

– Чего, чего! Он еще спрашивает, – воду явно забыли сменить, и от этого она была ужасно едкая.

– А что? Нельзя спросить. Я ведь графин. Имею я право узнать, что там происходит у меня внутри.

– О-ох! Как ты мне надоел! Эти противные толстые бока. Стекланный чурбан.

– Чем тебе не нравятся мои бока? Бока как бока. Говорят, даже красивые. Как их осторожно трогают, чтобы налить в стакан содержимое их. Не понимаю я тебя.

– Тебе этого никогда не понять. Ты – стеклянная колода. Тебя поставили – стой. Ты и доволен.

– Правильно. Было бы глупо требовать чего-нибудь большего.

– Вот видишь – ты застывшая форма. Ты заостенел в своем развитии.

Упреки относительно нашего развития всегда чрезвычайно неприятны. Такому гордому графину, как этот, упрек был неприятен вдвойне.

– Гм. А ты? Ты на себя посмотри!

– Я! – вода прямо заплескалась от восхищения собою. – Я! Разве ты не видишь?... Я – само движение. О! Если бы не твои застекленевшие бока, я бы парила как сама фантазия. Тебе не понять этих высоких мгновений свободного полета. О-о! Как я страдаю! Мне душно... А-ах! Пить!

– Странно, выходит, тебе не нравится спокойно сидеть во мне и ничего не делать.

– Боже мой! Он еще что-то говорит! Молчи, молчи, несчастный. Не увеличивай моих страданий. Вот видишь, я даже начинаю застывать, как ты, от бессилия выбраться отсюда, из этой темницы. Ах, мне даже не хочется ударить волной по твоим ужасным стенкам.

Несмотря на свою закаменелую натуру, графин еще мог как-то разделить горе с ближним. Чувство, что он является источником чьих-то неисчислимых бед, было невыносимым. И он не выдержал.

Он треснул, пытаясь дать волю этому хрупкому, свободолюбивому созданию внутри его.

...Утром пришли люди.

– О-о, черт! Сколько раз вам повторять: не оставляйте воду в графине на свежем морозе, – один из них был очень взволнован.

– Ерунда. Спишем, – спокойно ответил другой и выбросил треснувший графин в мусорное ведро.

1976 г.

Клубничка (Сказка)

Как хорошо им было под лучами такого яркого, щедрого и нежного солнца! На грядке у них была самая что ни на есть веселая компания. Все клубнички были только-только созревшими красавицами, от которых просто невозможно было отвести взгляд. Они и сами где-то в глубине души чувствовали нечто подобное, хотя им и некому было рассказать об этом.

Однажды их увидел кто-то большой, совсем неожиданной формы – человек. Увидел и сказал:

– Вот это да!... Какие красивые... Целое королевство, – и нежно взял одну из клубничек на руки. И очень долго разглядывал ее влюбленным взглядом. Как ей в это время завидовала вся грядка!

Молодого человека нашли восхитительным. Многие клубнички тоже не пожелали оставаться в тени. И стали осторожно выглядывать из-под своих надежных укрытий – резных зелененьких листочков...

Но одной клубничке – самой красивой – молодой человек все-таки не понравился. Это и понятно. Каждый ждет и нуждается в достойной паре. И клубничка решила, что ее час еще не пробил. И она только еще лучше спряталась в хитросплетении листьев.

– Дурочка, красивее не будет, – говорили ей подружки и, глядя на ее отрешенный вид, иронично добавляли. – Ну, жди, жди...

Приходили новые люди. Ласкались к ее подружкам и забирали их с собой. Она провожала их своим безучастным взглядом, совершенно не жалея о своем одиночестве, о своем упорстве. Она ждала. И дождалась.

Через несколько дней пришел Он. В это трудно было поверить, но это был Он. Клубничка даже несколько мгновений не шевелилась, боясь спугнуть этот сон наяву. И лишь спустя какое-то время осмелилась выглянуть из-под листьев и посмотреть в его глаза.

Молодой человек был чем-то очень рассержен. Он медленно осмотрел всю грядку. Недовольно поморщился. Покрутил головой.

– Черт возьми, позже я не мог здесь появиться...

Его раздражительность еще более усилилась, когда возле самых своих ног он увидел крупную, перезревшую до синевы клубничку.

– Какая гадость, – сказал он и, не долго думая, сбил ее ногой. Клубничка отлетела довольно далеко, так что растоптать ее у него уже просто не хватило желания.

Ей оставалось только благодарить судьбу, что над ней уже никто не мог посмеяться. На этой унылой осенней грядке...

1976 г.

Снежинка (Сказка)

Нельзя сказать, что наша Снежинка была глупой, ничего не понимающей дурочкой. Совсем нет. Но так уж получилось, что произошла с нею весьма печальная история, которую нам сейчас хотелось бы рассказать, но которая ни в коей мере не показывает нашу Снежинку в дурном свете. Просто так уж получилось, что финал этой истории оказался печален для нее. Но как знать, всегда ли такой конец ждет всех тех, кто будет следовать по стопам нашей Снежинки. Я бы не хотел здесь зарекаться, потому что жизнь есть жизнь, а история, происшедшая с нашей Снежинкой, только одна совсем крохотная капля в полноводной и бурной реке, называемой Временем. Итак, слушайте сказку о Снежинке...

Ох, и красавицей же она была! Настолько гармонично и геометрически правильно располагались все ее причудливые узоры. Трудно было отвести от нее взгляд. Тем более, что Снежинка была еще совсем молоденькой и только-только выходила из возраста, в котором витание в облаках является делом обычным, наиболее важным и необходимым. Она еще не чувствовала неумолимого бега времени, настолько красива она была, а, значит, и не ставила перед собою обязательного жизненного вопроса: «Что же дальше?»

Она смеялась над снежинками, которых пугал завтрашний день. «Что может быть завтра? Полет! Разве есть что-либо на свете прекраснее свободного полета?!

Ее только насмешил рассказ о страшном ветре, а в судьбе снежинок именно он играет роль судьи, который буквально несколько дней назад, да и раньше за ним это водилось,

забросил несколько снежинок в такие места, в такую грязь, в такое болото, что и представить страшно.

– Интересно, – со смехом говорила наша Снежинка своим пугливым подружкам, – почему в это болото попали они, а не вы? Почему?

В ответ подружки мямлили что-то о неизбежности и их конца где-нибудь в грязи, только не сейчас, а немного позже. И только одна, уже солидно обросшая инеем снежинка, грустно улыбнувшись, наставительно сказала:

– Запомни, моя радость, одно хорошее правило: держись середины! И второе: ищи теплое местечко где-нибудь там, – и она указала на далекую, совершенно закрытую облаками землю. – Пока есть силы – высматривай. И держись строго по ветру. Только тогда тебя обойдет участь периферийного прозябания на белом свете.

«Вот это номер, – подумала наша Снежинка, увидев, как еще больше покрывшись инеем, ее умная подружка понеслась к земле, с большим искусством придерживаясь середины и умело лавируя в потоках ветра. Курс на столицу был очевиден.

То ли возраст нашей Снежинки уже приблизился к критическому, когда невозможно отличить, что это: зрелость юности или юность зрелости; то ли ее тронул пример старшего товарища, но слова умной подружки запали ей глубоко в душу. Она словно заново открыла для себя мир.

«А ведь верно, в самую точку сказано», – думала она, вспоминая обрывки разговоров, которых она раньше еще не понимала, но которые сейчас стали для нее совершенно ясными.

– Наш-то уже пригрелся! Да-а, в столице!

– Ай-яй-яй, молодец! А вот у нас горе! Шла первой, а занесло в такие места!

– Глупо! Нельзя противопоставлять себя коллективу.
Первый! Пионер! Все выскочки!

– Да-а, это сущая правда!

«Так, значит, полет не вечен? Зачем же он тогда нужен? Если все кончится завтра или через неделю? Зачем? – ах, как неприятны были эти новые мысли нашей Снежинке. – Не лучше ли, действительно, сидеть и ждать? Так хоть время идет медленнее. Так, значит, ждать? А если и ждать, то в наиболее комфортабельных условиях».

Кажется, она уже начинала понимать глубины житейской мудрости. И в который раз удивлялась изумительной афористичности своей умной подруги, сумевшей всего в несколько фраз уложить столько мудрых мыслей.

Наверное, все, кто знал нашу Снежинку, заметили произошедшие с ней перемены. Когда-то она неугомонно носилась среди облаков, еще более совершенно оттачивая в потоках ветра красоту своих узоров. Сейчас же она отрешенно висела, уцепившись за краешек облака, и сосредоточенно думала о завтрашнем дне. Она уже не замечала, как ее когда-то изумлявшие всех узоры стали покрываться слоем бурого инея.

«Неужели старость? – с удивлением думала она, иногда просыпаясь от своих мыслей. – Неужели все так быстро?»

И она все сильнее чувствовала, как становится тяжелой и вялой.

«Что же мне делать? Следовать общему правилу или ...»

Иного выхода она не видела. Да уже и не очень-то хотела видеть. Выход был один-единственный, давно predetermined жизнью. И она решилась. Благо, у нее еще оставалось и сил, и умения, чтобы ринуться в бездну ветра.

«Что же, я не буду хуже других, – сказала она себе, ловко перебираясь с одной волны ветра на другую. – Чего-чего, а тепленьких мест в столице еще хватает. Нет, я не буду хуже других».

Вынырнув из-за облаков и присмотревшись к земле, она заметила место будущей остановки: «Это, пожалуй, то, что мне нужно. Ни ветра, ни волнений. И тепло».

Она легко скользнула в зияющее чернотой пространство заводской трубы. Там было, действительно, очень тепло. Но наша Снежинка не сразу поняла, что и в теплых местах может быть не очень уютно. Когда это стало очевидно, было уже слишком поздно. К тому же здесь совершенно не было ветра, чтобы можно было выбраться обратно. После этого она вообще перестала волноваться.

...Из заводской трубы шел легкий серый дымок, который весело заигрывал со снежинками начавшегося снегопада и притягивал их к себе все больше и больше.

1976 г.

Свечи

(Сказка)

Как она сразу разгорелась! К ней только поднесли спичку – и она вдруг озарила всех своим ярким светом.

Эту свечу купили всего два дня назад. Но горела она лучше даже самых старых свечей.

– Глупая ты, – сказала как-то под утро одна из старых свечей новенькой, когда последнюю, наконец, погасили. – Молодые – они все глупые. Ты думаешь, я не могла бы так ярко гореть?! Посмотри на себя. За эти два дня ты уменьшилась едва ли не на одну треть.

– Ну и что? – задумчиво ответила новенькая. – Разве это так плохо? Разве не главное – давать миру яркий свет. Ведь мир так прекрасен. Кто сумеет увидеть его неповторимые краски без нас?

Старые свечи расхохотались.

– Какая же она глупая!

– Я живу здесь уже третий год, – проскрипела одна из них, – но таких еще никогда не видела.

– Бессмысленно расходовать свою жизненную силу так, как она. Это просто безрассудство. Так она не протянет и недели. А ведь мир действительно прекрасен и его красотой хочется наслаждаться бесконечно, – сказала еще одна старая свеча. – Мы ведь потому и тлеем едва заметными огоньками...

О! Старые свечи умели говорить. Многие начинали как эта новенькая, но ни одна не смогла устоять против их слов. Настолько правильными они казались.

Новенькой эти слова тоже показались верными, но она вспомнила и другое. Она вспомнила, какими глазами смотрел на ее яркое пламя юноша. Словно пытался разгадать тайну этого

огня. Иногда он на минуту закрывал глаза, и тогда его губы что-то шептали. Она не могла расслышать слова, но чувствовала, что они были удивительными. Может быть, это были стихи, а может – имя любимой. Все равно это были прекрасные слова, рожденные ее ярким пламенем.

Нет, ради этого она должна так гореть, даже если ей придется жить всего один день.

1979 г.

Наблюдательный

Спокойный я человек. И наблюдательный. Люблю вот так запросто выйти на улицу и наблюдать, наблюдать, наблюдать. Какие характеры! Силища! Какая стремительная динамика развития и становления личности в условиях научно-технической революции, информационного бума и демографического взрыва!

Взять хотя бы сейчас. Кажется со стороны: просто стою на автобусной остановке. Ни до кого мне нет дела. Ан, нет. Совсем наоборот. Глаза туда-сюда. Бегают. Я же все вижу.

Вот стоит молодая девушка. Ножки стройные-стройные. Лицо красивое-красивое. Шубка на ней меховая-меховая. Автобуса ждет-ждет. А автобуса все нет и нет. Минут тридцать-сорок.

Вот мужик подходит к ней. Пьяный-пьяный. И смотрит на нее нагло-нагло. И хватает ее за руку сильно-сильно. А девушка кричит громко-громко. А мужику на все наплевать-наплевать. Он же пьяный-пьяный.

И мне интересно: чем все кончится? Смотрю внимательно. Нельзя пропустить ни одной детали. Жуть берет. Тут ко мне еще мужики подходят.

– Что это он? – спрашивают меня и показывают на пьяного.

– Оскорбляет достоинство, – отвечаю с достоинством и с неподдельным интересом продолжаю наблюдать. Мужикам тоже интересно. Так что наблюдаем вместе.

А девушка испугалась-испугалась. По сторонам смотрит-смотрит. О помощи просит-просит. А мужик наглый-наглый. Целоваться лезет-лезет.

Хоть и пьяный, а заметил, что мы смотрим. И так грубо спрашивает:

– Чего надо?

– Ничего... Просто интересно, – с вызовом отвечаю я за всех.

– Что-о?... Ну-ка, давай отсюда...

Ясное дело, пьяный человек – дурной человек. Для отвода глаз все же делаем десяток шагов от остановки...

И вдруг. Девушка кричала-кричала, да видно надоело ей. Она возьми и шваркни пьяного-пьяного мужика по голове своей сумочкой. Сильно-сильно.

Мужик лег.

Сумочка тяжелой оказалась, только ручки погнулись. Девушка поправила сумочку. Потом на нас так посмотрела некрасиво-некрасиво, губками чмокнула-чмокнула и ушла. Автобуса ведь нет и нет.

Мы тоже потолкались-потолкались. Минут пять. Автобус не идет. К тому же искусственное дыхание никто не умеет делать. Так мы потихоньку-потихоньку и разошлись. Кто куда. Мужики – в магазин. За подсолнечным маслом. Наверное. А я домой. За письменный стол. Чтобы успеть записать на свежую голову новые наблюдения. Вот и записал.

1977 г.

Сон

Он вяло посмотрел впереди себя.

«Никого. Ни единого человека. Хотя, нет. Вот идет женщина. А за ней такой же немолодой мужчина. А вот еще одна женщина, и еще, и еще. Боже мой, сколько женщин. И все в возрасте. Это, наверное, мираж. Я слишком устал сегодня. Вот и мерещатся одни пожилые женщины».

Он заставил себя закрыть глаза и приказал себе:

– Спать!

Он привалился головой к стеклу и вдруг почувствовал, как его кто-то трясет за плечо.

«Это уже наглость, – мелькнуло у него в голове. – Я же сплю. Я же никому не мешаю».

Он сонливо передернул плечом, но глаза не открыл. Несколько секунд его не трогали. Для пущей убедительности своего беспробудного сна он сладко почмокал губами, тонкой струей пуская слюни на свой плащ, и незамысловато потерся головой о стекло. Затем непроизвольно дернул ногой, словно ему снился страшный сон, и тихонько застонал, чуть поскрипывая зубами.

«Пусть думают, что у меня глисты, – сказал он сам себе, после этого стих, глубоко и ровно раздувая легкие. – Уж сейчас, точно, должны от меня отстать».

Но через минуту опять почувствовал чью-то настойчивую руку на своем плече.

«Нет, с этими женщинами каши не сварить», – сказал он снова себе и демонстративно нехотя открыл глаза.

Так и есть. Возле него стояла невысокая пожилая женщина в старомодном пальто с полными авоськами в руках.

– Что же это ты, такой молодой, а место старшим не уступаешь, – сказала она, постучав ладошкой по его воротнику.

– Стыдно таким быть!

– Извините, пожалуйста, – тихо ответил он и встал. –
Вздремнул немного.

– Ну, вот и хорошо, сейчас и я вздремну, – сказала женщина и быстренько села на его место.

Проклиная недостатки в работе общественного городского транспорта, он стал пробираться к передней двери автобуса, хотя до его остановки было еще далеко.

1976 г.

Признание

Я готов был сравнить ее с богиней. В ее поэтичных глазах, украшенных сине-черными веками, я увидел источник неисчерпаемой красоты.

– Ваш образ, – сказал я ей, – может взволновать любую творческую натуру. Даже такую возвышенную, как моя. Вы мне верите?

Я протянул к ней ладони, желая хотя бы слегка прикоснуться к ее прекрасной ручке.

Как я напугал ее своей мужицкой выходкой! Она отпрянула, широко раскрыв сиреневые глаза.

– О, простите! – взмолился я. – Поймите меня. Тысячу раз извините. Я не хотел сделать вам больно. О, как я жестоко наказан! Я – самый несчастный человек на свете. Простите. Я хочу увековечить вас в своих сонетах. Будьте моей Лаурой, и я стану самым счастливым человеком на свете. Улыбнитесь мне, я очень прошу вас. Ваша улыбка наполнена всепроникающим теплом, от которого прорастают пахучие цветы любви...

Она недоверчиво поджала прекрасные губки.

– Вы такая ми лая, – не сдавался я, целуя собственную руку, – и такая недоступная. Но знайте, что я счастлив, потому что живу с вами в одном городе, под одним небом. Вы не имеете власти запретить мне думать о вас, упиваться вашим чудесным образом по капелькам, каждый день. И пусть этот напиток будет ядом недоверия и невнимания, все равно выпью его до дна. И умру от переполняющих мое сердце чувств...

В иступлении я закрыл глаза...

– Ой, Лорка! Отпустила бы ты его, – крикнул кто-то с соседнего стола. – Еще и впрямь умрет. Вон уже и глаза закатил.

Как она осторожно дотронулась до моей руки! Я встrepенулся, готовый слушать ее сладкий голос.

– Я вам пятый раз повторяю, – голубкой проворковала она. – Ваш костюм еще не готов. Понимаете меня?

– Но, дорогая моя, я заказал его месяц тому назад, – с голубиной нежностью сказал я.

– Ну и что? – она смотрела на меня с детской непосредственностью и ласково гладила мою руку. – Разве это так важно?

– О, конечно, но вы посмотрите на складе, может быть, чудо возможно? – не отступался я, растворяясь от ее внимания.

– Какой наивный молодой человек, – губы ее сложились в милую усмешку. – Склад сегодня не работает. И завтра тоже. Приходите в понедельник, – ласково добавила она.

Я грустно опустил голову.

Сиреневые глаза все еще смотрели на меня.

– Не надо так волноваться. Нервные клетки не восстанавливаются. А вы такой славный. Вы так красиво умеете говорить. Скажите мне еще что-нибудь...

– В понедельник, – хмуро отрезал я и, хлопнув дверью, вышел из ателье.

1977 г.

Из студенческой практики

Ожидание было мучительно долгим. Он нетерпеливо мотал головой в такт своим мыслям.

«Что она может спросить? Свой конек – образы Пьера и Наташи? Или вдруг отдаст предпочтение образу Лопахина? К этому он готов. А вдруг формула Журавского или преобразования Галуа? В принципе, ничего страшного. Придется немного подумать. Что еще? История возникновения квантовой механики? Поэзия Вознесенского и ее метаморфозы? Проблема актера в современном кинематографе? Бериллий – металл будущего? Средневековые атеисты и значение их учений? Использование антибиотиков в современной медицине? Принцип работы трансформатора? Чудовище Нэсси: мифы и реальность?»

Он безнадежно запутался в догадках. Нет, ее вопросов просто невозможно предугадать. И он махнул на все рукой. Будь, что будет!

Вдруг он почувствовал чьи-то теплые ладони на своих глазах.

– Здравствуй, дорогой, – сказала она, смущенно улыбаясь. Прости меня за это опоздание. Но ты сам знаешь, как трудно оторваться от картин постимпрессионистов. В них такое потрясающее видение мира. Ты же помнишь удивительную цветовую наполненность полотен Сезанна?

– Помню, – сказал он и начал ответ на первый поставленный вопрос.

1978 г.

Строительный романс

Трофим думал о Зое много и часто. Нет, не только потому, что они работали в одной бригаде отделочников. Просто было в этой девчонке что-то такое. Вы, наверное, понимаете, что я имею в виду. Это не перепутаешь с производительностью или научной организацией труда. Вот.

А в тот день мысли о девушке просто переполнили юношу. И в обеденный перерыв, когда вся бригада пошла обедать в столовую, а они остались вдвоем в комнате, которую отделявали, он отчетливо понял: «Либо сейчас, либо после получки. А это еще так не скоро». И он решился.

Минут через пятнадцать после начала обеда он, осторожно ковыряясь кельмой в бадье с раствором, нашел, наконец, в себе силы оторвать взгляд от глазурованной плитки и несмело посмотреть в ее глаза. О, какие же это глаза!

– Зоя, тебе здесь нравится, правда?

– Где? Здесь? – она удивленно улыбнулась.

– Да, здесь. В этом доме, комнате, где приложена и частичка нашего труда. Ведь осталось совсем немного, когда в этот дом вселятся люди. Они будут вспоминать нас теплыми словами. Это прекрасно, правда?

– Ого! Ванятка, слышишь?

– Тсс... Дай послушать, – на первом этаже послышалось шуршание. Кто-то из электриков пристраивал ухо к капитальной2 стене.

– Ха-ха... Интересно, что она ему ответит, – на девятом этаже в противоположном крыле отдыхали кровельщики.

– Ты сначала расплескай по объемам, а потом уже в чужой разговор встрывай, – с девятого этажа донеслось бульканье и жестокий запах лука.

Трофим сокрушенно чмыхнул, но сдержался. Он снова увидел эти неповторимые глаза.

– О! Зоя! Зоя! – он готов был смотреть в них целую вечность.

– Эх, молодежь, горячая кровь, удовлетворенно прокряхтел кто-то из подвала. Трофим узнал голос Ефимыча, бригадира сантехников.

– Ну, не скажи, на слова мы все мастера, – ответил с девятого этажа звонкий голос.

– Тсс... Дайте же, наконец, послушать, – на первом этаже продолжали пристраивать ухо к стене.

Трофим приподнялся с корточек и, ничего не видя, пошел вперед. Что-то наткнулось на него и развалилось. Так и есть – капитальная стена.

– Во! Сами делаем – сами ломаем. Вот она, нынешняя молодежь, – неся сверху тот же звонкий голос.

– Ты бы лучше объемы заполнил, чем полагается, – обрезали звонкого. – Скоро обед кончается.

Трофим поднял кирпич и, раздумывая, подбросил его в руке. Но ничего не произошло – он снова увидел ее глаза, ее губы, которые чуть слышно шептали:

– Трофим, не надо слов, я все знаю...

– Молодец, девчонка. Прямо, как в кино, – донеслось с девятого этажа.

– Ванятка, ты понял? Она говорит, что уже все знает, – шептали на первом этаже.

– А я такую молодежь одобряю, – подпел голос из подвала. – Горячая!

– Благослови вас бог, детки, – прошамкала какая-то старушка из проезжавшего рядом со зданием автобуса. Пассажиры одобрительно загудели.

– Трофим, не надо слов, я все знаю...

Еще не веря, он опустил кирпич и ... закричал что есть силы:

– Зоя-а-а-а-а!

Что-то упало и зазвенело.

– А вот это зря, паря. Весь стакан штукатуркой засыпало, – сокрушенно вздохнули на девятом этаже.

– У вас что! У нас половину дневной нормы как корова языком ... – отплевываясь от пыли, ответили с первого этажа.

– Эх, молодежь, молодежь, – откуда-то глубоко-глубоко снизу донесся тихий голос Ефимыча.

Но Трофим уже ничего не слышал. Он гладил ее волосы и беззвучно шевелил губами. А она, подняв глаза, заметила, что у него очень смешной нос, и жалела, что до конца обеденного перерыва осталось так мало времени – всего десять минут.

1976 г.

Непробиваемый

Я прорвался сквозь плотный заслон защитников команды механического цеха и вышел один на один с их вратарем Сенькой Кротовым, моим хорошим знакомым. Он стоял не шелохнувшись. Я сделал свой знаменитый ложный замах, на который “клевали” вратари всего завода. Сенька не шевелился. Я сделал отчаянную попытку обмануть его своим кистевым броском. Но он даже глазом не повел. Шайба попала ему в щитки и отлетела куда-то за ворота.

– Вот это класс, – крикнул кто-то с трибун, и Сеньке зааплодировали. Я, опустив голову, поехал на вбрасывание. Меня это все не на шутку разозлило, так как я не привык проигрывать в подобных ситуациях. Я оглянулся на Сеньку. Он стоял в той же сгорбленной позе и не шевелился.

Через несколько секунд мне снова удалось сделать превосходный отрыв и выкатиться к воротам механического цеха. Наученный горьким опытом, я решил не мудрить – сильно бросил по воротам. Сенька не шелохнулся. Шайба пулей вонзилась ему в плечо и отскочила далеко назад.

Трибуны вспыхнули аплодисментами. Такой игры на нашем стадионе не видели уже давно.

– Такого вратаря можно и в высшую лигу брать... Не подведет... – кричали с трибуны Сеньке. Но он даже не смотрел в ту сторону...

– Что это у них за парень, – злился в перерыве на вратаря соперников наш тренер. – Нервы словно из стали.

Нервозность нашего тренера перекинулась и на нас. Во втором периоде в наши ворота посыпался град шайб. Мы были обречены. Дело двигалось к двузначному счету.

Честно говоря, в душе я радовался за Сеньку. Наконец-то он показал все, на что способен, к чему так долго шел. В начале третьего периода я подъехал к Сеньке и похлопал его по щиткам:

– Что это на тебя сегодня нашло? – спросил я и с трудом рассмотрел под проволочной маской лицо Сеньки. Оно было хмурым и злым. Сенька нехотя посмотрел на меня.

– А, это ты, Ленька, – он тяжело вздохнул. – Жена от меня ушла... Вот какое дело...

Он снова опустил голову, сгорбился и тупо уставился на лед перед собой.

– Как это ушла? – удивился я.

– А так. Собрала сегодня все вещи, постель и ушла. Даже записки не оставила. Я ведь на работе был.

– Как это ушла, – говорю я, – если сегодня в прачечной с моей сестренкой в очереди стояла вместе. Поди, еще сейчас стоят. Очередь, говорят, огромнейшая.

Сенька как-то странно посмотрел на меня, а потом как схватит за руку:

– Как в прачечной?... Не врешь?

– Зачем мне тебе врать? Ты у нас сегодня герой дня.

И он как засмеется. Распрямился весь. И лицо сразу просветлело. Даже подпрыгивать стал. А я поехал на вбрасывание.

Через несколько секунд наш правый край Саша Хвостов, наверное, уже раз в десятый вышел один на один с Сенькой. Что толку? Он даже не смотрел, куда бросал шайбу. Бросил и поехал обратно. И вдруг трибуны охнули. Сенька дернулся ловить шайбу, но сам же втолкнул ее в свои ворота...

Всей пятеркой мы, возбужденные, подъехали к бортику.

– Молодец, – сказал мне тихо тренер и похлопал по плечу.

– Что вы меня хвалите? – не понимая, спросил я. – Саша ведь забил...

– Молодец, – еще раз повторил тренер. – Главное знать – когда и что сказать противнику. За смекалку хвалю... Я же все видел...

Я удивленно пожал плечами и сел на скамейку запасных.

– Все, теперь прорвало, – радостно воскликнул наш тренер. И не ошибся. К середине третьего периода счет сравнялся. Как ни крутился Сенька в воротах, шайбы летели туда одна за другой. Стало ясно, что высшей лиги Сеньке не видать как своих ушей.

И я почему-то чувствовал себя виновным в этом.

1979 г.

Знакомство

Вы не знаете, какие вкусные пирожки с мясом, когда идет теплый «слепой» дождь Такой как сейчас. Я осторожно выглядываю из-под навеса. Дождь сыплет на землю словно из рога изобилия. Приходится снова возвращаться на свое укромное местечко возле тетеньки с пирожками.

Рядом со мной стоят еще две молоденькие девушки, особенно усердствующие по части пирожков. Возле нас постоянно протискиваются какие-то люди, стремящиеся попасть вглубь навеса. Как ни быстро движется возле нас народ, я все же замечаю, что своею далеко не серой внешностью произвожу приятное впечатление на девиц. Они жмутся друг к дружке в постоянных приступах смеха и из-за невнимательного отношения к пирожкам подбородки их покрываются тоненькой пленочкой расплавленного жира. Все же очень вкусные пирожки!

Надо признать, что девчонки – в норме! Немного ниже меня, но в таких штроксах! Скажу вам, очень и очень. Все, как положено. Все – на месте!

Я чувствую, как они хотят заговорить со мною. Уже минут десять они придумывают первую фразу и после каждого нового предложения заходятся в заразительном хохоте. В другой ситуации я может и обиделся бы. Но на девчонок в таких штроксах не принято обижаться. И я уже мысленно сам вовлекаюсь в эту игру. Что же они у меня спросят? Где я купил такой превосходный джинсовый костюм? Или сколько мне лет? Или как я отношусь к постановкам театра на Таганке? Или какое место в моей жизни занимает поэзия современных африканских поэтов?

Я хитро щурюсь и лукаво поглядываю на девочек. Нет, они уже не хохочут, а просто давятся своими пирожками, когда смотрят на меня. А эта слева, пожалуй, симпатичнее. У нее такие беленькие зубки. Она что-то говорит своей подружке, и они чуть ли не валятся с ног от нового приступа хохота.

Меня не проведешь. Я же вижу, как трепещут их пылкие девичьи сердца. Я небрежно изгибаю левую ногу. В таком положении джинсы на моих ногах смотрятся особенно здорово. Почти как у настоящего ковбоя.

Дождь не прекращается ни на секунду. Пирожки такие вкусные. Девочки вот-вот должны заговорить со мною. Я не знаю предмета нашего будущего разговора. И здесь я начинаю холодеть: я же не помню ни одной строки из Андрея Вознесенского, вы вылетело из головы. А вдруг спросят? Конфуз получится...

Я лихорадочно перебираю в памяти фамилии поэтов и прозаиков: на кого из них можно будет опереться в трудную минуту? Конечно, на классиков: Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Чехов, Толстой.

Наконец, лица хохотушек начинают принимать более осмысленное выражение. Они приводят в порядок свои довольные погоды и пирожками физиономии. Ладонями вытирают блестящие на солнце подбородки. Проглатывают последние кусочки пирожков. Та, которая справа, делает шаг ко мне. Я внутренне напрягаюсь

– Вы не боитесь утонуть? – спрашивает она полупшепотом. Боже мой, какие у нее глаза. Огромные и синие-синие. В них, действительно, можно утонуть.

– Где? – элегантно переспрашиваю я. – В омуте вашего взгляда?

– Нет, – еще сохраняя серьезный вид, отвечает она и выразительно указывает на мои ноги. – В луже, из которой вы уже минут пятнадцать никак не можете выйти.

Вот и погружайся после этого в фантазии романтической возвышенности! Моих ботинок, действительно, уже не видно в сбегавшей с проезжей части воде с масляными разводами, которыми стали покрываться уже и мои джинсы.

Словно ужаленный я выскакиваю из лужи. И краем глаза вижу, как девчонки снова начинают укладываться от смеха. Я поворачиваю голову и смотрю на дождь. Теплые тяжелые капли попадают мне изредка на лицо и медленно скатываются к подбородку. Ловлю себя на мысли, что смотреть на дождь мне уже гораздо интереснее, чем несколько минут назад...

1977 г.

Друг

Что мне было делать? Я стоял возле этой двери и боялся войти. Нет, ни за что на свете...

И все-таки его внесли именно в эту дверь. Я это отчетливо видел, хотя глаза мои так и застилались туманом слез. Ведь во всем был виноват только я. Только сейчас я понял, каким он был мне другом. Настоящим, без всяких оговорок.

Как я казнил себя! Да, я был резок с ним в последнее время. Я стал нервным, раздражаясь по любому пустяку, стоило ему только немного запнуться, что-нибудь рассказывая мне. Иногда я даже силой пытался доказать ему свою правоту. Как это глупо! Он был нежным, умным другом. Почему был? Я верю, его спасут. Хотя этот парень в халате сказал, что случай очень тяжелый.

Помню нашу первую встречу, когда мы с ним познакомились в магазине. Он весело подмигнул мне и весь засветился от радости каким-то непередаваемым светом. Мне тоже было хорошо. Мы веселились как дети...

Он столько раз спасал меня от инфарктов, успокаивая после скандалов с женой, тещей, передряг на работе. Самые большие неприятности невольно забывались в общении с ним. Он умел вселить уверенность, пошутить. Причем, делал это удивительно легко, ненавязчиво, как настоящий добрый друг...

Знаю, жена его не любила. Он будил в ней какую-то страшную ревность. Но я-то его люблю. Нет, ждать больше нельзя. Надо идти навестить его. Благо, телевизионная мастерская еще открыта.

Где ты, друг?

1979 г.

Волшебная сила искусства

Баха я полюбил давно. В первый же год после своей женитьбы. Конечно, первое впечатление от его музыки было самым точным.

Помню, мы сидели где-то в середине партера и с замиранием сердца вслушивались в бессмертную музыку великого маэстро. Сейчас уже трудно вспомнить, что исполнял органист. Но образы, навеянные той причудливой музыкой, были чрезвычайно сильными. Низкие регистры органа создавали суровую картину холода, одиночества, тоски. И словно крики обезумевшего от горя, замерзающего в пургу человека, неслись из органа резкие, истерически высокие ноты.

В антракте Клава сказала мне:

– Мы должны купить тебе шубу. Завтра же.

– Почему? Ведь все наши деньги отложены на твой брючный ансамбль и японские сапожки.

– Нет, ансамбль подождет. В воздухе уже носится осень. А том и зима не за горами. Холодная зима.

– Как хорошо, что ты моя жена, – сказал я и крепко поцеловал Клаву. – Умница моя.

Второе отделение было стремительным, как морской ветер. Казалось, музыка несет нас через необозримые просторы в какую-то чудесную, удивительную, солнечную страну. Как прекрасны были эти мгновения полета, эти со сказочной быстротой меняющиеся вокруг нас пейзажи целомудренной природы.

– Как хорошо! – сказала Клава, когда мы после концерта счастливые и непосредственные медленно брели по ночным улицам родного города. – После шубы мы купим тебе путевку на море.

– Почему только мне? И что будет с брючным ансамблем? Ты ведь так давно мечтала купить его.

– Нет, нет, только путевку. Ведь это так здорово: море, воздух, бронзовый загар... А я? Ты же знаешь, что мне никто не даст отпуск летом – столько работы. Но разве это проблема? Ты отдохнешь за нас двоих.

– Конечно, конечно, – согласился я и добавил. – Как хорошо, что ты моя жена. Умница моя.

... Вот и сейчас, когда мы уже в который раз едем с Клавой на нашем маленьком «Москвиче» к зданию филармонии на органичный концерт из произведений Баха, я трусью подбородком о свой новый замшевый пиджак и с восхищением думаю о своей жене, сидящей рядом со мной в той же простенькой кофточке, как и тогда, много лет назад. И в который раз хвалю себя за смекалку. Сегодня в универмаге выкинули великолепные французские мужские туфли. Здесь уж без Баха не обойтись.

1980 г.

Места знать надо!

Что там говорить, есть у нас еще такие товарищи, которые думают, что химические добавки прямо противопоказаны рыбам в наших водоемах. Я хоть и не заядлый рыболлов – всего один раз занимался этим делом, но со всей ответственностью, основанной на собственном небольшом опыте, скажу, что размер улова зависит совсем не от того, сбрасывает свои отходы в водоем местная промышленность или нет. Главное – выбор места рыбалки, а там пусть в озере или реке будет хоть сплошной мазут, разведенный керосином, рыба у вас будет. Не верите? Я сам не верил, пока не случилась со мной такая история.

На прошлой неделе утром в выходной день вышла у меня с женой крепкая ссора. Разволновался я тогда здорово. Вот сынишка и подсказал: езжай, говорит, батя, на рыбалку. Ничего в нашем озере, конечно, не поймашь, но нервами отдохнешь. Рыбалка – лучшее средство от семейных противоречий.

Дал он мне свои нехитрые снасти, вот я и махнул за рыбкой... Расположился, как полагается, под небольшим кустиком у самой воды, удочку закинул, шляпу на самые глаза, чтобы солнце не мешало, надвинул, сажу, жду, смотрю на воду, любуюсь, как солнечные лучи радугами переливаются по маслянистой поверхности озера.

По правде сказать, рыбы у нас в водоеме после пуска на противоположном берегу небольшого заводика по переработке органических соединений, действительно, не стало. Так что я на удочку внимания меньше всего обращал. И вдруг чувствую, что леску что-то тянет. Ищу глазами поплавок... Мамочки мои, нету! Я, конечно, как полагается, рванул на себя. Можете себе представить – вот такой огромный карась. Я быстрее нового

червя на крючок и – снова поплавок в воду уходит. Я еще, еще, еще – караси один лучше другого.

Но тут запас червей кончился. Я же не рассчитывал на такой клев. А-а, думаю, была-не была – крючок голый заброшу. И снова карась берет...

Вот это номер, думаю и смотрю по сторонам. Недалеко от меня, тоже под кустиком, еще один рыбак. Шляпа точно как моя. Но, вижу, грустный сидит, как осенний листок. Только в мою сторону поглядывает, как я карасей таскаю, и вздыхает печально.

А с другой стороны, вижу, ко мне еще двое подходят: один – пожилой, другой – помоложе.

– Ну, как рыбка сегодня ловится? – говорит пожилой и пытается меня под шляпой разглядеть.

– Да так, мелочь всякая попадается, – отвечаю и приподнимаю шляпу, чтобы, в свою очередь, их получше рассмотреть.

– Что? Что такое? – вдруг заволновался пожилой. – Как вы здесь, под этим кустом, оказались?

– Очень просто. Пришел и сел.

– Не может быть. Неужели ошибка? – задрожал голос пожилого.

Он быстро достал из кармана лист бумаги, насколько я понял, карту, и начал ее рассматривать. Затем, определив по ней, наверное, место своего нахождения и сверив его с ориентирами местности, отвесил своему молодому напарнику увесистую оплеуху, после чего вытянул руку в направлении моего грустного соседа:

– Теперь понял, какой квадрат?!

Молодой согласно закивал головой и, потирая ушибленное место, побежал вдоль берега озера, махая отчаянно руками и громко крича:

– Э-эй! Кончай! Кончай, вам говорят! Суши ласты!

Не знаю, почему, но через несколько минут клев у меня прекратился. Да я и не расстроился. Те два ведра, которые я наловил, были прекрасной компенсацией за утреннюю ссору с женой.

Домой я шел в прекрасном расположении духа, твердо веря в целительные свойства рыбалки и, конечно, в то, что величина улова находится в прямой зависимости от того, насколько правильно вами выбрано место ловли.

1980 г.

Сервис (Записки водопроводчика)

Не мне объяснять вам, дорогие товарищи, какое значение стали сейчас придавать сфере обслуживания. Куда ни глянь, везде только и слышно: «Сервис! Улучшайте сервис! Повышайте культуру обслуживания!» Может, оно дело и хорошее, да только у меня через него такая история вышла, что смотрю я на него теперь скептически. А все дело в том, что на почве этого самого сервиса чуть было жизни я не лишился. Однако расскажу по порядку.

Началось все с нашего нового начальника. При старом мы жили очень неплохо, может, за это его и сняли. А пришел новый и начал. Собрал всех на следующий день в красном уголке и говорит:

– Ваша работа, товарищи водопроводчики, сродни делу врача. А хорош, как известно, тот врач, который умеет не только болезнь лечить, но и предупредить. Вот мы и должны отныне взять себе это за главное правило: постоянно проводить профилактику санитарно-технической арматуры. Авария с краном в любой квартире с момента сегодняшнего собрания будет расцениваться как чрезвычайное происшествие со всеми вытекающими из него последствиями. Я думаю, меня все правильно поняли.

Чего же тут не понять! Кому охота премию терять из-за какой-нибудь сгнившей прокладки? Словом, разлетелись мы из своей «дежурки» по микрорайону, словно птенчики из теплого родительского гнезда. Что там говорить, у клиентов глаза на лоб от такого сервиса полезли. Говорят: то вас месяц не допросишься, то сами как пчелы на мед летите.

Я тоже квартир двадцать обошел, пока не остановился у той злополучной двери. Сверил со своей тетрадкой номер – все точно: тридцать четвертая квартира супругов Лепестковых. Последний ремонт – два года назад. Чувствую: вот уж здесь профилактика просто необходима. Потому и позвонил смело. Открыла мне сама Юлия Павловна, жена товарища Лепесткова. Стоит в дверях, полголовы в бигудях, и дико на меня смотрит.

– Вам чего? – говорит.

– Конфузов я, водопроводчик, – отвечаю и слегка в приветствии свою кепочку приподнимаю. – Явился для проведения профилактического осмотра сантехнического оборудования.

– Это еще что за новости? – говорит Лепесткова. – Насколько я помню, ни муж, ни я водопроводчика не вызывали.

– Все правильно, – говорю. – А новости такие, что домоуправление наше перешло на новую систему обслуживания жильцов.

И пересказываю дальше слова нашего нового начальника про врачей.

– Раз так – заходите, – разрешила Юлия Павловна, выслушав мой монолог.

Подхватываю свой чемоданчик с инструментом и напрямиком на кухню, к крану. Лепесткова в дверях останавливается и, скрестив руки на груди, так ехидно говорит:

– Нашлась, значит, наконец, и на вашего брата управа.

– Выходит, нашлась, – отвечаю со вздохом и добавляю. – Он нам и чаевые запретил брать. Так и сказал: узнаю, не сносить головы. Крутой мужик...

– Про чаевые он правильно сказал, – говорит Юлия Павловна.

– Но мы его не очень-то слушаемся, – попытался поправить я дело. – Так что ты, красавица, не думай, что мы уже окончательно с ума посходили.

– Когда будет за что, без чаевых не оставлю, – ответила мне Лепесткова и куда-то ушла, наверное, бигуди свои докручивать.

В кухне я с краном разобрался быстро. Заменял прокладку. Зато в ванной пришлось повозиться изрядно. Пока менял его, прямо вспотел, даже пиджак пришлось скинуть. Так что остался я в ванной в одной рубашке. А в это время произошло следующее.

Как мне потом рассказывали, муж Лепестковой в этот день должен был уезжать в командировку. (Я-то, можно сказать, уже не мальчик, мог бы сообразить об этом сразу, увидев супругу его в бигудях). Да, видно, что-то произошло там в последний момент: командировку отменили. И товарищ Лепестков приехал домой в этот день неожиданно рано. Аккурат в тот момент, когда я с краном в ванной покончил и смывал с себя пот и грязь. У меня правило такое: как отремонтирую у клиента кран в ванной, обязательно проверяю качество ремонта. Заодно и освежаюсь после работы. Совмещаю, так сказать, полезное с приятным.

Так вот, вылез я из ванны уже чистый, но еще мокрый. И думаю: чем это вытереться? А потом возьми и крикни в шутку Юлии Павловне:

– Хозяюшка, красавица, ты бы мне полотенце хоть принесла вместо чаевых!

А муж ее в это время, как я потом узнал, только-только в прихожую ввалился. Мои слова так и застряли у него в ушах.

Юлия Павловна меня тоже услышала и мило кричит откуда-то из своей комнаты:

– Ишь, баловник, чего захотел. Ладно, принесу сейчас.

Главное, чтобы кран работал.

– Можете не беспокоиться, краник работает исправно, сейчас сами убедитесь, – отвечаю я, совершенно не ведая о том, что товарищ Лепестков уже стоит под дверью в ванную и ждет появления своей супруги с полотенцем.

Можете себе представить ее изумление, когда она своего Лепесткова увидела.

– А ведь я в командировку не уехал, Юлия, – говорит ей товарищ Лепестков грозно. – Теперь уеду не скоро. Только после его похорон...

– Это водопроводчик, – дрожащим голосом отвечает Юлия Павловна. – Он у нас кран пришел ремонтировать.

– Отлично! Кто его вызывал? Ты? Или, может быть, я?! Сами водопроводчики, насколько мне известно, в квартиры не приходят, – Лепестков сатанински захохотал.

– Он сам пришел, – Юлия Павловна убито посмотрела на мужа. – У них это называется сервис.

– То, что сервис, я уже понял. Муж ведь по всем расчетам давно в командировке. Ничего, ничего... Сейчас отремонтируем кому-то краник, – говорит товарищ Лепестков и поигрывает уже перед ее носом сковородкой. Наверное, в кухне успел прихватить. Она с испугу, конечно, как завизжит. А я слышу, шум какой-то у двери и так спокойно уточняю:

– Хозяюшка, красавица, ты там чего? Иди, смотри краник в работе.

Лепестков сковородку к ее лицу приставил, она и говорит сдавленно, но довольно внятно:

– Я тебе, полотенце принесла, товарищ Конфузов.
Открывай.

Я-то, можно сказать, уже не мальчик, взял сдуру и открыл. Спасибо реакции, она у меня с детства после занятий в секции бокса почти не ухудшилась. Успел дверь на себя дернуть. Руку его защебил. Только это меня и спасло. Пришлось товарищу Лепесткову принимать мои условия: я ему – его руку, он мне – мою жизнь.

...Говорят, потом они вообще развелись. Вот я и думаю: а не сервис ли был тому виною? Потому и отношусь сейчас к этому делу очень скептически.

1980 г.

Жених (Записки водопроводчика)

Лично я, например, считаю, что жениться после тридцати лет трудно. Но еще можно, если вес холостяка в килограммах не превышает роста в сантиметрах, а величина талии еще соразмерна величине дверного проема. И еще я думаю, что люди уже женатые, хотя бы из соображений гуманности и восстановления социальной справедливости, должны оказывать всемерную помощь людям одиноким в деле обретения семейного покоя, если те, конечно, отвечают предъявляемым требованиям. Вот и я как-то недавно решил оказать такую услугу одному своему знакомому – Феде Кабусякину. Мы с ним в конторе одной работаем, обслуживаем соседние участки.

Прямо скажем, Федя – человек очень своеобразный. Я как с ним познакомился, так сразу и понял: вот что с нами, мужиками, может сделать излишняя застенчивость, стеснительность и даже стыдливость. Как девушку моложе тридцати пяти увидит, так и опускает глаза, а щеки румянцем заливаются. И это когда самому уже за тридцать. Мне, например, это вообще в диковинку. Мы, Конфузовы, не такие. Но сейчас не об этом.

Я как-то Феде так напрямую и сказал:

– Ну, чего ты краснеешь? Чего ты их боишься? Посмотри вокруг – сколько их, незамужних. Демографическая ситуация сейчас такова, что быть холостяком сегодня значит тормозить ход всего общественного развития.

– Да, понимаю, – махнул рукой Федя. – Ну, не сложится никак. Как с кем познакомлюсь, так язык к зубам и прирастает. Не знаю, о чем говорить.

– Тяжелый случай, конечно, – говорю, – но, в принципе, решить проблему можно. Ты главное не дрейфь, Кабусякин. К женщинам подход особый нужен. Тут язык твой должен работать, как только что отремонтированный кран – давать струю информации под напором. Тогда ни одна не устоит – по себе знаю.

– Хорошо тебе, товарищ Конфузов, – говорит мне Федя, – ты у нас этот, как его – кому... кому-ни-кабельный...

Я, конечно, рассмеялся ему в ответ, а он расстроился:

– Вот видишь, двух слов связать не могу. О чем тут говорить? Нет, со мной все ясно...

Честно говоря, разозлила меня эта слабость товарища. Я ему так и сказал:

– Берусь решить это дело. Найду тебе такое сокровище, что всю жизнь потом благодарить будешь... Только от тебя, браток, требую нажать на искусство – живопись там, музыка, кино, театр. Чтобы все это – как таблицу умножения. Чтобы хватило запаса знаний минут на двадцать интеллигентного разговора. Без этого сейчас к женщине идти нечего. А я уж – будь спокоен – точно под твои духовные запросы девушку подберу.

Я и не думал, что он мои слова так близко к сердцу примет. Раньше, бывало, всегда компанию для домино в обеденный перерыв составлял, а тут как свободная минутка выпадет, так и жметя в уголок с книжкой в руках.

Ну, и я решил времени зря не терять. Стал к женской половине своих домов приглядываться. Девушкам ведь тоже после определенного возраста замуж выйти – не воды газированной напиться. И приметил одну, Любой звать. Свою однокомнатную получила недавно. А по прокладкам в кранах

понял – бойкая, импульсивная, порывистая. Раз в квартал приходится сантехнику ремонтировать. Такие девушки обычно нравятся. Что касается интеллигентности, то и здесь необходимый минимум в наличии: в прихожей – репродукция женщины в меховой шапке, в кухне – пищевой этюд розовыми красками расписан, и везде книги – «Похитители бриллиантов», «Королева Марго», «Анжелика – маркиза ангелов», Даже, пардон, в туалете – томик «Проклятых королей» Дрюона на полочке для чтения приспособлен. Я, как этих «королей» увидел, так окончательно убедился: вот где зернышко Фединога счастья прорасти должно. Академий, конечно, не кончали, но тяга к искусству есть. Хотя бы и к массовому.

Я Любе тогда сразу так и намекнул. Дескать, есть у меня для вас такой человек мужского пола, по всем параметрам идеал: не пьет, не курит, при виде чужих женщин краснеет, смущается и ни о чем, кроме искусства, говорить не может. Для образности добавил, что различает по нюансам творческой манеры художников раннего и позднего возрождения. (Разве мог я тогда подумать, что он действительно сможет их различать?)

После этих моих слов она на меня как на умалишенного посмотрела.

– Вы, – говорит, – товарищ Конфузов, рассказывайте эти басни девушкам помоложе. Может, они вам трешку и дадут за то, что подарили им исчезнувшую было надежду на прекрасного принца. Только я этими сказками уже вот как сыта. Как вы думаете, можно в жизни чему-то научиться к тридцати годам?

– Можно, – ответил я ей, но и Федю в обиду не дал. – Ты бы чем так говорить, лучше бы на самого товарища моего посмотрела. Ей-богу, я сам себе в последнее время удивляюсь: как в наш век можно остаться таким чистым и незамутненным

как спирт. Надо для этого иметь определенную крепость характера, чтобы твой внутренний мир ничем разбавить не смогли низкопробным. Не у каждого это найдешь.

По реакции чувствую, хоть и тридцать Любе лет, а в принца своего еще где-то там – глубоко-глубоко в душе – верит. Посмотрела она на меня очень задумчиво и говорит:

– Ладно, чего уж там. Приводите свою кандидатуру в женихи, товарищ Конфузов. Интересно мне стало: неужели есть холостяк, который не пьет и краснеть еще не разучился?

Так что в следующий свой приход потащил я за собой и Кабусякинба. Правда, уровня его нового ч проверить не успел – не было времени. И говорить ему о предстоящих «смотреинах» не стал – не хотелось зря волновать. В таких делах надо быть абсолютно раскованным и естественным.

С кранами у Любы мы справились быстро, но инструмент собирать я не спешил. Вышел из ванной в прихожую размять затекшие плечи.

– Вижу, хозяйюшка, очень вы искусством увлекаетесь, – кинул я для затравки пару слов, глядя на барышню в меховой шапке, что в прихожей висела.

– Да уж, немного, – ответила Люба, заметно порозовев.

Здесь и Федя из ванны выглянул. Посмотрел на репродукцию и прямо желваки у него на лице заходили.

– Деятнадцатый век, – говорит, – кисть великого Крамского... Все-таки как время иногда безжалостно к шедеврам. Современники восхищались игрой красок на холсте, а мы сегодня только скользим холодным взглядом по полотну и даже не задумываемся о том, сколько сил и интеллектуальной энергии пришлось затратить художнику, чтобы написать этот

шедевр... Оскудение интеллекта, потеря художественного вкуса – вот какого приговора мы достойны сегодня...

В этот момент Федя грустно улыбнулся, а я успел наклониться и шепнуть на ухо Любе:

– Что? Скушала?

Она ошалело посмотрела сначала на меня, а потом снова на Федю, которого уже понесли собственные мысли:

– Как жаль, что мы не властны над временем... Сколько шедевров так и останутся непонятыми грядущими поколениями...

– Он, что, всегда такой? – спросила меня тихонько Люба минут через двадцать, когда Кабусякин забубнел что-то уже про импрессионистов и Сезанна.

– Всегда, – отвечаю и, широко улыбаясь, подмигиваю ей. – Он у нас знаешь какой? Он тебе сейчас и про «Могучую кучку» задвинет, и про младогегельянцев...

– Действительно, чудной, – еще минут через пятнадцать произнесла Люба, когда Федя начал осваивать массив западноевропейского театра. – Интересно, а каким образом его можно остановить?

– Честно говоря, мы и сами этого пока не знаем, – признался я. – Да ты не обращай внимания. Ты лучше скажи – подходит?

Люба еще раз придирчивым взглядом измерила Кабусякина с головы до ног и тяжело вздохнула:

– Нет, товарищ Конфузов. Принцы, они, оказывается, тоже разными бывают. Одни пьют, другие – разговаривают.

...Домой я шел грустный, даже можно сказать расстроенный. А Кабусякин, наоборот, был необыкновенно возбужден.

– Ты видел, какая замечательная женщина! – громко говорил он, то и дело хватая меня за рукав. – Как она меня слушала! Я бы мог говорить с нею еще целую вечность...

– Это точно, – подтвердил я и, шелкнув языком, добавил. – Что-то мы с тобой здесь не додумали...

1980 г.

Не успели...

Я осторожно вставил ключ в замочную скважину и, стараясь не шуметь, тихо щелкнул замком. Дверь отворилась почти неслышно. Мы вошли в квартиру. В прихожей я прислушался.

– Думаешь, нас заметили? – спросила она.

– Не знаю, пожал я плечами. – По крайней мерен, у нас есть в запасе несколько минут, поэтому брать будем только самое необходимое.

– Все ясно, – сказала она и скользнула в комнаты.

– Я методично осмотрел кухню, складывая все съестное в рюкзак. Очень скоро он стал весить довольно много, и я едва смог взвалить его себе на плечи.

Выйдя в прихожую, я снова прислушался к шагам на лестничной площадке. Кто-то направлялся этажом выше. На первом этаже сквозняком захлопнуло дверь, а со двора доносились веселые детские крики. Я взглянул на часы.

– Скоро там? – позвал я и, не услышав ответа, прошел в комнату. Она стояла у огромного зеркала и примеряла довольно симпатичное платье. Заметив меня, кокетливо улыбнулась:

– Я тебе нравлюсь в нем?

– Послушай, что за глупости? Нам надо быстрее уходить отсюда. Я же сказал, брать самое необходимое.

– Но я, честное слово, не знаю, что выбрать из всего этого, – обиженно ответила она, глядя на многочисленные платья, сваленные в одну кучу прямо на постели. – Если через две минуты мы не выберемся отсюда, то ты понимаешь, что может быть? – сказал я тоном, не терпящим возражений.

– Понимаю, – сказала она, вскидывая себе на плечи новое платье.

– Нет, больше так продолжаться не может, – разозлился я и, схватив ее, потащил к выходу.

– Секундочку, – воскликнула она, хватая на ходу попавшие под руку платья. – Мы забыли взять деньги.

– Правильно, сказал я, отпуская ее и целуя в лоб. – Иногда ты говоришь дельные вещи.

– Они в шкафу, за платьями, – уточнила она.

Я бросился к шкафу. Отыскать пакет было минутным делом, но она успела вновь проскользнуть к зеркалу и набросить на себя какую-то кофточку. И тут в прихожей раздался мелодичный звонок. Мы оцепенели.

– Ну вот, ты добилась своего, – выдавил я после долгого молчания и с ужасом подумал о предстоящей встрече.

– Дорогой, я огорчена не меньше тебя, – сказала она довольно спокойно, запихивая все платья обратно в шкаф.

– Огорчена, не огорчена, толку от этого, – махнул я рукой и двинулся к входной двери с рюкзаком за плечами.

В «глазок» я увидел нашу соседку с любимым мопсиком на руках.

– Ты смотри, все-таки заметила... К тебе, – крикнул я своей жене. – У собачки, наверное, опять несварение. Так что можешь идти принимать гостей...

– Дорогой, не шути так. У Анечки, действительно, прекрасная собачка. И не расстраивайся: за город мы выберемся в следующую субботу.

– Если не будет гостей, – ответил я и строевым шагом отправился на кухню разгружать рюкзак.

1981 г.

Премия

– Тамарчик, зайчик, – ласково позвал Иван Антонович, осторожно открывая дверь в собственную квартиру. – Где ты?

Тамара Николаевна, жена названного товарища, выглянула из кухни.

– Уже пришел?

– И не один, – Иван Антонович вывел правую руку из-за спины. В ней был огромный букет гладиолусов.

Тамара Николаевна мягко улыбнулась, но затем вовремя взяла себя в руки.

– Что это значит? И откуда цветы?

– Это значит, что я тебя очень люблю, – пришел черед улыбнуться Ивану Антоновичу. – А цветы я купил по случаю моей сегодняшней премии. Наша мастерская сдала досрочно важный объект.

– Ага. Значит, цветы – мне, а остальную премию – с друзьями, – заключила Тамара Николаевна. – И волки сыты, и овцы целы. Оригинальная любовь.

– Да нет же, Томчик, – Иван Антонович обидчиво насупил брови, доставая бумажник. – Вот вся премия до копейки. Если не веришь, можешь пересчитать... И почему ты решила, что цветы – это для отвода глаз?

Иван Антонович небрежно сунул бумажник в руки супруге и направился в комнату.

– Дорогой, прости, – ласково прошептала Тамара Николаевна, быстренько взвесив в руке содержимое бумажника, и прильнула к груди своего мужа.

– То-то и оно, – оттаивая, с достоинством сказал Иван Антонович, подставляя губы для поцелуя. – Что у нас есть сегодня поужинать? И как там наши сорванцы ведут себя в

школе? Давно я у них в дневнике не расписывался. Пора браться за их воспитание... А-а-а!

...Тамара Николаевна испуганно открыла глаза. Супруг лежал рядом, как-то ничком уткнувшись лицом в подушку.

– А-а, – тяжело стонал он, пытаясь схватить ртом побольше воздуха.

– Задушится еще, – брезгливо подумала Тамара Николаевна, вытаскивая из-под него злополучную подушку.

Глубоким вздохом облегчения Иван Антонович приветствовал собственное избавление от мук. Он медленно открыл глаза и посмотрел на женщину мутным взглядом.

– Вре-вре-мя?

– Утро уже. Детей в школу поднимать пора, – сказала Тамара Николаевна, вставая. – У вас что, опять премию вчера давали?... Во сколько хоть пришел, помнишь?

– Не помню, – Иван Антонович сжал виски ладонями. – Ничего не помню.

– А мне сон сегодня приснился. Странный какой-то. Только тоже не помню, чем все закончилось, – Тамара Николаевна грустно улыбнулась самой себе. – Такой странный, несбыточный сон...

1981 г.

Аромат сирени

Под окном расцвела сирень. И сейчас ее томный аромат пьянил кого-то на лавочке возле самого окошка.

Клавдия Ивановна толкнула в бок спящего мужа.

– Вань, слышишь? – она прислушалась.

– Ты что? – Иван Александрович с неудовольствием открыл глаза.

– Никак наша Светка под окном с кем-то сидит, – ответила Клавдия Ивановна, все еще прислушиваясь.

– Ну и что? – Иван Александрович вкусно зевнул.

– Так ведь не одна.

– Правильно. Чего бы ей там одной сидеть... Опять, наверное, с этим проходимцем Колькой Нестеровым. Интересно, сегодня-то он хоть трезвый?

– Как, трезвый? – ужаснулась Клавдия Ивановна. Быстро соскочила с постели и стала искать халат.

– Я ей сейчас покажу, как под окнами с кем попало сидеть. Родителям ни одной спокойной минуты, – она решительно накинула на себя халат, затем платок.

– Ты погоди, – Иван Александрович сосредоточенно прислушался. – Вроде не Колька это. Голос-то больше похож на тенорок сына Виктора Николаевича, директора нашего.

Клавдия Ивановна медленно сняла платок и подошла к окну.

– Хороший парень. И костюмчик у него приличный. Ишь, как нашу Светку забавляет. Говорун. Прямо весь ты, Ваня, в молодости. Такой веселый. И степенный.

Иван Александрович по-прежнему задумчиво прислушивался.

– Да нет. Вроде не он. Виктор Николаевич говорил, вроде отправил он сына своего к сестре в деревню. На каникулы.

– А кто же это тогда?

– Не Лешка ли со станкозавода? Видел я его как-то. Трудовая книжка размалевана как картинка. Летун и все тут. Да и завод от него уже избавиться хочет.

Клавдия Ивановна поежилась.

– Холодно что-то, – и накинула платок. – Ну, Светка, погоди, придешь домой... Ох, и дура! Разве ж можно позволять такое парню. Ну, нет, целоваться они у меня под окнами не будут.

Клавдия Ивановна отпрянула от окна и быстро направилась к двери.

– Вот ведь, старый болван, – обругал себя Иван Александрович и улыбнулся. – Светка же мне сама говорила, что познакомилась с этим... В университете на физика учится... Да ты знаешь его мать... Недавно в наш дом переехали.

– Никак Ванда Васильевна... В исполкоме работает...

– Во, во, она самая.

Клавдия Ивановна нерешительно подошла к окну опять. Теплым взглядом посмотрела на лавочку.

– Ну, и Светка! Вся в меня... Уже и поругаться успела. А паренек симпатичный. Рубашечка модная, чистая. Аккуратный... Нашла время ругаться... Эх, молодость, молодость, сколько вас еще ошибок ждет.

Она с минуту еще смотрела в окно. Потом сбросила халат и пошла к постели.

– Как же это я забыл... – хотел было сказать в это время Иван Александрович, вспомнив что-то еще, относящееся к делу,

но его уже одолел сон. И он только что-то тихонько просопел себе под нос.

А под окном буйствовал аромат сирени.

1981 г.

Расставание

Мой поезд уходил ночью. Поэтому весь вечер мы с Иолантой, моей женой, провели в хлопотах. Она собирала мне чемоданы. Положила в один необходимые вещи, теплое белье, в другой – то, что требовалось мне для дела.

Держалась Иоланта молодцом. Она-то уж знала, какие меня ждут испытания в скором будущем. Но ни одним словом, ни одним жестом она не выдала своего волнения. И только ее взгляд, заботливый и внимательный, говорил мне лучше всяких слов: «Береги себя, дорогой. Я буду ждать тебя всегда».

Когда под окном засигналило специально вызванное такси, ко мне подошел сын. В его глазах стояли слезы.

Стараясь выглядеть бодрым, я игриво растрепал ему волосы и, проглотив подступивший к горло комок, сказал:

– Ну что, малыш. Давай прощаться. Теперь ты меня не скоро увидишь. Когда я приеду обратно, ты уже будешь большой.

Сын тоже держался изо всех сил. Едва сдерживая себя, он восхищенно посмотрел на меня и мужественно произнес:

– Отец, я хочу быть таким, как ты. Сильным, настойчивым и упорным. И никакие преграды мне остановят меня на этом пути.

Я незаметно смахнул предательскую, неожиданно набежавшую скупую мужскую слезу.

– Спасибо, сынок. Обещай, что, если со мной вдруг что-то случится, то продолжишь дело, начатое мною...

– Не беспокойся, отец. Что бы ни было, я стану изобретателем. И если ты не успеешь согласовать всю документацию для подготовки производства по своему

авторскому свидетельству, я продолжу это дело и буду завещать его своим детям и внукам...

– Ты – настоящий сын, – сказал я, обняв его за подрагивающие плечи. – Береги мать...

Бросив последний взгляд на родные стены, я подхватил чемоданы и побежал к ожидавшему меня такси. Чемодан с перепиской по изобретению явно перевешивал, поэтому уже на лестнице я просто взвалил его себе на плечи...

1985 г.

Поездка

Времени до отправления поезда оставалось совсем немного, когда он вошел в купе. Возле окна он увидел ее, разглядывавшую здание вокзала.

«Кажется, хорошенькая, – подумал он, забрасывая чемодан под лавку. – Приятно будет ехать».

«Интересно, мы так вдвоем и поедем?» – подумала она не то со страхом, не то с удивлением.

«Наверное, ждет, когда я начну приставать», – подумал он, чувствуя, как поезд начинает трогаться.

«В принципе, он и не итак уж плох, – подумала она, считая телеграфные столбы, пронесившиеся мимо окна вагона.

«По-моему, она чересчур самоуверенна», – подумал он, раскрывая свежий номер «Известий».

«Однако его молчание становится невыносимым», – подумала она, раскрывая толстую книжку у себя перед глазами.

«Интересно, о чем бы я мог с ней поговорить!», – подумал он, снимая пиджак из-за жары в купе.

«Фи, какое хамство, даже не попросил разрешения», – подумала она, обмахиваясь платочком.

«Она может подумать, что я какой-нибудь развратник, если начну заговаривать с ней», – подумал он, чувствуя первую остановку поезда.

«Недотепа, ему только на лошадях и ездить в одиночку», – подумала она, чувствуя, как поезд снова трогается.

«Нет, нет и нет. У меня есть семья, и мне не стоит увлекаться, даже если я и выехал в трехдневную командировку», – подумал он, доставая нехитрый перекус из чемодана.

«Неужели я так некрасива? Ему уже хочется есть, лишь бы не обращать на меня внимания», – подумала она, раскрывая сумочку с бутербродами.

«Может быть, я поступаю не совсем правильно, что не предлагаю ей разделить со мной трапезу, но я хочу, очень хочу есть подумал он, собирая оставшиеся хлебные крошки в рот.

«Такой никогда не пригласит в ресторан поужинать вдвоем. Супруга давно отбила ему охоту транжирить деньги на собственный желудок», – подумала она, внимательно разглядывая сосиску и забрасывая ее в рот.

«Скорее бы уже приехать и окунуться в дела», – подумал он, позевывая и почесывая грудь.

«Скорее бы приехать. И как следует отдохнуть», – подумала она, доставая помаду.

«Все-таки хорошо с кем-то ехать в купе, – подумал он, устраиваясь на верхней полке и засыпая. – Есть о чем думать».

1976 г.

Кукла с дефектом

Честно говоря, я сторонник многодетной семьи. Но, когда у нас появился первый ребенок, Иоланта, моя жена, без обиняков заявила мне:

– Это был первый и последний случай в моей жизни. Заруби это себе на носу.

И надо сказать, она долго держалась этой стратегической линии, пока нашему малышу не исполнилось пять лет. В этот день мы все вместе отправились в магазин игрушек, чтобы выбрать ребенку подарок по его вкусу и желанию. Это у нас такая уже годами сложившаяся традиция.

Обычно, когда мы приходили в этот магазин, наш сын сразу же бросался сломя голову к тем витринам, на которых было выставлено что-то гремящее, стреляющее, с обилием гаек и болтов. Что-то подобное должно было произойти и в этот день. И я уже с ужасом думал о том, куда мы денем очередной вездеход в нашей маленькой квартире, как, проходя к своим танкам и самолетам, наш ребенок вдруг остановился. Его внимание привлекла витрина, за которой молоденькая девушка-продавец выставляла только что полученные игрушки. Это были какие-то непонятные фигурки, чем-то напоминавшие знаменитого Чебурашку. Только, пожалуй, еще трогательнее. Голова у куклы была непропорционально большой, ручки и ножки удивительно маленькими, платье – из блеклой и невыразительной ткани, а огромные глаза-пуговицы излучали какую-то неизъяснимую детскую грусть.

Я бы и внимания не обратил на этих кукол-заморышей, которых не ясно по какой причине пропустил отдел технического контроля фабрики игрушек. Но мой сын замер возле этих фигурок: он смотрел на кукол широко открытыми

глазами, в которых очень скоро показались слезы. Нам с Иолантой стало не по себе. Мы переглянулись.

– Только этой халтуры и не хватало в нашем доме, – прошептала Иоланта. – Нет-нет, только не эту игрушку. Надо что-то предпринимать...

Я подошел к девушке-продавцу и как можно спокойнее сказал:

– Посмотрите, что вы делаете. Что вы ставите на витрину? Ребенок слезами умывается. Как можно такой откровенный брак давать в продажу? У вас что, нормальных кукол нет?

– А я здесь причем? – грубо отозвалась девушка. – Мне сказали, я делаю. Думаете, мне приятно с ними возиться... Может, вашему мальчику меня жалко? ... И вообще, гражданин, не мешайте работать...

Я пожегся и отошел. Взял ребенка за руку и попытался оттянуть его от злополучной витрины. Малыш стоял насмерть. Увести его отсюда могло только что-то сверхъестественное. Осознав беспомощность силового давления, я отступил. За дело взялась Иоланта. Она попыталась в своей обычной манере разрекламировать все, что попадало ей на глаза на этой и в соседних витринах. Но ребенок – не его папа. Уговорить его купить то, что ему совершенно не нравится, не удалось даже Иоланте. Я со злорадством смотрел на ее безуспешные попытки.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросила меня Иоланта, оставив ребенка в покое.

Я пожал плечами, уставившись на кукол-заморышей. Иоланта продолжала кипятиться.

– Вот ведь упрямый, – твердила она, – весь в своего папочку.

Малыш не отвечал. В его глазах стояли слезы, а сердце было переполнено жалостью к дефектным куклам. И хотя время шло к закрытию, он совершенно не собирался уходить отсюда.

Трезво оценив критическую обстановку, я сказал Иоланте:

– У меня есть план, но, боюсь, что ты его не одобришь.

– Ах, делай все, что в твоих силах, только уведи его отсюда, от этих страшных игрушек, – махнула рукой моя жена, тяжело вздохнув

– Можешь быть спокойна, – пообещал я и наклонился к сыну.

– А что, малыш, ты бы сказал, – начал я бодрым голосом, – если бы у нас дома была такая же кукла, только живая.

Ребенок не поверил моим словам, поэтому переспросил:

– Как, живая?

– А вот так! Подробнее об этом ты можешь узнать у мамы, – ответил я и предусмотрительно отошел в сторону.

Ребенок бросился к Иоланте. Его лицо осветилось безмерной радостью.

– Мама, это правда?! – закричал он. – Пойдем быстрее домой!

Иоланта не отвечала. Она уничтожающе смотрела на меня.

...Завтра моему второму сыну исполняется тоже пять лет. Однако собираться в магазин игрушек мы начали уже сегодня. Пока малыш проводил инвентаризацию уже имевшихся у него танков, самолетов, машин, чтобы не попасть завтра впросак, Иоланта предусмотрительно позвонила в магазин и уточнила, был ли в ближайшие дни завоз бракованных игрушек. Ей ответили, что нет, не был. Напевая что-то веселое, Иоланта положила трубку и отправилась на кухню. Я же оставался абсолютно спокоен, ибо хорошо помнил, что тогда, почти шесть

лет назад, куклы с дефектами завезли в магазин неожиданно, в день нашего прихода. Однако говорить Иоланте об этой своей догадке я не стал. Ведь я – сторонник многодетной семьи.

1985 г.

Взаимопонимание

Ох, и гораздо же этот Сиднев сказки рассказывать. Он у нас в тресте в соседнем отделе работает. Встретил меня сегодня днем в столовой и говорит:

– Товарищ Поливинилов, я вчера в газете интереснейшую статью прочитал. Один заграничный ученый доказал, что после десяти лет совместной жизни многие супруги перестают нормально разговаривать друг с другом. И на этой почве развивается непонимание, рождаются конфликты. Вот вы, сколько уже лет женаты?

– Двенадцать, – отвечаю.

– Вот-вот, про таких, как вы, это и написано, – говорит Сиднев и улыбается.

– Ну-у, это ты загнул, – тоже улыбаюсь я. – У меня в этом плане все в порядке. Полное, так сказать, взаимопонимание.

– Тогда счастливый вы человек, – позавидовал мне Сиднев.

На этом наш обед и закончился.

Приехал я после работы домой, а у самого этот разговор из головы не выходит. Вот ведь, думаю, чего только на свете не придумают. Что муж и жена могут не разговаривать друг с другом и жить под одной крышей.

Снимаю пальто в прихожей. Ноги – в тапочки, – в руки – газету, всего себя в кресло перед телевизором опускаю, а мысли сами собой бегут: «Как же это так можно – ни о чем не говорить. А для чего человеку язык дан?»

Слышу, Иоланта, моя жена, в кухне чем-то тяжелым гремит. Наконец, раздается громкий стук чашки о раковину – пора ужинать.

Встаю из кресла, иду в кухню и продолжаю мысленно спор с Сидневым. «А конфликты? Какие могут быть в семье конфликты, когда семья – это добровольный союз двух любящих сердец?»

Подхожу к столу, вижу глазунью из двух яиц и корочку черствого хлеба. Иоланта мимо меня метеором с дрелью в руках проносится. «Полки в прихожей приделывать будет, – соображаю я, погружая хлеб в яичницу. – Давно пора, а то ведь уже второй год без толку под диваном валяются».

Вскоре из прихожей доносится звук работающей дрели, а я, вспоминая разговор в столовой, никак успокоиться не могу: «Прохвост он, этот ученый. Взялся статью писать, а данные использует непроверенные».

Закончив ужин, я прохожу к своему креслу и телевизору мимо Иоланты, с ожесточением вгоняющей молотком огромный шуруп в стену. «Конечно, полного взаимопонимания добиться нелегко, – говорю я сам себе, продолжая дискуссию с воображаемым оппонентом. – Семья – это тоже достаточно сложный социальный механизм. Но на то нам и дана голова, чтобы думать, чтобы грамотно подойти к решению самых сложных вопросов».

Поздно вечером, когда я уже выключил телевизор и, слегка потягиваясь и позевывая, шел ложиться спать, Иоланта заканчивала перестановку мебели, вызванную уборкой квартиры. Я смотрю на ее хрупкую фигурку, худенькие плечи и с нахлынувшей нежностью думаю: «Да что он знает, этот умник, о современной семье? Как можно ни о чем не разговаривать со своей женой, такой милой и обаятельной, такой ласковой и все понимающей».

Под звуки включенной стиральной машины я засыпаю с мыслями о принципах гармонии семейной жизни, о путях достижения абсолютного взаимопонимания двух любящих сердец, посылая в кухню воздушный поцелуй Иоланте. Жаль, что пот застилает ей глаза, и она просто не видит моих стараний. Очень жаль...

1985 г.

Любимая

Лиза любит сидеть по вечерам у самого окна и отрешенно-потусторонним взглядом всматриваться в одинокие фигурки пешеходов, которые все более и более размываются в быстро набегающих сумерках. Иногда она отрывает взгляд от улицы и также задумчиво смотрит на Игоря, своего мужа, работающего при настольной лампе за письменным столом в другом конце комнаты. При этом взгляд ее становится необыкновенно теплым и нежным. Она любуется умной головой мужа, его хорошо тренированным телом, его привычкой кусать ногти, когда какой-нибудь шпindel не стыкуется с какой-нибудь втулкой. Она чувствует себя безмерно счастливой в такие необыкновенно тихие вечера.

Когда на улице становится совсем темно, Лиза поднимается, подходит к мужу и садится напротив Игоря. Словно кошка, требующая к себе хотя бы чуточку внимания и ласки, виновато заглядывает ему в глаза, потирая свои щеки о спинку стула.

– Игорь! Милый! – говорит шепотом Лиза, вся светящаяся в своем женском счастье. – Если бы ты знал, как я люблю тебя! Как мне хорошо!

Игорь, еще погруженный в мир своих мыслей, поднимает задумчивые, умные глаза и несколько секунд смотрит на Лизу. Затем, потрясенный новой оригинальной идеей, снова опускает голову и продолжает писать столь же быстро, сколь и увлеченно.

Тогда Лиза поднимается и в каком-то одной ей ведомом танце начинает кружиться по комнате, то и дело покачивая своей очаровательной головкой в такт внутри ее звучащей музыке. Однако вскоре ей надоедает и это. Она подходит к

небольшому в коричневых тонах пианино и начинает играть что-то очень грустное и щемящее. Звуки мелодии ранеными птицами разлетаются по комнате, достигая Игоря. Он недовольно морщится и поднимает голову.

– Лиза, – мягко, но укоризненно говорит он. – Ты же знаешь, что мне надо работать. Очень много работать. А твоя музыка сбивает с мысли.

– Зачем? – вдруг капризно отвечает ему Лиза плаксивым голосом. – Зачем тебе надо много работать?

– Чтобы стать хорошим инженером... Ты же знаешь, какой это титанический труд.

Лиза резко обрывает музыку и снова начинает ходить по комнате.

– Но чем-нибудь мне можно заниматься? Телевизор не включай, радиоприемник не включай. Скоро запретишь включать уют.

– Ну, зачем ты так? Зачем этот откровенный конфликт? Тебе просто хочется поскандалить... – Игорь рассерженно откладывает карандаш в сторону, уже окончательно сбитый с мысли. – А оказывается, не с кем...

Лиза останавливается, словно пораженная громом и широко открытыми глазами смотрит на Игоря, открывая в нем что-то такое, еще неизвестное. Наконец, она приходит в себя и с трудом выдавливает:

– И это говоришь мне ты? Человек, которого я люблю больше своей жизни? Неужели ты это сказал, Игорь? Милый, неужели это правда?

– Лиза! Оставь этот идиотский тон! Ты же все прекрасно понимаешь... Если я не буду подрабатывать, на не на что будет жить.

– Игорь, любимый, что ты говоришь, – она, испуганная, подходит к нему и трясущейся рукой касается его губ. – Разве я тебе мешаю? Это правда*?

– Лиза! Я умоляю тебя, прекрати делать из меня идиота, – он резко одергивает ее руку.

– Да, я одна во всем виновата, – Лиза отходит к окну и начинает плакать. Слезы у нее крупные. Они катятся по щекам, поблескивая в отсветах настольной лампы, и падают на пол с легким стуком.

– Только я одна виновата в том, что я так люблю тебя. Что это значит для тебя? Ты занят титаническим трудом...

– Лиза, я прошу тебя! Этот разговор глуп до дикости, – Игорь снова говорит мягким голосом. Это еще больше трогает душу Лизы, и слезы ее уже катятся маленькими ручейками, размывая все ее косметические ухищрения.

– Я знаю, ты больше не любишь меня, – произносит она трагическим голосом, от которого, кажется, разорвется сердце.

– Люблю! Люблю я тебя, Лиза! – теперь уже вскакивает Игорь и начинает быстро ходить по комнате. – Только своей, мужскою любовью, понимаешь?! Ну, перестань плакать. Ну, хочешь, я тебе завтра что-нибудь куплю?

– Хо-о-о-чу! – от рыданий Лиза с трудом выговаривает слова.

– Хочешь, я завтра куплю тебе новую комбинацию. Голубую. Она так пойдет к твоим сизо-голубым глазам... Ну, перестань, я прошу тебя. Теперь ты видишь, что я люблю тебя.

Он подходит к ней и, нежно обнимая за плечи, целует ее губы, шею, руки.

– Бесконечно любимый, – вдруг пылко произносит она и со страстью отвечает ему тем же. – не оставляй меня одну! Никогда! Слышишь! Обещай мне...

И еще долго, вот так обнявшись, они смотрят в непроходимую мглу ночи, лишь изредка нарушаемую вспышками троллейбусных линий, и молчат, ощущая такое близкое тепло друг друга.

1987 г.

Есть хочется!

Ватрушкин сидел у телевизора и тупо смотрел на светившийся экран. Хорошо откормленный тележурналист вел оптимистический репортаж из забугорного супермаркета.

– Смотри, как буржуи живут, – вяло сказал Ватрушкин жене. – Прямо самому есть захотелось.

– Не раздражай, – резко оборвала его жена. – Чтобы покупать то, что здесь показывают, надо хорошо зарабатывать.

– А я что, не работаю, – встрепенулся Ватрушкин.

– Как работаешь, так и зарабатываешь, – продолжала гнуть жесткую линию жена.

– Между прочим, я честно работаю, – уточнил Ватрушкин.

– На стройке. Не кооператор какой-нибудь.

– Я твою честность на хлеб не намажу и колбасой не прикрою, – не сдавалась жена. – Шел бы, действительно, в кооператив или в малое предприятие. Телевизор сегодня не было бы стыдно смотреть.

Чувствуя приближающуюся грозу, Ватрушкин переключил телевизионную программу. Герой фильма явно «застойного» времени энергично разрывал на экране жареную курицу и жадно ел, ел, ел, регулярно прикладываясь к кружке пива.

– Что-то есть хочется, – громко сказал Ватрушкин, пощипывая себя за кончик уха.

– Смотри, не подавись слюной, – ответила жена откуда-то из кухни. – В доме все равно ничего нет съестного.

– Как это нет? – не поверил Ватрушкин. – И холодильник пустой?

– Абсолютно, – злорадно усмехнулась жена. – И дернул меня черт за тебя замуж выйти. Семью прокормить не можешь Козел.

– А талоны у нас остались? – все еще на что-то надеясь, спросил Ватрушкин.

– На сахар, – ответила жена, входя в комнату и бросая талоны мужу.

Ватрушкин снова щелкнул переключателем телевизионных программ. Какая-то толстая тетка с трудом запихивала кусок отборного мяса в переполненную покупательскую корзинку. Глядя на это, Ватрушкин с трудом перевел дыхание.

– Чтоб ты подавилась, корова, – промычал он, взял оставленный женой талон на сахар, автоматически сунул его в рот и стал жевать. В этот момент из радиоточки донеслись позывные передачи «Школа юного кулинара».

– Я есть хочу! – крикнул Ватрушкин, выплевывая остатки талона.

– Хотеть – не вредно, – та же громко ответила ему жена. – В доме – ни копейки. Ты бы лучше халтуру какую взял домой да поработал бы вечерок. Вот бы и разжились на кусок колбасы.

– Не дави на психику. Я на работе по колено в грязи хожу, вот этими мозолями деньги зарабатываю, а тебе все мало, – завелся Ватрушкин.

– Мама правильно говорила: выходи за брокера или маклера, на худой конец – за кооператора, – заплакала жена. – А я дуря – любовь, любовь. С голоду помрем скоро.

– Государство не позволит! – вдруг заявил Ватрушкин.

У жены отвисла челюсть.

– У тебя что, крыша поехала? – как-то очень участливо и озабоченно спросила она.

– Я верю в торжество наших идей! – еще громче сказал Ватрушкин.

– Господи, да ты свихнулся! – испугалась жена, быстро подошла к телевизору и выключила его.

– Если б только я, – ответил Ватрушкин и раскатисто захохотал. – Весь мир на жратве свихнулся, а мы только маленькие его песчинки...

Жена Ватрушкина продолжала плакать.

1991 г.

Возвращение

То, что начал интенсивно толстеть, первой заметила моя жена Иоланта. Как-то вечером, занимаясь по своему обыкновению уборкой квартиры, она мне так прямо и сказала:

– Дорогой, хватит целыми выходными днями валяться на диване. Посмотри, он уже принимает какую-то ужасно уродливую форму твоего живота. Вмятина с каждым месяцем становится все глубже и глубже, а ты – все неподъемнее и неподъемнее. Я уже не говорю о том, какие чувства такой тестообразный толстяк может вызывать в красивой женщине.

Внимательно посмотрев на жену, я понял, что последние слова она сказала о себе, а также почувствовал, что, действительно, вызываю у нее своим спокойным, горизонтально-отрешенным и мирно расположенным телом ощущение, среднее между отвращением и омерзением. Не очень приятное, скажу я вам, открытие, тем более в тот момент, когда по кабельному телевидению крутят что-то очень уж по-французски фривольное и раскованное. Иоланта, между тем, не унималась:

– Кабан, твоя туша скоро окончательно продавит наш бедный диван!

Сладко зевнув, потянувшись на своем любимом диване и отведя взгляд от светящегося в углу комнаты экрана телевизора, я нежно спросил:

– Бесконечно любимая, что ты предлагаешь?

– Выгляни в окно, – ответила жена. – Посмотри, какие стройные и подтянутые мужчины бегают рысцой по утрам в нашем микрорайоне. По вечерам плавают в бассейне. По воскресеньям ходят в походы выходного дня.

– Чепуха! Реклама! – лениво сообщил я, переворачиваясь на другой бочок. – Это только депутатам надо заботиться о сворем внешнем виде. У них ведь выборы на носу. А мне голоса избирателей ни к чему.

– Ах, так! – неожиданно рассвирепела Иоланта. – Получай же!

Грозной и прекрасной амазонкой она с трубкой включенного пылесоса в руках подлетела к телевизору и ... выключила его.

– Ты... Ты в своем уме? – вскричал я, понимая весь трагизм случившегося. – Ты же срываешь всю культурную программу сегодняшнего вечера.

– Больше телевизор по вечерам смотреть не будешь! – в каком-то истеричном исступлении ответила моя жена, явно ожидая решительные действия с моей стороны. Поэтому она предусмотрительно выставила перед собой свистящий кусок пылесосной трубы.

Конечно, я не ожидал такого драматического поворота событий. Посягнуть на святое! Да как она могла! Гнев бушевал во мне, но я решительно взял себя в руки.

Не скрою, мне было безумно тяжело подниматься с такого уютного, мягкого и теплого лежбища, но в тот же вечер я разыскал в шкафу свои вещи – спортивный костюм, кроссовки, плавки. Словом, весь джентльменский набор мужчины, который поставил перед собой в жизни великую цель. И уже на следующее утро я вышел на тропу здоровья и физического совершенства.

Для тех, кто никогда не совершал подобных поступков и, скорее всего, уже не совершит, могу сообщить, что по утрам в микрорайонах рысцой носятся не только мужчины, но и

прекрасная половина человечества. Причем, в таких облегающих фигуру спортивных костюмчиках, что я даже мысленно пожал руку Иоланте: если бы не она, я бы никогда не увидел всего этого великолепия.

Через пару дней во время очередного утреннего забега мы уже обсуждали с Кристиной, моей новой знакомой, живущей в соседнем доме, возможность совместного вечернего заплыва в бассейне, который у нас, кстати сказать, находится через дорогу.

– А вы научите меня плавать? – игриво заглядывая мне в глаза, спросила на бегу Кристина.

– Инструктор по плаванию – мое подлинное призвание, – ответил я, представляя свою знакомую в купальнике. Нет, лучше не надо, это сразу сбивает дыхание.

Должен признать, что в бассейны действительно приходят не только те, кто может проплыть стометровку баттерфляем за пару минут. Плавать, как правило, не умеют девушки в самых откровенных купальниках. Да, что делать, приходится их настойчиво учить. Кстати, за пару месяцев я научил многих: Илону, само собой Кристину, Леночску, Верунчика, Машеньку. Да разве всех упомнишь! Долго пришлось повозиться с Сашенькой. Зато как она поплыла на озере, куда мы выбрались с ней вдвоем в поход выходного дня. Это надо было видеть: закат, зеркальная гладь воды, небольшой костерчик на берегу, манящий запах шашлыка и Сашенька, уверенно осваивающая брасс в экологически чистой окружающей среде. Конечно, я был рядом, чтобы она надежно закрепила обретенные навыки этого непростого способа плавания.

Я вам прямо скажу: полгода я даже не подходил к телевизору и уж тем более к дивану. Как я благодарен своей жене, что она просто заставила меня стать другим человеком.

Сначала это заметили на работе, куда я стал приходить уверенный в себе, помолодевший, энергичный и целеустремленный. Какой живот? Какая старость? Вы о чем? Жизнь прекрасна, удивительна и не так уж коротка, если не терять времени зря.

А сегодня происходящие во мне изменения заметила и Иоланта.

– Куда это ты собираешься, дорогой? – спросила она, глядя на то, как я перед зеркалом аккуратно завязываю модный галстук. На фоне белоснежной рубашки он смотрится неотразимо.

– Как это куда? – даже оскорбился я, оглядывая свою стройную фигуру в элегантном костюме. – Разве ты не помнишь, что в нашей группе здоровья сегодня занятия на тренажерах, потом – бассейн, массаж, сауна, вечерний моцион. Кстати, куда ты забросила мои запонки?

– Но зачем тебе такой огромный букет цветов? – не унималась Иоланта.

– У нас ожидается заплыв на время. Надо же что-то вручить победителю.

Я уже пошел к двери, когда моя амазонка снова спросила меня:

– Но почему ты надушился французской туалетной водой?

– Дорогая, в нашем бассейне ужасно воняет хлоркой. Я очень плохо переношу этот запах, – говоря это, я стал открывать дверь. Но в этот момент рука Иоланты легла на мое плечо.

– Милый, а ты не мог бы сегодня остаться дома?

Честное слово, если бы в этот момент к нам в квартиру влетела шаровая молния, я бы удивился гораздо меньше.

– Это невозможно, любимая, – ответил я проникновенным голосом, глядя в глаза жене. – Большая цель в жизни требует больших жертв. Ты ведь это понимаешь гораздо лучше меня. И не мне тебе это объяснять.

– Мы могли бы вместе посмотреть телевизор, – предложила Иоланта. – И зачем у нас без дела стоит этот диван?

Не могу достоверно сказать, блеснули в глазах моей жены в этот миг слезы или нет, но то, что голос ее дрогнул, – точно.

Конечно, я остался домка. Ведь по натуре я – человек, очень семейный. А в семье третьего не дано: или стройная мужская фигура и вечная подозрительность жены или вмятина на диване, точно отвечающая конфигурации вашего живота, и полная семейная идиллия. Вот, такая, как в сегодняшний вечер.

Иоланта нежно водит трубкой пылесоса по коврам и время от времени смотрит на меня своими фантастически влюбленными глазами. По кабельному телевидению показывают какую-то пошленькую эротику. А я, блаженно закрыв глаза, снова привыкаю к своему замечательному дивану. Надеюсь, меня на нем больше никто не потревожит.

1994 г.

Надпись на сосне

Как-то воскресным утром Иоланта, моя жена, встала с первыми лучами восходящего солнца. И объявила нам с сыном бодрым голосом:

– Этот выходной день мы проведем так, как я посчитаю нужным. Хватит сидеть в четырех стенах и дышать отработанным воздухом большого города. Нас ждут лес, река, хорошее настроение. Нас ждет удивительная встреча с живой природой, о которой наш сын имеет самое приблизительное представление. Пора уже заняться его экологическим воспитанием...

Честно говоря, мы просто обалдели от этих слов, так как с вечера Иоланта грозила нам стиркой и генеральной уборкой всей квартиры. Вообще, это в ее характере: не только что-то сказать, но и что-то сделать. Редкое качество, скажу я вам. бы там ни было, но спустя полтора часа мы уже сидели втроем в электричке, увозившей нас от надоевшей городской суеты.

Иоланта быстро выбрала место высадки из вагона.

– Помнишь ту чудесную полянку в сосновом бору, где ты мне впервые сказал о своих чувствах, а я тебе по молодости лет опрометчиво поверила? – спросила она у меня.

– Еще бы, – зевая, ответил я. – Место, где ты меня заарканила, осталось в моей памяти навсегда. Можешь не беспокоиться.

– На вас что-то и свежий воздух не влияет, – пробурчал себе под нос наш сын, взваливая на плечи свой небольшой рюкзачок и двигаясь от железной дороги к видневшемуся недалеко лесу. – Такое впечатление, что мы из дому так и не выходили...

Сосновый бор, в который мы вскоре вошли, просто ошеломил. Огромные сосны обступили нас со всех сторон. В нос ударил дурманящий запах хвои. Очень скоро мы вышли на ту самую полянку. Однако узнал я ее с трудом.

– Как изумительно хорошо! – воскликнула Иоланта и, расправив руки в стороны, попробовала пробежать вперед, как тогда – лет десять назад, но тут же ойкнула, наступив на неровный острый край ржавой консервной банки.

– Осторожнее! – крикнул я и аккуратно, стараясь не наступить на битое стекло, щедро разбросанное чьей-то услужливой рукой на полянке, заспешил к ней на помощь. Но и это мне не помогло. Незаметно торчавшее из мха отбитое горлышко бутылки мягко вошло в подошву моих кроссовок.

– Это – не полянка, а какое-то минное поле, – услышал я голос ушедшего вперед сына. Как мне показалось, он также на что-то наступил.

– Ничего, ничего, – попыталась успокоить нас Иоланта. – Зато мы с папой вернулись в нашу молодость.

– Точнее сказать, в каменный век, – поправил ее подошедший сын, неся в руках что-то похожее на топор. У них в классе только начинали изучать историю древнего мира, так что парень знал, о чем говорил. – Все молодые деревца вот этой штукой на дрова порубили. А еще дальше вообще одни лишь головешки торчат. Я такое уже видел в учебнике. Правда, люди там нарисованы в шкурах, а все остальное – точно такое же. Последней каплей, окончательно добившей Иоланту, стала надпись, вырезанная на стволе самой красивой сосны аршинными буквами, которую обнаружил наш сын: «Митяй и Ванятка аддыхали тут».

Хорошо отдохнули корешки, – мечтательно вздохнул я, рассматривая этикетки, оставшиеся от разбитых бутылок. – Вот эти, действительно, взяли от леса все, что могли. И уехали отсюда довольными и счастливыми. А мы, между прочим, совершенно забыли, куда приехали. Одних бутербродов набрали. На кой они здесь?

Я посмотрел на Иоланту. Лицо ее полыхало гневом.

– Как ты можешь такое говорить? – едва ли не прокричала она. – Неужели ты не пони маешь всей низости поведения этих людей. Дорывавшихся до леса, как до помойной ямы?

На ее глазах вдруг выступили слезы.

– Конечно, понимаю, – попытался успокоить я Иоланту. – Нам тоже в школе когда-то говорили о пользе лесных насаждений. Они снег для полей задерживают. Из них мебель делают. Но надо ли так по этому поводу расстраиваться?

– Надо, – убежденно ответила сквозь слезы Иоланта. – И надо что-то делать. Нельзя оставаться равнодушными к этой беде.

– Слушай, ну, чего ты разошлась? – спросил я спокойным голосом, развязывая рюкзак и доставая бутерброды. – Лучше поешь и успокойся... Эти люди ведь ни у кого ничего не украли, никого не ограбили. Они просто посидели в лесу, выпили там немного, повеселились. С кем не бывает? Мы вот тоже сейчас повеселимся... Эх, жаль только, что одни бутерброды взяли. Вечно ты своей спешкой с толку собьешь...

Измерив меня уничтожающим взглядом, Иоланта обняла за плечи сына и, глядя ему в глаза, проникновенно сказала:

– Сынок, ты должен запомнить на всю жизнь то, что забывают очень многие: разрушая окружающую нас природу, мы разрушаем самих себя. И, если мы не достучимся до своих

сердец, до своего разума этой простой истиной, то грош нам всем цена...

Покончив со вторым бутербродом, я вдруг почувствовал на себе взгляд сына. Он смотрел на меня глазами Иоланты. Этого мне только не хватало. Я быстро сообразил: надо что-то делать, иначе вся эта поездка обернется для меня одним – потерей авторитета отца. Поэтому, не долго думая, достал из рюкзака перочинный нож и, подходя к той же сосне, сказал Иоланте:

– Словами тут не поможешь, а тем более слезами. За экологию надо бороться, пропагандировать делами. Понимаешь? Делами!

Что-то вроде уважения мелькнуло в этот момент в глазах моей жены. Но я уже был занят делом. Через несколько минут немного ниже уже имевшейся надписи на сосне появилась новая, в которую я постарался вложить весь жар своей души: «Товарищи! Лес – наше богатство! Берегите его!»

– Пусть теперь попробуют здесь мусор разводить! – удовлетворенно произнес я, стряхивая с себя кусочки влажной коры и любуясь плодами своего труда. Хорошо получились буквы. Большие. Их издали каждый увидит.

В ожидании похвалы я повернулся к Иоланте.

Схватив за руку сына, она, не разбирая дороги, бежала к железнодорожной станции...

1994 г.

Сиамские близнецы

Это было какое-то безумие! Я чувствовал ее дыхание каждой клеточкой своего тела. В ней все было грациозно, ажурно, иллюзорно, умопомрачительно, фантастично, даже фантазмагорично.

У меня пела душа. Ах, как все неповторимо замечательно! И замечательно неповторимо! Она была достойна экстаза с упоением! И упоения с экстазом!

Я попытался получше ее рассмотреть. Нимфа. Наяда. Инопланетянка. Конфетка. Звездочка. Луч света. Прожектор вакханалии. Облако волос. Озеро глаз. Безбрежная река нежности. Искрящийся фонтан ласки. Воплощение порочной невинности в невинной порочности. Ангел, одаривший человечество своим появлением. Мечта, сбывающаяся раз в столетие. Фантазия, отлившая в природе такой изысканный образ неземного чувства.

Ее взгляд излучал жажду свободы и действий. В нем слились все краски межгалактического сияния. Она была прекрасным видением, которое в любое мгновение могло растаять в межзвездном пространстве.

Неужели мы когда-нибудь расстанемся? Этот простой вопрос пронзил меня своей обыденной безысходностью. Уж лучше забраться в петлю и в ней обрести спокойствие и уравновешенность, чем с гнетущим ощущением бесконечной тревоги дожидаться неизбежного расставания.

Струны моей души пели грустную песню, но светлую серенаду, посвященную нашей удивительной, неожиданной и неповторимой встрече. Я боялся даже пошевелиться, чтобы не нарушить чарующей гармонии наших тел и волшебной магии аромата ее ауры. Я мог бы написать элегию ее гибкому стану.

Ах, как жаль, что я не был свободен! Мы бы устроили подлинное пиршество раскрепощенной плоти. Но обстоятельства были выше нас!...

– Остановка «Площадь Победы»! – послышался слегка механический голос. – Следующая ...

Я попытался обозначить хотя бы крохотное движение к открывшейся двери вагона. Бесполезно! Массив распаренных человеческих тел монолитной плитой прижал нас к противоположной стороне подземки, блокируя даже малейшую попытку вырваться из этого неожиданного плена, превратившего нас в некое подобие сиамских близнецов.

– Эй, товарищ, будете выходить? – нежно прошептала мне в ухо запрессованная в мою диафрагму девушка весенних грез.

– Я не могу этого сделать по двум причинам, – не менее нежно ответил я. – Во-первых, вы так потрясающе близки, что у меня уже останавливается дыхание. Во-вторых, внешние обстоятельства не позволяют мне пропустить вас к выходу первой.

– Я вас очень прошу, пожалуйста, мне надо выходить, – снова тихонечко попросила меня «сиамская» половина.

– Замечательная моя, можно подумать, что я вас здесь специально задерживаю, – попытался оправдаться я, но через секунду получил такой ощутимый удар коленкой в традиционно слабое место пассажиров метро мужского пола, что мне не показалось мало.

– А ну, вываливай отсюда, старый козел! – прохрипела вдруг прелестная незнакомка и, используя мое совершенно беспомощное и изогнувшееся от боли туловище в качестве тарана, в доли мгновения сделала пробоину в трюме окружавшей нас людской массы.

– Жрать меньше надо! Тогда и места другим будет больше! – несло из вагона, когда мы едва ли не кубарем вывалились на платформу станции метро.

Когда я открыл глаза, она стремительной ланью уже неслась к эскалатору.

– За козла ответишь! – только и смог прошептать я ей вслед.

Через мгновение мы оба растворились в бурном потоке горожан, несущихся к новым встречам и расставаниям, обретениям и потерям, радостям и разочарованиям.

1999 г.

Жизненная правда

Случай в зоопарке

Орангутанга Яшу посетители зоопарка уважали. Он не был похож на бессмысленно прыгающих в своих клетках мартышек, не имитировал голоса популярного эстрадного певца Вадима Мулермана и не “стрелял” у посетителей зоопарка закурить, как это делал его сосед слева – гиббон Маврикий, не подмигивал молодым девушкам правым глазом и не делал при этом циничных знаков, как сосед справа – шимпанзе Толя. Яша был умным орангутангом. Он любил думать...

В этот вечер он бесстрастно размышлял на тему индуктивности магнитных полей соленоида, выставив любопытным свои загоревшие ступни. Все было бы прекрасно, если бы у клетки вдруг не послышался шум явно искусственного происхождения. Яша лениво поднял голову. У клетки ближе остальной толпы стояли двое. С симпатично раскрасневшимися помидорными лицами.

– Эй, макака! Ты долго еще будешь валяться, – один из них, качнувшись, двинулся к клетке. Постучал по прутьям камнем. Толпа захихикала.

– Ты ему камешек кинь, – посоветовал второй. – Расшевели, а то, наверное, спит.

«Я те кину», – Яша, быстро обхватив первый попавшийся под хвост твердый небьющийся предмет, запустил его в первого. Толпа в ожидании загудела. К общему сожалению, прутья клетки не дали соприкоснуться двум инородным телам...

– Гриш, может ему завестись дать. Кому это охота на трезвую голову, – второй вытащил из пиджака бутылку. – Скотинка ведь тоже. На, возьми. Им, небось, здесь не часто дают.

«Сам ты скотинка. Это не то, что пить, этим натираться на ночь нельзя: шкура облезет», – выхватив протянутую бутылку, Яша что было силы ударил ею по прутьям клетки.

Толпа ахнула. Первый скорбно закрыл глаза. Второй невидящим взглядом обвел толпу...

– А-а-а! Граждане, все свидетели, я повода не давал, – дурным голосом крикнул второй, ринувшись на клетку. Толпа ухнула.

«Неужели эти идиоты чем-то похожи на меня? Неужели у нас одни предки? ... Вот она – цивилизация!» – глядя на синие лица ребят, думал Яша. От этой мысли ему стало не по себе...

Через несколько минут крики у клетки усилились.

– Кто? Я животное? ... Куда вы меня ведете? ... Вон там животное! Я же человек! Антропос! Это же гордо! Я – человек! – по тембру Яша узнал голос Гриши. По шуму толпы Яша понял, что Грише не слишком поверили...

1974 г.

Наблюдательность

Он специально выбрал это место в углу. Входные двери и блондинка на втором сидении полностью просматривались. Он скромно похвалил себя за это...

Вслед за ним в автобус впрыгнул мужчина с красным лицом и чемоданчиком.

«Нет, не он. Рубашка свежая, лицо – наоборот: банится в рабочее время».

Автобус проехал и остановился. Ввалился парень не обросший, но с наглыми глазами.

«Нет, не похож. Наверное, водопроводчик».

На следующей остановке вошла девушка с длинными волосами, ногами и ресницами, в бодреньком мини.

«Ну что ж, пусть оштрафует. Будет повод познакомиться».

Следующая остановка была его. Он победно осмотрел салон. Контролер так и не появился.

1975 г.

Если бы не ГТО

Тогда в электричке я почему-то заснул. Не помню, почему. Помню, что проснулся от того, что кто-то ощупывал мне ногу ниже колени. Я приоткрыл глаз. Какая-то симпатичная старушка убрала руку и, довольная, сказала своей соседке, тоже милой старушенции:

– Вот, вот, у моего Гриши такие же кривые были. И что ты думаешь – выпрямили. Никогда бы не поверила...

– Ну?.. Да... Медицина – великое дело...

– Нечего медицину хвалить, – нетрезво крикнул кто-то сзади меня. – Вон я, больной. И не могу никак излечиться. А у меня вот здесь так болит, так болит.

– Где? – старушки заинтересованно приподнялись.

– У-у. Это еще что... У меня вот, – в конце вагона кто-то стал задирать рубаху. Старушки удивленно качали головой: «Вот ведь какие дела случаются».

Вагон загудел. Тема для разговора была явно удачной...

В другом конце вагона тонкими голосами запищали диабетики. Нашлись ревматики и почечники. В середине вагона солидно забасили сердечники. К ним все подсаживались, да подсаживались новые. В тамбуре какой-то шизик махал пиджаком, созывая своих.

Старушки вопросительно посмотрели на меня. Я молчал, глубоко сознавая глупость своего положения. Мне было очень неловко. Я сдал все нормы ГТО на серебряный значок и, в принципе, был полон сил и энергии. И, конечно, вставленная еще летом в зуб пломба не могла служить мне достаточным оправданием. Что оставалось делать? Я покраснел, встал и, понуру опустив голову, вышел из вагона. В тамбур.

1976 г.

Моцарт ... с прицепом

– Знаешь, когда я думаю о Моцарте, то не перестаю восхищаться его неистощимым оптимизмом, – сказал мне доверительно Котелков. – У меня всегда всплывает это его стремительное престо из третьей симфонии. Там-трам-там-там...

– Да, да, Моцарт... После него меня почему-то тянет к Скрябину, к его потрясающим философским раздумьям, к его новаторству. Я открыл в нем совершенно новый для себя мир. Его могучие музыкальные образы я, наверное, запечатлел в своей памяти навечно.

Котелков мягко улыбнулся:

– Для тебя Скрябин как для меня Бах... Да, да, великий Иоганн-Себастьян. До сих пор помню, как впервые слушал его поразительные органные вещи. Кажется, они захватывают тебя всего. И становится как-то светло...

Я осторожно посмотрел на часы.

– Что-то Кошкина нет.

– Ты же знаешь, какая сейчас очередь. Без десяти семь.

– Хотя. Вот он идет. Кажется, взял.

– Нормально. Сырки у меня, – сказал Котелков, и мы гуськом побежали под грибки детского садика.

– Эх, не опоздать бы сегодня на концерт Рахманинова, – сказал я на ходу, с трудом преодолевая невысокую ограду и кусты возле нее...

1977 г.

Дурак

Вот уж кого не люблю, так это Никифорова. Как только встретится где со мной, так и начинает:

– Дурак ты, Поливинилов, – говорит. – Ты посмотри на себя. Где ты покупал такой дурацкий костюм? Ты же в нем, извини за прямоту, на мешок похож.

– В магазине покупал, – говорю. – Там такие и сейчас висят.

– Ты что, джинсовый костюмчик достать не можешь, чтобы плотненько облегал фигуру, подчеркивал спортивность, элегантность.

– Так ведь купил бы. Я в магазин каждый день забегаяю.

– Вот и говорю тебе, дурак ты, Поливинилов. Думаешь, раз магазин, так и должно все на прилавках лежать. А кроме магазина и покупать негде?

– Да, так и думаю. Магазин для этого и предназначен. Чтобы удовлетворять спрос покупателя. Мой спрос.

– Это только для тебя все ясно. Потому, что дураку закон не писан.

– А, может, – говорю, – это тебе закон не писан.

– Может, и мне, – говорит и похлопывает ладошкой по своим джинсам. – А только у меня джинсы есть, а у тебя нет.

– Ну, и подавись ты своими джинсами, – говорю. – Мне и в костюме хорошо.

– Так ведь на мешок похож.

– Тот, кто выпускал этот костюм, тот знает, на кого я похож. Что же ты хочешь сказать, что они мне плохого желали?

– Может и не желали, а на мешок ты похож.

– Ну и что? – чувствую, обезоруживаю я его эти вопросом.

– Смотри, твое дело, – Никифоров спокойно пожимает плечами. – Только это еще одно подтверждение, что ты – дурак.

После этого мы расстаемся. И я опять иду в магазин с тайной надеждой, что уж сегодня точно перестану слыть среди своих товарищей дураком.

1977 г.

Дрова

– Промашку дали, – огорченно сообщил нам Котелков, когда мы остановились на живописной лесной полянке у реки и поставили палатку. – Дров-то никто не позаботился взять. Поливинилов, ты был ответственным за дрова?

– Тащить дрова за тридцать километров? Или мне больше нечего положить в рюкзак? Смотри, что в рюкзаке, – я показал Котелкову с десяток пол-литровых флакончиков с золотистыми головками. – Все, что положено для турпохода.

– А как же дрова?

– Дрова? ... Да что ты в самом деле? Лес рядом ... Мало тебе дров?

К нам подошел Ершов и достал из кармана какую-то открытку.

– Вот, смотри, – сказал он мне, – что может остаться от леса, когда люди думают, что в нем полно дров... Специально в поход взял.

И протянул открытку мне. На открытке была изображена потрескавшаяся от жары земля, чем-то напоминающая марсианский пейзаж.

К нам подошла Лидочка-машинистка.

– У нас будет костер? – спросила она своим нежным голосом, от которого у меня каждый раз начинало частить сердце.

– Нет, Лидочка, по причине халатности вот этого человека, – сказал Котелков и указал на меня, – придется сегодня обойтись без огня.

– Не вешайте носа, – не унывал умный Ершов. – Например, я люблю кисель есть сухим.

Но ему не ответили.

Метрах в двадцати от нас расположилась еще одна группа туристов. У меня было кисло на душе, но я все же сумел рассмотреть их.

– Наши субподрядчики, – вяло кивнул я в их сторону.

– С костром, – ехидно заметил Котелков.

Действительно, возле палатки у них плясал веселый огонек костра. А из леса все выходили и выходили мужики с топорами и охапками свежесрубленной древесины.

Мы сидели в темноте и молчали, пока к нам не подошел кто-то из соседей.

– Что же это вы без костра? – спросил он нас удивленно.

– Да вот, дров нету, – ответил ему умный Ершов и полез в карман за открыткой.

Здесь я решил взять инициативу в свои руки.

– Топор забыли дома, вот и сидим, – я просто улыбнулся.

– Тоже мне туристы. Пойдем, дам. Да и вообще можете дров у нас взять. Видишь, сколько нарубили – за неделю не сжечь.

Я вскочил и пошел вслед за ним. Через двадцать минут мы сидели, тесно прижавшись друг к другу, вокруг своего костра и не спеша говорили о сохранении окружающей среды. Ершов то и дело доставал свою открытку, пытаясь убедить нас наглядно. Мы соглашались с ним и, не отрываясь от огня, любовались своим костром.

1978 г.

Слово к непьющим

Не понимаю я непьющих. Вроде, неглупые люди, а не осознают простых вещей. Носятся со своей здоровой печенью на всех перекрестках. Пройти спокойно нельзя.

Я ведь как думаю. Любой непьющий человек – это же трагедия личности. Я совершенно серьезно. Смотрите сами. Разве могут быть у непьющего человека настоящие друзья. Которые пошли бы за тебя в огонь и воду. Которые тебя, действительно, уважали бы. Сомневаюсь я в наличии таких друзей.

Непьющий человек – одинок. Это у него на лбу написано. Все-то он понимает, все-то он делает правильно, а вот друзей нет. И все тут. Потому все они такие желчные и уязвимые, эти непьющие. И злые. Это у них – от зависти. Думаете, им не хочется побывать в такой веселой компании, какие у нас собираются, не хочется отдохнуть со всеми вместе за одним столом. Конечно, хочется, но не могут: или боятся, или еще чего. Оттого и завидуют. Оттого и строят нам всякие препятствия. Всю прессу, телевидение, радио против нас настроили.

Я их давно раскусил. Этих, со здоровой печенью. Сказать честно, жалко мне их. Мечутся, суетятся, планы выполняют, выговоры получают. Жизнь у них однообразная, что дальше некуда. Ну, что непьющему человеку можно будет вспомнить в жизни. Аванс, зарплата, аванс, зарплата, первый ребенок. Скучно все это. Да и бледно как-то. А ты выпей, да в витрину камнем, чтоб не отражала тебя в дурном свете. Как забегают сразу все вокруг. Сразу уважать начнут, а то ведь проходят мимо, словно не замечают. Пусть чувствуют, каков ты есть

человек... Эх, какие воспоминания всплывают. Часами рассказывать можно. Под хорошую закуску.

Вот и смотрите теперь, кто из нас живет в духовном богатстве: я или эта ходячая здоровая печень. Я уже не говорю о коммуникабельности. Конечно, бывают и у нас шероховатости. Не без этого. Увлекаются иные сверх меры, сверх дозволенного медициной, на «белого коня» запрыгивают. Так ведь и таких понять можно. Одержимость в любом деле – это, знаете, еще не у всякого обнаружишь. А здесь все четко видно. Человек как на ладони. С такими жить легче. Знаешь, чем дышит. Неразбавленным «Вермутом».

А эти непьющие? Скрытые до предела, слово лишнее произнести не могут. Мол, такие они порядочные, такие они умные. И семьи у них такие крепкие и дружные. А ведь сплошная показуха все, да ложные чувства...

Вот ответ мне кто из непьющих: любит тебя жена или нет? Заминка получается. Откуда ж знать? Бабе на слово верить – дело пустое. А я вот приду домой, да как возьму свою в оборот, как на духу все скажет, когда немного дурь ей из головы вытрясу... А уходят от нас только те, которые не любят. Так ведь, если нет любви, лучше сразу и разойтись.

...Что? Где подобрали меня? Да, у рынка-то... Уже и помыли. А за фотографию спасибо от души. Пускай эти непьющие смотрят. Они же лопнут от зависти!

1978 г.

Пришелец

Не знаю, приходилось ли вам, дорогие товарищи, быть свидетелями исторических событий, сделавших переворот в сознании человечества. Все-таки такие это события, что на все столетие не больше десятка наберется. Да еще в разных местах планеты.

А вот мне пришлось. И где бы вы думали? Никогда не поверите – в планетарии. Однако расскажу все по порядку.

Сию, как это и принято в планетарии, с головой, задранной вверх. Темно. Далекий-далекий свет звезд. И такой спокойный мужской голос:

– Загадка существования далеких миров на протяжении всей истории человечества притягивала к себе лучшие умы...

Все как положено. Казалось, ничто не предвещало взрыва. Но здесь показали нам Марс. Если помните по фотографиям, переданным со спутников, – унылая, безжизненная панорама пустыни, отсутствие даже намеков на существование простейших носителей жизни. Спокойный мужской голос, кстати, подтвердил наши предположения:

– Достижения современной науки и техники позволяют сделать заключение: на Марсе жизни нет.

И вдруг раздается хриплый, но довольно внятный и громкий возглас:

– Неправда, есть жизнь на Марсе!

Можете себе представить, что тут началось. Кто-то закричал:

– Немедленно удалите хулиганов!

– Куда смотрит милиция?

Однако через несколько минут снова раздается этот голос:

– Есть жизнь на Марсе!

По произношению слышу, с трудом выговаривает товарищ слова. С каким-то неизвестным мне акцентом. И еще междометия какие-то употребляет. Звуки, слышу, вроде бы наши, а вот слова непонятные. Но так у него это складно выходит.

Тут мы и самого его увидели. Встал он и руками машет. Глаза почти как человеческие. Только такие огромные, выпученные и бессмысленные. Голова деформирована. Вместо волос в разные стороны клочья торчат. Я так и понял – антенны. Одежда точно пришельца. У нас таких образцов не выпускают. Слишком уж смело.

Я ведь сразу смекнул, да как-то побоялся сказать – просто фантастика какая-то! А здесь кто-то возьми и крикни:

– Братцы, это же марсианин! Живой марсианин! Честное слово! Посмотрите!

Что тут смотреть? Мы же не слепые. Видим, что марсианин. Ну, здесь и началось!

– Ура! Свершилось!

– Запомните время! Это важно для истории!

– Да здравствуют межпланетные контакты!

– Теорема Пифагора – ключ к пониманию образа мышления марсиан!

Сразу, как полагается, митинг устроили. Потом все скопом повалили на улицу. С марсианином на руках. Пусть все видят пришельца.

Какой-то скептик все же успел вставить свой пятак:

– Проверьте паспорт у этого “марсианина”. Кажется мне, что это Ванятка Жмакин с нашего завода. У них в цехе вчера получка была.

Хорошо, что этот голос недоверия утонул в гуле всеобщего торжества. Ведь такое событие мог сорвать! На все столетие не больше десятка наберется подобных.

1979 г.

Оборона

– ...Все-таки хорошо выступает сегодня спартаковец Александр Мымриков. Посмотрите, как великолепно исполняет он переднюю подсечку. Операторы дают нам еще одну возможность убедиться в высоком исполнительском мастерстве Александра. Действительно, очень технично и красиво исполнен этот сложный прием... Что и говорить, динамовец Юрий Иванушкин явно неготов к такому повороту событий. Чувствуется, что сегодня он уступает своему сопернику не только в физическом, но и чисто психологическом отношении. А ведь психологический фактор играет в современном спорте огромное значение...

Какой прекрасный захват! Да-а, Мымриков сегодня в ударе. Отличный бросок через бедро. Нет, лопаток, пожалуй, не было. Иванушкин все же нашел в себе силы подняться и после этого приема. Молодец! Зрители награждают динамовца заслуженными аплодисментами. Как ни трудно ему сегодня, он держится до конца, демонстрируя образец высокого спортивного мужества!

Однако атаки Александра Мымрикова не прекращаются ни на секунду. Сегодня у него, кажется, получается все: и впечатляющие броски через спину, и коварные «мельницы», и ловкие разнообразные подножки. Богатый технический арсенал!

Только сейчас вы видели, как Иванушкину снова удалось каким-то чудом вырваться из очередного болевого приема своего соперника и уже открыто, без борьбы, отбежать в сторону. Но и здесь его настигла хлесткая «вертушка». Красивейший прием! Все реже и реже его можно увидеть на таких крупных соревнованиях, как сегодня. Проведение этого приема требует от спортсмена определенной смелости и силы...

А вот и свисток, возвестивший об окончании футбольного матча между командами «Спартак» и «Динамо». Думается, что, несмотря на «сухой» счет, зрители остались довольны сегодняшним футбольным спектаклем. Что же касается отсутствия голов, то это еще одно доказательство того, что оборона сегодня была сильнее атаки.

1979 г.

Обмен

– Глашка, ну ты просто черт в юбке, – восхищенно сказала Нюра, мечтательным взглядом обводя противоположную стенку комнаты, сплошь заставленную книгами. – И где ты только их достaeшь?

Глаша стеснительно заулыбалась.

– Да что ты, Нюрк, брось. Ничего особенного. Книги как книги.

– Ты мне не говори. Я же вижу – подобрано со вкусом, – Нюра, не отрывая взгляда от книг, опустила на пышную тахту. – Глаш, так будем меняться? Или как?

– На Бальзака-то?

– Ага, на него.

– Нюрк, ты только не обижайся. Не могу я с Бальзаком расстаться. Понимаешь, не могу, – Глаша нежно провела по корешкам книг. – Он такой, такой... Ты же сама видишь, какой. Сжилась я с ним как-то.

– Видишь, не видишь... Достоевский думаешь хуже? Да ты хоть что-нибудь его видела?! Так солидно, ну так солидно...

– Да сама посуди, Нюрк: ну, куда я без Бальзака? Кто мне его заменит? Карел Чапек? Спектр не тот... Рей Брэдбери? Слишком он яркий, не воспринимаю я его. Разве только Жан-Батист Мольер... Так где его сейчас найдешь?

– Ох, Глашка, Глашка, погоришь ты когда-нибудь со своим тонким вкусом.

– Нюр, ты только правильно пойми. Бальзак у меня, поди, уже не первый год, а все одно как впервой вижу.

– Глаш, к Достоевскому Чехова дам! – Нюрка подскочила к Глаше и молитвенно сложила руки.

– Что мне с тобой делать, горемычная, – Глаша понимающе улыбнулась. – Фанатка ты, точь-в-точь как я... Ладно, дай подумать...

Глаша медленно прошлась по комнате, затем вышла в кухню. Через несколько минут вернулась оттуда со складным метром в руках.

– Сколько Чехова дашь?

– Все, что имею: девять томов...

Глаша что-то прикинула на бумажке, затем подняла голову и улыбнулась.

– Уговорила... Сергей в кухне стенку отодвигать будет. Вот Чехов и войдет в самый раз. Между холодильником и плитой.

– А мы-то, мы-то с Колей, – закричала обрадованная Нюрка, вытаскивая томики Бальзака, – телевизор цветной на беду свою взяли. С Достоевским поставили, хоть умри, не смотрится ни в какую. Слишком уж мрачное его последнее издание... Бальзак – другое дело...

Нюра провела рукавом по запылившемуся корешку одной из книг.

– Глянь, так и отливает бордо.

– Ох, Нюрка, отрываешь ты его у меня от сердца и от серванта... Да, ладно. Спрошу у наших Мольера. Говорят, такой же вишневый. В спокойных полутонах. Последнее издание.

– Глашенька, не волнуйся, Достоевский и Чехов не хуже... Классики, – Нюра с книгами в руках быстро побежала к двери.

– Ладно, ладно, носи своих классиков. Посмотрим, что они из себя стоят, – глядя вслед подруге, сказала Глаша. Затем закрыла дверь и тихо вздохнула:

– Фанатка!

1979 г.

На стадион!

– Алло!... Минька, ты?... Ну, готов?... Как это к чему? Сегодня же футбол. Ты что, забыл?!... Ну, брат, не ожидал. Я уже думал откорректировать наши дальнейшие действия с учетом футбольной специфики, а ты даже не в курсе дел. Ладно. Ты еще можешь наверстать упущенное, время есть... Первое. Сообщаю информацию о себе. Беру три единицы товара. Чего? ... Как обычно... Не кричи так, Клава услышит. Больше ничего не было... И ничего не гадость... Забыл, когда с киевлянами играли, как шло? У-ух! ... Даже смягчило горечь от поражения. Сегодня может повториться тоже самое. «Спартак» может солидно врезать. Потому и беру столько... На стадионе, думаю, будем как обычно – стопариками. Один – если нам забьют, два – если мы... Да, да, результативность сейчас у нападающих – ни к черту. Мало забивают. До обидного мало. Эх, попасть бы сейчас на хоккей!

Минька, так долго продолжаться не может! Знаешь, у меня сегодня предчувствие. Должна прорезаться игра. У нас, говорят, новый правый крайний. Входит в штрафную площадку, как нож в масло. Он нам может сегодня солидно помочь. Только боюсь, вдруг не хватит. Минька, чтоб до семи успел. Надо быть во всеоружии. Чтоб никаких сюрпризов... Забыл, как с «Торпедо» было? Не познакомились с составом заранее, вот и попали впросак. На два гола не хватило... Значит, с этим решили... Не кричи, под пиджак засунешь. На этом останавливаться не будем.

Второе. Надо что-то для запаха... Нет, лук лучше не брать. Соседи будут плакать, даже если выиграем. Надо что-то попроще. Мы должны думать об окружающих. Что-нибудь такое... Итальянцам легче, у них креветок полно. Компактно и питательно... Ладно, лук так лук... Минька, и все-таки

беспокоюсь я. А вдруг мало будет? Я – три и ты – пару. Ничего не много. Минь, возьми три. А? «Спартак» – команда результативная.

Алло, Минька, сеанс временно прекращаю. Подходит Клава... Перезвоню! ... Чтоб до семи успел! ... Встретимся на стадионе!

1979 г.

Ковер

Давали ковры. Полдня Макушкин толкался в общей очереди, пока кто-то громким голосом не объявил:

– Все, ребята, больше можете не стоять. Ковры все проданы. Ждите конца следующего месяца. С базы обещали дать пару десятков.

Толпа неодобрительно зашумела, забурлила, задвигалась, но дальше этого дело не пошло. Ковров больше, действительно, не было. И против этой объективной реальности трудно было возразить тоже что-то объективное. Вот почему Макушкин долго и с большим неудовлетворением смотрел на счастливых обладателей ковров, которые оперативно разбегались по сторонам, взвалив радующую сердце и глаз тяжесть на плечи, голову, руки и другие грузоподъемные части тела.

– Вот те на! Рабочий день протолкался, а толку? – размышлял Макушкин, уже собираясь уходить из магазина.

– Эй, друг, – крикнул вдруг кто-то сзади, и Макушкин увидел вспотевшего мужика, тянувшего у себя на плечах здоровенный ковер.

«Счастливчик, – мелькнуло в голове Макушкина. – И как это людям так везет. Вот он взял, а я нет».

– Слушай, друг, – сказал мужик и, с трудом прислонив ковер к стенке, облегченно вздохнул. – Ты в очереди стоял?

– Стоял, да только ничего не выстоял.

– Во-во, а я выстоял, – радостно объявил мужик и похлопал ковер, словно своего старого приятеля. – Так, слушай, может возьмешь у меня?

– Это как?

– А вот так! Покупай у меня ковер.

– Понятно. Спекулировать решил? – едко ухмыльнулся Макушкин. – Только зря стараешься.

– Бог с тобой, зачем так говорить? С женой только что разговаривал по телефону. Не нужен нам, оказывается, такой ковер. А цена – государственная.

– Это как: не нужен? А зачем ты в очереди сегодня торчал? Может, не было бы тебя, так я бы взял. Некрасиво поступаешь, братишка. Некрасиво.

– Я же и говорю. Покупай ковер. Жена будет другой искать. Лучше этого.

– Ага. Значит, дерьмо решил мне сплавить, а себе ковер лучше взять. Хитер!

– Сам же говоришь, что в очереди стоял...

– Стоял! Я от своих слов не отказываюсь. А только у тебя брать не буду! Ишь, нашел дурака. Думаешь отыграться? Не получится. Я не взял ковра, но и ты через меня от него не отделаешься. Так оно справедливее будет.

Мужик оторопело посмотрел на Макушкина.

– Ты в очереди стоял?

– Стоял!

– Тебе ковер нужен?

– Нужен!

– Ты будешь его у меня брать?

– Нет!

– Тогда привет!

– Всего, – кивнул в ответ Макушкин и иронично заметил.

– И не думай, что мир состоит из одних дураков. Это мой тебе совет.

Но мужик его уже не слушал. К нему подбежали еще два неудачника сегодняшней распродажи и стали выхватывать ковер из рук друг друга.

С видом победителя Макушкин вышел из магазина. Он чувствовал себя Человеком.

1979 г.

Цветы

– Купите цветы?

– Зачем?

– Они принесут вам счастье. Посмотрите, какие это цветы.

Они станут символом вашей любви.

– Интересно. Сколько они стоят?

– Три рубля. Берите.

– Секунду. Всего за три рубля я могу стать обладателем символа своего счастья.

– Зачем говорить? Не лучше ли сделать это?

– Я размышляю. Насколько мне это выгодно?

– Разве можно думать о выгоде, когда по-настоящему любишь?

– Не только можно, но и нужно. «С милым рай в шалаше»

– это, извините, несерьезно.

– Вот как?

– Да.

– Тогда простите, я этого не знала. Эти цветы вам ни к чему.

– Как это ни к чему? Что, я хуже других?

– Выходит, хуже.

– Слушайте, давайте сюда ваши цветы и морочьте голову другим своими дурацкими разговорами.

– Я ошиблась в вас. Я больше не продаю цветы.

– Как это – не продаю? А кто две минуты назад называл мне цену?

– Вам послышалось.

– Я вам серьезно говорю – продайте цветы. Вот деньги.

– Я вам серьезно отвечаю, это невозможно. Эти цветы – символ счастья искренне любящего человека, а не подлеца.

- Я – не подлец. Я – инженер.
- Это не имеет значения.
- Вы забываете, что вы не прокурор, а только продаете цветы.
- Считайте, что я – прокурор вашей совести.
- Много на себя берете, прокурор... Продадите цветы или нет?
- Нет.
- Я напишу жалобу. Вы позорите честь работника торговли своей философией.
- А чью честь позорите вы?
- Дайте жалобную книгу.
- Берите.
- Хамка. Я тебе покажу, как не отпускать простому покупателю товар.
- Вы не имеете права покупать такие товары.
- На себя смотри больше. Научили на свою голову. Грамотные все...

1979 г.

Роль

Он понял: ему уже не уйти. Всадники окружали его с трех сторон. С четвертой – подступала почти отвесная скала, без единой расщелинки, гладкая, как поверхность лесного озера. И все-таки он бежал к этой каменной ограде, преодолевая все на пути: колючий кустарник, грязные лужи, падая, спотыкаясь, раздирая в кровь пальцы, сбивая колени, сдирая с себя одежду, которая мешала ему дышать, двигаться, бежать, быть легким, чтобы взлететь и умчаться за горы от этой неотвратимо подступавшей смертельной схватки.

От быстрого бега и разряженного горного воздуха у него начались дыхательные спазмы, и он почувствовал, как медленно тяжелеет тело, становится огромным и непослушным. Острая боль пронзила легкие, и он упал...

– Он нам многое должен сказать, – злорадно усмехнулся атаман всадников, когда его подняли и окатили водой. – Ты ведь нам все расскажешь, правда? Можете приступать...

Последние слова атамана касались двух молодых ребят, которые старательно поддерживали его под руки. Честно говоря, он даже симпатизировал им. Но вдруг почувствовал точный удар ребром ладони по шее.

«Наверняка бьют», – испуганно отметил он про себя и ощутил острый тычок в печень. Только сейчас ему стало понятно, что его били все те же два молодца, которым еще секунду назад он симпатизировал. Удары сыпались один за другим...

Он не на шутку испугался и, судорожно хватая ртом воздух, крикнул с отчаянием:

– Братцы, за что? Своих!?

Сильный удар сапогом в зубы отбросил его сознание довольно далеко от всего происходящего.

– Убьете ведь, – только и успел прошептать он, погружаясь в розовый туман бесчувствия и отрешенности...

– Молодец! – услышал он и почувствовал, как кто-то треплет его за щеки. – Сейчас ты как никогда был близок к жизненной правде. Только зачем так кричать? Тем более совсем не по сценарию. Ты что, роль забыл?

Он открыл глаза и увидел возбужденное лицо режиссера.

– Ну, вот и хорошо, что очнулся, – сказал тот, делая ему искусственное дыхание. – Через пять минут еще один дубль.

Повернувшись к съемочной группе, режиссер крикнул:

– Всем приготовиться... Уведите всадников из кадра.

Затем снова наклонился к нему.

– Ну, ну, вставай. Нельзя терять времени. У тебя сегодня вдохновение. Чувствуешь? Я, например, чувствую...

У него не хватило сил сказать «спасибо».

1980 г.

История одного преступления

Вдоль глухого дощатого забора скользнули две тени. Осторожно подкрались к небольшому серому дому с огромным замком на двери и аккуратными ставнями на окнах. Профессионально оценив обстановку, один из злоумышленников произнес:

– Кажется, все в порядке.

Другой торопливо достал спички, стал чиркать ими о коробок. Спички не зажигались.

– Что ты там возишься? – нетерпеливо спросил первый.

– Спички какие-то дурацкие попались – не хотят зажигаться.

– Где покупал?

– Где, где... В магазине...

– Возьми и не мучайся, – сказал первый злоумышленник и протянул электрический фонарик. – Свети на замок.

Второй злоумышленник осторожно нажал кнопку фонаря. Первый же вытащил перочинный ножик и просунул его лезвие в замочную скважину. Послышался легкий треск – и в руках злоумышленника осталась только рукоятка ножа.

– Где покупал? – ехидно спросил второй и протянул набор отмычек. – Возьми, к этому замку – третий номер. Теперь мы квиты.

Первый злоумышленник вставил отмычку с указанным номером в замок и попытался провернуть. Но героические усилия человеческих мускулов были тщетны.

– Где они достали такой замок? – безнадежным голосом произнес первый и бессильно опустил руки. – Интересно, как они его открывают?

– Вот это номер! – отозвался второй, заметив, как свет фонарика стал постепенно слабеть. – Ты когда батарейки ставил?

– Дня два назад, – ответил первый, и в его глазах мелькнул первобытный страх. В ужасе он распрямылся и сделал два шага назад.

– Бежим! Мы в ловушке. Ты разве не видишь? – прошептал он и метнулся назад к забору.

– Бежим, – эхом отозвался второй злоумышленник и, подумав, добавил. – А, может, рановато. Может, спокойно снимем ставни. Провода сигнализации тоже, наверное, брали там, где и замок.

– Лучше первосортная синица в руках, чем журавль с поломанными крыльями, – усмехнувшись, ответил первый и побежал дальше.

Преступление не состоялось. Спасибо всем, кто помог его предотвратить.

1980 г.

Как сократили Ивана-царевича

Случилось так, что в новом издании русских народных сказок забыли про Ивана-царевича. Сократили, так сказать, по штату. Вместо планируемого Змея-горыныча. Спихватились сказочные герои, когда книга была уже на полпути к магазинным прилавкам. Пришлось им собраться на летучку и подумать, кем бы это заменить одного из главных героев.

– Необходим умный человек. Вон, скольких ему обхитрить надо, – первой высказалась лисица-сестрица.

– И по возможности сильный, – добавил Илья Муромец, растирая больные ноги. – Одним умом Змея не одолеть. По себе знаю.

– Не забудьте про красоту и молодость, – немного стесняясь и краснея, припомнила Василиса Прекрасная. – Мужем он мне был.

– Где сейчас такого найдешь, – пробурчал Кашей Бессмертный, председательствовавший на летучке.

– Есть у меня один на примете, – подал голос откуда-то из-за печки домовый. – У нас в доме живет. Современный. Образованный. Инженер. Молодой специалист. Сказки у него на работе – любимый жанр. Здоровый как бык. Ему бы камни таскать, а он бумаги на столе перекладывает. Про красоту и говорить нечего. Одни джинсы чего стоят, а батник...

За неимением иных кандидатур решили попробовать предложенную. Взять с испытательным сроком.

– Как его уговорить? – подумала вслух Василиса Прекрасная.

– А это уж твое дело, милая, – сказала Баба Яга. – Ты только больно не лмайся. Знаешь, эти молодые... Чуть, что не

так, сразу на сторону смотрят. Катастрофический процент разводов.

– Вам меня учить, бабушка? – недовольно передернула плечиками Василисушка и чмокнула губками.

Ох, и мастерица же Василиска. Иванушку сократили, а на нее посмотришь – глаз не отвести. Хороша!

Словом, обкрутила она и новенького. Сыграли свадьбу. Все как положено. С питием, что по усам текло, да в рот не попало. Вот так и началась у Ивана-царевича новая жизнь.

Встал он утром и крикнул:

– А подать мне письменный стол. Прием – по средам и пятницам. Остальные дни – на объектах.

Прошел день, неделя, месяц. А Иванушка, знай себе, за столом сидит, да бумаги разные строчит. Заволновались здесь положительные сказочные герои. Как же так, Змей полгосударства переел, а Иванушка и беды не чувствует. Требуется письменного заявления об убытках, о нанесенном ущербе. Да рассылает бумажки то в «Заготскот», то в общество охотников и рыболовов, а сам ведь палец о палец не ударит.

Подумали, погоревали положительные герои и все взоры обратили на Василисушку.

– На тебя надежда, круглолицая. Может, словом ласковым да верностью супружеской упросишь Иванушку-то палец о палец ударить, до со Змеем в бою честном встретиться.

Уж, как она ему только не потакала. И медку подносила, и кудри его гладила, и слова любезные говорила. Даже по книжкам индийским любовь свою ему дарила. А Иванушка всем попользовался, а потом и говорит:

– Зря стараешься, Василисушка. За слова хорошие, да за ласку разнообразную – спасибо тебе от чистого сердца. Да

только к Змею я не выйду, – молодой, да не дурной был Иванушка человек. Своим умом смекнул, что логарифмической линейкой Змею головы не перешибешь. – Пойми меня правильно. Временный я у вас. На стажировку меня взяли. Да и образования нет по такому ремеслу... Ты за меня не беспокойся, любая. Я сумею доказать Змею-горынычу абсурдность такого поступка, как съесть меня живым. А если будет момент, так я и за тебя попрошу. Ты не думай, что я только о себе пекусь, но и...

Умный был стажер парень, хотя и временный. Только до конца слов своих сказать не успел. Змей Трехглавый, оказывается, прямо уже к их покоем подобрался, да так и слямзил Иванушку тепленького, из постели. Василисушку пожалел. Очень уж хороша собою. А Иванушку слямзил.

...Говорят, тираж тех сказок вернули обратно. Оказалось, никак нельзя без настоящего Ивана-царевича, бывшего дурака.

1980 г.

Кто выносит сор из избы?

(Сказка)

Вещи любят спорить между собой. Конечно, в то время, когда их никто не может услышать. О чем они спорят? Чаше всего, как и люди, ни о чем: о мелочах жизни. Но иногда от них можно услышать довольно интересные вещи...

Было уже совсем темно. Сквозь резной морозный узор окна пробивался далекий блеск звезд. Он преломлялся в каждом узоре, рассыпался на миллионы светящихся иголочек и покрывал все вещи в комнате какими-то фантастическими, таинственными бликами.

Метла очнулась первой.

– Как все-таки здорово! – она мечтательно посмотрела в окно. – Давно я не видела такого удивительного света.

Рядом с нею послышался насмешливый, металлический голосок. Это был совок.

– А кто тебе мешал? Смотри себе сколько угодно. Сейчас такое можно увидеть каждый вечер.

– Кто мешал? Не было времени. Столько работы. После нее так хочется отдохнуть. Попробуй вымести за день весь сор из избы. Да вам и не снилось никогда столько работы.

– Ха-ха, мне? – совок опять зазвенел своей сталью. – Можно подумать, что это ты выносишь сор и только благодаря тебе здесь так чисто.

– А разве не так?

– Конечно же, нет.

Понемногу очнулись остальные вещи. Спор явно заинтересовал всех.

– Твоя работа не стоила бы и ломаного гроша без меня. Весь сор из избы выношу я – совок. Твоя функция, так сказать,

чисто обслуживающего характера. Ты сама это прекрасно понимаешь.

Кажется, метла немного обиделась. В силу ряда причин она считала себя важной персоной, как, впрочем, и свою работу. И вдруг кто-то пытается доказать совершенно обратное.

– Какой глупый спор, – недовольно проговорил кто-то сухим, усталым голосом. Трудно различить в темноте, кто это сказал, но, кажется, это была половая тряпка. Она уже давно высохла, и сладкая истома тепла медленно растекалась по ее матерчатому телу.

– Глупо спорить, когда ни один из вас не знает настоящей правды. Кто выносит сор из избы? Хотелось бы мне посмотреть, что здесь было, если бы не было меня?

Самолюбивый совок редко получал подобные оплеухи, да и метла была слишком горда, чтобы сносить оскорбления дважды.

– Вот ведь облезлая дура, – как часто бывает в подобных ситуациях, спорящие стороны не слишком выбирали выражения.

– Думаешь, мы не видим, как ты каждый день обнимаешься со шваброй.

Метла знала многое и могла в ссоре поделиться кое-какой информацией. За это ее все опасались.

– Послушайте, здесь, кажется, вспомнили обо мне, – до швабры, несмотря на ее деревянную структуру, кажется, стал доходить смысл сказанных слов. Спор разгорался.

И только ведро, может быть, более остальных причастное к предмету спора, оставалось молчаливым. У него не было никакой возможности что-то сказать. Из-за накопившегося мусора его почти не было видно. Да и стоило ли говорить? Это

только подлило бы масла в огонь. А огонь от этого, как известно, стал бы только ярче.

И ведро молчало, в глубине души сознавая, что истина все-таки на его стороне.

1980 г.

На отдых!

Едва высочив из автобуса, осторожный Котелков вдруг резко взвалил рюкзак на плечи и бодро крикнул нам:

– Ну, что, мужики и ребята, можно идти!

В знак одобрения мы подбросили вверх энергичного Кошкина – инициатора этой вылазки на природу. И выступили в поход.

Хорошее дело – лес. Вот все говорят – успокаивает. Вранье. Лес будоражит. Лес волнует наше воображение своей первозданной красотой.

– Что ты, Поливинилов, рот открыл, – сказал мне умный Ершов, как-то хитро сощурившись.

– Вот, думаю, сколько лет прожил, а не обращал внимания на такую красоту.

– Это ты многое потерял... Погоди, то ли еще будет, когда палаточку поставим, костерчик разведем, ушицу устроим.

К вечеру мы нашли изумительную полянку. Река, трава, закат, Лидочка-машинистка. Все рядом, только вытяни руку. Сижу я на каком-то старом пне, смотрю на все это и шалею от счастья.

– Что расселся? – подходит энергичный Кошкин. – Дров нету... Бери топор. Кубометра полтора – по-быстрому. Слишком крупные не руби. Не потянешь...

Взмахнул я топор за плечи и в лес. Вот уж, думаю, Лидка уху сварит. И так хорошо мне от этой мысли.

Нарубил я им дров. Делянку десять на десять – под корешок. В семь заходов все перетащил. Немного вспотел, зато Лидочка мотыльком ночным у огня прыгает. И я ей улыбаюсь. Хорошо!

Здесь снова мужики подходят.

– Молоток, Поливинилов, – говорят. – А сейчас бери сети. У излучины косяк стоит Ушица будет – умрешь.

Ну, мы и пошли. Я с Кошкиным – впереди, Ершов с Котелковым – сзади. Потею, но иду. Дает знать о себе отсутствие общефизической подготовки и полтора кубометра срубленной древесины. Но иду.

Косяк мы по неопытности, наверное, спугнули. Часа два болтались на мелководье. Пока не обнаружили под одним из затопленных пней подпольную трубу для сточных вод местного заводика вторичной химической переработки. Загрустили мы, но потом успокоились. Заводу тоже надо давать показатели. А отдыхать можно где-нибудь и в другом месте.

– Ничего, через полчаса утки пойдут, – заговорщически сказал мне Кошкин, когда мы уже вернулись к костру. Лидочка, румяная и разомлевшая, сидит у огня и смотрит на меня. А мужики опять хлопают меня по плечу. Дают ружье. И снова тянут куда-то в лес.

Я беспомощно оглядываюсь на это воплощение нежности и даю увлечь себя за утками, которых здесь давно нет. По причине отсутствия леса, который я вырубил. Деляночку – десять на десять.

1980 г.

Третьим будете?

Решил вчера вечером крепко: «Хватит! Не пью! Завязал!»

Так что встал сегодня утром с твердым намерением перековаться. Умылся. Почистил зубы. Надел новый костюм. Полил голову одеколоном. Причесался. Чувствую, получается. Дай, думаю, тогда сбегаю в магазин за продуктами, чтобы жена после работы руки сумками не отрывала. Побежал.

Стою в очереди за молоком и наслаждаюсь. Хорошо ведь жить! Радостно! Тут подходит ко мне сзади какой-то человек. Честно говоря, я его и рассмотреть толком не смог.

– Третьим будете?

Как ударил он меня чем-то твердым. Вот она, чувствую, проверка воли. Оборачиваюсь к незнакомцу и измеряю тяжелым взглядом. Наверное, понял он меня.

– Ага. Значит, я за вами, – говорит и успокаивается.

Выхожу я из магазина и скорей в поликлинику: надо же успеть еще талончик жене на прием к врачу взять. Подбегаю к окошку регистратуры и спокойно говорю:

– К терапевту, пожалуйста!

– Третьим будете! – говорит мне такая полная женщина в халате и протягивает талончик.

– Это что, – возмущаюсь, – обязательное условие у вас? Ну и порядочки завели. Медицина называется!

– Вы о чем? – говорит женщина и широко раскрывает глаза.

– А все о том же, – громко отвечаю я. – Завязал я, поняла?

Вижу, шокировало ее мое заявление. Но от талончика я все же отказался. Самолюбие заело. Даже молоко оставил. Сел в автобус – и на работу.

На работу пришел от злости зеленый. Сел за стол. Раскрыл бумаги. Начал работать. Краем глаза замечаю: входит начальник нашего отдела товарищ Лепестков. Посмотрел внимательно на меня и говорит:

– Вижу, вы, Поливинилов, начали новую жизнь. На человека стали похожи. Это хорошо. Чувствуется, есть у вас характер и воля. А вы всего лишь инженер отдела. Мне такие заместители вот как нужны. Пошли бы третьим?

Плохо мне здесь стало. Голова так и пошла кругом. Вышел я на свежий воздух словно пьяный, а ведь и капельки в рот не брал. Прислонился к стене. Думаю, отдышусь. Хватаю воздух ртом. А ко мне два мужика с красными лицами подходят. Полопали по плечу и говорят:

– Корешок, без всего, будешь третьим? А то ведь на двоих неувязка выходит.

– Буду, – честно ответил я.

– Молоток! Давай рубль, – сказали мужики и сняли груз с моей души.

– ...Такие дела, товарищ лейтенант! Целая история. Жаль только жена не поверит.

1980 г.

Потерянный человек

Прохор Сиднев, каменщик четвертого разряда, лежал в своей постели с широко раскрытыми глазами. На дворе стояла глубокая тихая ночь. И только легкое посапывание Анны, жены вышеуказанного товарища, вносило в ночную тишину признаки присутствия живого человека.

Прохор, почти не мигая, смотрел куда-то вверх. О чем он мог думать в такую неподходящую пору? Собственно, именно этот вопрос и подтолкнул Анну очнуться от сладкого сновидения и уставиться на реального, бодрствующего мужа.

– Ты заболел? – Анна провела теплыми пальцами по холодному лбу мужа. – Температуры вроде нету.

Прохор на секунду опустил свой возвышенный взгляд на землю. Конкретно: на проснувшуюся жену. И сказал:

– Температуры не будет... Душа у меня болит...

– Чего бы это ей ночью болеть? Иль ей дня мало?

– Что ты, баба, можешь понять в высоких стремлениях человеческого духа. А болит потому, что потерянный я человек.

– Это как?

– А вот так! Что живу, что нет меня. Ничего ведь не изменится. Все идет своим чередом. Каждый уткнулся в собственную миску. А что ты есть, Прохор Сиднев, никому ведь и дела нет. На работу не выйдешь, никто и не заметит. Зарплату все равно получу. Десяткой больше, десяткой меньше. Потерялся я как-то в этой жизни. А другой, черт бы ее побрал, уже не будет.

– Вот оно чего! А я-то думала, заболел, – облегченно вздохнула Анна, переворачиваясь на другой бок. – А у него, оказывается, совесть заговорила. Где же она была, когда ты

аванс пропивал? ... Не беспокойся, когда надо, о тебе вспомнят...

– Кто? – слабым голосом спросил Прохор.

– Приходили уже сегодня по твою душу. Самсон с Ваняткой. Так я их венником. Нашли товарища – женатого человека...

– Друзья приходили, – как-то очень тепло прошептал Прохор. – Друзья не забудут. А я-то, глупый, сегодня весь аванс ухнул, а их и не пригласил. Друзья ведь и забыть могут. Или подумать плохо.

– Какие они тебе друзья? Алкоголики они. Жена тебе друг, – уже засыпая, призналась вдруг Анна. – А ты о ней только ночью и вспоминаешь.

– Э-э, нет. Они-то знают, что живет на свете такой человек – Прохор Сиднев. Потому и пришли к нему. А жена? Жена – баба. Какой из нее друг?

Прохор представил себе болезненно красные физиономии Самсона и Ванятки. «Наверное, рубля не хватало, потому и приходили. Эх, друзья не забудут. Выходит, не такой уж я и потерянный», – подумал Прохор. И от этой мысли ему стало так тепло и уютно, что он медленно закрыл глаза и уснул.

1980 г.

Гипотеза

– Вот скажите мне кто-нибудь – почему люди так пьют? Знают, что плохо, что вредно, а пьют, – сказал Ершов и запальчиво посмотрел на нас с Кошкиным.

Мы недоуменно пожали плечами.

– Кто его знает, – ответил Кошкин задумчиво.

– А, по-моему, человек так устроен, что не пить не может, – высказал я свое предположение. – Организму ведь всегда хочется того, что ему не хватает. Вот возьмите соль. Казалось бы, ничего вкусного, а употребляем. Организм требует.

– Нет, – убежденно возразил Ершов. – Дело совсем не в этом. Я, например, классифицирую так. Во-первых, личная расхлябанность. Человек, который пьет, не имеет сильного характера. Короче говоря, безвольный.

– Загнул, – улыбнулся Кошкин. – Это ты хватил через край – безвольный.

– Во-вторых, – продолжил Ершов, – слабая постановка антиалкогольной пропаганды. Мало мы все же уделяем внимания этой проблеме в печати, на радио, телевидении.

– Точно, – сказали мы с Кошкиным. – В точку бьешь.

– И, в третьих, влияние факторов окружающей среды: праздники, свадьбы, рождение младенцев, проводы в армию, собственные дни рождения, покупка хороших и дорогих вещей, проводы в отпуск, дни рождения знакомых и родных, первый аванс, первая получка, второй аванс, вторая получка, третий аванс...

– Правильно, – поддержал я. – Хорошая классификация.

– Я бы еще добавил – влияние компаний, – дополнил Кошкин.

Ершов в согласии мотнул головой и продолжал перечислять:

– Шестой аванс, шестая получка, седьмой аванс...

– Страшная картина, – сказал я. – Вино, водка, коньяк, самогон, чача, бренди, виски, ликер, ром – все против нас.

– Попробуй бороться с такой громадой, – Кошкин печально вздохнул.

Ершов опять мотнул головой, но счета не прервал:

– Двенадцатый аванс, двенадцатая получка, тринадцатая зарплата, премиальные за сокращение сроков строительства, разовые премии за рационализаторские предложения, четырнадцатый аванс...

– Что делать? – сказал я, и мне стало очень горько, даже пришлось занюхать бутербродом. – Неужели все так и будет продолжаться?

– А я думаю, нет, – хитро улыбнувшись, произнес Кошкин – ему тоже было горько, но он даже не прикоснулся к колбасе. – Есть у меня одна гипотеза!

– Какая? – удивился Ершов, остановив счет на двадцать втором авансе.

– А такая, что решить эту проблему можно только в комплексе мер и мероприятий, сочетающих в себе как добровольный, так и принудительный методы борьбы с алкоголизмом.

– Здорово! Значит, есть выход! – почти крикнул Ершов. – Вот это гипотеза!

– За такую и по третьей выпить не грех, – обрадовавшись, сказал я и быстренько наполнил стаканы.

– Не грех, – подтвердил Ершов и, набрав полные легкие воздуха, опустошил стакан. – Крепкая, зараза.

– Зато хорошо идет, – добавил Кошкин. – К беседе располагает...

Здесь нас и взяли в соответствии с гипотезой Кошкина. Строгие люди с повязками на рукавах.

1980 г.

Как все началось

Произошло это давно, когда люди все были добрыми, честными и открытыми, когда батники и дубленки годами пылились на прилавках универмагов, когда работники учреждений и ведомств еще не додумались до хитрой фразы – «Приходите завтра!», когда жидкость под названием «Волжское» с большим успехом применялась в качестве антисептика для ответственных узлов деревянных конструкций, когда человеку верили больше, чем бумаге, а бумаге доверяли только самое сокровенное – свои чистые мысли.

Все было тогда розовым и голубым. Голубые герои смотрели на жизнь сквозь розовые очки. И всем от этого было только хорошо. В театрах ставили соответствующие пьесы, в которых отражалась соответствующая жизнь соответствующих героев в соответствующих очках.

Но однажды директор одного такого театра вызвал к себе главного режиссера и сказал:

– Давайте, маэстро, посмотрим на репертуар нашего театра трезво, со стороны. Это же какой-то кошмар. Какие мы ставим пьесы? Ни конфликтов, ни отрицательных героев. Все у нас хорошо. Все у нас хорошо. Смотреть не на что. Эти постоянные счастливые финалы. Мы совершенно забыли о таком жанре, как трагедия. Подумайте только: если этому древнему жанру придать современное звучание, это же будет потрясение, равное землетрясению.

Главный режиссер был человеком умным, поэтому много не говорил, а сразу позвонил автору пьесы, которую в данный момент репетировали в театре.

– Дружище, необходим новый поворот темы. Как бы это тебе покороче объяснить? ... Если совсем коротко, то нужна современная трагедия!

Автор тоже был парень не промах. И уже на следующее утро принес на репетицию первые акты переработанной пьесы.

Главный режиссер был явно в ударе. Возбужденный, он выскочил к артистам на сцену и стал увлеченно объяснять.

– Ребята, все иначе... Все с ног на голову... Где главная героиня? Ну, что это за платье? Оно же все закрывает. Разве можно в таком платье бросить вызов обществу? Тем более своему мужу? И еще: забудь о супружеской верности! Свобода во всем! ... Где главный герой? ... Кому нужна твоя порядочность? Бери! – главный режиссер достал стеклянную емкость с мутной жидкостью. – Без закуски и без стакана – до дна... Кстати, чуть достал. Этого, оказывается, почти нигде не выпускают... Пей, тебе говорят!

– Не могу, – главный герой жалобно посмотрел на главного режиссера. – Это же яд!

– Старик, искусство требует жертв. И зритель требует этой правды от нас. Тебе выпала честь быть первым... Достоверность во всем – отныне это наш главный творческий принцип.

– Я не хочу быть первым, – честно признался главный герой.

– Пей, – грозно сказал главный режиссер. – Только после этого ты сможешь чистосердечно и правдиво ударить свою жену, когда она потребует у тебя твою зарплату...

Он посмотрел на артисток травести:

– С детьми решим так... Дети уже не дети: они быстро становятся взрослыми и знают уже больше своих родителей.

Главный режиссер приобнял артисток:

– Трудная у вас роль, девочки. Запомните, вы больны акселерацией... Так, несите сюда магнитофон, записи да погромче... Нет, эта не пойдет. Нужна музыка, от которой захотелось бы прижаться к земле, врасти в нее. Чтобы соседи стонали, а стены дрожали.

Главный режиссер обошел сцену, глядя на все прищуренным взглядом.

– Кто у нас увольняет главного героя? Начальник отдела? Снимай нарукавники! Ты же – начальник! Ты свое уже отработал. Все графики и таблицы – в сторону! Будешь решать кроссворды. Много кроссвордов... Мы сплавим воедино конфликт семейный с неразберихой на производстве!

...Говорят, успех у спектакля был потрясающий. Зрительный зал театра ломился о публики. И, самое главное, зрители глубоко прочувствовали игру актеров, приняв ее близко к сердцу. Многие из персонажей этой пьесы смело шагнули со сцены в жизнь и чувствуют себя с той поры в ней совсем неплохо. Разве может быть более высокая награда настоящему искусству?

1980 г.

К природе – с любовью

– Красивые здесь места, – сказал Котелков, поудобнее устраиваясь на телеге. – Глаз не оторвешь.

– Это точно. Красотой этот лес не обделен, – ответил я, тоже запрыгивая на телегу, которую мы по счастливой случайности сумели остановить в таком отдаленном от жилья месте. – И это несмотря на такое хищническое отношение к лесам, какое еще можно кое-где встретить.

– А какие здесь лесные обитатели – чудо, – Котелков как-то очень по-простому улыбнулся, располагая к себе этой открытой улыбкой. – Я ведь зверей очень люблю. Это моя тайная слабость. Мне очень нравится мысль о том, что все мы: и люди, и деревья, и животные – это нечто единое целое. Убери хотя бы одно звено из этой цепи, как все сразу разрушится.

– Да, интересная мысль, – кивнул я головой. – И очень правильная, зовущая нас беречь и приумножать богатства родного края.

– А знаешь, у меня есть одна маленькая мечта: пожить где-нибудь в лесу, вдали от всех. Так сказать, до конца слиться с природой, чтобы как-то полнее осознать ее первозданную красоту. Я уверен, если каждый человек сумеет осознать это, разве могут быть тогда у нас какие-нибудь сложности с охраной окружающей среды? Разве сможет такой человек тогда подписать приказ о сбрасывании сточных вод в естественные водоемы?

– Конечно же, нет, – снова согласился я.

– И мне кажется, что именно в этом лежит решение такой серьезной проблемы, как охрана природы...

– Вам куда? – обернулся к нам мужик, хозяин телеги. – Мне на Гусаки.

– Нет, дальше нам не по дороге, – ответил Котелков, спрыгивая с телеги. – Нам прямо.

– Что делать, остальное уже пешком осилите, – сказал мужик, улыбаясь чему-то. – Добычу-то не забудьте.

– Не забудем, – весело отозвался Котелков, уже сбрасывая с телеги наши охотничьи трофеи: трех крупных зайцев и красавицу-лису.

– Ну, всего вам, – все еще лукаво щурясь, махнул нам рукой мужик и тронул лошадь. – Любители и хранители природы.

– И вам не хворать, – отозвались мы с Котелковым и двинулись дальше, продолжая начатый интересный разговор. До деревни было еще идти и идти.

1980 г.

Кто же был третьим?

Старший техник Мигреньев сидел у окна и, глядя на пробегающие мимо машины, груженные деталями, сосредоточенно думал о чем-то своем. Почесав несколько раз ухо, он, наконец, не выдержал и, повернувшись к своему напарнику Катапультову, возившемуся с тисками, озабоченно спросил:

– Я что-то не помню, Катапульт, кто вчера к нам еще подсел? То ли Петраков из механического, то ли Мымриков из литейки.

– По-моему, Петраков, – немного подумав, поигрывая гаечным ключом у виска, ответил Катапульт.

– А, по-моему, Мымриков. Две «Беловежской» были его.

– Э-э, шалишь. «Беловежскую» принес Савочкин из первого цеха. Мымриков же купил три «Агдама».

– Стой, стой. Давай по порядку, – Мигреньев достал карандаш и бумагу.

– Я тебе говорю, сначала Петраков принес спирт и полбанки «Экстры». Вон еще на шкафчике стоит банка.

– Банку вижу, но принес ее не Петраков, а Жупиков. Это я точно помню. У них мастер уволился, который не пьет.

– Жупиков, кстати, пришел после смены и принес четыре «Алиготе». Его жене не дали путевку на море, и он очень обрадовался, – Катапульт подошел к шкафчику. – Точно. Что я говорил. Все количество налицо.

Он достал из шкафчика ровно четыре пустых бутылки. Затем еще две из-под «Вермута».

– А это откуда? – удивился Мигреньев.

– Н-не знаю, – неуверенно ответил Катапульт. – По-моему, это принес ты вчера после обеда.

– После обеда я принес грелку с «Рислингом», – резко сказал Мигреньев. – И полторы бутылки «Кагора». Так что «Вермут» наверняка твой. Ты его принес. И выпил один.

– Не было такого, – не менее резко ответил Катапультов. – Я принес две «Вишневого».

– Не говори глупостей. «Вишневое» принес Поливинилов, чтобы мы ему быстрее достали валы.

– Можешь думать, что угодно, только я один не пью, – недовольный Катапультов снова уткнулся в свои тиски.

– Не пьет он один, – зло пробурчал Мигреньев. – А бутылки откуда?

Еще с минуту он смотрел на злополучные емкости. Затем, тяжело вздохнув, снова отвернулся к окну и задумался.

1980 г.

Как мы дошли

Я сразу понял: не дойду. В груди что-то зашевелилось и отчаянно застучало. Появилась острая боль в ногах. Голова закружилась, и я стал медленно оседать на землю.

– Ты что, Коля? – у самых глаз я увидел взмыленное лицо Петьки, своего крепкого корешка.

– Не могу идти, Петя, – ответил я и повалился на бок. – Оставь меня. Иди один. Ты еще сможешь дойти.

– Как же так, идти одному? Ты же мне друг. Разве можно друга в беде оставить? Это же верная гибель. Ты должен встать и идти, – говорил Петя по-мужски сурово.

– Брось меня. У тебя еще полно сил, – я с трудом поднял руку и потрогал свою открытую рану где-то возле уха. – Крови у меня мало осталось. Хана мне.

Я попытался улыбнуться, но не смог. Не было сил.

– Как же ты обо мне плохо думал? А я ведь уважал тебя. И уважаю. Я же твой друг, – жестко бросил мне в лицо Петя и, крепко обхватив меня, вскинул к себе на плечи.

– А что кровь – свою отдам. Ты только держись крепче. Нам теперь никто не страшен. Настоящая дружба она, брат, горы ворочает, – запомни, – кричал Петька, задыхаясь от тяжести, но упорно шагая вперед. – А вот Ньюрку распустил, факт. Дал ей волю. Ишь, сковородкой так и норовит разукрасить... Умная нашлась... Отдавай ей зарплату... Ты только не волнуйся... Кровь тебе свою отдам. У тебя какая группа?

– Друг, – прошептал я и заплакал. У меня хватило сил обнять его за шею и крепко прижаться к его могучим, неслабеющим плечам. Через час мы дошли. Ровно без двух минут семь. И успели встать в самый конец очереди. 1980 г.

Честный выбор

Это было, действительно, так. Я написал рассказ. Небольшой, но выразительный. Со множеством художественных достоинств. Все в нем было к месту. И любовь, и личный комплексный план, и разлука, и дыхание научно-технического прогресса. Все в нем было в меру. И сахару, и соли, и сарказма, и откровенной желчи. Словом, написал я рассказ и почувствовал: внес-таки свой вклад в сокровищницу мировой литературы.

Вот здесь я по-настоящему и задумался. Что же дальше делать? Кажется, яснее некуда – нестись с рукописью в ближайшую редакцию и, скрывая свою очевидную гениальность за немного иронической улыбкой, предлагать творческий плод редактору.

Ясно-то ясно, но меня что-то остановило. Ну, приду я с рукописью. Ну, поднимут меня на руки и понесут всем показывать, попутно сообщая о рождении нового имени в мировой литературе. Автографы посыпятся, банкеты, банкноты. Об этом даже думать не хочется. Суета начнется. Заказы полетят со всех сторон, письма вдумчивых читателей, которым обязательно что-нибудь будет непонятно в моем произведении и которые потребуют сообщить фамилии прототипов моих героев, письма пылких поклонниц, творческие командировки, выступления на радио и на телевидении. А районные газетчики? Они же из меня душу достанут своими вопросами о смысле жизни, о моей рабочей молодости, о творческих планах.

Страшно подумать, как все завертится. И это стоит мне только сейчас снять пальто с вешалки. Кому-нибудь это даже понравилось бы. А меня другое терзать стало. Кого я вместо себя на нашем участке оставляю. Упустил я как-то с

наставничеством. Вот и кусай себя сейчас за локти. Учеников-то нету. А работа у меня – это не рассказы пописывать, а штампы по шестому разряду создавать. Дело тонкое, творческое.

Вот так посидел я часок, поразмышлял, а потом встал, как Николай Васильевич Гоголь, и с рукописью к газовой плите направился. Бумага хорошая была – быстро горела. А я стоял и думал: «Наверное, в жизни каждого гения есть такие мгновения, когда надо честно выбирать, каким делом заниматься, чтобы приносить людям максимальную пользу».

1980 г.

Конфликт

Вечерело. Драматург Монолизмов, поглядывая в окно на зажигающиеся уличные фонари, что-то медленно выстукивал на машинке. «Нет, не то, совсем не то, что надо», – подумал он, перечитав несколько раз только что отпечатанный текст

Потушив сигарету, Монолизмов встал и не спеша прошелся по комнате. «Конфликт им свежий подавай, – при этой мысли он недовольно поморщился, вспомнив слова знакомого режиссера. – А где его взять, этот конфликт, когда все кругом писано-переписано. Советы давать умников много, вот сами попробовали бы придумать».

«Конфликты надо не придумывать, их должна подсказывать сама жизнь», – сказал вдруг Монолизмову его собственный внутренний голос. «Должна, да что-то не подсказывает, – хотел было ответить самому себе драматург, но передумал. – К людям надо быть ближе, к людям».

Он вспомнил, что сегодня целый день так и просидел за пишущей машинкой, выколачивая из нее характеры, события, монологи и диалоги. Поэтому, не долго думая, потянулся за пальто и шапкой: вечерняя прогулка была заработана честно.

«...Ну, где их взять, эти самые конфликты, – равномерно вышагивая и зорко поглядывая по сторонам, думал Монолизмов. – Люди живут тихо, мирно. Зачем им вообще нужны конфликты?»

Он пересек несколько шумных вечерних улиц и свернул в переулок потемнее. «Тоска, тоска смертная, а не жизнь, – упрямо лезла в голову драматургу одна и та же скверная мысль. – Где вы, сильные личности, современные Гераклы?»

– Это хорошо, что ты, корешок, забрел к нам в гости, – перед лицом Монолизова вдруг выросла фигура двухметрового

роста с наглыми улыбающимися глазами. – А ты, Ваня, беспокоился, что никого не возьмем. Я же тебе говорил, этот переулочек – самое капитальное место для встреч с меховыми шапками и прочими товарами широкого потребления.

Рядом с гигантом появился мужчина ростом поменьше, но, пожалуй, еще шире в плечах.

«На ловца и зверь бежит, – радостно подумал в свою очередь Монолиз. – Стать самому участником конфликта – разве это не грандиозно?»

– Что ты, хмырь, лыбишься? – заметив на губах драматурга улыбку, грозно спросил второй мужик.

«Какой характер! – восхитился про себя Монолиз. – Сколько в нем истинно природного: взгляд, голос, сила в плечах!»

– Что зенки повылупливал? Отвечай, когда тебя спрашивают, – первый здоровяк схватил драматурга за шиворот и, как следует, потряхнул.

«Сколько динамизма в реакции на непонятные явления в окружающей среде, какое стремительное желание разобраться сразу во всем, найти первопричину происходящего. Не в этом ли и заключен конфликт между жадной познания и неподатливостью окружающей нас действительности?»

– Может, он глухой? – спросил второй мужик, глядя на блаженно улыбающегося Монолиза.

– Ты не глухой? – крикнул первый здоровяк прямо в ухо драматургу.

– Не кричите. Я прекрасно все слышу, – ответил Монолиз. – Даже лучше, чем вы думаете.

– Ну и, слава богу, – сказал второй. – А то ведь мы с больными не работаем... Ну-с, с чего начнем?

И он для начала стащил с драматурга шапку.

«Сколько, однако, противоречий в их характере: жажда наживы и милосердие, накопительство и благородство. Уже только об этом можно писать пьесу», – Монолизом еще раз улыбнулся.

Мужики недоумевающее уставились на него.

– Не нравится мне все это, – нервно перебирая пальцами шапку драматурга, тихо заметил коренастый. – С головой у него что-то. Опять улыбается, словно мы ему сейчас хрустальный сервиз подарим.

– С этими яйцеголовыми лучше не связываться, – согласился с ним долговязый, оставляя в покое шиворот драматурга.

«Запомнить, запомнить, запомнить, – стучало в висках Монолизова. – Ситуацию, одежду, лица, язык, запахи».

Он шумно потянул носом, жмуря от удовольствия глаза.

– Ишь, уже сопаткой заходитесь, – первый в испуге шагнул в сторону. – Ну, его к лешему.

– Точно, – коренастый быстро нахлобучил шапку на голову драматурга.

Монолизом продолжал стоять с закрытыми глазами, тщательно принохиваясь к нападающим. Когда он, наконец, осмотрелся, мужиков рядом уже не было. И только в конце переулочка еще виднелись две быстро удаляющиеся фигуры.

«Ушли? – удивился Монолизом, и в нем вдруг проснулось чувство протеста. – Но почему? Разве я дал провод?»

Он сделал несколько быстрых шагов и громко крикнул:

– Эй, как вас там... М-м-мужики, вы чего? Стойте! Вы же действие не закончили... Куда вы? Стойте! Ради бога, остановитесь!

Обернувшись на крик, мужики увидели бегущего за ними Монолизова. Он отчаянно размахивал руками и чуть ли не с пеной у рта продолжал что-то кричать.

– Что я говорил? – спокойно заметил долговязый. – Псих, он за версту виден, а ты сразу за шапку хватаешься, не разобравшись... Бежим...

И они побежали. Осознав, что догнать их уже невозможно, Монолизмов споткнулся о какой-то примерзший к земле камень и упал на колени. С трудом переводя дыхание, он чуть ли не плакал, ибо чувствовал себя жестоко обманутым.

1980 г.

Культпоход

Сегодня утром к нам пришел наш профсоюзный активист товарищ Перьевой и сказал:

– Товарищи инженеры, ваш отдел серьезно отстает от других подразделений по количеству проведенных культурно-массовых мероприятий. Это сказывается на показателях профсоюзной организации всего треста. Поэтому есть решение: в ближайшее время устранить наметившееся отставание.

– Здорово! – крикнул из своего угла Кошкин. – Давайте пойдем в зверинец. Он к нам в город недавно приехал. Посмотрим на братьев наших меньших.

Товарищ Перьевой серьезно посмотрел на Кошкина.

– Не наших, а ваших, – угрюмо сказал он и добавил. – Словом решайте. Чтобы до завтра вопрос был закрыт...

Мысль о зверинце, тем более в рабочее время, нам всем очень понравилась. Мы быстро собрались и вскоре были на месте.

...Вид зверей ошеломил нас.

Лидочка-машинистка, то и дело оглядываясь на нас, словно сравнивая с очередным животным, удивленно восклицала:

– Настоящие! Никаких комбинированных съемок!

А умный Ершов добавил:

– И пленка цветная. Только у меня в телевизоре краски все равно ярче.

Вскоре мы подошли к клетке с тигром.

– Ух, красавец какой полосатый, – восхитился я. – Настоящий тигр. Ишь, как рычит.

– Какой же это тигр, Поливинилов? – спросил Котелков и показал на табличку, которая висела у входа в клетку. На ней черным по белому было написано – «Лев».

– Товарищи, это, наверное, ошибка, – улыбнулся я. – Тигр, он и есть тигр. И никогда не сможет стать львом. Смотрите, он же полосатый.

– Ну и что? – спокойно отреагировал умный Ершов. – А может это новая порода львов? Может, последнее достижение генной инженерии? Зря табличку сюда никто ведь не повесит.

После этих слов я сник, не зная, что ответить, а Ершов продолжал:

– Ты, Поливинилов, если хорошо сам не знаешь, не вводи людей в заблуждение. Что мы о тебе можем подумать?

Повернувшись к клетке, Ершов игриво произнес:

– Ух, ты, львенок наш полосатенький...

Его примеру последовали остальные.

Здесь уж я, конечно, выдержать не мог.

– Товарищи, – крикнул я, чтобы меня услышали все. – И все-таки это тигр. Честное слово. Голову даю на отсечение.

– Не нужна нам ваша голова, – раздался у меня за спиной голос нашего начальника, товарища Лепесткова. Он немного опоздал к началу культпохода, поэтому и подошел к нашей группе никем не замеченный.

Я обернулся и замер от неожиданности.

– Не понимаю вас, товарищ Поливинилов, – строго заметил Лепестков. – Что это вы крик в зверинце поднимаете? Тигра от льва отличить не можете?

– Могу, – ответил я.

– Вот и отличайте, – спокойно рассудил наш шеф. – Нравится вам видеть в этой клетке тигра, смотрите себе и

радуйтесь. Другие, в том числе и я, видят здесь льва, о чем информирует нас, кстати, и данная табличка, а в ее лице – администрация зверинца.

– Резонно, – криво усмехнувшись, произнес я и, быстро сориентировавшись в создавшейся обстановке, добавил. – Действительно, любопытный экземпляр льва. Но все равно красавец. Царь зверей. Только грива у него, наверное, еще не выросла.

– Ну, это дело времени, – авторитетно заметил Лепестков.
– У животных это быстро.

И мы, соглашаясь с ним, закивали головами.

– Вообще, львы – это удивительные животные, – сказал я, стараясь окончательно загладить свою ошибку. – Они способны...

Минут десять я рассказывал своим товарищам, что представляет из себя «лев натуральный», указывая при этом периодически для иллюстрации на лениво растянувшегося в клетке тигра. Когда я закончил свое небольшое выступление, к нам подошел работник зверинца с новой дощечкой.

– Ошибка вышла, граждане, – обратился он к нам, меняя табличку на клетке. – Администрация зверинца приносит вам свои извинения.

Когда он ушел, мы смогли прочитать надпись на этой табличке – «Тигр». Тогда все посмотрели на меня и начали хохотать. Вдоволь насмеявшись, товарищ Лепестков вытер выступившие на глазах слезы и сказал, обращаясь ко мне:

– Да, что-то вы сегодня не в форме, Поливинилов. Тигра от льва отличить не можете. А еще беретесь лекции читать...

Я грустно промолчал, глядя на умного Ершова, который корчил страшные физиономии полосатому хищнику, приговаривая:

– Ух, ты, тигренок наш полосатенький...

Его примеру следовали и остальные...

1985 г.

Схватка

Скажу честно, схватились мы с ней не на шутку. Она крепко уцепилась за мои челюсти, что я невольно подумал, едва ли есть на свете сила, которая помогла бы мне разжать зубы.

От бессильной злобы я резко мотнул головой, но это позволило ей еще плотнее подойти к моему горлу. Можете представить здесь мое положение. Взрослый, самостоятельный, здоровый, где-то даже симпатичный мужчина не может справиться с какой-то, простите за выражение, ерундой. И я, решительно ухватившись руками за собственную челюсть, попробовал освободиться. Как бы не так. Она, словно издеваясь надо мной, позволила мне немножко разжать, а затем с новой силой сжала мои зубы.

Здесь я заметил, что мои энергичные действия начали привлекать всеобщее внимание. На меня стали оборачиваться и смотреть с некоторым интересом. Не хватало только, чтобы ко мне сейчас подошли и спросили: «В чем дело?»

С трудом сохраняя хорошую мину при плохой игре, я поднялся со стула и вышел в коридор.

– Еще один! Двадцать второй! – сказал молодой человек, стоявший сразу за дверью, другому, более пожилому. Затем профессиональным движением руки он просунул мне между зубов что-то металлическое. Послышался легкий треск зубной эмали, но, к моему удивлению, челюсти мои разжались, и я уже мог достаточно членораздельно произнести несколько гласных звуков.

– Ха-хи-хо! – поблагодарил я этих заботливых людей в меру своих морфологических возможностей.

– Не стоит благодарностей, – спокойно ответил мне молодой человек. – Забота о посетителях заводской столовой –

наша главная задача. Пройдите вдоль по коридору и направо, там вам освободят гортань, и вы сможете уверенно произносить согласные.

– Главное, ни о чем не беспокойтесь. От наших котлет еще никто не умирал, – добавил более пожилой человек, отмечая что-то у себя в записной книжке. – На этот счет у нас гарантия твердая.

1985 г.

Страшная месьть

Ночью у таксиста Гонзайцева разболелся зуб. К утру щеку разнесло на пол-лица.

Взглянув на себя в зеркало, Гонзайцев не на шутку испугался. Глаза его превратились в узкие щелочки, пунцовая слива щеки и вовсе грозила заслонить собою весь белый свет. Измученный бессонной ночью таксист с трудом оделся и медленно побрел в стоматологическую поликлинику.

...Стоящие в очереди к врачу, увидев появившегося нового пациента, тихо охнули. Пожалуй, только у людей с абсолютно здоровыми зубами не екнуло бы сердце при виде налившегося краской «футбольного мяча», свисавшего у Гонзайцева со скулы. Но поскольку таковых в очереди не было, то чувство сострадания к чужому гнилому зубу взяло верх у записавшихся на прием, и таксиста сразу же пропустили в «чистилище» полости рта.

– Доктор, вопрос жизни и смерти, – только и смог произнести Гонзайцев, войдя в кабинет, и рухнул в кресло.

Эту фразу он услышал недавно от одного своего пассажира, который долго, едва ли не на коленях, уговаривал его, хозяина быстходной «Волги» с шашечками на боку, домчать до места свидания с самой красивой девушкой на свете. Умело пользуясь удобным случаем, Гонзайцев применил тогда безотказный прием общения с пассажирами под названием «еду в парк» и сумел «раскрутить» бедного влюбленного на двойной тариф, причем, в оба конца, чем остался очень доволен. Поэтому и данное выражение врезалось ему в память, чтобы он, Гонзайцев, пользовался им иногда в экстренных случаях.

Зубной врач внимательно посмотрел на вошедшего.

– Как вы сказали? – спросил он.

– Я говорю, – с трудом ворочая языком, ответил таксист, – что жить больше с такой болью не могу. Хоть ложись да помирай. А мне на работу бежать надо. Машина, пассажиры ждут. В таксопарке уже, поди, переполошились, почему я на смену не явился.

– Ага. Значит, вы таксист, – догадался зубной врач и, прикрыв ладонью раздувшуюся щеку пациента, вдруг очень внимательно посмотрел на лицо Гонзайцева.

– Кажется, я вас знаю, товарищ таксист, – произнес едва слышно человек в белом халате после долгой паузы, что-то припоминая. – Вы обычно на круглой площади подбираете пассажиров?

– Точно! – обрадовался непонятно чему Гонзайцев, но улыбнуться не смог: боль едва не лишила его чувств. – Помогите мне!

– Это очень хорошо, что я вас встретил именно здесь, – с некоторым злорадством заметил зубной врач. – Конечно, я тебе помогу, дружок. И еще как.

Достав заранее приготовленные щипцы, доктор велел больному открыть рот. Гонзайцев неимоверным усилием воли заставил себя исполнить это приказ.

– Да-а, верхний справа у вас, товарищ, можно сказать, уже мхом покрылся, – покачал головой человек в белом халате. – Очень жаль, очень жаль.

– Что жаль? – не понял Гонзайцев.

– Жаль, что верхний зуб у вас болит. Я ведь сегодня только нижние рву, – ответил врач и положил щипцы на место. – Ничем помочь не могу. Еду, так сказать, в парк.

– Какой парк? – кривясь от боли, переспросил Гонзайцев.
– При чем тут парк?

– Забыл, значит, – с удовлетворением растягивая слова, сказал человек в белом халате. – А ты вспомни. Я тебе тоже вопрос жизни и смерти недавно предлагал решить. Ты мне, что тогда ответил?

Гонзайцев насколько мог широко открыл глаза и сквозь туман набежавших слез кое-как рассмотрел наклонившегося над ним доктора. Это был тот самый полуночный влюбленный, финансовый расчет с которым он, Гонзайцев, любил так вспоминать.

– Вот черт, – только и смог выговорить таксист. Новый приступ боли заставил его закрыть глаза.

– Узнал-таки, – потирая руки от удовольствия, произнес зубной врач. – А я ведь тебя, дружище, на всю жизнь запомнил. Как ты мне чуть всю судьбу не поломал.

– Но ведь довез, – слабо попытался оправдаться таксист. – Скажешь, нет?

– Довез. Это точно. Только и я тебя лечить буду, как ты меня вез. Начнем с нижних зубов. Ишь, какие они у тебя все здоровые. Просто красавцы. Можешь сам выбрать, с которого мне начинать. А этот, поросший мхом, вырвем последним. Вот я и «довезу» тебя, – сказав это, доктор снова потянулся за инструментами.

Ощущая свое бессилие перед этим сильным человеком со щипцами в руках, Гонзайцев заплакал. Он сознавал, что, если и начнет сейчас вслух раскаиваться в содеянном, его просто не поймут. Да и сам он себе не поверит, что подобное у него больше не повторится. Поэтому, мысленно простившись с нижним рядом здоровых зубов, Гонзайцев подумал, успокаивая себя: «Ничего страшного. Вставлю все новые, золотые. Лишь бы от этой боли избавиться. Лишь бы до машины своей добраться».

Иного выхода у него не было. И таксист Гонзайцев покорно открыл рот.

1985 г.

Сириусные кабусяки

Я вам прямо скажу: ненавижу ходить на рынок. Как увижу там цены, меня всего трясти начинает. И ничего не могу с собой поделать. Мне ведь месяц у станка отстоять надо, чтобы семье своей только один приличный овощной день устроить.

Вот и вчера утром заглянул на рынок, чтобы зелени какой-либо прихватить: теща обещала в гости приехать. Прошелся по торговым рядам и снова не по себе стало.

Особенно меня один такой маленький – весь зелененький, с прямоугольной головой и лампочками вместо глаз – разозлил. Прочитал над ним табличку: “Торгово-закупочный кооператив “Туманность Андромеды”. Чуть ниже – еще одна надпись: “Кабусяки сириусные”.

Правда, кабусяки, действительно, хорошие. Крупные, красные, крепкие. Все почему-то по форме летающую тарелку напоминают.

– За сколько отдашь? – спрашиваю у зелененького.

– Десять руб – один штюк, – отвечает тот с сильным акцентом.

– Что же ты, родимый, трудовой люд своими кабусяками грабишь? – не удержался я. – Совести у тебя нет!

Молчит зелененький, ничего не отвечает.

– Чтоб тебе ни дна, ни покрывки с твоими кабусяками! – продолжаю возмущаться.

А зелененький и ухом не ведет. Только лампочки вместо глаз мигают.

– Ты zenки-то свои не вылупливай, – разозлился я. – Видали мы таких.

– Десять руб – один штюк, – снова говорит зелененький.

Здесь мужик, который рядом с ним торговал луком, махнул мне рукой:

– Он по-нашему не понимает. Гуманоид. Только вчера с Сириуса прилетел. Здесь таких безъязыких много.

– Да хоть с Большой Медведицы, – отрезал я. – Совесть, она у всех и везде должна быть. Ни у кого сегодня таких высоких цен на рынке нету, как у этого.

– Да ты не кипятись, – стал успокаивать меня мужик с луком. – У этих гуманоидов, знаешь, какие накладные расходы. Им до нас сотни световых лет лететь надо. Вот цена и накручивается... А, вообще, парень он хороший, тихий, не курит, не пьет, хотя деньги лучше электронно-вычислительной машины считает...

Посмотрел я еще раз на его кабусяки. Ничего не скажешь, просто замечательные.

– Народ у него кабусяки быстро берет, – снова встал мужик с луком и вздохнул. – Инфляция. Завтра цены, может, еще выше будут.

– Их хоть есть можно? – спросил я.

– Кто же его знает, – почесал затылок сосед зелененького.

– Ладно, давай две штуки, Андромеда, – сказал я решительно и потянулся за деньгами. – Только, чтобы самые хорошие. А то я ваши кооперативные штучки знаю.

Зелененький быстро положил мне в сетку кабусяки. И я, проклиная межзвездные контакты, отправился домой.

1990 г.

Человек, который стоит за дверью

В углу комнаты приветливо светился экран телевизора. Герои очередного забугорного сериала, демонстрируемого по одному из кабельных каналов, привычно вытворяли свои кошмарные безобразия, а он на протяжении нескольких часов пытался разобраться в хитросплетениях сюжета. Осознав, что дело это совершенно бесполезное, что он так никогда и не узнает, кто же это стоял за дверью, а потом расчленил главную героиню на небольшие фрагменты, выключил телевизор и попытался сомкнуть глаза, чтобы все-таки забыться сном после всех стрессов рабочего дня.

Но, с трудом ворочаясь под одеялом, никак не мог найти спокойной позы, которая расслабила бы все его тело. Ему постоянно что-то мешало. То слишком колючее одеяло. То простыня сдвинулась едва ли не наполовину кровати, и он прикоснулся своим телом к еще не нагретой поверхности. То вдруг совершенно неожиданно почувствовал, как затекла его правая нога. Он сделал движение рукой, чтобы растереть икры, но и здесь его остановила ноющая боль в плече. Непроизвольно повернув голову, словно так можно было увидеть источник боли, он едва не задохнулся. На этот раз перехватило дыхание в горле.

От неясно откуда нахлынувшей беспомощности он готов был заплакать. Какая-то всепроникающая слабость овладела его телом. Она вдавливала его в постель, не давала сна. Это было то полудремотное состояние, когда нет никакой возможности спокойно провести ночь, а надо постоянно испытывать мучения в поисках долгожданного отдыха.

Он с усилием оторвался от мыслей о боли, о собственной слабости. Закрывать глаза было бесполезно. Он посмотрел на

потолок, на который сквозь полуспущенные шторы ложились длинные неподвижные мутные пятна от газовых уличных фонарей, от которых контуры потолка как-то неестественно размывались, и потолок уже казался угрожающе провисшим, огромным и непонятым, вызывающим чувство неизвестности, а, значит, и страха.

Он решился опустить глаза немного ниже и взглянуть на стены, на обстановку в комнате. Вещи, такие знакомые и близкие днем, стали вдруг отчужденными, серыми и безликими. В дальнем углу возле телевизора четко обозначились две тени. Было бы сейчас чуточку светлее, он, наверное, без труда узнал бы свои высокие кресла для вечерних бесед и размышлений. Но сейчас у телевизора стояли две плотные тени. И он поймал себя на странной мысли: «А вдруг они сейчас зашевелиятся?» Впрочем, из постели он все равно ничего бы не заметил. Слишком темно и слишком расплывчаты были контуры теней. Но он все же сощурил глаза и попытался взглянуть в темноту. Нет, бесполезно.

Следующая мысль поразила его еще больше своей странностью: «Может быть, эти тени не только шевелятся, но еще и переговариваются между собой?» Ему ведь все равно отсюда ничего не видно и не слышно. Значит, это вполне могло быть.

Он напряженно прислушался. В комнате что-то происходило. Это он почувствовал настолько ощутимо и близко, что несколько секунд боялся перевести дыхание. Нет, это все же не так близко, как ему сразу показалось. Это напротив кровати – у противоположной стены. Он осторожно наклонил голову на подушке, боясь выдать свои намерения хотя бы одним неосторожным движением, и снова прищурил глаза. Нет,

определенно ничего не видно, кроме большого черного пятна. Днем здесь висело зеркало. Зеркало...

Он вспомнил шутку кого-то из своих друзей, заметившего, что зеркало – это дверь к самому себе, к своему второму «я», ко всему тому, что мы крепко-накрепко прячем под масками умников, меланхоликов, дураков. Но он не улыбнулся этой шутке, а похолодел от сознания того, что сейчас эта дверь к самому себе может открыться – чего только не происходит в такие ночи?

Вот! Он опять услышал эти странные звуки, словно скрипят давно не смазанные дверные петли. «Неужели зеркало?» – подумал он и уже не увидел, а почувствовал, как увеличивается пятно на стене. Как оно захватывает все новые и новые пространства.

Чувство неодолимого ужаса стало овладевать им. Несмотря на кромешную тьму, он понял, что в комнате что-то стало меняться. Он бросил быстрый взгляд на потолок. Так и есть. Длинные серые пятна от пробивающегося сквозь шторы света газовых фонарей медленно ползли к стене, словно подкрадываясь к своей добыче. Они становились все отчетливее и отчетливее. Наконец, они переместились на стену, но не остановились, а поползли дальше к разросшемуся едва ли не на всю высоту стены пятну.

Он не мигая смотрел на это движение все более и более белевших пятен, и по мере приближения их к зеркалу ему становилось все хуже и хуже. Но вдруг пятна остановились. И сразу же его внимание привлек странный звук в углу, возле телевизора, словно кто-то передвигал мебель. Две тени, которые до сих пор были неподвижными, вдруг заметно приблизились. Настолько, что он смог достаточно хорошо почувствовать, что

перед ним стоят уже не кресла, а люди. Он услышал их прерывистое дыхание и шарканье ногами. Нет, они не подкрадывались. Они остановились где-то возле его кровати и стали переговариваться о чем-то своем, словно пребывание в темной комнате было для них делом до обыденного простым и скучным.

Несмотря на овладевший им ужас, он все же попытался было отползти подальше, на самый дальний край кровати. Но его остановило новое изменение в обстановке комнаты. Снова начали перемещаться пятна от газовых фонарей. Вот они медленно поползли и уткнулись в край зеркала. Но не остановились.

Ему хотелось кричать: в рамке зеркала зияла пустота, от которой повеяло ледяным душем холодом. Но он не крикнул. Увидел, как в освещенном проеме зеркала появилась далекая человеческая тень. По мере того, как она приближалась, задвигались и тени в комнате. Они подошли к его постели. Он заметил, как две костлявые руки взметнулись возле его лица и сомкнулись на его шее. Он понял, что теряет сознание. От страха даже не почувствовал боли. Последнее, что заметил: уже немолодой человек, подошедший настолько близко к проему зеркала, что падающие на него светлые пятна смогли осветить лицо. Он без труда узнал в этом человеке себя...

– Должен еще жить, – оптимистично сказал врач «скорой помощи», сделав ему укол. – Еще немного и мы его потеряли бы.

– Да я как с ночного дежурства пришла, сразу вам позвонила, – стала оправдываться его жена.

Врач посмотрел на стоявший в углу телевизор, перевел взгляд на его постепенно розовеющее лицо и спросил:

– Давно на пакет кабельного телевидения подписались?

– Неделя еще не прошла, – слабым голосом сообщил он.

– Делайте выводы, уважаемый, – назидательно сказал человек в белом халате, собирая свои инструменты и направляясь к выходу. – Или здоровая жизнь, или кабельное телевидение. Третьего не дано!

1992 г.

Активная позиция

Что же это такое вокруг происходит! Вандализм! Варварство! Самоуправство!

Вот выхожу сегодня утром из своей квартиры во двор. Ну, сами понимаете, воздухом чистым там подышать, на людей посмотреть, себя, так сказать, показать, что еще существую, что еще занимаю активную жизненную позицию.

А у нас во дворе прямо под окнами росла такая замечательная березовая рощица. Да все жильцы в этих деревьях души не чаяли, отдыхали в их тени, получали ни с чем не сравнимое удовольствие от общения с живой природой.

А какую радость березки доставляли детишкам! Это надо было видеть. Наша ребятня просто расцветала возле этих белоствольных красавиц, получая наглядный урок экологического воспитания, бережного отношения к зеленому другу в пустынно-урбанистической городской среде. Да что там ребятнишки! В наш двор приезжали целые делегации из других микрорайонов, чтобы познакомиться с передовым опытом природоохранной деятельности нашей жилищно-эксплуатационной службы.

Так вот, можете себе представить мои ощущения, когда сегодня утром я не увидел этого оазиса зелени в окружающей наш двор среде. Меня чуть не хватил удар. В глазах стало темно, а на душе – тошно.

Хотя и плохо мне было, но я все-таки подошел к мужикам с топорами и пилами, которые уже начали грузить стволы нашей родной березовой рощи в тракторный прицеп.

– Что же это вы, – говорю, – господа хорошие, дела нехорошие делаете? Где же это ваша совесть экологическая

ночевала, если вы руки свои поганые на такую красоту животворную наложили?

– Ты бы чухал отсюда, грынпис, – отвечает мне какой-то совсем еще зеленый пацан, забрасывая очередное бревно в кузов, – а то еще ненароком зашибем при погрузке строительного мусора.

Досада меня взяла после таких неласковых слов молодого рабочего. Достал я из кармана блокнот с авторучкой и спрашиваю:

– И кто же тут у вас, соколики, за главного будет?

Мужик, который в тракторной кабине сидел, сразу насторожился. Высунулся ко мне и так спокойно говорит:

– Что ты, придурок, записывать здесь собрался?

– А вот номерок вашего прицепа – для начала. И фамилию бригадира, допустившего групповое экологическое надругательство над зелеными насаждениями. Знаете, сколько вам за каждую березку наши доблестные карательные органы влепят? Вижу, что не знаете. Но, поверьте, незнание закона не освобождает от ответственности. И это совсем не ерунда!

Вижу, слова мои не по вкусу пришлись этому, который в кабине. Спрыгнул он и подошел ко мне.

– А, ну, – говорит, – покажи, что ты там накалякать успел.

– Я это, трудолюбивый мой, в экологической милиции покажу, – отвечаю и делаю вид, что направляюсь к ближайшему телефону-автомату. – И запомните, господа: возмездие неотвратимо.

– Что он несет, Петрович? Какое возмездие? – к нам подошел еще один из работяг. – Нам же задание начальник участка дал: срубить деревья, чтобы окна не затемняли.

– Покажите письменную формулировку задания! – нацелился я в него своей авторучкой. – Или все преступные деяния вы совершаете только по устному распоряжению?

Мужик пожал плечами:

– Нам говорят – мы делаем...

– Очень хорошо, – говорю я и заношу этот фактик в свой блокнот. Вижу, очень уж нервируют их мои такие действия.

Вся бригада посмотрела на Петровича. Тот поскреб затылок, сплюнул себе прямо под ноги и говорит мне с недоброй улыбкой:

– Что ты, зараза грамотная, от нас хочешь? Мы – люди маленькие...

– А преступления совершаете большие, – уточнил я и распорядился. – В общем, все немедленно выгрузить обратно и ни к чему больше не прикасаться до проведения следственных мероприятий. Чтобы картина совершенного глумления над первозданной природой была восстановлена в изначальном виде. Это – в ваших интересах, товарищи, максимально помочь органам внутренних дел установить истину и причины, которые привели вас на скользкую дорожку игнорирования природоохранного и уголовного законодательства.

Окинув всю свою бригаду шальными глазами, ко мне подскочил Петрович, схватил за рукав и задышал прямо в ухо:

– Слышь, мужик, кончай наезжать! Тебе бревна нужны на дачу? Так мы мигом! Хорошие бревна!

– Как вам не стыдно – представителю среднего управленческого звена – предлагать мне такое! – я резко повел плечом. – И что вы называете добротным пиломатериалом? Эту второсортную древесину?

– А что? Дровишки для баньки очень даже неплохие получатся, – Петрович снова потянул меня за рукав.

Я нехотя подошел к прицепу.

– Ну, если только дровишки... Ладно. Уговорили. Только все это на месте распилите, порубите и уложите у меня возле баньки под навесом, чтобы лишний раз не мокли.

Достав блокнот, я нарисовал Петровичу схему движения и план своего дачного участка.

– Через два часа сам приеду и проверю. И смотрите, чтобы никакого гнилья не подсунули. Вандалы!

Трактор с прицепом лихо вырулил с нашего двора, оставив после себя облачко сизого дыма.

Я опустился на корточки возле березовых пеньков и погладил их остывающую белизну. Подошла старушка-соседка.

– Вот так, Марковна, заботимся мы об экологии родного города, – грустно сказал я ей. – И ведь никто не протестует. Никому до сохранения окружающей нас среды нет и дела. Что мы за люди такие?!

Старушка перекрестилась, а я, стряхнув с себя березовые опилки, направился к своим «Жигулям». Ясное дело: за этими варварами глаз да глаз нужен. Еще оставят дрова под открытым небом. Работнички!

1999 г.

Лифт

Хрюкин выглянул в окно и оценил погоду.

– Холодновато, – сообщил он жене и стал натягивать куртку на меху. – Что-то глобальным потеплением и нее пахнет.

Жена тоже подошла к окну и посмотрела с высоты пятого этажа во двор.

– Не пахнет? Выйдешь на улицу – посмотрим, что ты запоешь, – и она указала на соседского кобелька, задравшего заднюю лапу на мирно растущее под окнами подъезда деревце. – Что за люди? Не могут животное подальше отвести! Прямо под ноги другим ведь делает...

– Дорогая, тебе вредно волноваться, – постарался успокоить супругу Хрюкин, нахлобучивая на голову кепку потеплее. – У тебя же давление! Любой стресс может привести к непредсказуемым последствиям. Тем более с утра...

– Попробуй тут не волноваться, – разошлась жена, – когда только и делаю, что гадают и гадают, гадают и гадают...

Что пожелала соседям и их четвероногим любимцам супруга, Хрюкин уже не услышал, так как подхватил свой кейс с бумагами и быстро выскользнул за дверь, поглядывая на часы: опаздывать на работу в условиях электронного дисциплинарного контроля ему совершенно не хотелось. Начнутся разборки, волнения, стрессы...

Он широко шагнул к лифту и деловито нажал на кнопку вызова. Через несколько секунд створки кабины гостеприимно распахнулись, и ... в нос Хрюкину ударил тяжелый аромат, исходивший от солидной горки естественного происхождения, оставленной в самом центре лифтовой кабины.

– Да, не только собаки отличаются у нас неводержанностью в местах общего пользования, –

пробормотал он примирительно сквозь зубы, секунду раздумывая, как бы ему удобнее расположиться по соседству с инсталляцией органики, и, привычным движением зажав двумя пальцами нос, смело шагнул в не очень приветливое лифтовое пространство.

Несмотря на то, что обе руки были заняты делом – контролировали от поражения дыхательные пути и деловые бумаги, – нажать кнопку первого этажа было уже делом обычной житейской практики. Сделал это Хрюкин лбом, изрядно изогнувшись и едва не коснувшись кейсом пирамидального образования на полу.

– Поехали! – облегченно выдохнул он, почувствовав движение кабины вниз.

Уже выходя из лифта, он на мгновение задумался, затем внимательно посмотрел по сторонам и, убедившись в отсутствии посторонних глаз, щедро высморкался в закрывающуюся камеру коммунального заключения, чтобы с чувством исполненного гражданского долга и высоко поднятой головой продолжить свой утренний путь.

2007 г.

Внутренний голос

Едва за его сослуживцами закрылась дверь, он сразу услышал свой собственный внутренний голос:

«Надеюсь, ты хорошо запомнил их слова. Ты должен продержаться десять минут. Всего десять минут! Они верят тебе, поэтому и поручили именно тебе эту ответственную миссию. Можешь рассматривать ее как важнейшее дело своей жизни. Я знаю, как тебе сейчас нелегко. Но ты не должен поддаваться сиюминутным слабостям и соблазнам. Ты должен доказать всем – и себе, и окружающим, что тебе еще можно поручать дела, где требуются настоящий мужской характер, стойкое убеждение патриота своего трудового коллектива, способность проявлять себя по высшей шкале нравственных и человеческих ценностей».

Он судорожно сглотнул слюну, почувствовав, как на висках выступили капельки пота. Внутренний голос продолжал:

«Постарайся успокоиться. Не зацкливайся на этих десяти минутах. Впереди еще целая жизнь, которую ты можешь прожить достойно, если сейчас не подведешь всех тех, кто на данном этапе своего земного бытия доверил тебе самое ценное и дорогое. Включи все свои внутренние резервы. Поверь, потенциал твоего человеческого ресурса неограничен, но его надо жестко держать в узде, чтобы не допустить цепной реакции выброса неконтролируемого интеллекта».

От напряжения у него побелели костяшки пальцев. Он попытался встать из-за стола, но внутренний голос остановил его:

«Ты не должен этого делать. Иначе все тебя проклянут. Запомни: суд будет самым суровым, так как это будет суд твоих товарищей, которые неспособны на пощаду. Знай: оправдания

твоему поступку не будет. За такие дела люди даже не подлежат реабилитации».

Ему по-настоящему стало страшно. Он весь сжался в комок, почувствовав, как холодеют кончики его ушей. И только внутренний голос вывел его из этого оцепенения:

«Прошло пять минут. Я восхищаюсь тобой. Столько выдержки в экстремальной ситуации. Это – здорово! Помни, такое дано не каждому, а только людям с большой буквы».

За дверью послышались шаги.

«Они возвращаются раньше на три минуты, – подсказал ему внутренний голос. – Не доверяют, что ли? Тогда определяйся! Ты должен принять решение! Здесь и немедленно! Сейчас или никогда!»

В одно мгновение в его сознании кадрами немного кино прокрутилась вся жизнь. Сколько в ней было всего – горестей, падений, неудач. А вот праздников, радостей, побед – практически и не вспомнить

– Ну, нет уж, фигушки, – сказал он громко себе и потянулся к сумке, оставленной сослуживцами. – Им, видите ли, огурчиков не хватает! А нам и так сойдет!

И словно чеку с боевой гранаты сорвал винтовую пробку с первой попавшейся ему под руку пол-литровой емкости.

«Я так и знал, – сообщил ему вдогонку внутренний голос. – Ты все-таки способен на поступок!»

Соглашаясь с этим, он оторвался от горлышка уже пустой бутылки и шумно втянул носом запах рукава...

2007 г.

Послание к цивилизации

Кабусякин сидел на автобусной остановке, спрятавшись за киоск от порывов холодного ветра, и в ожидании общественного транспорта рассматривал жировку за коммунальные услуги, которую достал сегодня утром из своего почтового ящика.

– Ничего не понимаю, – бормотал он себе под нос. – Все говорят о наступлении глобального потепления, а плата за отопление растет. Ерунда получается!

Никого рядом с Кабусякиным не было, а потому и посоветоваться было не с кем. После очередного порыва ветра он пожегся, но решил все-таки дождаться автобуса.

– Дойду до председателя райисполкома, но разберусь, почему народ дурят, – убеждал он себя. – Если глобальное потепление – факт, то и платить за отопление надо меньше. А у нас – все наоборот!

Здесь внимание Кабусякина привлек металлический скрежет, который донесся со стороны канализационного люка – прямо за его спиной. Обернувшись, владелец грабительской жировки замер от удивления: старая ржавая крышка люка вдруг приподнялась и отодвинулась слегка в сторону. Из колодца потянуло нечистотами. Затем показалась зеленая рука и голова того же цвета весьма странного живого существа, похожего на человека. Только вместо глаз у него были лампочки, а вместо ушей – тарелки-антенны.

«Совсем плохо у нас с экологией», – подумал вдруг Кабусякин и инстинктивно отпрянул от канализационного люка.

– Не уходите, очень прошу вас, не уходите, – донесся до него механический голос зеленого человечка, – Я должен вам передать послание к цивилизации.

– Командир, ты уверен, что мне что-то должен? – недоверчиво спросил Кабусякин, глядя на мигающие лампочки-глаза незнакомца.

– Должен, еще как должен, – в голосе зеленого чувствовалась усталость. – Я ведь очень долго добирался к вам сюда, на поверхность, от центра нашей замечательной планеты. Меня к вам направили силы, которые озабочены глобальными катастрофическими изменениями, происходящими на Земле.

– Мужик, может, ты пива хочешь? – участливо спросил Кабусякин. – С бодунца, бывает, и похлеще проблемы мучают.

– У меня очень мало времени, – продолжил обладатель непропорционально большой зеленой головы с антеннами. – Мы, живущие в центре земного ядра, видим, как стремительно вы приближаетесь к собственному уничтожению, дело идет к исчезновению всей человеческой цивилизации.

Зелененький помахал Кабусякину своей маленькой ручкой, в которой держал предмет, внешне похожий на компьютерную дискету.

– Вот здесь, – он потянулся из люка, чтобы отдать пластину, – содержится наше послание-предостережение всем землянам. Если вы не остановите свою варварскую политику бездумного выкачивания из земных недр всех запасов, уже в ближайшее время земная ось сдвинется с места. И тогда всех вас ждет беда планетарно масштаба – глобальное потепление. В результате стихийных бедствий будут затоплены мировым океаном целые материки.

– Что ты там про глобальное потепление гундосишь? – заинтересовался Кабусякин и взял протянутый ему предмет.

– Оно к вам уже пришло, – ответил посланник из центра Земли слабым голосом. – Но катастрофу еще можно

предотвратить, если принять меры, о которых говорится в нашем послании. Передайте его всем народам и правительствам!

Кабусякин заметил, как у зелененького стали быстро гаснуть лампочки-глаза.

– Как я счастлив, что успел выполнить возложенную на меня историческую миссию по спасению нашей удивительной и неповторимой планеты, – произнес свои последние слова незнакомец и навсегда исчез в канализационном люке.

Кабусякин растерянно посмотрел сначала на полученную дискету, затем – на приоткрытый люк.

– Вишь, и этот говорит, что глобальное потепление – факт! – в задумчивости он почесал дискетой висок. – Все сходится: плата за отопление должна быть меньше. Станет еще теплее – вообще платить не придется! Что и следовало доказать! ... Только вот пугать нас не надо!

Кабусякин медленно подошел к крышке люка и ногой аккуратно задвинул ее на место. Затем, повертев дискету в руках и внимательно посмотрев по сторонам, спокойно опустил ее в рядом стоявшую массивную урну. Немного подумал и, что есть силы упершись в мусорницу, надвинул ее на люк.

– Теперь ни за что не откроет! – удовлетворенно сказал он себе и увидел подруливающий к остановке автобус.

Садясь в него, Кабусякин еще раз внимательно посмотрел на крышку люка. Она не шевелилась.

«Нормально», – обрадовался он и пошарил глазами по ходу движения автобуса по другим канализационным колодцам. Все они были придавлены массивными урнами...

2007 г.

Абрикосы

Скажу прямо: уже целую неделю не могу спокойно смотреть на абрикосы, хотя всегда относился к ним очень позитивно. Все мне в них нравилось: витамины, свежесть, сладость. Но вот через собственную вежливость и галантность получил семь дней назад такую психологическую травму, что просто не представляю, когда, наконец, перестану чувствовать в себе ее последствия в виде устойчивого отвращения к этим плодам. Впрочем, расскажу обо всем по порядку.

Выправился я в тот день с утра в продовольственный магазин, который от нашего дома всего лишь через улицу расположен. Не буду кривить душой: нормальный магазин с нормальным ассортиментным минимумом. И даже, когда недалеко от него открылась палатка, торгующая фруктами и овощами, мнение мое о нашем гастрономе не изменилось. Более того. В том, что касается ценовой политики, так я и вовсе для себя ряд открытий сделал. Вот, например, абрикосы. Лежат они в этой палатке – красивые, сочные, желтые, но по восемь рублей за килограмм. Понятно, что это – не просто дорого, это – какой-то ценовой космос.

Захожу с этими мыслями в наш «гастрик» и сразу направляюсь к выкладке фруктов. Подхожу и вижу: на единственном поддоне такие же замечательные абрикосы лежат, но цена – не поверите! – три рубля пятьдесят копеек. Вот и я глазам своим не поверил. Сразу стал искать подвох. Может, они только сверху такие? Слегка перебрал в поддоне эти желтые шары. Нет, один – в один, один лучше другого! Сделал шаг назад и задумался. Ну, не может быть такого! Даже на секунду зажмурился, не веря своему счастью.

Когда открыл глаза, вижу: передо мною к поддону такая дамочка, явно сошедшая с полотен Рубенса, протиснулась и без всяких там сомнений и угрызений совести стала полиэтиленовый пакет желтыми плодами набивать. Это меня немного успокоило и обнадежило: значит, никакого подвоха нет! Поэтому полшага в сторону сделал и в ожидании подхода к заветному поддону стал прикидывать: сколько же этого добра лучше взять? Ведь такой шанс не каждый день выпадает. Полез в карман за деньгами. Думаю, на килограмм-два хватит.

В этот момент дамочка, уже набравшая три пакета абрикосов, поворачивается ко мне и таким просто ангельским голосом говорит:

– Мужчина, будьте любезны, подкатите мне тележку от касс, а то ведь в руках я все не унесу...

До сих пор не пойму, как я тогда мог ей ответить:

– Конечно, конечно, сейчас я вам помогу...

И, продолжая высчитывать объем предстоящей покупки на имевшиеся у меня деньги, отправился за тележкой. Прикатил ей это средство транспортировки товаров, а за дамочкой уже несколько человек выстроилось. Передаю ей тележку и всей очереди объявляю:

– Я здесь стоял...

И пытаюсь вклиниться туда, где, действительно, несколько минут назад стоял. Не будет преувеличением сказать, что меня встретило гробовое молчание не очень приветливых людей с покупательскими корзинками в руках, мрачно наблюдавших, как «рубенсовская тетка» уже восьмой или девятый пакет абрикосами заполняет. И только один из этой очереди – с лицом явно серийного убийцы – подчеркнуто спокойно и медленно ответил мне:

– Любезный, мы здесь уже давно стоим. И что-то вас не припомним...

Вся очередь молчаливо с ним согласилась.

– Как же так, – попытался я восстановить справедливость и обратился к дамочке, которая уже успела абрикосами всю тележку завалить. – Скажите им, как все было на самом деле...

– Это уже без разницы, – ответила та и быстро покатила тележку к кассам.

Мы так и рванули все к поддону. А там – штук пять полусгнивших плодов осталось. Вышедшая из подсобки женщина в рабочей униформе только подлила масла в огонь, заявив:

– Этот поддон – последний.

Что тут началось?

– Хватайте сообщника, – крикнул кто-то из очереди.

И я сразу почувствовал, как меня схватили за руки. Не буду врать: меня практически не били. Так, пару раз прошлись по почкам, но, можно сказать, совсем не больно. Да я и не сопротивлялся особо.

Вот чему мои оппоненты не могли долго поверить, так это тому, что тележку я этой тетке привез не по сговору с корыстной целью, а исключительно из врожденной вежливости и непонятно откуда взявшейся в нашей действительности галантности.

Пока разбирались со мной, дамочка с абрикосами, конечно, успела унести ноги. Вскоре после нее в смятении чувств покинул магазин и я, не понимая толком того, радоваться мне надо или огорчаться тому, что произошло в торговом зале. Ведь, с одной стороны, я так и не купил желательных плодов, но, с другой, – все-таки остался жив. И это, видимо, в данной истории главное. А вот на абрикосы с той поры смотрю все еще

резко отрицательно. Несмотря на их витамины, свежесть и сладость.

2017 г.

Деловые люди

Обманул

Он осторожно приоткрыл дверь и заглянул в комнату. В комнате было тихо.

«Никого, – злорадно улыбнулся он и бесшумно проскользнул к столам. – Это здесь. Вот этот стол».

Воровато оглядываясь, он достал из стола небольшую папку и начал лихорадочно листать. Затем вытащил лист чистой бумаги и стал писать, нервно поглядывая на часы и на дверь.

Через несколько минут он услышал негромкие шаги в коридоре. Капельки холодного пота, выступившие у него на висках, как бы подтвердили нежелательность встречи для него с кем-нибудь в данном помещении. Трясущимися руками он вытер пот и с ужасом заметил, что дверь медленно открывается.

– Здравствуйте, Иван Николаевич, – сказал он, увидев вошедшего, и попытался улыбнуться. Улыбка вышла мученической, как стихотворение начинающего поэта.

– Что это вы, Ершов, здесь делаете один? – подозрительно посмотрел на него начальник.

– Да, понимаете, какая история. Вышел я за покупками в ЦУМ, и денег вдруг не хватило. Пришлось вернуться, – неожиданно для себя он совершенно не почувствовал угрызений совести за столь неприкрытую ложь.

– Бывает, – понимающе ответил Иван Николаевич и посмотрел на часы. – Не забудьте, Ершов, через два с половиною часа – обеденный перерыв.

– Да, да, я помню, – ответил он, наблюдая, как медленно закрывается за начальником отдела злополучная дверь.

– Обманул, – радостно пронеслось у него в голове. – Теперь уж никто не помешает закончить квартальный отчет.

Он посмотрел на часы и с облегчением вздохнул:

– Теперь можно спокойно работать целых два с половиною часа.

И с жаром принялся за работу.

1978 г

Загадка

Лепестков откинулся на спинку стула и задумчиво посмотрел в окно. «Кто же это мог сделать? Кто? Безусловно, только чрезвычайно находчивый и талантливый человек с раскованным воображением. Человек глубокого ума. И, главное, творчески думающий».

Лепестков поднялся и прошелся по своему рабочему кабинету.

«Однако насколько все грамотно и тонко сделано. Ни одной промашки, ни одной неточности. Работа самого высокого класса. Пожалуй, даже я не смог бы так. И это несмотря на мой многолетний опыт».

После этой мысли Лепестков почувствовал даже некоторое уважение к этому неизвестному человеку.

«Но все-таки: кто он? Кто?»

Лепестков подошел к своему столу и вытащил из него с десяток фотографий. Затем аккуратно разложил их и стал пристально рассматривать.

«Котелков? Нет, он слишком глуп... Кошкин? Слишком стар... Ершов? Слишком умен и академичен, даже консервативен... Мыриков? Четверо детей... Кандыбайло? Ходит на мексиканские фильмы... Петраков? Пьет “Вермут”... Иванушкин? Пишет стихи... Поливинилов? Та-а-ак! А что? Этот мог бы. Молодой специалист. У нас без году неделя. Темная лошадка. Кто его знает, чему их там в институте учат?»

И Лепестков снова устался на разгаданный воскресный кроссворд. «Это же надо догадаться: секреторная жидкость – молоко. Гениально!»

В изумлении он развел руками.

Рабочий день приближался к обеду.

1978 г.

Подарок шефу

– Чуть не забыла, – сказала Лидочка, наша машинистка, собирая со столов материалы на машинку. – Завтра у Ивана Николаевича день рождения. Так что готовьте подарки...

Иван Сидорович – это наш шеф. Нельзя сказать, что Лидочкино заявление явилось для нас какой-то трагической вестью, но и радоваться особенно было нечего.

– Это который же годок ему стукнул, – прикинул на счетах Котелков. – Пять лет назад ему было пятьдесят... Летят годы... Вот и старость подкралась. За планами, за сводками...

– К старости человек особенно реагирует на подарки, – глубокомысленно заметил Кошкин. – Во всем ищет какой-то скрытый смысл, намеки.

– Да-а, вот и попробуй тут выкрутиться с подарком, – подумал вслух Ершов.

– Подарок должен быть не просто вещью, но и олицетворением какой-то мысли или пожелания, – заметил я.

– В таком случае лучше всего купить лампу дневного накаливания, – сказал Кошкин. – С намеком на луч света в нашем темном царстве.

– Боюсь, не поймет, – ответил Ершов. – В прошлом квартале, помнишь, недодали план по осветительным приборам. Как бы не вышло обратной реакции.

– Да, да, я совсем забыл, – спохватился Кошкин.

– Подарок должен пробуждать положительные эмоции, а не душить их в зародыше, – сказал я. – Надо думать не только о материальной, но и о моральной стороне вопроса.

После этих правильных слов мы глубоко задумались.

– Товарищи, кажется, эврика! – как и все великое, мысль Кошкина была простой. – Давайте сделаем шефу такой подарок, которого он от нас меньше всего ожидает. Так сказать, сюрприз.

– А что? – отозвался Ершов. – Пожалуй, это даже интересно... Стоит раскинуть мозгами...

Утром следующего дня Лидочка заглянула в наш кабинет и спросила:

– Ну, как? Готовы?

Мы сдержанно кивнули головами.

– Тогда заходите по одному... Шеф освободился...

Я зашел последним.

– Что скажешь, Поливинилов?

– Хотелось бы от всего сердца поздравить вас, Иван Сидорович, и преподнести этот скромный подарок, – я открыл папку для бумаг и достал сетевой график. – Вот. Специально к празднику. Всю ночь работал. График треста на следующий квартал.

– Это который ты мне должен был сдать еще в прошлый вторник?

– Точно так, – ответил я и улыбнулся.

– Вот уж не ожидал, – искренне ответил шеф. – Молодцы, ребята. И ты, Поливинилов, молодец. Говоришь, целую ночь работал? Остальные, видимо, тоже.

И он похлопал по подаркам-папкам сотрудников нашего отдела...

– Мы же почти план догнали. Хороший подарок!

– Такой уж день сегодня, – покачал я головой и добавил. – Раз в году бывает.

1978 г.

Как сократили репку

Беда, как известно, приходит неожиданно-негаданно. Так вот случилось и с этим трудовым коллективом. Работа была у них хорошая, хотя и физическая. А именно: тянули репку. И дедка, и бабка, и внучка, и четвероногие друзья. Хороший, творческий, ладно сбитый коллектив. И все-таки тянут-потянут – вытянуть не могут.

Заволновалось руководство цеха. Как же так: им штаты раздуваешь – и кошку, и мышку в прорыв бросили. Сколько можно страдать из-за неправильной организации труда целому цеху. Пошла резолюция в бригаду: «Перестроить технологию производства и для стимулирования творческого подхода к проблеме занятости сократить штат на одну единицу».

Трудно было читать эти строки и знатному бригадиру, заслуженному наставнику молодежи дедке, и целеустремленной профсоюзной активистке бабке, и молодому специалисту, уже познавшему радость совместного труда, внучке. О четвероногих и говорить не приходится. Сникли они как-то. Хорошая работа была у них. До обеда разок потянут и после одного – парочку. А репка, знай себе, сидит, как вкопанная. Тянут-потянут – и на бочок. Репка сидит, работа стоит, а в тарифную сетку “золотые рыбки” сами плывут.

Надо ли говорить, как расстроила всех эта директива руководства цеха. Шутка сказать – сократить единицу, когда вместе проработали не один год.

– Что же делать? – произнес дедка и тяжело задумался. – Каждый из вас мне по-своему дорог, каждый вкладывал всю свою энергию, волю, характер в любимое дело. Сократить одного – это значит отрубить самому себе палец на руке...

Долго думал дедка. Наконец, сказал:

– Есть выход. Сократим репку. Все равно от нее нет никакого толку.

На том и порешили. И всем от этого стало только хорошо. Цеху – потому, что, несмотря на сокращение штатов, производственные показатели остались на прежнем уровне. Бригаде – вообще отпала забота тянуть репку.

Говорят, с тех пор живут они мирно и дружно. Каждый делает свое дело, отвечает за порученный участок работы. И руководство цеха, и бригада.

1979 г.

Весомый аргумент

– Говорю вам совершенно серьезно: на “Спартак” сегодня уже никто не ставит, – сказал Кошкин и с вызовом посмотрел на нас с Ершовым.

– А ты знаешь, во что тебе может обойтись подобная реплика, – с трудом сдерживая себя, ответил ему Ершов. Когда-то он занимался в детской спортивной школе “Спартака” и сейчас очень дорожил этим. Я болел за “Динамо”, поэтому совершенно спокойно пропустил выпад Кошкина мимо ушей.

– Мне не интересно – во что это может обойтись. Но то, что я сказал, точно. “Спартак” сегодня не потянет и на вторую лигу, – сказал Кошкин и нагло улыбнулся.

Я испугался за Ершова, поэтому быстро встал из-за стола и стал между ними. По глазам Ершова я понял, что взрыв назрел.

– Успокойся, – сказал я ему. – Ты же знаешь, что Кошкин ничего не смыслит в спорте. Зачем же тогда так волноваться?

– Отойди, – процедил сквозь зубы Ершов, крепко обхватив руками массивный чернильный прибор. – Отойди, ты мне мешаешь. Из-за тебя я могу промахнуться.

За моей спиной раздался иронический смех Кошкина:

– Ты бы лучше думал о том, как помочь любимой команде, чем целиться неодушевленными предметами в своих сослуживцев.

Ершов как-то сник и поставил чернильный прибор. Затем виновато посмотрел на меня и сказал:

– Я его все равно убью. Сегодня после работы.

– Только в мое отсутствие, – ответил я ему и вновь сел за свой стол.

– Я часто думаю, что болельщики “Спартак” – это очень недалекие люди. Они болеют за команду, которая живет своим знаменитым прошлым, но не настоящим, – почти крикнул Кошкин и с видом победителя откинулся на спинку стула.

Я посмотрел на Ершова. Он опустил голову и сжал кулаки. Затем энергично встал и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Минут пять мы молчали. Затем Кошкин зевнул и сладко потянулся.

– Сколько еще до обеда, Поливинилов? – спросил он меня.

– Минут тридцать, – ответил я, погруженный в свои мысли.

– Да-а, еще долго, – задумчиво сказал Кошкин и через минуту добавил. – А знаешь что, Поливинилов? ... Скажу тебе серьезно, на “Динамо” сегодня тоже никто не ставит.

Я оторвался от своих мыслей и посмотрел на Кошкина:

– Ты серьезно?

– С полной ответственностью.

Я встал и направился к двери нашего шефа.

– Ты куда? – спросил меня удивленный Кошкин.

– К шефу. Он тоже болеет за “Динамо”.

– Не надо, – сказал Кошкин, и улыбка медленно сползла с его лица. – Я не знал. Я пошутил.

Я взялся за ручку двери.

– Честное слово. Я больше не буду, – едва ли не плача сказал Кошкин и приложил руку к сердцу...

Спортивная тема была исчерпана.

1979 г.

Цена мгновения

С Катапультовым мы столкнулись совершенно неожиданно на автобусной остановке. У него был чрезвычайно озабоченный, деловой вид. Как, впрочем, и у меня.

– Как поживаешь? – спросил я озабоченным голосом, как и положено старому-старому товарищу, бывшему однокласснику.

– Тянем свою ношу, – спокойно отвечает мне Катапультов. – Вертимся в круговороте людей, событий, фактов. А у тебя как? Как работа, коллектив? Сколько жалованья кладут?

– Скажу тебе честно, трудная у меня работа, – говорю я, многозначительно кивая головой и поглядывая на часы. – Что называется – ответственная. Каждое слово – на вес золота. Сам, наверное, знаешь, как нам, руководящим работникам приходится.

– Знаю, – глухо отвечает Катапультов и в согласии тоже кивает головой. – Сам в таком же положении. Столько дел, столько дел, хоть «караул!» кричи.

– Вот-вот, прямо некогда за собственное самообразование взяться, или как-то устроить свободное время. Собственно, даже проблемы нет такой. Просто нет такого времени.

– Тяжело, – задумчиво и с некоторой усталостью в голосе говорит Катапультов. – Век такой. Скорости возрастают. Подчас все решают секунды.

– Дорога нынче цена мгновения, – замечаю я. – А ведь дальше – больше. Мир развивается, совершенствуется.

– Точно, старик, – соглашается со мной Катапультов и дружески предлагает. – А что? Может пойдём – за встречу. По хуленькой. Здесь, кстати, рюмочная недалеко.

Хороший человек – Катапультов. Я бы сказал, душевный. Умеет прикоснуться к самым нежным струнам в душе своих друзей.

– Пойдем, – говорю я и снова смотрю на часы. До обеда еще целых полтора часа. Так что времени, думаю, хватит.

1979 г.

Рационализаторское предложение

Утром я пришел на работу слегка возбужденным.

– Коллеги, можете делать со мной все, что угодно, но такого я еще не видел, – сказал я и обвел всех загадочным взглядом. – Я понял, что мир воистину неисчерпаем. И все благодаря ему – Рубенсу.

Котелков покачал головой и спросил:

– Ты это серьезно?

– Можете сами в этом убедиться, – говорю и достаю из кармана небольшой бумажный пакетик.

– Что это? – подозрительно глядя на меня, спросил Кошкин.

– Рубенс, – отвечаю.

– Не понял, – сказал умный Ершов и даже встал из-за своего рабочего стола.

– Что тут не понимать? Все просто. Пошел вчера я на выставку в наш музей изобразительного искусства. Хожу, смотрю, можно сказать, люблюсь. Особенно мне понравилась одна картина, где женщина изображена, мягко говоря, не очень одетая. Захотелось мне разобраться, где это в наше время можно такую натуру найти. Наклоняюсь к подписи – мамочки мои! – это же пять веков назад нарисовано... Чувствуете? – говорю и вопросительно смотрю на всех.

– Да хоть бы и десять, нам-то какая с того польза? – отвечает Кошкин и собирается снова уткнуться в свой чертеж.

– А вот такая польза. Присмотрелся я к этим краскам. Пять веков, а все равно что только вчера в магазине куплены. Тут уж я не выдержал. Соскоблил с уголка холста немного этой самой лакокрасочной продукции, – говорю и разворачиваю перед всеми бумажный пакетик. – Я ведь думаю, что на этом деле

можно хорошее рационализаторское предложение сделать, если установить состав краски. Это же отделочные работы на объектах наш трест мог бы раз в сто лет делать. Я здесь даже экономию прибростил – миллионы рублей. А качество отделки? Мы же ее таким образом до мирового уровня доведем.

Ершов не выдержал и подошел ко мне вплотную. Смотрел на меня долго и внимательно, потом сказал:

– В таком случае Рубенса надо включать в соавторы рацпредложения...

– Получается, что надо, – согласился я.

– Тогда возникает вопрос с его ныне живущими родственниками. Как они получают свою долю премии за внедрение этого рационализаторского предложения, если живут за пределами нашей страны? – вклинился в разговор Котелков.

– Надо будет запрос в министерство иностранных дел направить, – подключился к обсуждению злободневного вопроса Кошкин.

– А вы уверены, что наш начальник – товарищ Лепестков – такой запрос подпишет? – своим вопросом умный Ершов опустил нас на грешную землю.

– Да-а, это, пожалуй, самое сложное во внедрении такого рационализаторского предложения, – согласился я и крепко задумался...

1979 г.

Ох, уж эти строители!

– Что-то не верю я в эти стены, – сказал Прохор, обводя недоверчивым взглядом свою новую квартиру. – Так все и блестит. Они думают, нас блеском обманешь. Не спеши, Марья, с баулами. Не всякое золото, что блестит... Сначала посмотрим...

Прохор осторожно прошелся по комнате.

– Ишь, пол как зеркало. Думают, я в него смотреться буду. А если у меня для этого настоящее зеркало есть...

Он подошел к стене и осторожно постучал.

– Прямо как каменная. Думают, нас этим возьмешь. А куда я гвозди для ковров вбивать буду? А?

Он еще с минуту постоял, прислушиваясь.

– Ничего не слышно... Ну, и работнички... Случись пожар – никого ведь не дозовешься. Сама сгоришь, и вещи сгорят... Марья, не спеши с баулами, слышь? Не нравится мне все это...

Прохор заглянул в ванную и открыл горячую воду.

– Вот те раз, не успел вселиться, уже и горячую воду дали. Они думают, меня этим кипятком проймешь. А о том, что у меня в семье есть малые дети, которые ошпариться могут, никто ведь не подумал...

Он прошел на кухню.

– Что за планировка? Что у меня здесь, целая футбольная команда обедать будет, что ли? Смотри, Марья, смотри... Сколько тебе от плиты до холодильника ходить придется – пять метров.

Прохор подошел к окну.

– Это такое окно?... Они думают, что мало электрического света будет... Одного не пойму, зачем в жилом доме такие окна.

Что я на улице не видел? Зеленых насаждений? Они думают, если кругом лес, так это и хорошо? А это еще что такое?

Проход достал из кухонного стола медную дощечку.

– Что это они здесь написать удумали? Что-о? Государственная комиссия приняла этот жилой дом со Знаком качества?... За что, спрашивается? ... Ох, уж эти строители... Не спешите, Марья, с баулами... Что-то здесь не так!

1979 г.

Эксперимент

После обеда к нам пришел шеф и сказал:

– Такое дело, ребята. Здесь у нас проводятся социологические исследования. На вашем бюро решено поставить один из самых интересных экспериментов.

– Доигрались, – тихо сказал Котелков и обхватил голову руками. – Теперь влипли.

– Не стони, – также тихо ответил ему Кошкин. – Не так-то легко нас съесть...

– А в чем суть эксперимента? – заинтересованно спросил умный Ершов.

– Сотрудников социологической лаборатории интересует, чем вызвано падение производительности труда у инженерно-технических работников. Вам будет дано задание: на протяжении времени, пока будет ставиться эксперимент, вы должны ничего не делать... Я правильно излагаю, Сергей Трофимович? – шеф повернулся к человеку в очках, с которым пришел.

– Именно так... Я только хочу добавить, что в вашем бюро мы установим скрытые камеры, которые будут фиксировать каждое ваше движение. Тем самым мы получим бесценный научный материал для выработки рекомендаций остальным отделам. Можете не беспокоиться, камеры будут установлены так, что вы их абсолютно не заметите, и они не будут отвлекать ваше внимание от выполнения поставленной задачи. А сейчас вам просто надо выйти из комнаты на тридцать минут.

– Влипли, – сказал в коридоре Котелков, и впервые за долгое время работы лицо его приняло задумчивый вид.

– Что ты беспокоишься? – спросил Кошкин. – Это же просто отличный эксперимент – ничего не делать...

– Нет, – решительно сказал умный Ершов.– В этом, безусловно, что-то есть. Как ты думаешь, Поливинилов?

Я пожал плечами. Трудно привыкнуть к такому шефу, который любит загадывать своим подчиненным разного рода головоломки. То проект производства работ даст разработать, то сетевичок. Словно мы здесь для этого сидим. А если и для этого, то это еще ничего не значит. Не нравится, как сидим, мы можем сидеть и в другом месте. Специалисты, они нынче везде нужны...

...Минут сорок мы шарили глазами по комнате.

– Да, умеют работать, – с восхищением сказал Ершов. – Ничего не вижу.

– Влипли, – прошептал Котелков и запечалился.

Еще минут тридцать мы молчали. Первым не выдержал Кошкин.

– Не могу я так, – надрывно крикнул он и виновато посмотрел на нас. – Нельзя человеку без дела. Хоть умри. Нельзя. Ни в шахматы поиграть, ни кроссворд разгадать. Да что же это за жизнь?

– Что бы это делать, чтобы ничего не делать? – медленно проговорил Ершов.

Мы тяжело задумались.

– Эврика! – крикнул повеселевший Кошкин и вытащил из своего стола арифмометр. – От безделья хоть отчет начну.

– Правильно, – сказал умный Ершов и достал папку для бумаг. – Нечего делать, значит нечего. Хоть пару ответов напишу заказчикам. Заждались, поди.

Котелков достал недавно присланный проект новой технологической линии и принялся за проверку экономических

показателей. Мне тоже делать было нечего, и я взялся за составление сетевого графика.

1979 г.

ЭКОНОМИЯ

– Да, товарищи, говорим мы об экономии, пытаемся сами в проектах сберечь как можно больше материалов, а бревна в своем глазу и не замечаем, – сказал Иван Николаевич Лепестков, наш шеф, зайдя к нам в кабинет и заметив зажженную электрическую лампочку.

– Действительно, проморгали мы как-то своевременно выключить, – быстренько сказал умный Ершов, предварительно прикрыв руками новый детектив.

– Заработались, – жалобно добавил Котелков, дрожащими руками пряча между папок кроссворд.

– Дела, дела, – пробурчали мы с Кошкиным в унисон, задвигая шахматную доску в ящик стола.

– Не надо оправдываться, – строго сказал Лепестков и снова ткнул пальцем в сторону лампочки. – Делу этим не поможешь

Мы тоже посмотрели на горящий источник света.

– Знаете ли вы, сколько денег вот таким образом летит на ветер, тратится впустую? – Лепестков обвел всех нас внимательным взглядом. – Миллиарды рублей... Представляете, миллиарды. И все из-за того, что кто-то проморгал, кто-то не заметил, кто-то заработался. Не воспитываем мы в себе еще, как следует, чувство хозяина, а это очень плохо.

Лепестков на секунду смолк, затем подошел вплотную к Котелкову.

– Вот вы! Оставляете зажженным свет дома, когда уходите на работу?

– Нет, – ответил Котелков и виновато опустил голову.

– А вы? – Лепестков указал на нас с Кошкиным.

– Тоже нет, – ответили мы в унисон и тоже опустили головы.

– А вы? – Лепестков подошел к Ершову.

– Оставляю, – спокойно, выдержав взгляд шефа, ответил Ершов. – Потому что жена уходит позже меня.

– Это не меняет сути, – парировал Лепестков и, уже обращаясь ко всем нам, добавил:

– Вот видите, как получается. А ведь каждый из вас мог проявить такую ценную инициативу сегодня и здесь, на работе... Да-а, честно говоря, не ожидал от вас такого.

Посмотрев на часы, Лепестков вышел из нашего кабинета. В дверях он обернулся и, снова тыча пальцем в направлении горящей лампочки, сказал:

– Надеюсь, что это в последний раз.

Мы утвердительно кивнули.

Шеф ушел.

– Смотри ты, такая маленькая, а сколько денег жрет, – задумчиво произнес Котелков, глядя на лампочку. Затем встал из-за своего письменного стола, подошел к выключателю, пару раз щелкнул им и снова включил лампочку.

– Миллиарды! – и он направился опять на свое рабочее место.

Но мы его уже не слушали. Дел-то – по горло!

1979 г.

Телепатия

Случилась эта история вчера. После обеда мне позвонила жена и сказала, что задержится в институте. Вот я и предложил тогда Макушкину, своему сослуживцу, пойти сразу после работы на концерт. Билеты ведь у меня остались. Не пропадать же им зря.

Короче, пришли мы с Макушкиным в филармонию, сели на свои места, разговорились. Затем я, окинув взглядом зал, показал Макушкину лысоватого мужчину, сидевшего рядов через пять впереди нас:

– Видишь этого лысого. Так вот, он сейчас достанет расческу и начнет полировать свой череп.

Макушкин весело улыбнулся и ответил:

– Ну, ты, Поливинилов, остряк. Вечно что-нибудь выдумашь.

– А ты смотри, смотри.

Действительно, не успел я это сказать, как тот, с лысиной, полез в карман и достал расческу.

У Макушкина отвисла челюсть. Минуты две он молча наблюдал за полировкой, затем снова повернулся ко мне:

– Слушай, как ты узнал?

– Э-эх, это еще что, – вздохнул я, отечески похлопав Макушкина по плечу, и указал на даму, сидевшую ряда через два сразу за нами. – Сейчас начнет жаловаться мужу, что здесь духотища, нечем дышать и что вообще отсюда уже пора уходить.

Макушкин осторожно повернул голову, чтобы посмотреть, но еще раньше мы услышали женский голосок:

– Анатолий, это невозможно. Я просто задыхаюсь от жары...

Удивлению Макушкина, наверное, не было предела. Он разглядывал меня, словно видел впервые.

– Слушай, Поливинилов, ты же телепат. Тебе же в цирке работать.

– Эх, браток, – снова усмехнулся я. – Вот что значит быть знакомыми только по работе. Ничего друг о дружке толком не знаем.

– Это точно, – согласился со мной Макушкин. – Но ты, Поливинилов, меня удивил, честное слово. Иметь такую потрясающую способность и никому об этом не говорить.

– А-а, – махнул я рукой. – Ерунда это все, мелочи...

Здесь стал постепенно гаснуть свет. На сцене появился конференсье, но я, наклонившись к Макушкину, еще успел прошептать:

– В середине первого отделения наши соседи справа устроят семейнузю сцену, не сойдясь в оценке одного из исполнителей. В антракте они встанут и уйдут домой. Впереди сидящая женщина будет то и дело оборачиваться к нам и спрашивать, что сказал конференсье, а мужчина, сидящий позади нас, скоро уснет и начнет тихонько подхрапывать в такт исполнителям, пока его не растолкают, после чего он опять уснет...

Надо ли говорить, что именно так все и произошло. А сегодня Макушкин с самого утра сидит на телефоне и обзванивает всех знакомых. В нашем отделе – не протолкнуться. Пришла новая экскурсия из механических цехов. Кто-то пересказывает мою биографию. А я, глядя на все это, сижу и думаю, как все-таки просто стать знаменитым, стать телепатом. Достаточно сводить товарища по работе на концерт по

абонементу, по которому ходишь в филармонию уже добрых
полгода.

1979 г.

Шляпка

Шляпка была замечательной. Это Маргарита Васильевна поняла еще вчера в магазине, когда просила завернуть покупку. Но только сегодня утром перед уходом на работу, еще раз оглядев себя в комплексе со шляпкой в зеркале, Маргарита Васильевна почувствовала, какой удар она подготовила всему отделу. Вот достойный ответ на туфли Полины Андреевны, кофточку Валентины Николаевны, пальто и зонтик Галины Матвеевны, помаду и пудру Ларисы Викторовны, чулки и юбку Анны Ивановны, сапожки Людмилы Александровны...

С чувством боксера, посылающего соперника в глубокий нокаут, вошла Маргарита Васильевна в помещение отдела.

В отделе было необычно тихо. Тишину нарушал только сухой треск переносных электронно-вычислительных машинок, да легкий скрип перьев.

– Здравствуйте, Маргарита Васильевна! Как хорошо, что вы уже пришли. Мне как раз понадобились объемы накладных расходов, которые вы просчитывали вчера.

Маргарита Васильевна с удивлением посмотрела на своего непосредственного начальника Валентину Николаевну. Нет, ничего не изменилось. Кофточка, как всегда, была на ней.

– Хорошо, одну секундочку, – Маргарита Васильевна сняла пальто, чуть-чуть поправила шляпку и направилась к своему рабочему месту.

– Маргарита Васильевна, вы не помните, куда мы забросили отчет по новой технике и статистические данные к нему? – с озабоченным лицом подошла Анна Ивановна.

– Они у меня, – ответила Маргарита Васильевна и протянула материалы.

Анна Ивановна с упоением перелистала папку, делая отметки на полях. Затем, подняв глаза на Маргариту Васильевну, равнодушно скользнула взглядом по шляпке, задумчиво произнесла:

– Да-а, уроки прошлого квартала должны нас сейчас многому научить... Сколько ошибок все-таки было допущено в планировании... А что это вы шляпку не снимаете, Маргарита Васильевна? Жарко ведь. А-а, понимаю, понимаю, простудились...

– Да нет, просто забыла, – как-то неестественно – то ли испуганно, то ли от холода – пожала плечами Маргарита Васильевна. – Столько дел.

– Да, да, – понимающе кивнула головой Анна Ивановна. – Не забудьте, в одиннадцать тридцать летучка у начальника отдела...

Маргарита Васильевна почувствовала, как внутри у нее что-то оборвалось, тихо-тихо защемило сердце, в ушах зазвенело.

...Нажав на кнопку будильника, Маргарита Васильевна потянулась за валидолом. Сердце продолжало бешено колотиться.

– Мамочки, может же такой страх присниться, – проговорила она самой себе и посмотрела на вчера купленную шляпку, лежавшую на столе. – Наяву и представить невозможно что-то подобное...

1979 г.

Засыхают...

Я думал над своим ходом уже минут десять. Нетерпеливо поглядывая то на меня, то на шахматную доску, Кошкин, наконец, не выдержал. Он встал, достал сигареты, закурил. Затем прошелся по рабочему кабинету, подошел к окну и уткнулся в него лбом.

– Ты смотри, что делается, – сказал он, глядя на улицу. – Засыхают... Совсем мы о природе не думаем.

– Ты о чем? – оторвавшись от детектива в «Огоньке», спросил Ершов.

– О чем? ... Да вон, о тополях. Листьев почти не видно. Позасыхали. Дым, копоть кругом... А ведь то же самое будет скоро и с нами, – не отрывая грустного взгляда от деревьев, тихо продолжал Кошкин.

– Ну-у, это ты загнул – скоро, – усмехнулся Ершов. – На наш век воздуха хватит.

– А ты посмотри, сколько понастроили, – не унимался Кошкин.

Я тоже на секунду оторвался от шахмат и посмотрел в окно. Панорама открывалась действительно впечатляющая. Несколько труб соседних заводов сейчас, в середине рабочего дня, «трудились» во всю.

– Хоть бы фильтры какие поставили, что ли? Так и дымит все, – Кошкин вдруг взмахнул кулаком, грозя трубам. – У-ух, моя бы воля, я бы с вами живо разобрался!

Тут у нас зазвонил телефон. Не поднимая головы от журнала, трубку снял Ершов:

– Тебя, Кошкин. Опять эти, из стройуправления...

– Ох, и надоели они мне, – сказал Кошкин и нехотя подошел к телефону. – Слушаю... Та-ак! Сколько раз вам

повторять, очистные установки в этом проекте не предусмотрены. Этот вопрос мы уже давно согласовали с заказчиком. Ну? Так что вам еще надо?... Природа? Я такого ответственного лица не знаю, а лишнюю работу делать не собираюсь. И вам не советую!

Он положил трубку и рассмеялся:

– Ну и народец, вечно им что-то подавай... Искать работу другим – все мастера. Только со мной у них это не пройдет.

Затем он посмотрел на меня?

– Ты еще не ходил, Поливинилов?

Я, углубленный в позицию, отрицательно качнул головой.

– Ну-ну, думай-думай, – сказал Кошкин и снова подошел к окну. Опять лицо его стало грустным.

– Засыхают, хоть «караул!» кричи, засыхают, – шептал он, глядя на тополя. – Да разве кто услышит?

Деревья действительно засыхали.

1979 г.

Жалоба

– Товарищи, попрошу внимания! – сказал Ершов, активист нашей первичной профсоюзной организации. – В местный комитет поступила жалоба от товарища Котелкова на товарища Кошкина. Суть ее заключается в следующем: Кошкин во время исполнения служебных обязанностей оскорбил Котелкова. Поскольку оба названных товарища работают в нашем отделе, жалоба передана нам месткомом треста для рассмотрения на профсоюзном собрании отдела.

– Да-а, негативный момент, – озабоченно сказал наш начальник Лепестков. – Еще один камень в наш огород на предстоящем профсоюзном собрании треста. Тебя действительно оскорбили, Котелков?

Котелков встревоженно встрепенулся, но ответил гордо:

– Даже не один раз. Я постоянно подвергаюсь нападкам этого человека.

– А тебе что от него надо, Кошкин? – спросил Лепестков, еще раз просматривая жалобу.

– Борьба с мещанством и его представителями – мое жизненное кредо, – спокойно ответил Кошкин, давая интонацией понять мощь своих жизненных принципов.

– Хорошее кредо, – заметил Лепестков и посмотрел на нас с Ершовым. – А ваше мнение каково?

– По-моему, Кошкина пора остановить, – сказал Ершов. – Он слишком...

– А по-моему, у него хорошее, правильное кредо, – возразил я запальчиво.

– Мне нравится, как вы думаете, Поливинилов, – глубокомысленно высказался Лепестков. – Чувствуются задор, энтузиазм молодого специалиста.

Я мысленно пожал себе руку.

– Меня волнует другое, товарищи, – продолжил я. – Как вы можете смотреть мимо такого печального факта. У нас в коллективе выискался кляузник. Можно сказать, вырос на наших глазах.

– Не говорите так, Поливинилов, – попробовал строго оборвать меня Ершов. – Вы же не знаете сути дела.

– Я не знаю сути дела?... Ну и что? А вы можете себе представить на месте нашего уважаемого Ивана Николаевича Лепесткова, когда на первом же профсоюзном собрании треста ему при всех кинут в лицо эту бумажку.

– У вас великолепная логика, Поливинилов, – сказал Лепестков. – А вот вашей позиции, товарищ Ершов, я немного не понимаю. И это несмотря на то, что вы – старший инженер нашего отдела.

Было заметно, как эти спокойные слова шефа сбили спесь с Ершова.

– Итак, какие будут предложения? – громко объявил Лепестков и обвел всех пристальным взглядом.

– Мое мнение такое, – окончательно осмелев, сказал я и встал. – За непонимание товарищеской устной критики, ее игнорирование объявить товарищу Котелкову выговор и указать на его нехорошую страсть к чуждой всем нам саморекламе в масштабах треста.

– Превосходно сформулировано, – сказал Лепестков и, перегнувшись через стол, пожал мне руку. – Какая афористичность мысли!

– Итак, кто против? – подвел итог шеф.

Руку поднял один Котелков. Но затем, подумав, опустил.

– Прошу вас, продолжайте, – сказал Лепестков, обращаясь к Ершову.

– Итак, рассмотрение жалобы от товарища Котелкова на товарища Кошкина можно считать законченным.

– Все свободны. Обед. Время – деньги, – добавил Лепестков.

И мы, дружно поднявшись из-за стола, вышли из кабинета начальника.

1980 г.

Шахматы

Хвалиться не буду, но скажу прямо – в шахматы я играл прилично. По крайней мере, у нас в отделе равных мне не было. Исключая, разумеется, нашего шефа, с которым по соображениям тактического характера я не торопился садиться за шахматную доску. Вы спросите, почему я говорю о своем увлечении шахматами в прошедшем времени? Да потому, что с недавних пор предпочитаю этой игре древних другие занятия. И вот почему...

Случилось это месяца два назад. Освободилась у нас в отделе должность начальника бюро. Вот тогда-то и пришла мне в голову идея сыграть в шахматы с нашим шефом. А что? Место хорошее, с неплохой заработной платой. Так что цель оправдывала средства.

Конечно, проиграть такому шахматисту, как наш начальник, трудно, но что делать. В жизни иногда надо уступить в малом, чтобы получить в большом. Вот таким образом и оказались мы с Иваном Николаевичем Лепестковым за одним шахматным столиком. В обеденное время, естественно.

– А ведь я о вас, Поливинилов, уже наслышан, – сказал с улыбкой шеф, делая первый ход белой королевской пешкой. – Говорят, вы у нас в отделе чемпион. Только медали не хватает.

– Слухи, Иван Николаевич, слухи. Про ваши шахматные способности у нас тоже немало рассказывают, – говорю и наблюдаю, куда первое зернышко упадет.

– Ну, уж так и говорят? – бурчит Лепестков, едва скрывая удовлетворение от моих слов. Чувствую, почва благодатная, должны быть всходы.

От слов перехожу к делу. Серией ходов подставляю по удар «вражеских» фигур сначала слона, затем – коня. Вижу,

зернышко начинает прорастать буквально на глазах. С нескрываемым удовлетворением шеф забирает мои «подарки» и, вытирая носовым платком выступивший на лбу пот, как бы, между прочим, спрашивает:

– Кстати, сколько вы сейчас получаете?

– Оклад старшего инженера, – отвечаю и мысленно жму себе руку.

– Да, вашим способностям необходимо более солидное материальное обеспечение, – говорит Лепестков, забирая очередной «подарок».

До сих пор не понимаю, что меня дернуло в этот момент углубиться в шахматную позицию, возникшую на доске. Проигрывал я к тому времени уже солидно: три фигуры и несколько пешек. Но вдруг вижу – мамочки, да мне позавидовал бы сам Таль – редкостную по красоте атаку на белого короля, причем самыми малыми силами – конем и пешкой. Здесь меня и понесло.

Увлечшись атакой, я перестал поливать зернышко, которое уже было превратилось в крепкий росток. Самое интересное, что шеф тоже увлекся моей комбинацией. С восхищением следил он, как я минимумом фигур сковал его силы.

Когда до моей победы оставался один-единственный ход, я опомнился. «Все, все насмарку», – понял я. Что меня могло спасти в такой ситуации? Вы, наверное, уже догадались, что я сделал. Конечно, передвинул своего ферзя прямо под удар белого слона.

– Жаль, – забирая мою фигуру, сказал Лепестков, и в его голосе действительно послышались нотки сожаления. – Такая прекрасная комбинация и такой печальный финал.

– Зевнул... Увлёкся, – попытался оправдаться я.

– Да-а, не довели дело до конца... Экий вы увлекающийся, – проговорил шеф, уже пристально глядя на меня. – Чувствуется непоследовательность в характере... А мы к вам, честно говоря, присматривались, метили на новую, более высокую должность. Да, видимо, рановато... Жаль!

Такая история. С тех пор я и остыл к шахматам, хотя разбирался в них когда-то очень прилично.

1980 г.

Тост

Нет, что бы там ни говорили вышестоящие товарищи, а мне наш отдел нравится. Народ у нас подобрался веселый, общительный, крепкий. Даже о начальнике трудно что-то плохое сказать. Ну, посудите сами. В первый апрельский, который оказался рабочим, день он заглянул в наш кабинет – инженеров отдела – и первым предложил:

– Считаю, ребята, что пришла пора сдвигать столы. Иначе, боюсь, за работой и праздник зевнуть можем, – и улыбнулся.

Мы в ответ раскрыли рты, но тут же закрыли. У нас ведь все уже давным-давно готово, остались частности – консервы открыть, стаканы помыть, хлеб нарезать. Так что долго нас ждать не пришлось.

Но самое интересное началось за праздничным столом, когда шеф вынес из своего кабинета две бутылки шампанского и весело потряс ими над головой.

– Во, дает, – тихо удивился Котелков и вопросительно посмотрел на остальных.

– Главное – спокойствие, – ледяным тоном также тихо ответил ему Кошкин и первым вскочил встречать шефа. – Вы, Иван Николаевич, сегодня должны быть нашим добрым волшебником. У вас такие замечательные подарки.

– А что? – засмеялся Лепестков и озорными глазами посмотрел на нас. – Какой день смеха без такого волшебника обойдется? Очень даже могу.

Он откупорил шампанское и стал быстро разливать его по стаканам.

– Первый тост – за добрым волшебником, – выкрикнул Ершов, активист нашей профсоюзной организации, и мы его дружно поддержали.

Лепестков опять заулыбался, обвел всех теплым взглядом.

– Давайте выпьем за то, чтобы после этого дня смеха исполнились все наши мечты, даже самые фантастические и несбыточные.

– Ну-у, так не бывает, – сказал Котелков и опустил стакан.

– Не бывает, значит, будет, – упрямо ответил ему Лепестков. – В конце концов, если не верите мне как начальнику отдела, поверьте волшебнику – он ведь добрый, все может... Вот какое у вас, Котелков, есть конкретное несбыточное желание?

– Можно, сначала я? – запрыгала вдруг Лидочка-машинистка.

– Хорошо, давайте начнем с вас, Лида.

– Знаете, о чем я мечтаю, добрый волшебник? Чтобы наш начальник повысил мне оклад. Немного, рублей на двадцать, – игриво сказала Лидочка, но на Лепесткова посмотрела совершенно серьезно.

– Ничего несбыточного в этом желании нет. Ваш начальник уже давно заметил, как выросла ваша квалификация, – ответил Лепестков тоном, не оставляющим сомнений, что говорится это всерьез. – И, как волшебник, могу обещать, что после дня смеха к вашей зарплате прибавится пятнадцать рублей. Больше, извините, не полагается по штатному расписанию.

– Вот здорово! – закричала Лидочка и залпом осушила шампанское.

– А график отпусков изменить в силу доброго волшебника? – осторожно спросил Котелков. – Чтобы передвинуть меня с ноября на июль?

– Конечно, – ответил Лепестков и достал записную книжку. – Поменяетесь местами с Поливиниловым. Ему, как

молодому специалисту, думаю, нетрудно будет согласиться на это.

Все посмотрели на меня.

– Конечно, конечно, – пожал я плечами и тоже залпом опорожнил стакан.

– Кто следующий? – спросил Лепестков.

– Я, – сказал Кошкин и стыдливо добавил. – Недавно у нас в отделе освободилась должность старшего инженера, дорогой волшебник...

– Да, товарищ Кошкин, я могу вам с полной определенностью сказать, что ваша кандидатура рассматривается начальником отдела как наиболее вероятная для заполнения этой вакансии. Как добрый волшебник могу добавить, что сразу после праздника начальник отдела вызовет вас для собеседования и оформления необходимых бумаг.

– Свершилось! – едва ли не на всю мощь своих легких крикнул Кошкин и обнял рядом стоявшего с ним Ершова.

– Ну, если сегодня день исполнения самых фантастических желаний, то, может быть, и моя мечта не останется без внимания, – сказал Ершов. – Есть у меня, уважаемый добрый волшебник, авторское свидетельство на изобретение, полученное два года назад. Как получил я его, так и положил в долгий ящик. И ни слова с тех пор не услышал от начальника нашего о внедрении. Чем черт не шутит, может, после дня смеха внедрим. Дело ведь выгодное, с хорошим экономическим эффектом...

– Черт такими вещами не шутит. И волшебник тоже, товарищ Евршов, – ответил Лепестков и озабоченно почесал затылок. – Да только и им такое не под силу. Волшебство волшебством, а фонды фондами.

– Жаль, – сморщился Ершов.

– Ничего, – бодро сказал Лепестков. – Исключения только подтверждают правила. Так что будем считать вашу неосуществленную мечту явлением закономерным.

– Бум, – глухо отозвался Ершов.

Тост был исчерпан.

1980 г.

Интервью

– Вы, наверное, из газеты? – спросил Иван Николаевич Лепестков, крупный мужчина с лысиной, взглянув на вошедшего в кабинет молодого человека в очках. Тот согласно кивнул головой.

– Помню, помню, звонили... В таком случае – здравствуйте, – Лепестков поднялся из-за стола и протянул руку для приветствия. – Будем знакомы. Начальник отдела. Присаживайтесь

Затем быстрым движением он достал из своего стола бутылку минеральной и два стакана.

– Так, что вас интересует? – спросил Лепестков, разливая воду по стаканам.

Не ожидая такой стремительности, корреспондент смущенно пожал плечами.

– Хотелось бы познакомиться с вашим опытом работы... Работы с людьми... Как-ккак вы на этой должности не один год. И все люди, люди... Есть, наверное, о чем вспомнить? А?

Лепестков осторожно потрогал затылок, измерил корреспондента оценивающим взглядом.

– А вы сами, что думаете по этому поводу?

– Ну-у, – не нашелся сразу корреспондент. – Конечно, люди – не станки. С ними труднее.

Лепестков улыбнулся, заметив замешательство молодого человека.

– Вот видите, сами с людьми работаете, а сформулировать сразу не можете, – он дружески подмигнул корреспонденту. – Хорошо, постараюсь вам рассказать о секретах профессии руководителя.

Лепестков на минуту задумался, затем, хитро прищурившись, сказал:

– Я, знаете ли, в людях личность ценю. Очень ценное качество, скажу я вам.

– Интересно, – воскликнул корреспондент и уткнулся в блокнот, записывая.

– Да-а. И уже, исходя из этого, определяю свой стиль работы... Главное, как вы понимаете, распознать в человеке эту самую личность, не ошибиться. Ошибка в работе с людьми подобна плохой покупке: сделал, а назад уж не вернуть. Расхлебывай сам.

– Оригинальная концепция, – прокомментировал корреспондент. – Вокруг этого можно хорошую статью сварганить.

– Ну, это еще не все. Помимо интуиции, нужны обширные знания. Понимание основных законов психологии, логики, социологии...

Здесь в кабинет неожиданно заглянула секретарша Лепесткова – Лидочка.

– Иван Николаевич, посетитель к вам. Этот, вчерашний.

– ... философии, политэкономии... Одну секундочку, – начальник посмотрел на секретаршу. – Давно мается?

– Уже второй час.

– Ладно, запускай его сюда... Вы уж извините, – сказал Лепестков мягким голосом, обращаясь к корреспонденту. – Работа такая. Трудно даже часик выгадать для спокойной беседы.

– Что вы, что вы, – быстро ответил молодой человек, захлопывая блокнот. – Я с удовольствием подожду. Мне спешить некуда.

– Ну, и прекрасно, – задумчиво произнес Лепестков. Затем он встал из-за стола, скинул пиджак на спинку стула, засучил рукава рубашки и, набрав в легкие побольше воздуха, задержал дыхание. Лицо его стало постепенно наливаться краской, на щеках проступили кроваво-багровые пятна...

Вошедший был щуплым человечком с несколько деформированным от страха лицом.

– А-а!... Опять вы, – злорадно улыбнулся Лепестков, медленно с шипением выпуская воздух из себя и также не спеша собирая правую руку в кулак. – Оччень рад видеть!

– Иван Николаевич, но вы даже не хотите меня выслушать, – залепетал, заикаясь, человечек, облизывая пересохшие губы.

– Вы правильно сказали – не хочу! Не хочу! – последние слова Лепестков выкрикнул изо всех сил, перейдя на высочайший фальцет. – Вы слышите – не хочу!

И он угрожающе двинулся к посетителю.

– Понимаю, – быстро-быстро, наверное, в такт своим мыслям, закивал головой человечек и пулей вылетел из кабинета.

– Вот так и работаем, – устало улыбнулся Лепестков, ослабляя галстук.

– Блестяще, – с восхищением сказал корреспондент, едва переводя дыхание. – Неповторимый эффект перевоплощения. У вас огромный талант артиста.

– Э-э, поработайте с мое, он и у вас объявится, – Лепестков налил себе в стакан минеральной воды. – Так, на чем мы там остановились?

Молодой человек заглянуло в блокнот.

– На политэкономии...

– Можете добавить... Основы сценического мастерства,
композиция, режиссура малых драматургических форм...

Лепестков снова сел за свой рабочий стол.

Интервью продолжалось.

1980 г.

Как я что-то изобрел

Трудно сказать, что на меня нашло в этот вечер. То ли макароны в моей тарелке сложились за ужином, словно ременные передачи, то ли хоккеисты бегали по экрану телевизора, будто роликовые подшипники, не знаю, только созрела у меня после всего этого мысль. Я сразу почувствовал, что за нее стоило солидно премировать, так как моя идея позволила бы решить очень важную производственную проблему, над которой наш отдел бился уже несколько недель.

Словом, почувствовав неслыханную удачу, я задрожал от волнения. Но надо было срочно посоветоваться с человеком более опытным. Не долго думая, бросился в соседнюю комнату общежития. Там жили двое ребят из нашего отдела – Кошкин и Мымриков.

– А-а, Поливинилов, заходи, – обрадовались они. – В самый раз пришел.

– Закуски у нас хватит, – сказал Мымриков, доставая откуда-то куски колбасы и хлеба.

– Да нет, ребята, я не за этим пришел, – потер я пальцем лоб, вспоминая суть идеи. Затем достал карандаш и на обрывке газеты стал рисовать эскиз. – Представляете, такая идея пришла сейчас в голову! Можно принципиально по-новому сконструировать блок передач...

– Что-о-о? – сморщился Кошкин. – Ты чего, совсем уже спятил, Поливинилов? Тебе говорят, праздник у нас! Мымрикову родственники посылку прислали. Обмыть надо. А ты – бок передач...

– Ничего, Поливинилов, ты только не волнуйся, – сочувственно добавил Мымриков. – Все мы были молодыми специалистами, все прошли через этот синдром. Ты сколько уже

работаешь у нас? Полтора года. Еще годик протянешь, и как рукой снимет. По себе знаю. Тоже велосипед изобретал.

– Так ведь здесь не велосипед.

– Ладно. Кончай разговоры, ребята. Берите стаканы, – сказал Кошкин и первым потянулся к столу.

– Нет, все же пойду... Ершову позвоню, – ответил я. – Может, он проконсультирует. Есть одна неувязка у меня. Если бы и ее решить, вот было бы здорово!

– Ну-ну, – покачал головой Кошкин, закусывая луком. – Доводи, Поливинилов, идею свою до конца. Может быть, нам меньше работы останется.

...Ершова я застал дома.

– Идея, говоришь, интересная по блоку передач, – раздался голос в телефонной трубке. – А я вот такой детектив в «Огоньке» надьбал. Три номера прочитал, а убийцу никак не могу вычислить. Лихо закручено.

– Понимаете, принципиально новая схема. Вот только...

– Мне еще посоветовали парочку журналов. Тоже сплошные тайны с убийствами. Читаешь и в догадках теряешься. Вообще, я считаю, что детектив – отличная гимнастика для ума. Ты этим не увлекаешься, Поливинилов?

– Я вот блоком передач увлекся, да заминка небольшая есть. Может, мне к вам приехать, проконсультироваться?

– Что ты, в самом деле? Вечер на дворе. Тебе мало времени заниматься этим на работе?

– Так ведь срочный заказ, сами знаете. К концу недели закончить надо. Вот я и волнуюсь. Люди нас ждать будут, планы свои срывать.

– К концу недели... Дай бог, чтоб мы с этим заказом до конца месяца разделались.

– О чем я и толкую. У меня уже идея сформировалась, можно в два дня уложиться. Просто «эврика»!

– Слушай, старик, ты только сюда Арохимеда не путай. Он не сидел на тарифной ставке, поэтому мог себе позволить решать производственные задачи в ванной.

– Но ведь время не ждет, товарищ Ершов! – взмолился я.

– Знаешь, все это правильно. Только личное время я на это гробить не стану. Ну, опоздаем мы с заказом на пару недель. Земля от этого не перевернется. Ты лучше позвони Лепесткову. Все-таки он наш шеф. У него голова должна болеть, с ним и решай.

– Спасибо за совет, – буркнул я и повесил трубку. Однако, постояв несколько минут, снова набрал номер. Начальника. Надо было, действительно, что-то решать.

– Иван Николаевич, товарищ Лепестков? Здравствуйте! Это вас Поливинилов потревожил... Да, да, молодой специалист из отдела... Нет, мне не отпроситься надо. У меня здесь идея одна возникла по блоку передач... Да, да, смотрел я хоккей, молодцы наши, и Балдерис молодец... Так вот блок можно сделать принципиально по-новому. Я здесь эскизик набросал... Да-а-а, от Васильева трудно ожидать плохой игры. Защитник мирового класса... Мне только по одному вопросу проконсультироваться надо. Если ременную передачу... Да-а, завтра со шведами трудно будет. Они злые за поражение от финнов... Так я говорю, блок можно уплотнить... Точно, завтра решится все. Если выиграем, первое место наше. Нет, у меня голова на этот счет не болит. У меня – по другому поводу. Как с блоком... Что? Об этом после игры? Понял.

Я аккуратно положил трубку на рычаг, посмотрел на карандашный набросок блока передач и опустил его в урну.

«Работать надо в рабочее время», – сказал я себе и направился в комнату дожевывать макароны и досматривать хоккей.

1980 г.

Диспут

– Товарищи, тема нашего диспута «Эффективное использование рабочего времени», – сказал Ершов и, как опытный оратор, сделал небольшую паузу, давая нам возможность усвоить сказанное.

– Хорошая тема, – отозвался Котелков, поудобнее устраивая голову на собственных ладонях.

– Правильно. Давно пора, – крикнул Кошкин. – Заждались...

– Товарищи, своими репликами вы мешаєте оратору, сбиваете его с мысли, – сказал я и с уважением посмотрел на Ершова.

– Так вот. Я не хочу придерживаться каких-то бумажек. Думаю, лучше будет, если я попытаюсь раскрыть вам эту тему через свое личное восприятие, – Ершов снова сделал значительную паузу. – Безусловно, эффективное использование рабочего времени – процесс сложный, зависящий от целого ряда факторов. И, прежде всего, от личного осознания каждым гражданином своей роли в современном производстве. Чего греха таить, встречаются еще кое-где у нас и такие товарищи, отношение к труду у которых стоит на очень низком уровне. А, значит, и отсутствует понимание тех задач, которые перед нами поставлены.

– Правильно, – громко сказал Кошкин и зааплодировал.

– Что такое? – продирая глаза, спросил Котелков и спохватился. – Ах, да, да... Я тоже с этим совершенно согласен.

И он тоже зааплодировал. Ершов поднял руку, и стало тихо.

– Для успешного решения этого нелегкого вопроса каждый гражданин должен пройти через нелицеприятный

разговор со своей совестью. Лишь полностью выявив свои внутренние недостатки, он сможет бороться и с внешними недоработками.

Я поднес Ершову стакан воды.

– Та что, думаю, ясно, на каких рельсах должен стоять каждый из нас для наиболее успешной внутренней мобилизации...

– Правильно, – сказал Кошкин и посмотрел на часы. – Однако, товарищи, уже обед.

Я измерил Кошкина презрительным взглядом и ответил ему:

– Как тебе не стыдно!

– Мне стыдно, но уже обед, – ответил Кошкин, вставая из-за своего стола. – Я должен набраться сил, чтобы их хватило на вторую половину рабочего дня.

– Что такое? – встрепенулся Котелков, вздрогнув всем телом и испуганно открыв глаза. – Ах, да, да. Я тоже с этим совершенно согласен.

Я умоляюще посмотрел на Ершова. Тот спокойно снял нарукавники и сказал:

– Обед, так обед. Продолжим после обеда. И попрошу всех прибыть на свои рабочие места без опозданий.

И мы торжественно двинулись в буфет.

1980 г.

Вопрос

Первый рабочий день в новом году... Тот, кому довелось его пережить, знает, что это такое. Общее физическое недомогание, поток неорганизованных воспоминаний о прошедшем празднике – все это создает нелегкие условия, в которых трудно казаться занятым и деловым, эффективно использующим рабочее время. У нас плюс ко всему на этот раз добавилась еще и Лидочка-машинистка. Приходит с утра в наш отдел и говорит:

– Хочу вас, товарищи, проинформировать. Завтра проводится трестовская елка для детей. Дед Мороз будет дарить всем новогодние подарки. Не забудьте!

Едва вышедшие из анабиоза, мы довольно вяло откликнулись на это предложение. Только умный Ершов щелкнул своим арифмометром:

– Интересно, что будет в подарках на этот раз? В прошлом году было не фонтан, только конфеты, а вот о родителях профсоюз совсем не думает.

– Думает, не думает, – медленно повторил за Ершовым Кошкин, сосредоточенно глядя в окно. – А вы когда-нибудь задумывались над вопросом: кто дарит подарки самому Деду Морозу? Я понимаю, что это – сказочный герой, но ведь в сказках все должно быть по справедливости. Он-то всем подарки несет, а ему кто?

Оторвавшись от своих дел, мы уставились на Кошкина.

– Действительно, несправедливо получается как-то. Про старика выходит, все и забыли, – вздохнул Котелков. – Я, вон, не Дед Мороз и то подтяжки от жены получил.

– Вот так, подарок получил, а о других не думаешь, – сказал почему-то вдруг зло Кошкин. – А я этим вопросом все праздники промучался. До сих пор ответа не нашел.

– Ничего, мы сейчас вместе подумаем, – сказал я. – Одна голова – хорошо, а четыре – это уже ансамбль.

И мы стали думать. Ершов уткнулся головой в кульман, Котелков закурил, Кошкин опять уставился в окно, а я стал медленно вышагивать по нашему кабинету, мучительно осознавая несправедливость, происходящую буквально на наших глазах с Дедом Морозом.

– Вы чего, мужики? – заглянул к нам минут через сорок Макушкин из сметного отдела и засмеялся. – Что это у вас так тихо? Неужто план горит в начале года?

– Здесь похуже, – отозвался Кошкин и вкратце пересказал свои сомнения насчет Деда Мороза.

– Как я сам об этом не подумал? – почесал затылок Макушкин. – Конечно, несправедливо без подарка в Новый год оставаться. Что тогда делать?

В задумчивости он вытащил губную гармошку и стал что-то тихонько наигрывать в такт своим мыслям.

Еще минут через двадцать к нам забежал Катапультов из отдела снабжения.

– Без закуски? – сострадальчески спросил он, глядя на наши постные физиономии, и сам болезненно поморщился. – Понимаю, сам такой.

– Ничего ты не понимаешь, – снова отозвался Кошкин и рассказал о наболевшем.

– Во, юмор, – удивился Катапультов. – Дай-ка мозгами раскинуть, как же это могло так случиться?

Задумавшись, он тихонько замурлыкал под нос: «В лесу родилась елочка».

А незадолго до обеденного перерыва к нам зашел сам шеф, товарищ Лепестков. Зашел и остановился от неожиданности в дверях.

– Что произошло, товарищи? – с тревогой в голосе спросил он, глядя на наши мрачные лица. – Заказчики подвели? С кем-то плохо?

– С Дедом Морозом плохо, – ответил за всех на этот раз я. – Старик-то, оказывается, каждый Новый год без подарка остается. Некому о бедняге позаботиться. Кошкин вот первый об этом подумал, а теперь и мы с утра этим маемся.

– Ах, вот оно что, – медленно проговорил Лепестков и довольно грозно добавил. – За Деда Мороза, Поливинилов, можете быть спокойны, ему Снегурочка подарок принесет. А вот товарища Кошкина попрошу сейчас зайти ко мне в кабинет. За подарочком, так сказать, если выговор можно назвать таковым.

– Снегурочка! Точно! Гениально! Как же это я сразу не додумался? Снегурочка! – вскрикнул Кошкин, и его лицо осветилось радостной улыбкой. – Есть все-таки на свете справедливость!

– Есть, товарищ Кошкин, есть, – мягко подтвердил Лепестков. – И все-таки не забудьте сейчас зайти ко мне...

1981 г.

На грани фантастики

Сразу после обеда к нам в кабинет зашел шеф. Загадочно осмотрев всех, он произнес таинственным голосом:

– Ну, что, товарищи инженеры, идет железный конь на смену крестьянским лошадам?

– Что? – ужаснулся Котелков. – Что вы сказали, Иван Николаевич? Какой конь? Вы имеете в виду план квартала?

– Я сказал, что все мы живем в эпоху научно-технического прогресса, – ответил ему Лепестков. – И должны гордиться этим.

– Чем тут гордиться, – проворчал из-под груды сваленных на столе бумаг умный Ершов. – Все сметы на бухгалтерских счетах пересчитываю. Наши деды, наверное, так не работали – в час по чайной ложке.

– Да что там говорить, – в тон Ершову отозвался из-за кульмана Кошкин. – Я уже второй месяц на расчетах фундаментов сижу. Арифмометры плаваются, а дело еле движется.

– А вы что скажете, Поливинилов? Чем вас технический прогресс обидел? – Лепестков посмотрел на меня. Недолго думая, я развернул перед ним огромный сетевой график.

– Мне, конечно, грех жаловаться, Иван Николаевич, на дефицит внимания с вашей стороны к моей работе, – здесь я мысленно пожал себе руку. – Но, что дело движется медленно, – точно. Сколько времени уходит на самые элементарные расчеты – просто страх берет. И это в момент, когда мы, инженеры, призваны всемерно экономить рабочее время. Вон, японцы. Разве у них увидишь сейчас человека с арифмометром? Это же вчерашний день инженерного искусства. Я уже не говорю о бухгалтерских счетах.

– Хорошо сказано, товарищ Поливинилов, – сказал Лепестков, внимательно глядя на меня. – Чувствуется, как серьезно беспокоит вас проблема производительности труда среди инженерно-технических работников. Мне нравится ваша непримиримость к недостаткам.

Я снова мысленно пожал себе руку, но на всякий случай все же проверил, надежно ли спрятал под сетевым графиком томик Жоржа Сименона. Надежно.

– И про японцев вы правильно вспомнили, – продолжал Лепестков. – Уровень научно-технического развития у них необыкновенно высок. А чтобы этот разговор не был для всех нас абстракцией, прошу всех сейчас зайти ко мне в кабинет.

Ничего не понимая, мы стали медленно подниматься со своих рабочих мест. Подавая нам пример, Лепестков энергично прошагал мимо нас к себе.

– Влипли, ребята, – жалобно заскулил Котелков. – Я это сразу понял, когда он только про коня сказал.

– Да-а, – почесал затылок Ершов.– Но как лихо закрутил: мол, он – железный конь, а мы – крестьянские лошадки, он, дескать, работает, а мы, значит, здесь прохлаждаемся.

– Может, он шахматы приметил, когда зашел, – озабоченно подумал вслух Кошкин. – Но я же их планом фундаментов прикрыл. Ну-ка, Поливинилов, ты у нас карьеру собираешься сделать, скажи, откуда видно, что здесь стоят шахматы в эндшпильной позиции.

Я ответил честно:

– То, что в эндшпильной, – нет. Но краешек доски выглядывает.

– Ты смотри, – засокрушался Кошкин. – И почему я такой маленький план начертил? Ведь мог взять в более крупном масштабе. Мог. А не взял. Инженер называется.

– Товарищи, нас ждет шеф, – заторопил я мужиков. – Как бы нам не было тяжело, надо идти.

...В кабинете Лепесткова мы ахнули. Возле его рабочего стола стояла, сверкая всевозможными панельками и рычажками, элегантная электронно-вычислительная машина.

– Ну, как? – спросил нас Лепестков. Чувствовалось, что наше изумление пришлось ему по душе. Я, разумеется, закрыл рот последним.

– Действительно, железный конь, – сказал повеселевший Кошкин и подошел к самой машине.

– Минуточку, минуточку, товарищ Кошкин, близко к агрегату прошу не подходить, – произнес Лепестков и предостерегающе поднял руку. – Стоимость – несколько миллионов. Производительность – миллион операций в секунду. Одно включение аппарата стоит что-то около десяти тысяч рублей.

Лепестков торжественно поднял какую-то ярко раскрашенную брошюрку:

– Вот здесь в проспекте написано, что один такой агрегат может заменить аппарат сотrudников количеством пятьсот человек... Вот, товарищи, какая уникальная у нас появилась машина. Теперь каждый из нас воочию может убедиться в торжестве идей научно-технической революции и в нашем тресте. Три года ждали мы это чудо. Наконец-таки, и нашу заявку удовлетворили.

Лепестков здесь вздохнул и продолжил:

– А то ведь как-то некрасиво даже было на нас смотреть. У всех соседей такие агрегаты есть, а у нас не было. Теперь можно и к нам кого угодно приводить. Есть что и нам сейчас показать. И мы не лыком шиты.

– Миллион операций в секунду, – заморожено глядя на машину, восхищенно и громко прошептал Ершов, – Это же все мои сметы за долю секунды можно обчислить... Иван Николаевич, я сейчас, мигом.

Ершов бросился обратно в наш кабинет и вернулся оттуда со всей кипой бумаг.

– Иван Николаевич, вы представляете – всего доля секунды. Да я на этих сметах еще полгода просидел бы, – сказал Ершов и, подойдя к машине, стал выискивать место, куда можно было бы пристроить бумаги.

– Товарищ Ершов, отойдите от машины. Прошу вас, не трогайте здесь никаких ручек. Я же объяснил, – Лепестков едва ли не силой оттащил Ершова от новинки научной мысли. – Стоимость – миллионы. Одно включение – десять тысяч рублей. У вас есть такие деньги?

– Нет, конечно, – уже смущенно ответил Ершов.

– Вот видите. И у меня таких денег нет. И запасных частей тоже, – Лепестков посмотрел на меня. – Товарищ Поливинилов, давайте пока мы этот агрегат стульями огородим. Мне эту штуку еще всему тресту показывать. И ведь обязательно найдутся еще агрессивные настроенные люди, которые попытаются вступить с машиной в контакт. Потом мы что-нибудь попримитивнее придумаем для ограды, чтобы и комар к агрегату носа не подточил. А пока – несите стулья.

– Доля секунды, – Ершов продолжал с упоением смотреть на машину. – Ну, почему, почему я не могу в долю секунды разделаться со всеми этими бумагами?

– Слушайте, Ершов, вы ведь умный человек, – сказал Лепестков металлическим голосом: по всему было видно, что выходки нашего старшего инженера стали его уже бесить. – Если вы не умеете эстетически наслаждаться достижениями научно-технического прогресса, то не мешайте это делать своим товарищам. Кроме того, не забывайте, что эта штукавина может заменить сразу пятьсот человек, в том числе и одного старшего инженера. Вы уже подыскали себе новое место работы? Я не слышу ответа: да или нет?

Было видно, как эти спокойные слова шефа сбили спесь с Ершова. Он сник и быстро выскочил из кабинета вместе со своими сметами, продолжая шептать себе под нос:

– Ну, почему, почему, почему...

Мы же продолжали восхищаться чудом техники, которая была, действительно, на грани фантастики.

1981 г.

Кирпич (Сказка)

Жил-был кирпич. Обыкновенный. Каких в каждом городе тысячи. В стене ли высокого современного здания, в перегородке ли маленького подсобного помещения. Наш кирпич еще не работал, так как его только-только вынули из печи обжига и положили рядом с другими собратями под стареньким навесом кирпичного заводика.

Трудно сказать, сколько они там пролежали. Однако не так много. Практически никто из них еще не покрылся сеткой мелких морщин – этой свидетельницей преждевременной старости, когда к навесу подъехал грузовик. Водитель его, не выходя из кабины, осмотрел кирпичи и крикнул кому-то:

– Возьму, пожалуй, вот эти. Они у вас еще раскиселиться не успели. Додумались все-таки под навес положить.

– Жизнь заставила, – ответил водителю один из двух подошедших мужчин.

– Конечно, угробить столько готового кирпича под открытым небом, сколько у вас. Тут не то, что жизнь, – прокуратура заставила бы, – засмеялся водитель.

– Ты словами такими не бросайся, – ответил ему первый из грузчиков, закидывая кирпичи в кузов.

– Шуток не понимаете, что ли? – поморщился водитель. – Кирпич-то аккуратнее складывайте.

– Это без надобности, – ответил ему второй мужик, побойчее, продолжая соревноваться в метании кирпичей на среднюю дистанцию. – Ты по нашей дороге их все равно целыми не довезешь.

– Да, с вашими дорогами, пожалуй, так и получится. Только все равно, вот здесь за добро народное болит, – водитель

показал себе на грудь, но, видя, что никто его не слушает, крякнул от досады и уже совсем тихо проговорил. – Сколько его тут под грязью лежит, да и по обочинам валяется. Никто не считал.

Вскоре машина медленно тронулась с места. Наш кирпич лежал наверху почти целый. Ему повезло при погрузке. Приземляясь в кузове, он только ушиб несколько своих собратьев, гася о них скорость полета.

Грузовик ехал медленно, но и этого хватило, чтобы на одном из поворотов его, как следует, тряхнуло. Получив новое ускорение, наш кирпич шлепнулся на середину дороги. Машина же, натужно работая, тряслась уже где-то впереди. «Ну, здесь я долго не пролежу, – подумал кирпич, оценив ситуацию. – Как ни плоха дорога, а все-таки дорога. Будет кто-то ехать – обязательно заметит».

Действительно, не прошло и часа, как показался человек. Смотрел он куда-то далеко вперед, а потому и не заметил кирпича, которому очень уж хотелось обратить на себя внимание. Упав лицом в грязь, человек долго отряхивался. Увидев кирпич, он погрозил ему кулаком.

– Знаешь, что я сейчас с тобою сделаю за такие шуточки...

Он даже нагнулся, чтобы поднять кирпич и забросить его подальше от дороги, но в самый последний момент его что-то остановило.

– А почему это должен делать я? – спросил сам себя человек. – Не я положил этот кирпич под ноги, не мне его и убирать. Есть, наверное, специальные службы, которые только этим и занимаются. Им деньги за это платят. Не-е-ет. Я бесплатно работать не буду.

Он пнул кирпич ногой и зашагал дальше. Наш кирпич долго смотрел ему вслед, пока не услышал урчание сразу нескольких машин. «Могут не заметить, – всполошился он, но машины, а их было три, правда, легковые, остановились возле самого кирпича. Вскоре его обступили человек десять-двенадцать.

– Что я вам говорил, товарищи, – сказал всем наиболее представительный и солидный мужчина в шляпе, указывая на кирпич. – Вот где необыкновенно ярко и выпукло проявляется наше отношение к народному добру. Представьте себе на секунду, сколько таких вот одиноких, забытых кирпичей валяется у нас по дорогам по чьей-то халатности. Сколько можно было бы построить из них прекрасных и светлых зданий, школ, театров, домов отдыха. Вот где наши резервы. У нас под ногами. Надо только нагнуться и поднять их.

– Правильно, – ответил нестройный хор собравшихся, однако никто из них не нагнулся и не поднял реально существующий резерв. Представительный и солидный мужчина в шляпе еще минут пять размахивал руками, говорил хорошие и убедительные слова о расточительности, бесхозяйственности, нерадивом отношении к делу. Закончив говорить, он широким жестом указал на машины:

– А сейчас попрошу членов комиссии занять свои места в транспорте. Поедем дальше. Рейд – продолжается.

Вырвавшиеся из-под резво рванувших колес комья грязи окончательно залепили наш кирпич. «Все. Теперь уж точно никто не заметит, – думал он, делая безуспешные попытки привести себя в товарный вид. – Так и пропаду на виду у всех»

И, действительно, мимо него еще долго шли люди, ехали машины. Возле него останавливались, на него смотрели, указывали пальцем и говорили, говорили, говорили...

Горюя о своей несчастной судьбе, наш кирпич и не заметил, как возле него остановилась телега. Было уже довольно темно, но чьи-то теплые руки, не спеша, вытащили его из грязи и стали аккуратно очищать бока.

– Ты смотри, еще совсем хороший кирпич, – удивился себе в бороду мужик, хозяин телеги. – А чего он здесь валяется? Может, думают ими всю дорогу мостить?

Он поискал глазами еще кирпичи.

– Больше вроде нету... Значит, ты один здесь валяешься? – мужик ласково погладил кирпич. – Тогда, брат, ступай ко мне в телегу. В хозяйстве и один кирпич пригодится. И печку подремонтировать. И в баньке применение найдется. Да и в сарае есть куда положить. Словом, без работы не останешься.

Мужик подмигнул кирпичу, положил его в телегу на солому и тронул лошадь. Об одном жалел в этот миг наш кирпич: что не может сказать «спасибо».

1982 г.

Кошмары

Третью ночь подряд инженеру Синдикатову снились кошмары. Как и полагается, страшные, от которых он просыпался в холодном поту, долго глядя в темный потолок спальни и прислушиваясь к ночной тишине, моргал глазами, снова засыпал и снова просыпался с тревожным предчувствием беды.

Каждый раз кошмары чем-то отличались друг от друга, но начинались они приблизительно одинаково: с видения, что в отдел, где работает Синдикатов, заходит начальник и зловещим голосом объявляет:

– Ну что, товарищи инженеры, наконец-таки, и у вас появилась отличная возможность проявить свое профессиональное мастерство. Есть хорошая работенка. В минимальные сроки вам предстоит разработать и сдать...

Вот здесь кошмары начинали дробиться по содержанию сюжета. В первый раз начальник назвал проект фантастического воздушного замка, построенного на песке, во второй – грандиозную модель «вечного двигателя», собранную из отходов производства, в третий – вообще поднял палец вверх и провозгласил – межгалактический центр по приему стеклотары с замкнутым циклом потребления. После этого Синдикатов не мог уже молчать. На утро третьего дня он пришел на работу и замогильным голосом честно во всем признался.

– Такие вот ужасы лезут в голову, мужики. И ничего я с ними не могу сделать. Какой-то подсознательный, неуправляемый процесс, – развел руками Синдикатов. – Никогда со мною такого не было за все семь лет работы в нашей конторе.

Конечно, подобные вещи едва ли кому-то могли прийти по душе.

– Не к добру это, – сказал умный Ершов, ему до пенсии оставалось два года, поэтому на все события он смотрел с суеверных позиций. – Помню, лет пятнадцать назад что-то подобное снилось одному моему знакомому из смежного отдела у субподрядчиков. И что вы думаете, через некоторое время тот отдел сократили за ненужностью. Вот вам и сон – в руку!

– Неужели и нас? – ужаснулся Котелков, всегда сразу же терявший самообладание. – Вот так, под одну гребенку?

– А что с нами чикаться? Я бы давно нашу контору разогнал, – злорадно рассмеялся Катапультов, молодой специалист, попавший сюда по распределению и проработавший всего полтора года. – Меня в институте к такой серьезной работе готовили. Помню, ночей не спали, чтобы с курсовыми справиться, навык приобрести. А пришел сюда и позабыл все, чему учили! Удивительная у нас контора. Кому она нужна? Ведь сократи нас – никто и не заметит.

– Так уж и никто, – попытался возразить ему Поливинилов, характерной особенностью которого была крайняя молчаливость. По этой причине ему все прочили большое будущее, так как молчал Поливинилов всегда очень умно, убедительно, весомо. – Делаем же мы какую-то работу.

– Какую? – запальчиво воскликнул Катапультов. – Эти две линии я провел еще месяц назад. А сейчас думаю, стоило ли их вообще проводить. Ведь после этого я отработал за этим кульманом всего пять дней. Сегодня шестой. На овощехранилище был, на стройке был, на конвейере был.

– Но, дружок, не посылать же туда каждый раз Ершова. Ты все-таки молод, и в этом у тебя несомненное преимущество, – ответил ему из своего угла Кошкин. Он редко выходил оттуда,

так как был надежно закрыт шкафом от посторонних глаз. Ему все завидовали. И Кошкин всерьез боялся потерять свое место.

– К тому же каждый из нас участвует в общественно полезном физическом труде не меньше твоего, – Кошкин выставил из-за шкафа мозолистые ладони. – Это я привез из колхоза. И, между прочим, меня это устраивает. Свежий воздух, природа. Хочешь больше прожить, работай руками, а не прирастай к своему столу.

– Может быть, нас потому и не сокращают, что мы нужны нашей конторе в целом? – глубокомысленно изрек Котелков и испугался собственных слов – до того они показались ему справедливыми.

– Согласен, – кивнул головой Поливинилов. – Я бы на месте нашего начальника поступал точно также. Пусть у нас нет путного дела, но сокращать нас нельзя. Понимаете, тут своеобразный замкнутый круг получается. Давать нам серьезную работу нельзя, так как мы редко собираемся в таком полном составе, как сейчас. А других тоже нет смысла отвлекать от серьезной работы, так как в отделе есть наше бюро, которое и специализируется на отвлечениях. Это же ясно как дважды два. Вот и выходит: и план отдел выполняет, и с приложением к нему справляется. Так что наша роль в структуре отдела очень важная. Поэтому я не очень согласен с Катапультовым. Мы нужны, очень нужны общему делу.

Эти рассуждения Поливинилова несколько успокоили инженерно-технических работников и подтвердили высокую репутацию говорившего: если он о чем-то завел речь, то воистину толково.

– Но стоит ли в качестве жертвоприношений держать людей с дипломами? – попытался вставить шпильку

Катапультов. – У меня руки все-таки чешутся по настоящей работе.

– И до чего же вы, молодые специалисты, народ невыносимый, – проворчал из своего угла Кошкин. – Никак не можете понять, что ликвидировать тяжелый ручной труд мы сможем только тогда, когда каждый инженер на себе испытает, что это такое. Тогда и мысли у него забегают быстрее и рациональнее.

– Интересная трактовка, – сказал Синдикатов, молчавший до сих пор. – Кстати, иногда во сне я вижу очень своеобразные механизмы. Мне кажется, это следствие той подсознательной работы инженерной мысли, о которой говорит товарищ Кошкин. Решения созревают в нас, надо их только направить в нужное русло...

Здесь дискуссия была прервана неожиданно открывшейся дверью. На пороге комнаты появился начальник отдела товарищ Лепестков.

– Как настроение? – спросил он, окидывая всех внимательным взглядом.

– Рабочее, – с некоторым вызовом сказал Котелков и испугался: то ли он сказал.

– Вот и хорошо, – констатировал Лепестков и вошел в комнату. – А у меня для вас две новости. Одна плохая, другая хорошая. С какой начинать?

– С плохой, – подсказал умный Ершов. – Лучше соль сахаром заедать, чем сахар – солью.

– Хорошо, – согласился Лепестков. – Нам опять подкинули работенку для вашего бюро. Надо срочно выделить семь человек для погрузочно-разгрузочных работ. Нужны

мужчины, придется поработать мускулами. На десять дней командирuem в цех.

– Что же здесь плохого? – спросил Кошкин. – Меня, например, это устраивает. Хочешь больше прожить, работай руками.

– А вторая новость какая? – осторожно осведомился умный Ершов.

– Вторая заключается в том, что мы отстояли ваше бюро при последнем сокращении штатов, – Лепестков широко улыбнулся. – Так что, ребята, все в порядке.

– Как сказать, – пробурчал про себя Катапультов, глядя на сияющий белизной кульман. – Кому от этого лучше?

– Замкнутый круг, – тихо, но уверенно констатировал Поливинилов. – Что я говорил?

– Ничего не понимаю, – глядя на закрывающуюся за начальником дверь, задумчиво произнес Синдикатов. – Вроде все нормально, а кошмары снятся. Странно это...

1982 г.

Мероприятия по атмосфере

Скажу прямо, поволноваться мне сегодня пришлось изрядно. А дело все в том, что еще на прошлой неделе встретил меня как-то в цехе наш начальник Товарищ Лепестков. Хлопнул по плечу, из мерил меня взглядом, изобразил на лице скептическую улыбку и говорит так очень спокойно.

– Чем занимаетесь, товарищ Поливинилов? Что новенького внедрили?

– Работаю по утвержденному плану, – отвечаю своей обычной заготовкой и усиленно соображаю, к чему клонится разговор.

– Вот и хорошо, – произносит Лепестков и несколько секунд молча, испытывающе смотрит на меня, затем добавляет – Загляните ко мне на следующей недельке. Посмотрим, обсудим, проанализируем, чем вы там занимаетесь. Подготовьте всю необходимую документацию.

Надо ли говорить, что в тот же день я засел за основательный письменный отчет о своей работе, ибо хорошо знал: шеф слов на ветер не бросает. За пять дней и отчасти ночей я исписал столько бумаги, что другой и за месяц не испишет. Но зато сегодня утром я пришел на работу с такой разбухшей папкой для отчета, что народ в нашем бюро сразу восхищенно загудел.

– Вот это я понимаю – настоящее отношение к работе, – сказал умный Ершов и подошел пожать мне руку.– Чувствуется, с душой подошел к составлению отчета. Сколько дней писал?

– Пять, – сдавленным голосом ответил я и едва слышно добавил. – Суток.

– А чего такой кислый? – спросил Котелков, взвешивая на ладони мои бумаги. – Боишься, что ли? Да с таким щитом тебе сам министр не страшен.

– Боюсь, – честно признался я. – А вдруг что-то упустил. Разве упомнишь все, что сделано?

– Странный ты человек, Поливинилов. У тебя же самая спокойная работа у нас в цехе. Заниматься охраной окружающей среды. Это же не работа, а малина, – крикнул из своего угла Кошкин. – А ты трясешься. Эх, доверили бы мне это дело...

– А я тебя понимаю, – признался мне Ершов. – Когда в дело вкладываешь душу, всегда есть опасение, что тебя не поймут, или поймут только наполовину. Люблю по-настоящему увлеченных делом людей. На них мир держится.

И он мне снова пожал руку.

В это время в дверь нашего кабинета просунулась голова Лидочки-машинистки.

– Товарищ Поливинилов, – сказала она своим ангельским голосом. – Вас Иван Николаевич, товарищ Лепестков вызывает.

– Иду, – быстро ответил я и, не глядя на товарищевой, вышел из кабинета...

– Так, так, показывайте мне свои бумаги. Давненько мы вас не тревожили, – ворковал Лепестков, углубляясь в мой отчет. – Что у вас здесь?... А-а, вижу, вижу... Мероприятия по очистке воздушного бассейна цеха... Хорошо, толково составлено. Много интересных новшеств.

В этот момент кто-то заглянул в кабинет начальника, и сразу потянуло гарью из цеха.

– Эй, закройте там дверь, – крикнул я, оглянувшись, и снова повернулся к Лепесткову. – Совсем о вашем здоровье не думают.

– Правильно, – одобрил начальник, откашливаясь. – И так здесь дышать нечем. И это при закрытых форточках. А если их открыть? Капут! Хоть противогаз надевай. А здоровье – дело такое. Один раз на всю жизнь дается... – и он снова уткнулся в мои бумаги.

Минут десять мы молчали. Потом, закрыв последнюю страницу отчета, Лепестков удовлетворенно крикнул:

– Солидно написано. А я ведь, честно говоря, думал, что вы у нас дурака валяете.

– Иван Николаевич, ну, что вы? – возмущенно воскликнул я и картинно развел руками. – Как вы могли?

– Ладно, ладно. Теперь вижу, что был не прав. Убедили старика. Продолжайте в том же духе. А отчет я оставлю у себя, – сказал Лепестков и подошел к окну.

Понимая, что разговор закончен, я встал.

– Товарищ Поливинилов, позовите Лидочку. Пусть зайдет, – уже в дверях нагнала меня просьба Лепесткова.

Лидочка ланью бросилась к начальнику. И уже в приемной я услышал раздраженный голоса своего шефа:

– Лидочка, что это вы забываете напомнить уборщице об окнах? Взгляните, как их гарью закоптило. Солнца днем не увидишь...

Лидочка что-то залепетала в ответ, но я не стал больше прислушиваться. Нехорошо подслушивать чужие разговоры, тем более, если тебя самого они не касаются.

Набрав побольше воздуха в легкие, я вышел из приемной и быстро зашагал через цех к своему рабочему месту. Выдохнул

и опять вдохнул уже в своем бюро. Правильно говорит товарищ
Лепестков – здоровье один раз на всю жизнь дается....

1982 г.

Как я опоздал

Честно говоря, что-то в последнее время стал я часто опаздывать. Кажется, и время рассчитываю с запасом, и делаю необходимую поправку на некоммуникабельность окружающих даже в разгар весны. И все равно – ничего не получается.

Вот буквально сегодняшний пример. Сначала задержался на остановке в ожидании подходящего мне транспорта, а потом светофоры словно сговорились – все красный да красный на каждом перекрестке. Словом, нервы потрепать пришлось изрядно. Прихожу издерганный и злой с десятиминутным опозданием.

Еще как следует отдышаться не успел, подходят ко мне Ершов, наш старший инженер, с техником Кошкиным.

– Да, товарищ Поливинилов, – говорит Ершов, – рассчитывать на вас в серьезном деле никак нельзя. Подведете, как пить дать. Если честно, я бы с вами в разведку не пошел. Благо, что нам с вами сейчас не в лагерь противника пробираться.

– Не виноват я, товарищи, честное слово, – попытался оправдаться я. – Выходил ведь за час до начала.

– Значит, надо выходить за два часа, – вмешался в разговор Кошкин. – Мы ведь давно уже здесь. И никто нас не может упрекнуть в том, что мы опаздываем. А вот с вами давно уже пора вести индивидуальную работу по вопросу эффективного использования рабочего времени.

– Да троллейбус меня подвел. Я же вам честное слово даю, товарищи сослуживцы, – снова залепетал я в свое оправдание. – С транспортной системой у нас порядка нет.

– Товарищ Поливинилов, не надо списывать собственную нераспорядительность и безалаберность на объективные

трудности, – довольно резко оборвал меня Ершов. – Между прочим, все эти объективные проблемы и существуют благодаря таким вот субъектам, как вы... Кстати, сегодня утром я вас что-то не видел ровно в девять часов на своем рабочем месте.

– Точно. Не было его, – подтвердил Кошкин. – Я засекал время. Он явился в четырнадцать минут десятого. Я специально у входа в трест дежурил. Более того, у меня сегодня создалось впечатление, что его абсолютно не волнует опоздание на работу. Идет довольный, веселый. Чему вы радовались, товарищ Поливинилов? Что трест благодаря вам потерял за нынешнее утро четырнадцать рублей.

– Я не знал, – искренне удивился я. – А откуда вы взяли, что именно четырнадцать?

– Подсчитал, – гордо ответил Кошкин и вытащил из кармана блокнот с записями. – Если взять сметную стоимость разрабатываемого вами объекта и соотнести ее со средней производительностью инженерно-технического работника, то получится, что одна минута вашего пребывания в стенах треста оценивается приблизительно в один рубль. У товарища Ершова этот показатель, между прочим, выше в полтора раза. Теперь вы понимаете, как можно расценить ваше сегодняшнее опоздание на работу.

Сраженный приведенными цифрами я понуро опустил голову, потом снова посмотрел на сослуживцев и сказал тихим голосом:

– Простите меня, товарищи. Даю вам честное слово, что подобную картину со мной вы наблюдаете сегодня в последний раз.

– Чего уж там, товарищ Поливинилов, мы вам верим, – успокоил меня Ершов. – Вы лучше скажите, билеты при вас?

– При мне, – ответил я.

– Так, так, на журнал мы по вашей милости уже опоздали, – пробормотал Ершов и посмотрел на часы. – Фильм закончится в половине первого. В самый раз к началу обеда, так что в столовую мы еще успеем. И чтобы потом никаких опозданий с обеда, товарищ Поливинилов. Ровно в половине второго быть на своих рабочих местах... Кстати, шеф после нашего ухода не заходил в отдел?

– Нет, вроде все было тихо, – ответил я.

– Хватит разговоров, товарищи, – сказал нам Кошкин и кивнул в сторону зрительного зала. – Киножурнал уже кончился. Пошли.

И мы бодро влились в толпу опоздавших на дневной сеанс кинозрителей.

1983 г.

Автоматизация

Федяев вбежал к нам в «курилку» вспотевший и возбужденный.

– Ну, мужики, – крикнул он, – можете писать все заявления об увольнении.

От неожиданности Макушкин подавился бутербродом с колбасой, а Савушкина «прострелило» в поясницу. Пока первому стучали по спине и выпрямляли второго, Котелков мрачно посмотрел на Федяева и спросил:

– Это за какие такие грехи? У меня, конечно, было одно опоздание в этом году, но ведь я слово всему участку дал, что больше этого не повторится.

– При чем тут твое опоздание, Котелков? – Федяев энергично махнул рукой. – Посмотри вокруг. Технический прогресс сегодня входит в каждый цех, освобождает людей от тяжелого физического труда.

Он с минуту помолчал, мечтательно глядя куда-то поверх наших голов.

– Эх, буду новой специальности учиться. В институт пойду, раз есть такая возможность. Сегодня одними руками работать – разве это дело? Голова еще нужна.

– Да говори ты толком, что случилось? – все еще откашливаясь, но, уже глотнув воздуха, спросил Макушкин.

– Что случилось? У Мигреньева на соседнем участке новую автоматическую установку запустили. Говорят, по производительности превосходит сразу три участка нашего цеха. Поняли? Вот это техника!

Савушкина снова «прострелило» в поясницу, но выпрямлять его уже не было времени, так и потащили его согнутого смотреть новую установку...

Старший мастер Мигреньев расхаживал возле чуда технической мысли, важный и значительный. Заметив нас, улыбнулся:

– Что, соседи, и вам интересно?

– Конечно, интересно, – ответил за всех Федяев. – У меня сейчас знаешь, сколько всего с этой машиной связано. Можно сказать, на всю жизнь свою по-новому взглянул...

– Показывай, как работает, – весело сказал Макушкин, обрывая на полуслове разошедшегося Федяева. – Народ сильно интересуется.

– Это хорошо, что вы все пришли посмотреть, – удовлетворенно крикнул Мигреньев и кивнул нам с Котелковым. – Видите поддон с заготовками? Берите одну и вставляете вот сюда...

Он указал на отверстие в автомате.

Мы нагнулись за металлической болванкой, но только смогли едва оторвать ее от земли.

– Тут двоим, пожалуй, не справиться, – сказал я, глядя на Мигреньева.

– Ну-ка, помогите кто-нибудь Поливинилу, а то у него вся сила в «курилке» осталась, – сказал тот, снова улыбаясь.

К нам подскочил Федяев, и мы, согнувшись в три погибели подобно Савушкину, подтащили заготовку к автомату.

– Чтобы поднять и вставить ее, четвертый нужен, – отдуваясь, рассудительно заметил Котелков. – На троих тут никак не сообразишь.

– Давайте и я с вами, – предложил Макушкин, и мы снова ухватились за болванку.

...С пунцовыми от напряжения лицами мы отошли от автомата, разминая затекшие от напряжения поясницы.

– Запускаю, – торжественно объявил Мигреньев и медленно нажал на кнопку.

Через несколько секунд из другого отверстия посыпались готовые детали.

– Есть тысяча штук! – снова торжественно объявил Мигреньев и выключил автомат. – Тащите новую заготовку...

– Да мы и так видим – техника на уровне, – авторитетно произнес Макушкин.

– Что там говорить, мне неделя нужна, чтобы тысячу деталей сделать, – горячо воскликнул Федяев. – Ай, да молодцы! Ведь могут люди такое придумать. Вот это головы. Все. Решено. Сегодня же подаю заявление об увольнении. Одна дорога теперь у меня – в институт. Буду новые специальности осваивать. Мы теперь здесь не понадобится.

– А я так думаю, что спешить нам с заявлениями, мужики, нечего, – спокойно рассудил Котелков. – Вон, сколько еще полных поддонов с заготовками стоит, а ведь еще подвезут. Если мы все по институтам разбежимся, кто же этими болванками автомат накормит? Жаль только, людей у нас маловато. Чтобы техника не простаивала без дела, ее надо восьмерым обслуживать – в две четверки. А нас только семеро, плюс Савушкин.

– Ребята, вы меня тоже считайте, – немного обидевшись, сказал Савушкин, которого мы прислонили к поддону. – Меня бы только «прострел» отпустил, а руками я любой вес подниму. Вы же меня знаете.

– Знаем, – ответил за всех я, все еще разминая собственную поясницу. – Ты парень у нас крепкий, а на таких вся автоматизация держится...

1983 г.

Решение

Итак, товарищи, все знакомы с повесткой данного совещания? – управляющий трестом Наподхватов обвел присутствовавших в кабинете специалистов внимательным взглядом, сделал многозначительную паузу. – Если кто-то забыл, напомню – «Выработка рекомендаций по выполнению плана в наступающем году». Цифры у всех под руками. Прошу выступить с предложениями...

– Лично я хочу сказать, что перед нашим трестовским коллективом стоят обширные и серьезные задачи, – начал прения представитель экономической службы Граненый. – И надо приналечь, как следует, чтобы их выполнить. Если понадобится, и ночей не доспать, но сделать все, что запланировано.

– Пора, давно пора взяться за дело, засучив рукава, – энергично поддержал Граненого начальник технического отдела Незасыпеннко. – Прежде всего, надо лучше использовать факторы морального и материального стимулирования высокопроизводительного труда.

– Дельная мысль, – согласился Наподхватов и что-то пометил у себя в блокноте.

– Нельзя забывать и о таком важном резерве производства, как ужесточение спроса за порученное дело. Необходимо усилить ответственность каждого работника за рациональное использование каждой минуты рабочего времени, – подала голос представительница сметного отдела Куродоева.

– И это хорошо, – снова согласился Наподхватов.

– Высокая производительность труда – это, как правило, итог благоприятной творческой атмосферы, которая складывается в трудовом коллективе. Поэтому пришла пора и

нам задуматься о создании соответствующего микроклимата в наших бригадах, – задумчиво сказал начальник инженерной службы Незабвенный, приехавший недавно из заграничной командировки....

...Когда высказались все, Наподхватов подвел итог:

– Что я могу сказать, товарищи? На мой взгляд, обсуждение получилось деловым и полезным, что свидетельствует о высокой трудовой активности, складывающейся в нашем коллективе. А теперь давайте запишем общее решение по поводу доведенного нам плана, предусматривающего увеличение производительности труда на пять процентов и объемов производства – на семь процентов...

После этих слов в кабинете управляющего воцарилось долгое молчание. Наподхватов озабоченно постучал карандашом по столу:

– Так, так...

– Да что там думать, Иван Николаевич, – решился нарушить первым молчание Козлокранов, самый опытный из всех работников треста, специалист по снабжению. – Вы же сами видите, они там, в министерстве, эти цифры с потолка взяли, а нам сейчас жилы рви, из кожи лезь. Нехорошо получается. Поэтому предлагаю такую редакцию решения нашего совещания: «Убедительно просим пересмотреть годовое задание с корректировкой его в меньшую сторону».

Присутствующие одобительно закивали головами.

– Хорошо. Ставим на голосование, – бодро сказал Наподхватов. Кто за?

Над длинным столом заседания поднялся лес рук.

– Решено. Товарищ Козлокранов, завтра выезжаем в министерство. Подготовьте необходимые документы, – произнес

Наподхватов и облегченно вздохнул. – Все. Заседание закончено. Все свободны.

1983 г.

Нам реклама не нужна

Эту новость, ошарашившую всех, принес на участок Мигреньев, наш мастер. Зашел вскоре после начала смены в наш блок и с порога брякнул:

– Ну, что, мужики, доигрались! Только что мне сообщили, что на проходной задержан Макушкин, член вашей бригады, напарник Поливинилова. И не просто задержан. А с деталями. Понятно? Как вам это нравится?

– Нам это не нравится, – хмуро ответил ему за коллектив Федяев и вдруг недоуменно пожал плечами. – Как с деталями? Ведь рабочий день только начался. Какие же могут быть детали, если он шел на работу в цех, а не наоборот?

– Меня это тоже сразу немного насторожило, – почесав затылок, сказал Мигреньев. – Но факт есть факт.

– Ну, относительно деталей – это еще проверить надо, – авторитетно сказал Савушкин, наш бригадир, он деловито выключил станок и стал вытирать руки. – Где сейчас Макушкин?

– Там, где ему, несуну, и положено быть – на проходной, – зло ответил ему Мигреньев и стал листать свою записную книжку. – Опять пятно на весь участок ляжет. Премий не видать.

– Ты погоди ныть. Разберемся, тогда и будем выводы делать, – строго сказал Савушкин и посмотрел на всех нас. – Кто со мной пойдет?

Вызвались мы с Федяевым.

...Через десять минут мы были уже на проходной. Там творилось что-то непонятное. Над собравшейся толпой возвышался наш профсоюзный активист товарищ Перьевой, который, то и дело указывая на стоявшего рядом с ним раскрасневшегося Макушкина, говорил воодушевленным тоном:

– Вот, товарищи, посмотрите на этого скромного человека. Учитесь у него хозяйскому отношению к делу. Он несет на завод детали, которые сейчас так нужны его цеху, его бригаде...

Когда импровизированный митинг закончился, мы протолкнулись к Макушкину.

– Ты чего тут устроил? – жестко спросил его Савушкин. – Это у тебя детали нашли?

– У меня, – смело ответил Макушкин и широко улыбнулся. – Я их на завод из дому нес.

От неожиданности Савушкина по обыкновению чуть не скрутило в пояснице, а мы в изумлении раскрыли рты.

– Ты это серьезно? – спросил Федяев.

– Да, вот эти детали, – снова заулыбался Макушкин, раскрывая свой небольшой чемоданчик.

– Ты смотри, как раз те, которых нам сейчас так не хватает, самые дефицитные!... Молодец! – очень серьезно, посмотрев на Макушкина, вдруг произнес Савушкин. – Честно говоря, я всегда о тебе немного хуже думал. Подозревал в тебе несуна. Ты прости!

– И меня прости, – вырвалось признание и у Федяева. – Я ведь, было, почти поверил, что ты детали с завода поташил.

Они крепко пожали Макушкину руку и пошли обратно в цех.

– Ну, а теперь правду! – потребовал я, когда мы с «героем дня», моим напарником, остались наедине.

Макушкин опасливо посмотрел на меня и шепотом объяснил:

– Не подошли они к тележке моей. В торце слишком узкие.

– Так чего ты их на завод обратно тянешь? – удивился я.

– А куда их денешь? – махнул рукой Макушкин. – Дома на кухне положил под стол, Маша заругалась. Выкидывать? Жалко стало. Столько мучился, пока вынес из цеха. Да и труд ведь свой в них вложили – вон как блестят после нашей шлифовки. Ну, я их обратно и понес.

– Чудак ты, Макушкин. А что же теперь с тележкой делать будешь?

– Мигреньев говорил, на следующей неделе еще партию деталей такой же конфигурации нам на шлифовку дадут. Те уж, думаю, наверняка подойдут. Так что надо немного подождать. Такие дела.

– А-а, ну, тогда все правильно, – успокоился я за товарища и похлопал его по плечу. – А то напугал ты меня сегодня. Столько шума поднялось. Я ведь тоже «тачку» свою перебирать собрался, кое-что уже подобрал. Думаю, к этим выходным все подготовить. А тут ты со своими деталями... Ох, Макушкин, Макушкин, мы – не кинозвезды, нам реклама не нужна...

– Это точно, – закрывая свой чемоданчик, согласился Макушкин.

И мы зашагали от проходной к цеху.

1983 г.

У нас дисциплиной строго

Эта история произошла со мною два дня назад, но я до сих пор мучаюсь на работе сомнениями и никак не могу понять в произошедшем главного. Не могу понять, за что меня тогда похлопали по плечу и с благодарностью пожали руку. Ведь повода я не давал абсолютно никакого. Впрочем, расскажу обо все по порядку.

Позавчера, вскоре после обеденного перерыва захотелось мне покурить. Вообще, курю я мало, но как прижмет иногда – никуда от этой вредной привычки не уйдешь. Говорят, воля у меня слабая, раз не могу бросить. Может быть. Так вот, забежал я по своему обыкновению за спичками к Лидочке-машинистке. Ну, и засиделся у нее немного. Часок, другой. Поговорили мы с ней о жите-бытье. Она мне свою личную жизнь рассказала, я ей – свою. За интересной беседой я и не заметил сразу, что в приемной мужик в углу какой-то сидит, дожидается, когда наш начальник товарищ Лепестков освободится.

Только мы закончили толковать с Лидочкой о проблемах взаимоотношений полов, я наклоняюсь к ней и очень даже тихо спрашиваю:

– Кто это такой?

Она, обрадовавшись новой теме разговора, вдруг откинулась на спинку стула и громко выпалила открытым текстом:

– А к нам, товарищ Поливинилов, между прочим, новые кадры работать устраиваются.

Незнакомец тоже вроде как обрадовался, что Лидочка так сказала. Посмотрел на меня и оживленно дополнил:

– На должность инженера. Моя фамилия Сиднев.

– Ясно, – говорю я многозначительно и, сощуриив глаза, внимательно оглядываю своего будущего сослуживца.

– Хочу только поинтересоваться, – несмело добавляет тот.
– Как тут у вас дела с дисциплиной обстоят?

– Очень строго, – сразу отвечаю я суровым голосом. – Опоздаете к началу рабочего дня, так для профилактики отпуска в июле лишитесь и годового вознаграждения в виде тринадцатой заработной платы. А во второй раз никто с вами и церемониться не станет. А что это вы вдруг такой вопрос необычный задаете? Подозрительный, я бы сказал, вопрос.

– Да, это я так, вообще, – вздохнул Сиднев. – Я не старом месте из-за этой самой дисциплины и пострадал. Трое суток над объектом сидел, да так в срок и не уложился. Планы у нас там были напряженнейшие. Три-четыре дня – сдавай чертежи заказчику. А тут подвалы фигурные попались. И за уникальность объекта времени никто не добавил. Вот я и «погорел». На расчетах. Чуть инфаркт не получил. А у нас срыв задания, как ЧП, на весь институт рассматривается. Вот и пришлось уйти. Вы меня пони маете?

– Чего уж тут не понять, – усмехнулся я. – Только и у нас вам крышка. У нас насчет работы строго. Пойдите вот сейчас по коридору и спросите это у любого, кого встретите. Там, кстати, ребята партию в теннис возле «курилки» заканчивают. Вам каждый из них то же самое скажет.

Прямо скажу, сник после моих слов товарищ Сиднев. Сел снова в уголок, в пол невидящим взглядом уставился. Я сразу понял, что он сильно переживает. Все лицо испариной покрылось. Конечно, очень неприятно это – чувствовать себя к чему-то профессионально непригодным. Ну, а мы с Лидочкой

еще о новых духах в нашем универмаге поговорили, об отпуске помечтали, но нового товарища к разговору уже не привлекали.

Однако часа через полтора, когда освободился, наконец, товарищ Лепестков, незнакомец поднялся уже почему-то заметно повеселевшим, очень живыми глазами посмотрел на меня, похлопал по плечу и даже протянул руку для сердечного, дружеского рукопожатия.

– Спасибо вам, говорит, товарищ Поливинилов, за науку. Я за эти три часа, которые провел здесь вместе с вами, на многие вещи взглянул другими глазами. В том числе и на вопросы трудовой дисциплины.

Он направился в кабинет нашего шефа, но в дверях еще раз обернулся и совсем уже весело сказал:

– А знаете, мне кажется, что я смогу работать у вас. Несмотря на самую строжайшую дисциплину... – и ушел.

Странно, не правда ли? С чего он это взял? И при чем тут я? Меня-то за что благодарить? Вот тут он с Лидочкой в тупик и поставил. Сидим мы с ней уже второй день и никак понять не можем: радоваться в этой ситуации надо или огорчаться. Вроде поблагодарил человек за что-то. А вот за что – не ясно. Ведь повода я ему не давал абсолютно никакого...

1983 г.

Экскурсия

Эта история произошла у нас на заводе вчера. Вызвал меня к себе наш начальник товарищ Лепестков и сказал:

– Вот, товарищ Поливинилов, пришла пора и вас уже проверить на настоящем деле.

– Всегда готов оправдать ваше доверие, Иван Николаевич, – четко ответил я и немного подался вперед, чтобы лучше усвоить задание.

– Так вот, приехала к нам на завод большая группа специалистов с родственного предприятия по обмену передовым опытом. наших гостей очень интересуют наши успехи в освоении новой техники. Сразу скажу: задача перед вами стоит сложная. Вы меня поняли? Вы ведь завод хорошо знаете? – Лепестков испытывающее посмотрел на меняю. – Найдете куда завести?

– Разумеется, какие могут быть разговоры. Представим все в лучшем виде.

– Ну-ну, смотри, Поливинилов, не ударь лицом в грязь. Часика два по заводу поводишь и отпусай народ. У них программа и так насыщенная...

Народу собралось, действительно, немало. Человек тридцать. Старший из них подошел ко мне и говорит:

– Мы бы хотели на вашем заводе увидеть все, что является последним словом технической мысли.

Честно говоря, поставил он меня этим предложение в довольно затруднительное положение. Думаю, если с такой целью вести их в цех, товарищ Лепестков с меня голову снимет. Какое там последнее слово техники, когда на каждом участке народ руками еще всюю трудиться. Нельзя туда идти. Нельзя. Задумался я. Почесал затылок и ...и вспомнил, где у нас

последнее слово технической мысли найти можно. Развернулся тогда я к публике, широко, гостеприимно улыбнулся и сказал:

– Постараемся, товарищи, как можно лучше удовлетворить ваше желание. Идите все за мной.

И повел их напрямиком на наш заводской склад. Уж там, я был уверен, мы найдем все, что им захочется увидеть. Привел и сам ахнул: такая удача! Кругом столько всего стоит, за неделю не осмотришь. Тут тебе и станки с числовым программным управлением, и печи индукционные, и конвейер подвесной с толкателем. Еще больше это зрелище потрясло экскурсию. Стоят, рты разинув. Ну, и я им не даю закрыться. Сразу начал бойко шпарить:

– Наша главная задача сегодня, – говорю, – сделать производство высокопроизводительным, автоматизированным, освободить его от засилия ручного труда...

Ну, и так далее в том же духе. Потом перешел к конкретным примерам:

– Вот этого робота наш завод купил два года назад. Уплатили за него полмиллиона, но эти затраты будут оправданы, товарищи. Когда он начнет работать, то в течение месяца окупит себя, ибо производительность на операции, которую он выполняет, повысится сразу в двадцать два раза... Или вот еще один пример технического развития нашего предприятия. Видите эти огромные деревянные ящики? Это ничего, что доски кое-где уже провалились. Сами понимаете, дожди ведь идут не по заказу. Вот древесина и того... Но главное не это. В этих ящиках – будущая гордость нашего завода. Импортная высокопроизводительная автоматическая линия. Если бы вы знали, с каким трудом мы ее доставали три года назад. Это можно было бы целый детективный роман

написать. Но главное, что достали. Теперь она у нас, – после этих слов я с любовью погладил один из ящиков рукой. – Одна такая линия позволит нам избавиться от ручного труда на сложнейших операциях в металлургическом производстве.

Закончил я свой монолог возле уникального пресса, который и качество повысит, и металл сэкономит, и отходы еще в дело пустит. Смотрю после этого на часы. Все нормально. Как и договаривались – два часа прошло, минута в минуту.

– Все, – говорю, – товарищи. На этом экскурсия наша заканчивается. Какие будут вопросы?

Здесь ко мне мужчина какой-то протиснулся. Честно говоря, я его с самого начала заприметил. Заядлый такой, всю новую технику нашу облазить успел. Так вот, протиснулся он и говорит:

– Как бы это, товарищ, хотя бы вот этот пресс в работе посмотреть. Очень уж техника хорошая. Нам такая тоже ведь вот так нужна.

Я снова посмотрел на часы и с сожалением ответил:

– Понимаю ваше желание, но экскурсия уже закончилась. Поэтому едва ли смогу вам чем-то помочь... Вы когда к нам в следующий раз приедете?

– Да уж года через два-три, не меньше, – вздохнул он.

– Вот, вот, – обрадовался я этому ответу. – Тогда, может быть, и увидите всю эту прекрасную технику работающей.

И про себя почему-то вдруг уверенно подумал: «Не раньше».

1983 г.

Раствор для рыб

Лицо нашего начальника товарища Лепесткова было чрезвычайно озабоченным. Он быстро вошел в наш кабинет и начал без предисловия.

– Только что от самого Петра Сидоровича, – окинув быстрым взглядом всех инженеров нашего отдела, сказал он и для пущей убедительности указал пальцем куда-то вверх. – Ожидается очень большая и солидная комиссия по комплексной проверке нашего предприятия. Нам поручено внести свою посильную лепту в подготовку к этому событию.

– Любопытно, – заинтересовался Котелков, убирая со стола все деловые бумаги и концентрируя внимание на нашем начальнике. – Только что тут готовиться, я не понимаю. У нас и так все в порядке. Да и самой комиссии интересно было бы узнать подлинное, объективное состояние дел на нашем предприятии. Ведь кому мы в конечном итоге будем замазывать глаза? Только самим себе.

– Вы, Котелков, рассуждаете как молодой специалист, вчера покинувший стены института, где вас пичкали теориями, не заботясь об их практическом применении, – отрезал Лепестков и посмотрел нашему товарищу в глаза. – Знаете, я совершенно не удивлюсь, если в недалеком будущем вашу единицу сократят.

Надо было видеть, как пригнули Котелкова к рабочему столу эти спокойные слова нашего шефа. Он тут же снова достал все бумаги, разложил их перед собой и углубился в работу.

– Вот, это уже лучше, – заключил Лепестков и снова обратился ко всем нам, не поднимающим голов от своих чертежей. – Так вот, нам поручено несколько необычное дело –

развести рыбу в пруду, который соорудят в ближайшее время перед зданием административного корпуса. В утвержденной программе работы с комиссией предусмотрена рыбалка на территории нашего предприятия для усиления психологического воздействия на проверяющих. Предупреждаю заранее: задание сложное, так как заполняться пруд будет тем, что мы сливаем в озеро за городом. Необходимо будет провести серию экспериментов, результаты которых и будут внедрены в пруд.

– Интересно, а почему именно нам поручено такое задание? – подумал вслух умный Ершов. – Мы с рыбой вроде никак не связаны.

– На нашем предприятии никто напрямую с этим не связан, – пояснил Лепестков. – Поэтому и поручили нам – отделу, который уже давно доказал всем свою предприимчивость и умение находить нестандартные решения в самых безнадежных ситуациях. вспомните, как Поливинилов выкрутился с приезжавшей к нам экскурсией по новой технике...

Разумеется, после этих слов шефа я мысленно пожал себе руку.

– Лабораторное оборудование будет предоставлено для экспериментов с завтрашнего дня, – добавил наш начальник. – Первая проверка полученных результатов – через неделю.

...Через семь дней товарищ Лепестков пришел к нам с кем-то из заместителей Петра Сидоровича. Вид у них был строгий, но доброжелательный.

– Ну, как? Покормите нас рыбкой? – улыбнулся наш шеф, хлопнув по плечу Кошкина, записывающего в журнал наблюдений количество всплывших вверх животом рыбок в первом экспериментальном аквариуме.

– Пока придется немного поголодать. Иван Николаевич, – в тон ему ответил Кошкин. – Рыба какая-то странная нынче пошла. Гибнет как миленькая.

– Это она никак пока к нашим условиям не приспособится, – пояснил подошедший с новой партией мальков умный Ершов. – Правда, третье поколение держится в водной среде будущего пруда уже на сорок секунд дольше первого. Правда, у части из них – по две головы, а у другой части – по два хвоста. Так что надежды на успех уже просматриваются.

– А где сама эта водная среда? – поинтересовался заместитель Петра Сидоровича. – Хотелось бы увидеть ее поближе.

– Можете взглянуть вон в том аквариуме, – указал Ершов. – Только будьте крайне осторожны. Постарайтесь не капнуть на руки.

– И берегите глаза, – подсказал Кошкин. – У нас условия эксперимента особенные – максимально приближенные к обстановке обычного промышленного производства.

Заместитель Петра Сидоровича все-таки не удержался и зачерпнул содержимое аквариума металлической кружкой. Несколько капель попали ему на пиджак. Ткань зашипела и через секунду в ней образовалось несколько дырочек.

– Как же это вы так? – воскликнул Котелков, отрываясь от колбы с икрой четвертого поколения рыбок-мутантов. – Мы же вас предупреждали...

– Ничего, лес рубят – щепки летят, – молодежато ответил заместитель Петра Сидоровича и, подзвав к себе Лепесткова, произнес. – Вижу, ваши люди – на пути к успеху. Но времени очень мало. Да и будут ли гарантии, что новый вид рыбы можно будет использовать на уху членам комиссии?

– Трудно давать какие-то гарантии, пока экспериментальная проверка еще на закончилась, – неопределенно пожал плечами Лепестков. – Хотя вот эти – с двумя хвостами – выглядят очень аппетитно.

– И все-таки мы должны предусмотреть вариант с несъедобностью полученных результатов. Поэтому подготовьте мероприятия по организации отлова рыбы из ближайшего озера за городом во время пребывания комиссии министерства на нашем предприятии. Ловить рыбу проверяющие будут в нашем пруду, а в уху забросим ту, которую поймаете в озере, – отдав эти указания и обрадовавшись такой хитроумной затее, заместитель Петра Сидоровича удалился.

Лепестков повернулся ко мне.

– Поливинилов, ты все понял?

– Все, – чистосердечно признался я, осторожно оставляя в покое пробирки с соединениями серной кислоты. Моя задача в этом эксперименте заключалась в приготовлении раствора, аналогичного водной среде будущего заводского пруда.

– Тогда подготовь все необходимое для выполнения поставленной задачи. Ответственным за операцию «Озеро» я назначаю тебя, – сказал Лепестков и развернулся, чтобы уйти.

– Так ведь мы в это озеро уже который год сбрасываем все свои жидкие отходы производства, – остановил я его. – Представляете, что там делается, если трава на берегу не растет.

– Товарищ, Поливинилов, приказы вышестоящего начальника не обсуждаются, а выполняются, – назидательно заметил Лепестков. – И пусть вас ничто не волнует. Вы же не будете эту рыбу есть? Верно?

– Верно, – согласился я и сморщился от боли. Капля раствора для рыб из пробирки все-таки упала мне на левый ботинок. И тот не смог спасти меня от кислотного ожога...

1984 г.

Рационализация

Начальника цеха Граненого аспирант Внедряев застал на рабочем месте уже после окончания рабочего дня. Тот сидел заваленный кучей бумаг, устало поглядывал на часы и на постепенно темнеющее за окном небо.

– Помните меня, товарищ Граненый. Моя фамилия Внедряев. Я у вас на практике три года назад работал, – аспирант подошел поближе, чтобы его можно было рассмотреть. – Я тогда на втором участке был. Очень мне у вас понравилось. И вот тему диссертации задумал по вашему цеху.

– На практике говоришь, – Граненый на секунду оторвался от очередной бумаги и задумчиво посмотрел на Внедряева. – Нет, не помню. Много тут вашего брата в нашем цехе перебывало. И все как ты, с идеями... Диссертация, говоришь... Это – хорошо. А у нас вот план горит... Это – плохо.

– Да вы посмотрите, какая у меня замечательная идея, – Внедряев быстро подскочил к начальнику цеха и расстелил перед ним лист ватмана. – Просто фантастические результаты могут получиться...

Граненый с некоторым сожалением отодвинул от себя все бумаги и уставился на чертеж. Заметив это, Внедряев начал с удвоенной энергией объяснять:

– Меня еще тогда, во время практики, смутило, что второй участок дает продукции меньше, чем мог бы давать при реализации всех внутренних резервов. Вы же знаете, что линия по обработке деталей установлена на нем вот таким образом. Основной ее недостаток – несовпадение скоростей обработки на разных участках. Вот здесь у вас деталей то и дело не хватает для нормальной загрузки оборудования, а вот здесь образуются

чрезмерные заделы... В своей диссертации в одном из разделов я предлагаю ввести в линию вот этот агрегат

Внедряев стал разворачивать еще один огромный чертеж:

– Это устройство я сконструировал таким образом, чтобы оно абсолютно безболезненно вписалось в линию обработки на втором участке. Посмотрите, какой великолепный результат мог бы получиться при внедрении этого новшества. Под агрегат требуется пять квадратных метров площади, но с его помощью производительность линии возрастет сразу в два раза...

При упоминании слова «площади» Граненый болезненно поморщился, а его рука машинально потянулась массажировать область печени. Начальник цеха сделал еще несколько глубоких вдохов с непродолжительной задержкой дыхания.

– Толковый ты парень, Внедряев. И голова у тебя работает. Честное слово, я бы тебя к себе взял, – сказав это, Граненый встал из-за стола, прошелся по кабинету, остановился у огромного окна, которое выходило прямо в цех. – Когда, говоришь, у нас на практике был?

– Три года назад, – бодро ответил Внедряев. – И все эти три года не выходит у меня из головы этот участок. Понимаете?

– Я-то, Внедряев, все понимаю, – сказал почему-то очень грустно Граненый и немного помолчал. – Знаешь, в чем главный недостаток твоей идеи? Что ты у нас был в цехе три года назад. Боюсь, что мы с тобою не сможем понять друг друга.

– Но почему? – удивился Внедряев, и ватман выпал из его рук. – Я сегодня снова облазил весь второй участок. Никаких изменений. Раньше, правда, было как-то просторнее.

– Вот именно – было, а сейчас яблоку негде упасть... Ты подойди сюда. Посмотри еще раз, – Граненый обвел рукою весь просматриваемый из окна цех. – Если найдешь здесь два

метра свободной площади, я тебе сейчас же экономический эффект наличными выплачу...

– Что же делать? – растерялся Внедряев.

– Э-эх, не за ту тему ты взялся, Внедряев, – Граненый отечески похлопал его по плечу. – Менять ее надо... Ты лучше какие-нибудь резиновые стены к промышленным зданиям придумай. Вот тогда любой начальник цеха скажет тебе спасибо...

Слушая это, Внедряев уткнулся лбом в стекло и очень скоро понял, что мечте его не суждено сбыться. Из цеха на него смотрел ошетинившийся парк станков, которые тесно прижимались друг к другу, словно соседи по коммунальной квартире, однажды собравшиеся все вместе на общей кухне.

1983 г.

Помощник

Началась эта история в нашем отделе еще на прошлой неделе. Внешне все было безобидно и даже как-то оптимистично. Пришел к нам начальник наш товарищ Лепестков и как-то так, не без иронии спросил:

– Что, товарищи инженеры, может быть, опять скажете, что зашиваетесь с планом, горите на работе?

– Вы абсолютно верно угадали наши мысли, Иван Николаевич, – не отрывая взгляда от своего кульмана, ответил за всех Кошкин. – Мы, действительно, зашиваемся и горим. А вместе с нами горит и план первого квартала.

– Это хорошо, что работы много, – задумчиво произнес Лепестков и добавил. – Вот мы вам работника одного и дадим в помощь. Идите знакомиться. Он здесь, в соседней комнате стоит. Сегодня только появился у нас.

Мы дружно выскочили встречать новичка и ... ахнули. В соседней комнате стояла приличных размеров электронно-вычислительная машина, подмигивавшая нам своими многочисленными разноцветными лампочками.

– Как вам нравится такой помощник? – спросил на Лепестков и, не дожидаясь ответа, заботливо погладил чудо техники. – Что же поручить тебе делать?

Машина робко засветилась экраном дисплея. Лепестков еще немного подумал и обратился к Ершову, нашему старшему инженеру:

– Давайте-ка сюда, товарищ Ершов, ваши сметы. Попробуем запустить их в машину.

Ершов сбегал за бумагами. И через несколько минут мы ахнули во второй раз: все было сделано с удивительной быстротой. На лице Ершова застыл ужас.

– Она же мою месячную программу в один заход кончила, – еле слышно прошептал он и еще тише спросил сам себя. – Чем же я теперь буду заниматься?

Следующей жертвой стал Кошкин. Машина с помощью автоматического графопостроителя в течение нескольких минут выдала нам оптимальный вариант сетевого графика.

– Вот вам и сбалансированный по всем показателям годовой план работы нашего треста с увязкой по объектам, – обрадовался Лепестков. – Быстро и экономично. Просто прекрасный помощник у вас появился, товарищи инженеры.

После этого он еще раз погладил машину и ушел к себе в кабинет. Мы остались наедине с нашим новым «работником».

– Думается мне, что эта новинка для нас – верный путь на овощную базу, – рассудил здраво Котелков, обойдя машину. – Она же всю нашу годовую программу за неделю чикнет. Вот и думай тогда, чем нас занять. А там и сокращение попасть недолго.

– Логично, – подтвердил умный Ершов. – Надо, мужики, что-то решать. Нельзя нам сдаваться без боя...

– Есть у меня одна идея, – сказал Кошкин, разглядывая новенький сетевой график, выполненный машиной. Он достал из кармана обыкновенный гвоздь. Его решение было простым, как и все гениальное.

– Поливинилон возьмет у меня этот проводник электрического тока и дополнит им микросхемы этой установки, – в этот момент Кошкин даже улыбнулся, посмотрев на меня. – Даю гарантию, что после этого машинку не скоро приведут в рабочее состояние.

– Мне все ясно. Но почему это должен сделать я? – спросил я и съезился под взглядами сослуживцев.

– Ты, Поливинилов, самый молодой из нас, – снова здраво рассудил Котелков. – Если тебе и влетит за это, у тебя еще будет время начать все сначала. Тем более, что ты вообще – молодой специалист. Какой с тебя может быть спрос? Скажешь, тебя обращению с такой техникой не учили. Вот и недосмотрел.

– Логично, – подтвердил опять умный Ершов. – Только сделаешь это по сигналу. Надо немного выждать, чтобы все было логично...

За несколько последующих дней машина выполнила полугодовой объем работы нашего отдела. Ставить об этом в известность своего начальника мы, разумеется, не стали, убрав подальше от любопытных глаз полученные результаты. И вот позавчера, когда я загнал гвоздь в блок памяти машины, что-то внутри у нее вспыхнуло, и на экране дисплея вдруг возникли на несколько секунд слова: «За что?» Однако вскоре все было кончено.

Назавтра мы встретили Лепесткова гробовым молчанием.

– Как работает помощник? – спросил он и, чувствуя недоброе, заволновался. – Что с ним?

– Плохо дело, – жалостливым голосом ответил Кошкин и скорбно опустил голову. – Не выдержала машина напряжения наших производственных заданий. Сломалась вчера.

Здесь голос Кошкина стал крепнуть:

– А люди – держатся! И дальше держаться будем – до последнего гвоздя... Я хотел сказать – карандаша...

Честное слово, мы чуть не заплакали после этих слов. В ответ товарищ Лепестков только покачал головой и ушел. А сегодня нашего «помощника» увезли. Так мы с ним и не успели подружиться. Зато настроение у нас снова стало рабочим. А, значит, и инженерная мысль вот-вот забьет ключом... 1984 г.

Профессионал

Вызвали меня на днях в одну из наших трестовских комиссий отчитываться за экономию металла. Не помню, что меня тогда задержало, только прибежал я на комиссию, когда председательствующий, наш профсоюзный активист товарищ Перьевой, уже сказал вступительное слово и намеревался садиться.– Хорошо, очень хорошо, товарищ Поливинилов, что вы пришли, – мгновенно сориентировался председательствующий. – Еще немного, и мы бы вас считали опоздавшим. А так – прошу сразу и начать свой отчет.

Я выхватил несколько бумаг из папки, что держал в руках, и стал, как говорится, резать по живому: чего в нашем тресте не хватает, какие несем огромные потери. Чувствую, получается у меня сегодня. Голос от волнения немного дрожит. Эти волнение и дрожь невольно передаются моим слушателям. Вижу, начинают и они проникаться остротой проблемы. Кое-кто покрывается пятнами. А я привожу еще более красноречивые цифры и факты нашей нерадивости, бесхозяйственности, преступной халатности в отношении к металлу. Словно опытный оратор, вскрываю недостаток полностью и своим анализом всю его сущность присутствующим показываю: да за такой перерасход, за такое использование ценных материалов гнать надо в шею многих специалистов нашего треста!

Дошел до половины своего выступления и мысленно пожал себе руку. Давно такого внутреннего подъема от собственного публичного появления не испытывал. Стал переходить к критике конкретных виновников сложившегося крайне тяжелого, даже катастрофического положения с использованием металла. Все присутствующие прямо вперед

подались: так я всех увлек мощью своих аргументов, а, главное, наглядностью приведенных фактов.

Вдруг краем глаза замечаю, как председательствующий несколько раз по мне взглядом «стрельнул», встал и, слегка закашлявшись, сказал:

– Прошу прощения, товарищ Поливинилов. Я забыл, а вернее, не успел вас познакомить с нашими сегодняшними гостями из вышестоящей организации. Но думаю, это очень хорошо, что вы подошли к своему выступлению критически, проблемно. Именно так принципиально и надо бороться с имеющимися недостатками. Правильно я говорю?

Товарищ Перьевой кинул настороженный взгляд в сторону гостей.

Товарищи из вышестоящей организации солидно, сдержанно закивали в ответ, соглашаясь с этими словами. А меня словно обухом по голове хватили. Это же надо так подзалететь. Посмотрел ошарашенно на угрюмые физиономии своих коллег по работе и все понял – влип по самые уши! Вот что значит на ответственные заседания опаздывать. Так мне досадно в этот момент стало – столько вдохновения в свое выступление вложил, а выходит, что совсем не в ту сторону меня понесло. Чуть не выругался, честное слово. Но быстро взял себя в руки. Чего на производстве не бывает. Надо в любом случае оперативно находить выход из неблагоприятно складывающейся ситуации. Поэтому незаметно достал из папки еще несколько листков и, выдавив из себя подобие дружеской улыбки, сказал:

– Как видно из приводившихся здесь фактов и цифр, можно с полной уверенностью сказать, что резервы в нашем тресте в деле экономии металла существуют еще немалые. Но

уже многое сделано по их практической реализации, всестороннему использованию. Это и значительная работа по повышению творческой активности наших производственников, и охват соревнованием большинства работающих, и...

Когда я закончил говорить, пот с меня лился рекой. Но я уже не обращал на это внимания. Правда, настроение мое к концу выступления заметно улучшилось. Особенно это произошло после слов:

– Успехи наши, товарищи, налицо. Думаю, что опытом нашего треста по экономному использованию металла могли бы заинтересоваться многие, – сказал я и выразительно посмотрел сначала на товарищей из вышестоящей организации, которые что-то быстро записывали себе в блокноты, потом – на председательствующего: он украдкой показал мне большой палец не занятой писанием протокола руки.

...После окончания заседания комиссии товарищ Перьевой подошел ко мне.

– Ну, брат, не ожидал. Я ведь уже подумал, что все погубло, – он похлопал меня по плечу. – А ты, молодец! Просто профессионал звонкой фразы.

– Работа у меня такая, – ответил я, смахивая пот со лба. – А о возможных гостях, товарищ Перьевой, надо предупреждать заранее. А то ведь так и до инфаркта недалеко.

– Принимаю твою критику, – примирительно сказал в свое оправдание Перьевой. – Понимаешь, больно уж неожиданно свалились они на нашу голову...

1984 г.

Талант

Честно говоря, я всегда с искренней симпатией относился к специалистам в сфере управления. Что бы там ни говорили, а для умелого руководства процессами производства надо обладать целым набором качеств, в числе которых терпение, железная выдержка и хладнокровие – преобладающие. Недавно я еще раз укрепился в этом своем мнении. Впрочем, расскажу обо всем по порядку.

Случилось это несколько дней назад. Сразу после начала работы, когда мы уже сидели за своими столами, погруженные в творческий процесс проектирования новых узлов, к нам по своему обыкновению заглянул товарищ Лепестков, наш начальник, чтобы проверить рабочее состояние каждого инженера. Прошелся между столами, задал несколько контрольных вопросов. И в этот момент открывается вдруг дверь в наш отдел и на пороге появляется мужчина средних лет с папочкой в руках. Окинул нас быстрым взглядом и спрашивает:

– Кто у вас, товарищи, занимается кадровыми вопросами?

Мы, разумеется, ни слова. Головы от своих проектов не поднимаем, только краем глаза наблюдаем за своим начальником. Тот слегка нахмурился. Оторвался от чертежа Кошкина и говорит:

– А вас, собственно, что интересует конкретно?

– Хочу устроиться в вашу контору на работу, – напористо ответил вошедший, чутьем распознав в товарище Лепесткове нашего начальника. – Моя фамилия Наподхватов.

– Хорошее желание и фамилия подходящая, – одобрил Лепестков и поинтересовался. – На какую же вы должность думаете у нас претендовать?

Наподхватов несколько секунд помолчал, очевидно, собираясь с духом и мыслями. Затем едва ли не шепотом спросил:

– Говорить можно здесь или у вас в кабинете?

– Можно здесь, – покровительственно сказал Лепестков. – У меня от сотрудников тайне нет. И вообще, многие вопросы мы решаем коллегиально. Не правда ли, товарищи?

В этот момент у Котелкова почему-то сразу покраснели уши, Ершов, поперхнувшись на вздохе, начал сморкаться, Кошкин дрожащей рукой полез за сигаретой, и только я одобрительно закивал головой, что не прошло мимо внимания Лепесткова. Я мысленно пожал себе руку.

– Хорошо. Здесь так здесь, – Наподхватов подошел к нашему начальнику и, пристально глядя ему в глаза, сказал металлическим голосом. – Могу занять в вашей конторе пост руководителя любого масштаба и ранга. Скажем, вашего заместителя.

Изображать работу после этих слов мы, разумеется, уже не могли. Незнакомец вызывал живой интерес к себе. И мы откровенно уставились на него. Лепестков спокойно выдержал довольно длительную паузу, после чего спросил:

– Чем же вы можете аргументировать свое предложение? Ведь чтобы руководить, необходимо иметь талант. Думаю, вы согласитесь с утверждением того, что процесс управления имеет много общего с творческим процессом.

– Это – вне всякого сомнения, – ответил Наподхватов. – Что касается таланта, то он – налицо. А вот официальное подтверждение этого.

Незнакомец раскрыл папку, которую до этого вертел в руках, и достал оттуда аккуратно сложенный лист бумаги.

– Что это? – едва ли не вскричал пораженный Кошкин, который на протяжении последних нескольких месяцев активно давал понять всем, что обладает определенными достоинствами в вопросах управления, то и дело поглядывая на пустующий кабинет заместителя начальника нашего отдела.

– Это – медицинская справка, – с чувством некоторого превосходства ответил уже всем нам Наподхватов. – В ней подтверждаются некоторые мои достоинства. Например, умение без приступов сна и зевоты сидеть на совещаниях по восемь и более часов подряд. При этом у меня практически не снижается крепость голоса. В самой критической по сонливости ситуации я могу уверенно произнести: «Только что в выступлении предыдущего оратора прозвучало несколько интересных мыслей. Правда, мне трудно сразу оценить подлинное значение этих предложений. Для этого необходимо время – несколько недель, чтобы детально все проработать». Другой важный фактор – осанка. Спина у меня не гнется уже давно, о чем и свидетельствуют медики. Так что на меня в любой производственной ситуации приятно будет посмотреть, даже при невыполнении квартального задания.

Сказав это, Наподхватов продемонстрировал свои достоинства на практике. По крайней мере, по его осанке чувствовалось, что он говорил правду...

– Мне, действительно, нужен заместитель, – медленно произнес Лепестков, задумчиво глядя на незнакомца.

Кошкин после этих слов заметно расправил плечи и попытался придать своему сгорбленному положению за рабочим столом какое-то подобие солидности.

– Заместитель мне нужен, – повторил все так же медленно Лепестков, – И в вас, товарищ Наподхватов, действительно, кое-что для этой должности есть...

Теперь мы старались не смотреть на Кошкина, который стал едва различим за своим столом.

– Хорошо, я подумаю, – добавил наш начальник, посмотрел на часы и заторопился. – У меня сейчас совещание. Вызывают на оперативку. Кстати, будут обсуждаться вопросы оптимизации управленческого труда. Так что подождите меня. Приду и что-нибудь решим.

Наподхватов в согласии кивнул головой, и начальник скрылся за дверью. Мы снова уткнулись в свои чертежи, переживая за Кошкина, который с откровенной ненавистью смотрел на незнакомца. Наподхватов, чувствуя наше состояние, не стремился завязать с нами разговор. Восклицательным знаком он застыл на стуле, полностью настроившись на созерцание потолка в нашем отделе. Нечто похожее произошло и с Кошкиным, который, отодвинув чертежи в сторону, уперся взглядом в давно некрашенный пол.

Так прошло несколько часов. Мы с Ершовым и Котелковым сходили на обед, обсудили ситуацию, взвесили шансы сторон. Но в отделе снова замолчали: с потенциальным начальником надо быть вдвое осторожнее, чем с реальным шефом. Претенденты сидели не шелохнувшись.

За пять минут до конца рабочего дня Наподхватов вдруг стал подавать признаки беспокойства. Посмотрел на часы, потерся спиной о косяк стула, вытер пот со лба. Наконец, не выдержав, встал и затекшими ногами прошелся по комнате. Кошкин сохранял олимпийское спокойствие.

– Может, он забыл, может, его уже не будет, – бормотал себе под нос Наподхватов. – Ну, и конторка. Так всю жизнь можно без толку просидеть. Это черт знает, что!

С этими словами он внимательно осмотрел нас, мумиями застывших на своих рабочих местах. Затем снова бросил взгляд на часы.

– А чего вы сидите, мужики? Рабочее время уже закончилось, – Наподхватов попытался дружески улыбнуться, но улыбка быстро сползла с его лица, наткнувшись на наше суровое молчание.

– Ценю в коллективах монолитность, – сказал он минут через сорок. – Жаль, что я не с вами.

После этого он, аккуратно сложив медицинскую справку, подхватил свою папочку и выскочил из отдела.

– Восемнадцать часов пятьдесят две минуты, – бесстрастно зафиксировал умный Ершов. – Чистое ожидание – девять часов двадцать две минуты.

– Неплохой парень, но слабак, – констатировал Котелков.

В этот момент в отделе снова появился наш начальник. Вид у него после совещания по вопросам оптимизации управленческого труда был немного усталый, но голос оставался бодрым и жизнерадостным.

– А где же наш талантливый друг? – спросил он.

Мы промолчали и невольно посмотрели на Кошкина, который, выразительно изучая Лепесткова, разомкнул онемевшие челюсти:

– У него справка фальшивой оказалась. Хотел надуть вас, Иван Николаевич, да не вышло. Не подходит он нам.

– Это точно, – согласился с ним Лепестков и вздохнул. – Требования у нас на этот счет очень жесткие. Не каждый выдержит. Здесь талант нужен.

И он похлопал Кошкина по плечу.

1984 г.

Комиссия

Выпроводив очередного посетителя, Лепестков потянулся за своим рабочим столом, посмотрел в окно, где уже плясала ранняя весна, и с сожалением покачал головой – вот так за бумажками вся жизнь и проходит. Но тут дверь к нему в кабинет снова отворилась, и он, сконцентрировав волю, посмотрел на вошедшего крупного – косяя сажень в плечах – старика.

– Вы ко мне? – не без интереса спросил Лепестков, разглядывая колоритного посетителя и прикидывая, какая из инстанций могла прислать такого проверяющего.

«Наверное, из сектора социального обеспечения. Там пенсионеров любят привлекать как внештатных инспекторов», – решил для себя Лепестков, продолжая наблюдать за вошедшим.

– К тебе, к тебе, – ответил могучий старик, затаскивая в кабинет из коридора несколько здоровенных баулов.

– Что значит, «к тебе»? – вскипел Лепестков, почувствовав нарушение субординации в словах посетителя. – Здесь вам, товарищ, государственное предприятие, а не частная лавочка. Так что просил бы не «тыкать»... Несмотря на разницу в возрасте... Я нахожусь все-таки при исполнении служебных обязанностей. Скорее выкладывайте, что у вас там, и не превращайте мой кабинет в камеру хранения... Вы с проверкой?

– Совсем зашился...Ишь, нервный какой стал, – покачал головой посетитель, и в его глазах засветились искорки смеха.

Он скользнул взглядом по стенам кабинета, по развешанным всюду графикам работы и экранам соревнования и добавил:

– Да, с проверкой... Решил вот посмотреть, все ли у тебя здесь в порядке. Говорят люди, что не все у тебя ладится так, как надо.

– Это по металлу, что ли? – спросил Лепестков и прямо подскочил на стуле. – Но ведь все справки с подробным анализом я уже отдал предыдущим двенадцати комиссиям. Сколько же можно плодить ненужные бумаги? Когда, наконец, у меня появится возможность спокойно работать, заниматься выполнением доведенного задания? Разве это в человеческих возможностях принять двенадцать комиссий за месяц?

Голос Лепесткова стал срывать, но он решил выплеснуть все накопившееся этому посетителю, лицо которого ему показалось чем-то знакомым, а в глазах виделось желание выслушать все, что ему скажут:

– Это бесчеловечно, в конце концов, – плодить бесконечные комиссии, которые изматывают и меня, и моих сотрудников постоянными придирками, подозрениями, проверками второстепенных деталей, показателей работы...

Силы стали покидать Лепесткова, но он все-таки успел вытащить из своего рабочего стола папку с бумагами и бросил ее посетителю.

– Я знаю, вас меньше всего трогает это мое лирическое отступление, – добавил Лепестков слабеющим голосом. – Возьмите. Здесь все данные по отходам, по расходам, по приходам, по уходам...

И он замолк, в испуге закрыв глаза.

– Да, правду мне говорили... Совсем ты в этих стенах очумел, – сказал посетитель и, подойдя вплотную к Лепесткову, легко вытащил его одним движением из-за стола.

– Товарищ, что вы делаете? – попытался вырваться из рук посетителя Лепестков, но все было бесполезно. Могучий старик приблизил его, беспомощно болтающего ногами в воздухе, к своему лицу и мягко сказал:

– Из деревни я приехал к тебе, дурья твоя башка. Проверить, как ты тут живешь. А ты отца родного не узнаешь, что ли? Совсем уже свихнулся за своими справками, да комиссиями. А я тебе гостинцев привез.

– Батя! – узнавая знакомое лицо, только и смог выдавить из себя Лепестков, засопел носом и уткнулся в грудь старика. – Что же ты сразу не сказал? Да и секретарше – ни слова...

– Ну, ты даешь, шпингалет! – раскатисто рассмеялся Лепестков-старший. – Может, мне еще табличку на себя повесить?

– Батя, ты не обижайся. Я за день здесь так накручиваюсь с проверяющими, зверем становлюсь, на людей бросаюсь.

– Да, я уже и сам это вижу, – добродушно ответил Лепестков-старший. – Проверяло бы мою кузницу столько людей да комиссий, я бы ее вообще закрыл. За ненужностью. Когда же работать?

– Тебе легко говорить, – задумчиво произнес Лепестков-младший. – Ты перед людьми своими конкретными делами отчитываешься. А вот попробуй бумажными показателями о работе отчитаться? Это, батя, такие разные вещи, что трудно в это даже поверить...

1984 г.

Микрофон

Скажу откровенно: очень я люблю бывать на разных торжественных совещаниях, собраниях, чествованиях. Люблю за атмосферу какой-то необыкновенной приподнятости, за ощущение праздника, который всегда на таких мероприятиях ощущается. И тогда самому на душе становится так легко и радостно, что хочется петь, веселиться, чувствовать себя счастливым.

Надо сказать, что об этой моей слабости знают все мои знакомые. И поэтому всегда по возможности зовут меня на подобные торжества разделить с ними радость по тому или иному поводу.

На днях пригласил меня сосед мой Макушкин побывать с ним на одном таком собрании. А дело было в том, что продукции, которую выпускает предприятие, где он работает, присвоили высшую категорию качества. Событие это, сами понимаете, далеко не рядовое, из ряда вон выходящее. Я, конечно, согласился пойти...

Пришли мы с Макушкиным в огромный, празднично украшенный зал. Людей полно. И все – красивые, на лицах – улыбки. Сели мы на свои места и стали смотреть, что будет.

Здесь их начальник, товарищ Козлокранов, вышел на трибуну и начал говорить в микрофон:

– Далеко не каждый год, товарищи, приходит к нам такой успех. Это свидетельствует, прежде всего, о степени сложности той задачи, которую мы все-таки решили, добились своего. Хотя было нелегко.

Зал дружно зааплодировал, а Козлокранов после паузы продолжил:

– Было даже трудно, ибо о приезде аттестационной комиссии мы узнали в самый последний момент. Но мы успели подготовиться в минимальные сроки. За это честь нам и хвала...

Теплые слова благодарности трепетными птицами разлетались по залу. Я даже закрыл глаза, настолько мне было это приятно. Макушкин, тот вообще просто светился от счастья, изредка поглядывая на меня. Мол, знай наших. Честно говоря, где-то в глубине души я ему по-хорошему завидовал. Все-таки в этом успехе коллектива был и его достойный вклад, заведующего столовой. А Козлокранов продолжал говорить:

– Товарищи, слова очень глубокой благодарности я хочу адресовать сейчас, прежде всего, членам аттестационной комиссии. Ведь это именно они, несмотря ни на что, сумели достойно оценить нашу продукцию. Очень приятно, что мы можем поприветствовать их. Они находятся в этом зале...

Все, разумеется, снова дружно заплодировали. Особенно старался Макушкин. Чуть все ладони не отбил.

После этого товарищ Козлокранов сказал что-то вкратце о внутренних резервах, которые предприятие ввело в действие, чтобы обеспечить высокое качество продукции, и предоставил слово председателю аттестационной комиссии. Тот мутным взглядом обвел собравшихся и сказал:

– Ваш праздник – это и наш праздник.

Немного подумав, он добавил:

– Да, нам было нелегко. Но мы сделали все, что могли. Мы позаботились о том, чтобы ваша замечательная продукция...

В этот момент микрофон захрипел, засвистел и через несколько секунд вообще умолк. Мы перестали слышать выступающего. Но общий эмоциональный заряд аудитории был

настолько сильным, что в ответ на отказ техники зал разразился новыми аплодисментами.

Радуюсь и хлопая вместе со всеми, я наклонился к самому уху Макушкина и спросил:

– Слушай, старик, а что вы выпускаете?

Тот распрямил плечи и гордо ответил:

– Микрофоны!

В этот момент аплодисменты усилились, так как товарищ из аттестационной комиссии стал что-то вручать Козлокранову. Едва ли кто-то из присутствующих заметил, что мои хлопки постепенно становились все жиже и жиже...

1984 г.

Авария

По всему чувствовалось, что старший мастер Мигреньев с трудом сдерживал огромное волнение. Срочно собрав коллектив нашего участка в красном уголке, он слегка срывающимся голосом объявил, помахивая какой-то бумажкой над головой:

– Товарищи, хочу сделать вам важное сообщение. Только что к нам на завод поступила телеграмма от геологов. У них там где-то произошла какая-то авария. Они обнаружили огромные залежи нефти. И весь ее поток устремился сейчас в ствол земной коры, выходящий на территорию нашего цехового склада. По расчетам специалистов, у нас в запасе еще несколько часов. Товарищи, надо спасти народное добро. Необходимо в самые сжатые сроки перебазировать сложенную там продукцию в более безопасное место. Словом, объявляю «чрезвычайное положение» на нашем участке. Все ли понимают серьезность и срочность предстоящих действий в аварийной обстановке?

– Да что там понимать, дело надо скорее делать, – выкрикнул с места наш бригадир Савушкин. – Природа, она ведь нас ждать не будет...

И мы всем скопом устремились на цеховой склад. Быстро прикинули, куда переложить детали и узлы. Еще быстрее отремонтировали два подъемных крана, сломавшихся больше месяца назад. Рабочая смекалка подсказала нам, как лучше организовать транспортный конвейер в опасной зоне.

– Быстрее, быстрее, соколы мои, времени в обрез, – приговаривал Мигреньев, поглядывая на часы.

Но никого подгонять не пришлось. Работали мы без перерыва практически две смены. Никто не ушел домой, пока последний винтик не был переброшен в безопасное место. Лишь в бытовке мы почувствовали, как здорово устали.

– Мужики, что у вас сегодня стряслось? – спросил, заглянув к нам, начальник соседнего цеха товарищ Граненый. – Стихийное бедствие, землетрясение, что ли?

– Почти угадали. Но вы это лучше у старшего мастера нашего спросите, – ответил за всех Савушкин, растирая наработанную поясницу. – Он вам телеграмму про нефть покажет.

...Увидев любопытного, Мигреньев сразу приложил палец к губам и отвел Граненого подальше от бытовки.

– Дело в том, что надо было самым срочным образом освободить площади под строительство нового корпуса. Полгода вопрос решить не могли. До сих пор бумаги по этому поводу где-то по кругу ходят. А здесь строители уже колонны с фундаментными блоками завозить стали. Обложили нас ими, как стаю волков красными флажками. Вот и пришлось выход искать в объявлении чрезвычайного положения. Зато теперь – нет проблем, – и он показал рукой на полностью освобожденную для строительства площадку.

– А что за телеграмма про нефть? – спросил заинтересованный и заинтригованный Граненый.

– Да, это брат прислал на днях. Он у меня геолог. Недавно их экспедиция крупное месторождение в Сибири обнаружила. Это меня и натолкнуло на мысль об аварийном выбросе.

– Любопытный опыт, – почесал затылок Граненый. – Что бы это нам такое придумать, чтобы у себя на складах порядок навести?

Мигреньев неопределенно пожал плечами.

– Слушай, а тебе брат ничего про месторождения газа не писал? – с надеждой в голосе после долгого молчания спросил Граненый. – Может, с ним тоже аварии случаются?

– Трудно сказать, но попробовать можно, – уверенно ответил Мигреньев. – Любим мы в чрезвычайных обстоятельствах свой крепкий характер показывать, а на будни его не хватает. Я это уже давно заметил.

– Тогда обязательно попробую, – сказал Граненый и побежал в свой цех.

1984 г.

Несостоявшийся выговор

Уже с утра было ясно, что надо мною сгустились тучи. Вскоре после начала рабочего дня к нам в кабинет зашел наш начальник товарищ Лепестков. Окинул всех внимательным взглядом и остановился на мне:

– Оказывается, вы тоже иногда работаете, Поливинилов?

– Естественно, – холодно отозвался я.

– А мне, судя по качеству ваших проектов, кажется, что вы приходите сюда отдохнуть, – язвительно заметил Лепестков. – Вы знаете, что ваши чертежи заказчик забраковал. И сейчас вы поставили весь наш отдел в нелегкое положение накануне подведения итогов социалистического соревнования.

Я лениво качнул головой и глубокомысленно изрек:

– Не ошибается тот, кто ничего не делает.

– Действительно, лучше бы вы ничего не делали, – в сердцах бросил наш шеф. – Меньше было бы хлопот сейчас. Наделали кучу элементарных технических ошибок. Вы просто позорите звание инженера. Как вам не стыдно? Где ваша профессиональная гордость? В конце концов, чем вы думаете на работе? Когда вы начнете, наконец, отвечать за свои дела?

Высыпав на мою голову град этих неприятных вопросов, товарищ Лепестков вплотную подошел ко мне, размахивая руками. От собственных слов он покраснелся и разгорячился.

Я очень спокойно и с безучастным видом посмотрел ему в глаза. Это немного удивило нашего шефа.

– Что это вы, Поливинилов, так спокойно реагируете на мою критику? – спросил он. – Раньше этого за вами не замечалось. Я ведь с вами не шутки шутить собираюсь... Вот проект приказа, который я думаю сейчас подписать, – об объявлении вам выговора за халатное отношение к работе.

И он достал откуда-то небольшой лист бумаги.

– Выговор, говорите, – слегка улыбнулся я, но затем мой голос налился металлом. – А вы знаете, товарищ Лепестков, что меня по профсоюзной линии включили в комиссию по контролю за вашей управленческой деятельностью. И на ближайшем заседании мы будем очень внимательно анализировать стиль вашей работы с людьми. Боюсь, что ваши положительные качества останутся в меньшинстве. Посмотрите на себя: разве можно таким тоном разговаривать с дипломированным специалистом? А до чего вы себя довели собственными риторическими вопросами? На вас смотреть страшно. Разве в состоянии вы сейчас принять оптимальное управленческое решение? Да никогда! Эмоции захлестывают вас. И мне, как члену комиссии, скажу откровенно, больно и не очень приятно видеть вас таким распоясавшимся в общении с подчиненными. Мне будет очень трудно защитить вас на предстоящем заседании нашей комиссии. Да, вы – руководитель, вам дана немалая власть. Так распорядитесь же ею как следует, а не как бог на душу положит... Работайте пока...

Честно говоря, сам не ожидал, что мои слова произведут на шефа такое впечатление. В конце концов, надо же мне было как-то защищаться от его упреков.

Выйдя из оцепенения, вызванного моим монологом, товарищ Лепестков свел брови у переносицы:

– Да, действительно, есть такая комиссия. И как это вы, Поливинилов, туда угодили?

– Мир не без добрых людей, Иван Николаевич, – с мефистофельской улыбкой ответил я. – Есть и такие, которые у других замечают не только недостатки.

– Да-а, – задумчиво протянул Лепестков. – Деловой вы у нас, оказывается, человек...

Не знаю, насколько я деловой, но буквально через несколько минут проект приказа об объявлении мне выговора за халатное отношение к работе превратился в жалкие клочки бумаги, которые немедленно полетели в урну.

А я ведь, чудак, даже упирался в свое время, когда меня выбирали членом этой комиссии. Не понимал, какое важное, а, главное, полезное дело мне доверяют...

1984 г.

Как я прогуливал

Сегодня утром, вскоре после начала рабочей смены, подошел ко мне мастер наш, Мигреньев. Лицо, вижу, у него злое, брови нахмурил. Достал свою «черную» записную книжку, посмотрел в нее и говорит:

– Знаешь, Поливинилов, пора с этим кончать!

– С чем? – не понял я.

– С прогулами, – Мигреньев полистал свою книжицу и добавил. – В этом месяце у тебя знаешь их сколько?

– Знаю, – нехотя ответил я.

– И в прошлом месяце было не меньше, – сказал Мигреньев и очень внимательно посмотрел на меня. – Но вот почему ты прогуливаешь только в первой половине каждого месяца?

– Так ведь во второй работать надо, – смутился я.

– А почему и Федяев стал с тобою в те же дни прогуливать?

Посмотрел я здесь по сторонам и говорю шепотом Мигреньеву:

– Сказать правду?

Тот прямо рот от удивления открыл:

– Что вы там придумали?

– Понимаете, товарищ Мигреньев, – начал я объяснять. – Мы с Федяевым в соседний цех по совместительству устроились. Вы же знаете – у нас вся работа на участке после двадцатого числа начинается. А там, наоборот, все заготовки до двадцатого надо сделать. И к нам в цех передать. Раньше мы с Федяевым не знали, куда себя деть первые две-три недели. От домино уже стол в «курилке» протерся. А сейчас мы заняты весь

месяц. Может, если бы не мы, так вы и после двадцатого заготовок бы не имели...

Вижу, как-то по-другому стал на меня Мигреньев смотреть.

– А вот вы вчера опять весь день простояли? – спрашиваю я его.

– Простояли, – угрюмо признался он.

– А я стоять без дела не могу, – признался я в свою очередь.

Задумался здесь наш мастер. Почесал подбородок и говорит:

– А, знаешь, Поливинилов, мне твоя мысль нравится. Я думал, ты бездельник, а на деле получается – рационализатор, каких поискать.

– Ну, уж вы скажете, – ответил я и покраснел.

– И скажу. Нам всем опыт ваш с Федяевым перенять надо. Может, тогда толк будет. Может быть, тогда порядок наведем в снабжении заготовками, – сказав это, Мигреньев уткнулся в свою записную книжку и стал в нее что-то лихорадочно записывать.

А потом снова посмотрел на меня:

– Мы завтра в цехе собрание проведем. Ты на нем должен будешь выступить. Слышишь? Обязательно выступишь!

– Можно и выступить, – согласился я. – Только бы дело от этого выиграло.

После этого мастер куда-то убежал, а ко мне сразу подскочил Федяев.

– Что это Мигреньев так переполошился? – спросил он. – Опять за прогулы воспитывал? Учил жить?

– Да, вроде как, наоборот все получилось, – ответил я, включая станок и уже обдумывая тему своего завтрашнего выступления...

1984 г.

Пусковой комплекс

Я пришел в отдел от нашего начальника товарища Лепесткова до предела загруженный чертежами.

– Что принес, Поливинилов? – спросил умный Ершов, следя за моими усилиями сложить все бумаги на своем рабочем столе.

– Это документация на установку технологического оборудования в новом пусковом комплексе, – отдышавшись, ответил я. – Поставлена задача: в максимально сжатые сроки пустить чертежи в работу. Проектировщики нас и так прилично задержали. Если бы мы на них не насели, как следует, еще и сегодня сидели бы с пустыми руками.

– Насели, говоришь, – с видом знатока произнес Ершов. – Знакомое дело. Только бы я, Поливинилов, не спешил эти бумаги пускать в дело. Им надо вылежаться, понимаешь?

– Ты в своем уме, Ершов? – возмутился я. – Тебе же человеческим языком сказали. Это – документация на пусковой комплекс. Объект в четвертом квартале надо сдавать. А там – в отношении монтажа нового оборудования и конь не валялся. Да и на последнем собрании актива слышал, что говорили. Ускорить темпы технического перевооружения предприятия. А ведь сократить сроки установки и ввода нового оборудования – это значит получить дополнительную экономию.

– Все верно, – согласился Ершов, но от своего не отступил. – И все-таки недельку я бы на твоём месте выждал.

– Недельку? – ужаснулся я. Когда каждая минута дорога?

– Эх, Поливинилов, чувствуется в тебе юношеский максимализм вчерашнего выпускника высшего учебного заведения, – покачал головой Ершов. – А ты послушай меня,

человека предпенсионного возраста. Таких объектов через меня прошло несколько десятков.

– В принципе, Ершов, ты у нас в отделе старший инженер. И в какой-то мере можешь мне приказать не пускать эти чертежи в дело, – стал вслух соображать я.

– Вот именно, – подтвердил Ершов, – Я тебе скажу: моя интуиция меня еще никогда не подводила. Послушаешь меня – не пожалеешь.

– Ладно. Недельку потерплю, – согласился я. – Но ни одним часом больше.

...Через пять дней к нам приехал представитель проектировщиков. Вид у него был весьма расстроенный.

– Товарищи, могу я у вас забрать наши чертежи, – сказал он совершенно упавшим голосом.

– Конечно, нет, – отозвался первым умный Ершов, мельком глянув на рулоны, лежавшие на моем столе. – Они давно уже в работе. Монтируем пол вашему проекту, товарищ, сложное, дорогостоящее и высокопроизводительное оборудование на пусковом комплексе. Сегодня пятый день пошел. Народ трудится с большим энтузиазмом, понимая важность задачи – сдать комплекс в четвертом квартале. Так что время у нас сейчас больших денег стоит.

Представитель проектировщиков схватился за голову, но успокоился очень быстро. И уже абсолютно ровным тоном изрек:

– Я понимаю, товарищи, как это вам будет и трудно, и накладно сделать. Но все монтажные работы на пусковом комплексе надо немедленно прекратить. В последний момент поступили принципиальные изменения проекта. И мне необходимо забрать всю документацию на доработку. Вот здесь

у меня на это – письменное разрешение министерства, – он протянул Ершову папку, которую держал в руках.

– Любопытно, любопытно, – сказал тот, открыв бумаги. – Все верно. Разрешение у вас есть. Поливинилов, нагрузите товарища документацией.

Я сгреб со стола все рулоны и сунул их представителю проектировщиков. Тот искренне поблагодарил нас. И очень быстро исчез за дверью

– Ну, что скажешь? – хитро сощурившись, спросил Ершов

– Скажу, что с такой интуицией надо выступать на эстраде, демонстрировать психологические опыты, – восхищенно ответил я. – Это сколько ненужных дел мы бы за эти пять дней на пусковом комплексе могли натворить. Страшно подумать. И все было бы впустую.

– Вот именно, – подтвердил Ершов. – А ты – пусковой комплекс, пусковой комплекс...

– Кто же знал, что так получится, – попытался оправдаться я. – Нас этому в институте не учили.

– Ничего, – убежденно сказал Ершов. – Жизнь, брат, она всему научит...

1984 г

Робототехника

Если говорить откровенно, то началась эта история еще в прошлом году при паспортизации рабочих мест в механическом цехе. Мы тогда подсчитывали количество ручного труда на каждом участке. Хорошо помню, как пришел к нам сам начальник цеха товарищ Граненый и сказал:

– Очень я на вас надеюсь, ребята. А особое внимание хочу обратить на одну тяжелейшую технологию при выполнении сборки на третьем участке. Фамилия рабочего, который там занят, – Федяев. Трудно ему приходится.

Мы проверили слова Граненого и очень скоро убедились в их правильности. Федяев – парень здоровый. Огромная кувалда только мелькала в его руках. Подсчитали мы затраты его физического труда и просто за головы взялись. Тогда же и решили для себя – автоматизацию начнем с этого рабочего места.

Больше чем полгода готовили техническую документацию, «выбивали» соответствующее оборудование, еще дольше его налаживали, подгоняли под местные условия. Наконец, настал тот торжественный момент, когда мы с аспирантом Внедряевым, как авторы проекта автоматизации, пришли на участок к Федяеву. Тот был весь перемазан. Пот так и струился по его лицу. Но кувалда по своему обыкновению взлетала над головой Федяева, словно игрушечная. Мы хлопнули его по плечу и очень дружески начали:

– Все, товарищ Федяев, можете отправлять свою кувалду в отставку. Теперь вместо вакс здесь будет работать робот, – объявил Внедряев.

– Это еще что за робот? – удивился Федяев.

– Поливинилов, объясни популярно товарищу, – попросил меня Внедряев, а сам попытался поднять кувалду. Ничего у него, конечно, не вышло. Только очки запотели.

Я сделал небольшой обзор современной робототехники, особо остановившись на важности ее внедрения в нынешних условиях дефицита рабочей силы.

– Значит, – резюмировал мое выступление Федяев, – я должен буду отсюда уйти?

– Точно, – подтвердил я. – Железный конь придет на смену крестьянской лошадке.

Федяев задумался. На его лице трудно было прочесть выражение радости. Нас это немного смутило.

– Что же это ты нам даже спасибо не скажешь? – удивился Внедряев. – Знаешь, сколько мы сил на этого робота положили. Это тебе, друг, не кувалдой махать.

– А чего радоваться? – угрюмо ответил Федяев. – Я здесь три сотни в месяц играючи имею. И никаких проблем. Нравится мне, когда за работу так платят.

– Так ведь труд у тебя тяжелый и физический, – попытался объяснить я.

– Ну и что? – довольно резко оборвал мои рассуждения Федяев. – Так ведь и деньги хорошие получаю. За такие можно и силу приложить. А сейчас что со мной будет? Куда же меня теперь?

– А ты иди руководить нашим роботом. Будешь только кнопки нажимать, – улыбнулся Внедряев. – Вот и вся проблема. – Любопытно, – заинтересовался Федяев. – И сколько же я буду за ваши кнопки получать?

– Как в штатном расписании указано – сто двадцать рублей в месяц, – ответил Внедряев.

Услышав такую цифру, Федяев насупился. Но вскоре лицо его просветлело. Он поднял на нас глаза и с надеждой в голосе спросил:

– Товарищи инженеры, а нельзя ли мне вместо робота здесь остаться?

– Нет, дружок, нельзя, – убежденно сказал я. – Не хочешь быть оператором – твое дело. Наше дело – маленькое. У нас здесь по проекту технического перевооружения цеха должен стоять робот.

– Что же это такое? – возмутился Ведяев. – Никто ничего раньше не говорил. И вдруг... Никуда я отсюда не уйду.

– Как это не уйдешь? – Внедряева даже передернуло от такого упрямства. – У нас есть план внедрения новой техники, а у тебя что?

Здесь Федяев посмотрел на свою кувалду и понял, что стоять на пути технического прогресса бессмысленно. Он опустил голову и так тихо-тихо спросил нас:

– Мужики, а если робот сломается, кто его заменит?

– Кто? Разумеется, ты, если будешь при нем оператором, – разъяснил Внедряев.

– Вот это мне уже нравится, – обрадовался Федяев.

...С тех пор прошло несколько месяцев. Мы с Внедряевым получили полагавшуюся нам премию за внедрение новой техники. Но как мы потом узнали, через две недели после пуска наш робот сломался. Его долго ремонтировали. Потом он сломался еще и еще раз. И его снова долго ремонтировали. Но история снова повторилась. Наконец, вся эта «чехарда с «механическим другом» всем ужасно надоела. И его, недолго думая, задвинули подальше от чужих глаз. Самое удивительное,

что все остались только довольны. Всем стало хорошо: и ремонтникам, и наладчикам, и оператору.

1984 г.

Конкурс

– Здравствуйте, дорогие радиослушатели! Мы начинаем наш репортаж с конкурса профессионального мастерства молодых рабочих механического цеха нашего завода. До начала трудового соревнования осталось несколько минут, так что у заводского радио есть еще время ближе познакомиться с условиями предстоящего соперничества.

Сегодня примут старт двенадцать молодых производственников. Особенность конкурса – в максимальном приближении условий его проведения к обычным, наблюдаемым в цехе каждый день. Это накладывает свой отпечаток на данное мероприятие. Многие из собравшихся здесь зрителей прогнозируют острую и бескомпромиссную борьбу. Но предсказать победителя не осмеливается, пожалуй, никто. Что ж, как говорится в таких случаях, – пусть победит сильнейший!...

Наступает торжественная минута. Председатель жюри – начальник цеха товарищ Граненый – приветствует участников конкурса и желает им творческих успехов в предстоящем соревновании.

Молодые рабочие выстраиваются у места старта. Сосредоточенные лица, воля, собранная в кулак. Однако чувствуется и волнение. Это и понятно. Ведь им предстоят серьезные испытания. И первое из них – отыскать нужную заготовку в огромной горе деталей, которую, как мне здесь подсказывают, соорудили еще вчера вечером смежники из соседнего цеха...

Отрывисто звучит команда: «Начали!» И двенадцать пар молодых крепких рук буквально вгрызаются в кучу металла. Красивое зрелище! А я обращаюсь к одному из членов жюри,

старшему мастеру Мигреневу с просьбой прокомментировать начало конкурса:

– Вам слово, Степан Степанович!

– Приятно смотреть, с каким огоньком, необыкновенным энтузиазмом принялись участники конкурса за выполнение задания. Вообще, надо сказать, что ребят сегодня ждет немало неожиданностей. Думаю, что очень многое может проясниться уже на первом этапе. Наш ежедневный опыт показывает, что даже у рабочих с солидным стажем на поиск нужной заготовки уходит до полутора часов. Согласитесь, так и просится на язык сравнение привезенных на участок и сброшенных прямо у прохода между станками заготовок со стогом сена, в котором нужно отыскать иголку.

– Действительно, Степан Степанович, это – очень образное и точное сравнение. Продолжайте, пожалуйста...

– Да. Так вот, я хочу сказать, что на первом этапе многое будет зависеть от того, кому из ребят улыбнется фортуна. Знаете, так иногда бывает и у нас. Снимешь первый слой набросанных деталей и – глазам своим не веришь: лежит она целехонькая, нужная тебе заготовочка. Но это, повторяю, случай исключительный. Надеяться на него участникам конкурса, конечно, нельзя. От них требуется сейчас, прежде всего, кропотливая аналитическая работа. Ведь мало отбросить ненужную тебе заготовку. Важно ее отбросить на тот участок, где она должна обрабатываться. Так что голову им здесь придется поломать изрядно... Еще тяжелее придется ребятам на втором этапе – при поисках нужного инструмента. Здесь мы постарались поставить их полностью в наши обычные условия: инструментальная кладовая, разумеется, будет закрыта из-за отсутствия там необходимых приспособлений. Так что от

молодых рабочих потребуются и смекалка, и определенная предприимчивость, чтобы выйти с честью из создавшегося положения. Ну, а дальше, пожалуй, все будет гораздо прозаичнее – обработка заготовки, проверка соответствия полученной детали чертежу. Словом, все это дело техники. Здесь участникам конкурса будет, наверное, легче всего.

– Большое спасибо, товарищ Мигреньев, за столь обстоятельный ответ... Однако вернемся к событиям самого конкурса. Здесь уже определился лидер. Это – молодой рабочий Федяев. Что и говорить, незаурядную смекалку проявил он, обнаружив заготовку – где бы вы думали? – на соседнем участке в аналогичной куче металла. Удивительная все-таки интуиция у этого паренька. А посмотрите, как великолепно решил он проблему с инструментом – минимум потерь времени.»Свой инструмент всегда ношу с собой» – этого золотого правила придерживается молодой производственник...

Да, прав был старший мастер Мигреньев. Тот, кто сумел успешно пройти первых два этапа, и побеждает в конкурсе профессионального мастерства. Вы слышите, как мощно поддерживают чемпиона цеха многочисленные зрители: «Федяев – молодец! Он принес с собой резец!». Остальные участники еще продолжают бороться за призовые места. А я обращаюсь к председателю жюри товарищу Гранену с просьбой подвести предварительные итоги смотра молодых сил цеха. Пожалуйста...

– Несмотря на то, что конкурс еще в самом разгаре, можно смело сказать, что он нам удался. Взгляните, благодаря этому мероприятию мы практически навели порядок с хранением заготовок на первом участке. Надеемся также, что в ходе соревнования нам удастся точнее определить наши внутренние

резервы с дефицитным инструментом. И вообще, думаем, сделать такие конкурсы доброй традицией цеха. Ведь у нас одиннадцать участков И на каждом из них наши производственники хотят посоревноваться в силе, ловкости, находчивости. Словом, в том, что и отличает современного рабочего...

– Ну, что же. Мне остается от имени наших радиослушателей только поблагодарить вас за столь содержательный ответ... На этом, дорогие товарищи, мы заканчиваем наш рассказ об интересном и захватывающем соревновании в механическом цехе. Надеемся, что и вам, как и нам, понравилась бескомпромиссная и упорная борьба участников конкурса, развернувшаяся особенно возле двери закрытой инструментальной кладовой. Да, здесь победит сильнейший. Это вне всякого сомнения...

1984 г.

Премия за новую технику

Эту новость принес к нам в отдел Кошкин, которого с утра отправили по делам в бухгалтерию и к сметчикам, Через несколько часов он вернулся переполненный полезной информацией.

– Между прочим, у сметчиков сегодня премия, – сказал он, усаживаясь за свой рабочий стол и натягивая нарукавники. – За внедрение новой техники.

– Как премия? А нам? – спросили в один голос Ершов и Котелков, сраженные неожиданным известием.

– А нам – дырка от бублика, спокойно ответил им Кошкин.
– В ведомости наши фамилии не значатся.

– Ну-у, это как-то нехорошо получается, – основательно подумав, сказал я. – Вроде в одной организации работаем, одну телегу тянем, а отношение к разным звеньям треста неодинаковое.

– Товарищ Поливинилов, перестаньте молоть чепуху, – посоветовал Кошкин. – Все равно ведь ничего уже не поправишь.

Несмотря на показное спокойствие, по всему чувствовалось, что и Кошкина больно задело случившееся. Он тоже не собирался отказываться от премии. Даже если бы и не заработал ее.

– Я думаю, что оставлять это дело так нельзя, – продолжил я свою мысль. – Надо идти к товарищу Лепесткову и ставить его в известность. Пусть принимает меры.

– Правильно, – поддержали меня Котелков и Ершов, а Кошкин только безнадежно махнул рукой.

Мы встали и, взволнованные своей решимостью отстоять привычный вид материального вознаграждения, двинулись в кабинет шефа.

Начальник отдела отнесся к нашему появлению настороженно, так как знал: поднять с насиженных мест его подчиненных могло лишь что-то из ряда вон выходящее. Однако виду не подал.

– Товарищи инженеры, я надеюсь, что вы пришли ко мне с новыми идеями о повышении производительности своего труда, – пошутил он. – Это меня радует.

– Именно с этим, – подтвердил умный Ершов. – Нас волнует вопрос получения премии за внедрение новой техники.

– Я знаком с этим вопросом, – неожиданно быстро ответил Лепестков и встал из-за стола. Подошел к нам вплотную и, посмотрев внимательно каждому в лицо, спросил:

– Как вы думаете, друзья мои, заслужили мы, работники технического отдела, эту премию в нынешнем году или нет? Какие виды новой техники были внедрены в производство по нашим предложениям? Я, например, не помню. Может, кто-то хочет ответить на этот вопрос иначе?

Мы хранили гордое молчание.

– Вот видите. Отсутствие положительного ответа – тоже ответ. Поэтому я и принял решение отказаться нашему отделу от этого вида поощрения. В конце концов, эту премию надо все-таки заработать, а не тихо получить. Время сейчас такое – научно-технический прогресс стучится в двери, а мы ему открывать не хотим. Нет, товарищи, дальше дело так не пойдет, – сказав это, Лепестков направился к своему столу, считая разговор законченным.

– Одну минуту, Иван Николаевич, – остановил его мягкий и вкрадчивый голос умного Ершова. – Видите ли, мы с вами совершенно согласны относительно правомерности получения этой премии, которую, действительно, надо заработать. ведь вопрос не в том: почему поощрение за внедрение новой техники не получим мы? В данном случае нас волнует другое: почему эту премию уже получили сметчики? Они ведь, судя по показателям, побольше нашего не имеют к этому делу никакого отношения.

Надо сказать, что вопрос Ершова поставил нашего шефа в тупик. В раздумье он собрал на лбу все свои морщины, стал барабанить пальцами по столу. Наконец, пробормотал почти шепотом себе под нос:

– Да, об этом я как-то не подумал. А премия, откровенно говоря, неплохая.

– Если сметчики ее уже получили, – осторожно продолжил Ершов, стараясь направить течение мыслей начальника отдела в нужном направлении, – то никто не станет забирать у них ее обратно...

Здесь Лепестков посмотрел на часы.

– В принципе, еще можно успеть, – сказал он и кинул взгляд на нас. – Значит, так. Сейчас я схожу туда, – он указал пальцем куда-то вверх. – И через час позвоню. А вы постарайтесь никуда не расходиться, чтобы не опоздать в трестовскую кассу.

– Не беспокойтесь, Иван Николаевич, – заверили мы хором своего шефа. – Работа для нас – главное...

– Тем более, когда она сочетается с продуманным материальным стимулированием, – заключил повеселевший Кошкин...

1984 г.

Рейд

Все началось с того, что меня с Ершовым включили в рейдовую бригаду по проверке сохранности материально-технических ресурсов на нашем трестовском складе.

Товарищ Лепестков, наш начальник, объявив эту новость и пожав каждому руку, проникновенно сказал:

– На вас, товарищи инженеры, возложена ответственная миссия: найти скрытые резервы на складе треста и сделать все для их быстрого приведения в действие.

– Не беспокойтесь, Иван Николаевич, – ответил ему умный Ершов. – Искать недостатки у других гораздо приятнее, чем скрывать собственные. Так что уж мы постараемся...

...Заведующий складом Невиннолысов под звуки производственной гимнастики допивал утренний чай.

– Ставлю болт против шурупа, что вы пришли ко мне с рейдовой проверкой, – поприветствовал он нас, сметая крошки печенья со стола.

– Как вы догадались? – удивился я.

– А вы без машины появились. Значит, забирать ничего не будете, да и нового ничего не привезли, – ответил заведующий.

– Таких как вы – «безлошадных» в черном пальто – у меня знаете, сколько каждый месяц бывает? Не сосчитать!

– Однако ближе к делу, – хмуро сказал Ершов. – У нас с товарищем Поливиниловым – ответственная миссия. И времени для пустых разговоров нет.

– Да кто же с этим станет спорить, – развел руками Невиннолысов и потянулся за бумагами. – Значит, так. Здесь перечень – оборудования, а наличие его – за спиной.

И он кивнул в сторону основного помещения склада.

– Да-а, работенка нас ждет тут славная, – присвистнул Ершов, когда мы втроем зашли в помещение, до предела забитое новой техникой.

– Советую пройтись по наиболее крупным позициям, – вяло изрек Невиннолысов, посмотрев на наши постные физиономии. – Все-таки вы – участники общественного рейда. Какой с вас спрос? Походили, посмотрели и ладно.

Ершов подозрительно посмотрел на Невиннолысова.

– Но-но, вы нам зубы не заговаривайте. Проверим все как положено. Имейте в виду. Если есть какие неполадки, так сразу и выкладывайте.

– Да, какие ж могут быть неполадки, – усмехнулся Невинно Лысов. – Вы же сами видите. Крыша не течет, окна целы. Оборудование расставлено строго по времени поступления в трест. Все стоит на своих местах в четком соответствии с инструкцией, несмотря на острый дефицит складских площадей.

– Сейчас посмотрим, – не поверил заведующему Ершов и открыл перечень оборудования. – Та-а-ак. Пресс. Импортный. Где пресс?

– Здесь он, родной, – Невиннолысов повел нас по узким проходам к многотонной металлической громадине. – Третий год стоит, а все как новый. Ржавчина, конечно, кое-где тронула. Но это не проблема.

– Действительно, совсем немного, – подтвердил я, внимательно осмотрев новое высокопроизводительное оборудование. – Для трехлетнего хранения вполне сносно...

– Ладно, – согласился Ершов и снова посмотрел в бумаги. – Пойдем дальше. Автоматическая линия для выпуска...

– Это здесь, – оборвал его на полуслове Невиннолысов и показал рукой немного правее прессы. – Уникальный комплекс. Когда его сюда только завезли в позапрошлом году, к нам столько народу каждый день приезжало. Вы бы видели. Не было времени даже чаю выпить. Штатным экскурсоводом заделался, чтобы передовую технику всем показывать.

– Где, говоришь, эта линия? – заинтересовался Ершов.

– Да вот здесь, за прессом... Ой, да где же она? – Невиннолысов взобрался на рядом стоящие ящики и попытался заглянуть за пресс.

– Да что же это такое, – бормотал он себе под нос, карабкаясь дальше. – Куда это она могла запропасться? Ведь никому не нужна эта линия. Ни мне, ни тресту...

Вскоре из-за ящиков мы услышали громкий вздох облегчения заведующего.

– Здесь она, товарищи, здесь! – кричал радостный Невиннолысов. – Мы ее просто новым робототехнологическим комплексом накрыли. Он к нам еще в конце минувшего года прибыл. А я и забыл.

– Вот видите, – сказал ему Ершов. – Наша проверка и вам пользу принесет – вспомните хоть, где что стоит.

– Э-э, нет, друзья. Бесполезное занятие – запоминать, – ответил запыхавшийся заведующий. – Здесь никакой памяти не хватит, столько добра навалено.

– Это точно, – подтвердил я.

...К вечеру мы закончили рейдовую проверку. Больших замечаний к Невиннолысову у нас не было. Все оборудование хранилось действительно на неплохом уровне.

– Хороший у вас склад, – сказал я, когда мы с Ершовым засобирались уходить. – Столько времени все хранится, а ни одной гаечки не пропало.

– Да уж, стараемся, – не без гордости ответил Невиннолысов, однако выражение его лица было не слишком веселым.

– Вы не волнуйтесь, – попробовал развеселить его Ершов, одеваясь. – Мы в своей справке напишем все, как есть, все как положено.

– Да не волнуюсь я, братцы, – задумчиво произнес заведующий. – Только вот одного не могу понять: зачем все это здесь стоит? Кому это все нужно? И, вообще, зачем я здесь сам нахожусь?

– В принципе, мы не компетентны в этом вопросе, – сказал Ершов, остановившись в дверях. – Но подумайте сами. Если в тресте есть склад, то должно в нем что-то стоять? Должно! Если в штатном расписании треста есть должность заведующего складом, то должен ее кто-то занимать? Как видите, все просто.

– И все-таки что-то здесь не так, – опять засомневался Невиннолысов.

– Вам хорошо. У вас времени полно для сомнений, – усмехнулся Ершов. – А нам думать некогда – работать надо...

1985 г.

Прогулка

Приехал к нам как-то в трест представитель планового управления министерства. В тот же день вызвал меня к себе начальник нашего отдела товарищ Лепестков и сказал:

– Знаешь, Поливинилов, ты у нас признанный мастер по обслуживанию приезжих. Есть у тебя природный такт, понимаешь. А я этого товарища, честное слово, видеть спокойно не могу. Они ведь там, в министерстве, нас новыми показателями плана просто на грань катастрофы поставили. Общий объем на будущий год увеличили на двадцать процентов, а из какого материала его сделать – не сказали. И этот товарищ был одним из инициаторов пересмотра планов. Ты меня понял? Побудешь с ним завтра весь выходной где-нибудь? Ради меня. А то «сверху» его на меня расписали. А у меня, сам понимаешь, руки начинают чесаться, когда я близко к нему подхожу и физиономию его беспечную вижу.

– Не беспокойтесь, Иван Николаевич, – ответил я. – Оформим отдых представителей отрасли по всем утвержденным стандартам. Думаю, что этому товарищу будет, что вспомнить после возвращения из нашего треста...

На следующий день я с соседом на «Жигулях» подъехал к гостинице. Вызвал этого «товарища из министерства» и говорю ему:

– Меня откомандировали к вам для организации и проведения культурной программы в выходные дни. Погода, как видите, чудесная. Так что давайте в машину. Рыба в озере уже соскучилась по нашим крючкам.

Тот прямо расцвел в улыбке:

– С огромным удовольствием принимаю ваше приглашение. Уже в который раз приезжаю к вам в трест. И всегда нахожу здесь замечательных людей.

Сосед мой вывез нас за город, довез до труднопроходимого участка дороги, уходящей в какой-то глухой, заросший бурьяном, лес и остановился. Как мы его ни уговаривали, он наотрез отказался ехать дальше. Тогда мы выгрузили свои баулы прямо на дорогу, а сосед развернулся на «Жигулях» и уехал.

– Какой невоспитанный у вас товарищ, – заметил при этом мой подопечный.

– Да уж, есть у него это немного. Ничего не поделаешь. Но мужик он, в принципе, хороший, – ответил я и добавил. – А дальше мы пойдем пешком... Вы же у нас раньше бывали на рыбалке?

– Да. Ездили в минувшем году с товарищем Лепестковым, – ответил гость и попытался рюкзак на плечи одеть. Я ему в этом помог. Мой подопечный прямо присел под тяжестью рыболовных снастей.

– Ого! – только и смог произнести он. А я сделал вид, что ничего не произошло.

– Этот рюкзак процентов на двадцать тяжелее прошлогоднего, – заметил товарищ из министерства.

– Значит, на двадцать процентов больше поймает и рыбы сегодня, – улыбнулся я в ответ. И мы отправились в путь.

Шли долго. Пока моему подопечному от тяжести рюкзака совсем плохо не стало. Сделали короткий привал. Я открыл его ношу и переложил в нее еще с десятков килограммов груза из своего рюкзака. Так сказать, незапланированная ранее добавка к первоначальному заданию.

– Что вы делаете? – закричал мой гость. – Вы совсем с ума сошли. Я и так чуть иду.

– Но ведь идете, – ответил я. – Вот что: вставайте и пойдем дальше.

Вижу, это его взорвало. Начинает свирепеть.

– Это уж наглость, – процедил сквозь зубы мой подопечный. – Дайте хотя бы поесть. Надо же энергией заправиться, сил поднакопить, чтобы идти дальше.

А для меня эти гневные слова как музыка звучат. Развожу ему в ответ руками. Мол, ничего не знаю: такова производственная необходимость.

– Но я отказываюсь идти дальше, – разошелся гость.

– Пойдете. У вас нет другого выхода. Посмотрите вокруг, – сказал я, подхватил свой заметно полегчавший рюкзак и зашагал по лесной дороге дальше.

Мой подопечный осмотрелся и, очевидно, быстро понял, что обратной дороги нет. Кругом стоял густой, грозно нахмурившийся лес.

Очень скоро я услышал отчаянное сопение за своей спиной. Когда обернулся, то струнка жалости все-таки шевельнулась где-то в моей душе. Товарищ из министерства шел вперед, согнувшись до предела, нагруженный рюкзаком. В его глазах я увидел остановившееся выражение безысходной тоски. С губ слетел какой-то старинный бурлацкий напев.

– Что же это вы не проявляете творческий поиск? – усмехнулся я, пристраиваясь к ритму шагов своего подопечного.

– Помолчите, – нехотя ответил мой гость, не очень эстетично сплевывая прямо под ноги.

– Надеюсь, теперь вы уловили, что значит планировать «от достигнутого», брать показатели с потолка, без учета местных

факторов, без четкого и сбалансированного материального обеспечения намеченного задания? – спросил я, перекладывая на плечи товарища из министерства еще и свой рюкзак.

– Уловил, – с трудом выдавил из себя тот. – Только выведи меня отсюда, друг.

И он пронзительно посмотрел мне в глаза.

Я задумчиво хлопнул его по ноше, и он ткнулся носом в землю.

– Ладно, старик, не дрейфь, – сказал тогда я. – Тебя-то я отсюда выведу. А вот как нашему тресту выйти на те показатели плана, которые вы нам записали, а подкрепить соответствующими ресурсами забыли?

Но мой гость ничего не отвечал на этот вопрос. Он лежал, придавленный рюкзаками к земле, с закрытыми от усталости глазами.

«Судя по всему, я правильно выполнил указание товарища Лепесткова», – подумалось мне.

Я громко свистнул. Сосед на «Жигулях» появился через несколько секунд. Условия нашего с ним договора он выполнил полностью, приехав к указанному месту с другой стороны.

1985 г.

Лаборатория

Вызвал меня как-то с утра к себе наш начальник товарищ Лепестков. Вытащил из стола пухлую папку с какими-то бумагами и говорит:

– Товарищ Поливинилов, надо бы вот эти документы срочно отнести в нашу заводскую научно-исследовательскую лабораторию. Я вас очень попрошу. Вы у нас самый молодой. Одна нога здесь, другая – там. Бывали когда-нибудь в этой лаборатории?

– Нет, не бывал, – признался я честно, но быстро поправился. – Да вы не беспокойтесь, Иван Николаевич. Язык ведь не только до Киева довести может...

– Ну, и прекрасно, – удовлетворенно крикнул Лепестков, и я помчался выполнять задание шефа.

Здание лаборатории нашел быстро. Зашел внутрь, а там всего три двери по коридору. Открываю первую и с порога спрашиваю:

– Эй, народ, здесь, что ли, научные изыскания проводятся?

– В ответ – напряженный гул станков. Никто меня из-за этого шума не слышит. Тогда я к ближайшему станочнику, в кепке, подхожу и кричу ему на ухо:

– Здесь исследовательские работы ведутся?

Он на меня как-то странно посмотрел, словно перед ним инопланетянин стоит, и отвечает:

– Ты что, с Луны свалился? Не видишь, что на главный конвейер работаем. Не мешай делом заниматься. У нас задание срочное...

Я, как мог, извинился и быстрее – в другую дверь. Там картина аналогичная. Я в третью – то же самое. Никто даже головы от станков не поднимает. Понятное дело: когда план

горит, тут уж не до разговоров. Чувствую, ошибся зданием. В лаборатории научно-исследовательской, говорю себе, больше ведь головой думать надо над соответствующими проблемами, чем «штурмовать» месячный план.

Вышел я обратно на улицу и давай вокруг оси своей крутиться, да мучаться вопросом: куда же эта самая лаборатория вдруг подевалась? Вижу, вслед за мной из того же здания какой-то мужчина вышел. Я к нему. Остановил его и этот вопрос свой выложил.

– Так вот же она, – отвечает незнакомец и показывает на то же здание, где я уже был. – Наша лаборатория здесь все помещения занимает. Заходите в любую дверь

Чувствую, либо он вопроса моего не понял, либо я сам что-то не так спросил. Поэтому так очень нежно, но, строго контролируя ход своих мыслей, говорю этому мужчине:

– Браток, ты не шути со мной так. Я сейчас твой юмор могу не понять. Мне вот эти бумаги просто позарез надо в лабораторию отдать. Ты мне серьезно скажи, куда мне идти?

– Да какие могут быть шутки. У самого дел по горло, – отвечает незнакомец и смотрит на часы. – Уже опаздываю на совещание.

А я не отступаю:

– Слушай, я ведь не цех, а лабораторию научно-исследовательскую ищу. Ты меня понял? Можешь ты меня туда направить?

Мужчина посмотрел на меня подозрительно, крутнул пальцем у виска и спрашивает:

– Ты по этому делу давно к врачам обращался? Я же тебе в третий раз говорю – здесь она, здесь.

Я недоверчиво посмотрел на здание, затем на своего собеседника.

– Спасибо, – говорю ему. – У меня, действительно, что-то голова разболелась.

Он ушел. А я, потоптавшись минут десять на месте, все-таки нашел в себе силы снова войти в это здание. Открыв первую же дверь, крикнул изо всех сил, перекрывая шум станков:

– Кто из вас знает, где здесь поблизости есть научно-исследовательская лаборатория?

– Так это мы и есть! – ответил тот, в кепке, который был ближе всех ко мне, выключив станок.

– Как вы? – удивляюсь я. – Я же здесь полчаса назад был. Вы мне сказали, что делаете продукцию для главного конвейера, для основного производства.

– Точно, – подтвердила «кепка». – Делаем!

– Какая же вы тогда научно-исследовательская лаборатория? – не перестаю я удивляться – Вы – обычный производственный участок, только неясно, к какому цеху относитесь.

– Но-но, полегче, – заметил мой новый собеседник. – Мы и есть настоящая научно-исследовательская лаборатория. У нас это название уже знаешь, сколько лет? Не меньше двадцати. Не ты его вводил, не тебе его и отменять. Да и звучит, согласись, красиво. Скажешь, нет?

– Звучит, конечно, красиво, – подтвердил я. – Только во почему бы тогда и другие производственные участки в цехах лабораториями не назвать? Сплошная красота была бы. А завод и вовсе можно было бы и в научно-исследовательский институт переименовать.

– А что, интересная мысль, – согласился станочник в кепке. – Ты ее кому следует подкинь, а нам работать надо... У тебя что? Бумаги? Ты их кидай в кучу. Будет время – посмотрим... А пока у нас задание «горит». Извини, браток, нас конвейер ждет...

– А как же исследования? Надо же кому-то и наукой на заводе заниматься. Время ведь сейчас такое – научно-технический прогресс кругом. Отстанем от времени с такими лабораториями – потом себе же локти кусать будем, – сказал я, но меня уже никто не слышал.

Включив станок, мой собеседник уже углубился в работу. А я, сунув папку с документами в общую кучу похожих бумаг, вышел из научно-исследовательской лаборатории. Задание своего шефа я выполнил, но на душе было беспокойно...

1985 г.

Дырка в стене

Честно говоря, с нашим прорабом Распекухиным нее соскучишься. Приходит буквально сегодня к нам с Катапультовым и говорит:

– Старики, срочно несите свой аппарат вон к той стене. Мне еще вчера вечером новые чертежи вручили с изменениями прежней документации. Так вот, дырку надо бить все-таки в противоположной стене.

Мы с Катапультовым, ясное дело, аппарат в руки и вперед – к нужной стене. Пока наметили место для дырки, пока аппарат подготовили к работе, пока покурили перед началом технологического процесса, снова этот Распекухин подходит с огромными чертежами в руках.

– Мужики, – говорит, – молодцы вы, что не начинали, а то наделали бы делов. Только что прибежали ко мне в прорабскую из отдела. Видите, что принесли?

– Видим, – отвечает за нас двоих Катапультов. – Плоды инженерного труда.

– Точно, – поддержал его Распекухин. – Так вот, дырку надо бить в этой стене, но только с другой стороны. Вот здесь все нарисовано. А подписей видите сколько? Целый взвод специалистов. Не могут же все они ошибаться?

Мы посмотрели на новый чертеж поступивших изменений.

– Солидно сделано, – значительно сказал Катапультов. – Все чин-чинарем, не подкопаешься. Ладно, пошли бить дырку с той стороны. А то ведь время идет, а стена без изменений до сих пор стоит...

Снова пока дошли, пока место для дырки нашли, пока аппарат настроили, пока сами настроились – еще время прошло.

Я уже чуть было на кнопку не нажал, чтобы начать работать, да Катапультов – его не проведешь – меня остановил:

– Видишь, Распекухин снова с бумагами несется. Так что не спеш. Я слышал, у них эту волокиту творческим поиском называют. Вот ведь придумали: вместо того, чтобы кому следует да как следует по рукам за дурную работу надавать, премии за это платят.

– Слышь, Катапульт, – сказал я, глядя на приближающегося Распекухина. – Как ты считаешь, чего они там на этот раз удумали?

– Да, наверное, стену эту вообще снесут, – авторитетно предположил Катапультов, поудобнее устраиваясь возле аппарата и позевывая. – Мешает она кому-то. Мешает. Нутром чувствую.

– А что ты думаешь? Очень даже может быть, – согласился я с напарником и посмотрел на часы. До обеда еще оставалась уйма времени.

– Мальчики мои, какие вы молодцы, что еще не приступали к работе, – еще издали прокричал нам Распекухин. – У меня тут новые чертежи появились...

– Ты меня разбуди, когда они там, наконец, разберутся, – попросило меня Катапультов. – А то ведь от такой работы очень уж на сон тянет...

– Верно, – согласился я.

1985 г.

Пожар

Молодой специалист Катапультов вбежал в помещение нашего отдела с широко открытыми от ужаса глазами.

– Товарищи, пожар! Горим! – крикнул он во всю мощь своих легких.

Мы от неожиданности вскочили со своих мест, но здесь к нам заглянул в кабинет наш начальник товарищ Лепестков и очень спокойным тоном спросил:

– В чем дело, товарищи инженеры? Почему вы, Катапультов, кричите, а все остальные стоят? Вас что, уже выдвинули на мое место, не сказав об этом мне?

– Иван Николаевич, горим! Огонь с нижних этажей к нам подбирается, – снова прокричал Катапультов. И мы действительно почувствовали запах дыма.

– Очень хорошо, – уже ледяным тоном ответил Лепестков.
– Прошу всех занять свои рабочие места.

Мы сели, остался стоять только Катапультов, так как наш шеф сел за его стол.

– Итак, товарищ Катапультов, вы утверждаете, что мы горим, – голосом опытного оратора снова заговорил Лепестков.

– В каком смысле: прямом или переносном?

– Да в самом, что ни на есть прямом, – опять разгоряченно закричал Катапультов.

– Действительно, о переносном смысле не может быть и речи, – рассудительно заметил умный Ершов. – Ведь мы «горели» в конце первого квартала с объектами, а сейчас только начало месяца.

– Да вы посмотрите в окно, – Катапультова стала бить нервная дрожь.

Действительно, откуда-то с нижних этажей валил густой темный дым и даже летели искры.

– Очень хорошо, – резюмировал Лепестков. – Какие будут мнения по поводу информации товарища Катапультова? Товарищ Поливинилов, попрошу вести протокол.

– Спасаться надо, мужики! Вы что, очумели? – начал с крика Катапультов, но кончил чуть ли не шепотом под строгим взглядом нашего начальника.

– Товарищ Катапультов, мы вас уже послушали, – сказал тот очень солидно. – Дайте же теперь узнать мнение других.

– Вообще, судя по тому, как быстро нагреваются половицы и жжет подошвы ног, дело обстоит достаточно серьезно, – начал обсуждение умный Ершов.

– Лично я из-за дыма уже не вижу, что делается на улице, – добавил сидевший у окна Кошкин. – Вот буквально минут десять назад я отчетливо видел, как в скверике напротив молодой парень пытался обнять интересную девушку, а сейчас я даже не вижу солнца. Если так будет продолжаться, я не смогу уже через несколько минут рассмотреть свой чертеж. Надо что-то решать, – и он еще раз взглянул на томик Сименона, лежавший под листом ватмана. – Нет, Иван Николаевич, решительно ничего не видно уже сейчас. Это не работа.

– Если огонь прорвется через перекрытие в наш кабинет, он серьезно затруднит нам выполнение своих служебных обязанностей, – сказал я. – Поэтому предлагаю внести в повестку нашего рабочего совещания вопрос о путях эвакуации из занимаемого нами помещения.

– Я поддерживаю предложение товарища Поливинилова, – одобрил меня Кошкин, при этом встал из-за своего стола и

подсел ко мне. – У меня уже провалились половицы под столом, и мне некуда ставить ноги, объяснил он нам.

– Что же, давайте рассмотрим пути эвакуации, – согласился с нами Лепестков и посмотрел на Ершова. – Какие мероприятия, на ваш взгляд, наиболее приемлемы в решении данного вопроса?

– На мой взгляд, в создавшейся ситуации наиболее приемлемы два пути, – глубокомысленно изрек тот.

В этот момент в коридоре раздался оглушительный грохот.

– Все! Лестница рухнула! – закричал Катапультов и обхватил голову руками. – Погиб. Мамочка моя роденькая! А-а-а!

Постепенно его крик перешел в вой, а потом в хрип и слабый писк, но мы не обращали на него внимания, увлеченные выступлением нашего сослуживца.

– Действительно, это – лестница, и здесь товарищ Катапультов совершенно прав, – Ершов сделал галантный жест в адрес царавшего стенку ногтями молодого специалиста. – Она была одним из путей выхода в моей небольшой классификации. Однако разрушение лестницы еще отнюдь не означает, что мы оказались в безвыходном положении.

Здесь пол в центре нашей комнаты стал угрожающе пузыриться, вспучился, и через несколько секунд на его половицах запрыгали веселые огоньки пламени.

– Попрошу всех собраться у оконного проема. Товарищ Поливинилов, продолжайте ведение протокола, – четко скомандовал Лепестков и снова обратился к Ершову. – Продолжайте, пожалуйста.

– Очень хорошо, что мы собрались у этого окна, – продолжал тот. – Оно нам даст наглядное представление о втором пути эвакуации в моей классификации.

Мы все посмотрели в окно и увидели, как прямо к нам из подъехавшей пожарной машины выдвигается спасательная лестница.

– Мне нравится ваша классификация, товарищ Ершов, – похвалил нашего старшего инженера шеф, глядя на карабкающихся к нам пожарников. – Это еще один наглядный пример того, как много может дать на практике превосходное, я бы даже сказал, профессиональное знание теории. Вы слышите меня, товарищ Катапультов.

Но ответа не последовало, так как нас уже стали хватать за руки и осторожно спускать по лестнице вниз.

...Отряхнувшись от копоти на земле, я еще раз просмотрел страницы протокола и сказал, обращаясь к шефу:

– Не хватает заключительной реплики Катапультова. Ведь обсуждали его информацию.

– Да-а, нехорошо получается. В таком виде протокол останется логически незавершенным, – согласился со мной Лепестков и поискал глазами Катапультова.

Тот лежал недалеко от нас на носилках без сознания.

– Ладно. Ты там оставь немного места, – сказал мне шеф и отечески улыбнулся. – Очнется, чего-нибудь скажет. Молодой еще. Никак к собраниям нашим привыкнуть не может. Ничего, поработает пару лет, наберется опыта, и как рукой все снимет...

1985 г.

Ремонт

Трактор Федяева хрипел, как загнанная лошадь

– Слушай, старик, – мне совершенно не нравится этот стон в моторе, – крикнул я, наблюдая за косилкой, оставившей после себя ровные ряды скошенной травы. Может, отцепим агрегат и разберемся по существу?

– Ты с ума сошел, – оглядываясь из кабины на уже пройденное пространство луга, ответил Федяев. – Мы еще и половины не успели сделать. Только мастерскую сейчас и разворачивать в поле. Да председатель из нас торфокрошку сделает.

– И все-таки нельзя на таком тракторе работать дальше, – продолжал сопротивляться я. – Технику ведь совсем погубим.

– Ничего, пока колеса крутятся, будем ездить, – молодежато гикнул мне Федяев и круто прошелся по рычагам трактора. – Под мою ответственность!

Как и следовало ожидать, наш железный друг не вынес такой лихости в обращении. Прохрипев в последний раз, он замолк на высокой фальцентовой ноте.

– Ну, что теперь скажешь? – спросил я и сокрушенно махнул рукой. – Хочешь-нехочешь, а мастерскую открывать придется.

– Ты, главное, не дрейфь, Поливинил, – усмехнулся Федяев, выбираясь из кабины и вытирая вспотевшие руки о рубашку. – У меня есть одна штуkenция, которая нам мигом во всем поможет.

Протянув руку куда-то под сиденье, мой напарник достал оттуда новенькую, еще не бывшую в употреблении книгу в плотном переплете.

– Председатель подарил. Еще весной, – со знанием объяснил Федяев, подняв палец. – За ударную работу. Так и сказал: бери и пользуйся. Незаменяемая вещь при эксплуатации и ремонте трактора. Любую поломку в две минуты устранишь. Понял?

Я с завистью посмотрел на книгу:

– Хороший подарок.

Федяев начал смело шелестеть страницами.

– Так, так, неисправности ходовой части, таблицы, пояснения, снова таблицы, чертеж, еще чертеж, снова таблицы, пояснения чертеж, – бормотал он, слюнявя палец и переворачивая им листы в пособии.

Чем дальше Федяев изучал содержание книги, тем быстрее, лихорадочнее становились его движения. Во взгляде появилась тревога...

– Ничего не понимаю, – минут через двадцать развел руками мой напарник. – Вроде для нас, трактористов, написано, а разобраться не могу. Вот скажи, где нашу неисправность искать надо?

Я взял у Федяева книгу и тоже пробежался глазами по ее страницам:

– Да тут на профессора изложено. Ишь, сколько страниц намахали. Каждая гаечка расписана.

– Да зачем мне каждая гаечка? – бросив в сердцах о землю кепку, спросил меня Федяев и добавил несколько крепких слов.

– Мне трактор надо срочно ремонтировать.

– Вот когда ты о бережном отношении к технике заговорил, – изрек я с улыбкой. – А чем ты думал, когда мотор застучал? На книжку надеялся? Ты что, не видел, на что она рассчитана? На то, что у нас в поле парты на каждом шагу стоят.

Только трактор сломался, тут же садись за парту и давай изучать все эти схемы да таблицы, в которых сам черт голову сломает. Не говоря уже о тебе – среднем трактористе из среднего колхоза.

– Я – не средний, – с горечью возразил мне Федяев. – Книгу мне председатель за лучшие показатели подарил.

– Молчал бы, передовик, – угрюмо ответил я, захлопывая книгу и откидывая ее подальше от себя. – По этим таблицам до вечера не разберешься. Лучше подумай, что будем делать.

– Да что тут думать, – разозлился слегка Федяев. – Давай гаечный ключ да полезли в мотор. Свои руки да голова – они лучше всяких пособий. По крайней мере, надежно.

– Согласен, – повеселевшим голосом ответил я и достал ключи...

1985 г.

Действующая модель

Начальник вневедомственной территориальной экспертизы Эффов постучал авторучкой по столу и строго посмотрел на собравшихся.

– Все в сборе, товарищи? – спросил он и без паузы продолжил. – Тогда начнем. Сегодня членам экспертной комиссии предлагается рассмотреть и утвердить действующую модель современного инновационного завода по переработке железной руды. Завода, который в скором времени может быть построен у нас в городе и который, безусловно, украсит нашу первозданную природу новыми замечательными образцами промышленной архитектуры, который еще скажет свое слово в освоении новых процессов, доселе неосвоенных нашей химической промышленностью...Товарищ Лавандов, главный инженер проекта из головного института, доложит о будущем заводе более подробно...

Лавандов с указкой в руках вышел к выставленной в центре комнаты модели завода и начал увлеченно объяснять:

– Друзья, вашему городу исключительно повезло. Того, что мы сделали, нет еще ни в одной стране мира. Этот завод будет необыкновенно экономичен. На нем не пропадет ни одного грамма сырья. Город получит баснословную прибыль. Тысячи нитей протянутся к вам из всех уголков нашей необъятной страны. Зарубежные заказчики просто завалят вас валютой. Наш завод будет работать в автоматическом режиме. Вы сами сейчас сможете убедиться в его достоинствах.

Лавандов махнул рукой ассистентам. Один включил электричество, а второй поднял ведро с сырьем. В разных частях модели загорелись лампочки, а внутри многочисленных трубочек что-то заурчало и захлюпало.

– Сырье засыпаем в эту горловину, – показал указкой Лавандов. И ассистент не без удовольствия высыпал туда темное содержимое ведра.

От модели повалил черный едкий дым. Члены экспертной комиссии стали покашливать. Но через несколько секунд из другого конца макета стали вываливаться какие-то блестящие изделия.

– Область применения этой продукции до конца еще не исследована, – пояснил Лавандов. – Но мы уже пробовали: эти штуки можно есть.

– Фантастика! – не удержался Распашной, член комиссии, специалист по сельскому хозяйству. – Это совершенно новое революционное слово в решении продовольственной программы нашего региона.

– А каков уровень автоматизации, – восхитился Поливинилов, специалист по новой технике. – Какая потрясающая производительность при минимуме ручного труда.

– Связи с поставщиками сырья укрепят наши контакты с малыми народами страны, усилят наше стратегическое положение, – сказал специалист по идеологии товарищ Перьевой.

– За валюту мы построим новый вокзал и гостиницы для командировочных, расширим сеть общественного питания и торговли, – мечтательно вздохнул работник горисполкома товарищ Откатов.

– Братцы, но ведь совершенно нечем дышать, – едва пробился сквозь гул восторженных оценок голос представителя общественности Хлорофилова. – Мы сейчас все задохнемся.

– Откройте окно, товарищ Хлорофилов, – строго заметил председательствовавший. – И не поднимайте здесь паники.

Прямо стыдно за вас. Вы что, противогаз с собой не захватили? Забыли, куда пришли?

Сделав паузу, Эффектов добавил, обращаясь уже ко всем:

– Прошу высказываться, товарищи...

– Конечно, есть отдельные недостатки, – вкрадчиво произнес представитель местного общества охраны природы Безпозвоночный. – Но на фоне очевидных достоинств они просто отступают на второй или даже третий план.

– Да что здесь обсуждать: городу нужен такой завод, – сказали собравшиеся едва ли не хором. – И чем быстрее, тем лучше.

В комнате стали сгущаться клубы дыма.

– Рекомендую воспользоваться индивидуальными средствами защиты, – посоветовал Эффектов и первым натянул на голову противогаз. Его примеру последовали остальные, кроме Хлорофилова, судорожно хватавшего воздух ртом у форточки.

– Значит, подписываем решение о строительстве? – подвел черту под обсуждением Эффектов.

– Единогласно, – глухо промычали хором в свои противогазы члены комиссии.

– Вот и замечательно, – сказал Эффектов и расписался первым на документах проекта.

– Что вы делаете? – задыхаясь от удушья, прокричал Хлорофилов. – Вы же всех нас погубите: и людей, и птиц, и деревья.

И он потерял сознание.

– О чем это он? – недоумевающе переглянулись присутствующие. – И кто он вообще такой?

– Неформал. От общественности к нам в комиссию прибился, – пояснил Эффектов. – У нас ведь демократия. Каждый может высказывать собственное мнение. Прошу не обращать на него внимания и поставить свои подписи на документах.

Противогазы несколько мешали красиво расписываться, но все с честью справились с поставленной задачей.

За Хлорофилова расписался Безпозвоночный, который и отнес впечатлительного неформала в ближайший медпункт.

А как же! Мы ведь люди гуманные!

1987 г.

Чудо технической мысли

Что бы там плохого ни говорили о нашем управляющем треста, а я его уважаю. Мужик деловой, всегда придет на помощь в трудную минуту.

Вот на днях приезжает ко мне на объект и говорит:

– Как строительство идет, Распекухин? С планом ввода справишься?

Я ему правду в глаза и рубанул:

– Боюсь вас огорчить, товарищ Мостовой, но своевременного ввода нам не видать, как и конца перестройки.

– Что такое? – встревожился управляющий. – Я тебя, Распекухин, всем в пример всегда ставлю. Все у тебя на строительной площадке продумано, рассчитано, народ без дела не шатается. И вдруг такие заявления, какие-то непродуманные. Удивляешь, дружище.

– А что мне остается делать, – отвечаю. – Рабочей силы не хватает катастрофически, бригады укомплектованы наполовину. На каждой операции – сплошной ручной труд. А ведь объект пусковой, как вы правильно заметили. Словом, радоваться нечему.

– Ты только, Распекухин, не паникуй, – осадил меня Мостовой. – Я ведь про твои беды все и так знаю. Потому и приехал к тебе не с пустыми руками.

Не скрою, меня такой поворот в нашем разговоре просто шокировал. Смотрю на управляющего и глазами хлопаю, а он подзывает своих помощников и говорит:

– Давайте сюда чудо технической мысли. Будем внедрять на объекте у Распекухина.

Помощники, конечно, подсуетились. Притащили какие-то ящики, быстро их распаковали, поковырялись с железками. И где-то минут через сорок говорят Мостовому:

– Готово. Можно начинать эксперимент.

Управляющий им отвечает:

– Валяйте.

А потом на меня посмотрел и говорит:

– Принимай, Распекухин, пополнение на своем объекте. Рабочая сила на уровне мировых стандартов. Японская.

Честно говоря, я в этот момент чуть с катушек не слетел. У меня дрели обычной на объекте не найдешь, а здесь, смотря, стоят передо мною сразу два живых робота и так очень игриво лампочками мигают.

– Эта техника, Распекухин, может любые задачи выполнять, – пояснил мне управляющий. – Они тебе смету за две секунды сварганят. Любую технологию рассчитают – и глазом не успеешь моргнуть. Мы ее за валюту купили. И решили тебе доверить. Ты ведь у нас самый толковый прораб. Найдешь этим японским железкам применение?

– Конечно, найду, – отвечаю и лихорадочно прикидываю, куда же мне новичков определить. – А за такой королевский подарок – спасибо! Вот уж никак не ожидал, что окажусь в нашей дыре на самом переднем крае научно-технического прогресса.

– Словом, ты здесь сам разбирайся, а я дальше по объектам поеду, – сказал Мостовой и укатил на персональной «Волге».

Один из его помощников успел мне инструкцию оставить по использованию этих роботов. Открыл, а там все на японском

языке и сплошные схемы. Как открыл, так и закрыл этот манускрипт.

Тут, конечно, возле этих роботов все наши орлы собрались.

– Куда япошек пристроим, мужики? – спрашиваю у них. – Чтобы использовать их возможности на все сто процентов.

– А что они хоть умеют делать? – спрашивает кто-то.

– Да леший их ведает, – отвечаю. – Управляющий сам толком не знает, а в инструкции разобраться – профессора звать надо.

– Раствор тогда пускай таскают. Оформим их как учеников. Пусть разомнутся немного, – сказал кто-то из каменщиков. – Все равно с них толку, как с козла молока. Это им – не Япония.

Все дружно в духе времени проголосовали за предложенное решение. Мужики тут же принесли носилки и ткнули их роботам. Те пытались слабо протестовать, схемы какие-то из себя стали выдавливать, дескать, мы для такой работы не приспособлены. Но я им сразу сказал:

– Кончайте, ребята, дурить. Поручили вам ответственное дело – надо выполнять. Понимаете, есть в русском языке такое слово – надо. Умри, но сделай. Только сначала сделай, а потом – умри!

Они, хоть и железные, да видно идо них дошло, что спорить с нами бесполезно. Тем более, вся бригада за это проголосовала. Лампочки у них слегка погасли. Но работать пошли. И знаете, я после этого японскую технику очень сильно уважать стал. Не поверите, работают как заведенные. Чего им ребята в носилки только не подкладывали. Правда, к перекурам нашим никак не привыкнул. Но стопарик машинного масла

после работы уже пропустить могут для смазки микросхем. К тому же к беседе это располагает, а нам ведь про Японию все узнать хочется. Да и бригада им наша понравилась. Говорят, у них в стране Восходящего Солнца таких роботов, как мы, с огнем не сыщешь.

А вчера я снова управляющего видел. Так ему сразу и сказал:

– Мы можем двух своих роботов – Ватрушкина и Кузюева – по обмену опытом в Японию послать. И стыдно не будет.

– Вот закончите объект – там посмотрим, – обнадежил меня товарищ Мостовой. – А как новички?

– Нормально, – говорю, – мы с ними в духе перестройки на человеческий фактор нажимаем в общении. Вообще, толковые ребята.

– Значит, не ошиблись мы в тебе, Распекухин, молодец, – пожал мне руку управляющий. – Обязательно подумаем над твоим предложением по обмену роботами.

Словом, мы с начальником понимаем друг друга с полуслова, а это – главное.

1987 г.

Специалист

Этот паренек зашел в помещение нашего сапожного кооператива настолько незаметно, что мы поначалу даже не обратили на него никакого внимания. Ясное дело: каждый занят своим делом, куда уж тут по сторонам глазеть. А паренек зашел и стоит себе спокойно в сторонке, ждет, пока мы на него все-таки посмотрим.

Он бы так и день простоял, если бы вскоре после него к нам не зашел председатель нашего кооператива Кабусякин. Зашел и наткнулся на паренька.

– Что ты, мальчик, здесь делаешь? – спросил его председатель.

– На работу пришел устраиваться, – тихо, но очень уверенно ответил паренек. – Фамилия моя Купонов. Все говорят, что вы деньги лопатой гребете. Вот и я решил возле вас немного погрести.

Мы, конечно, посмеялись нехило.

– Шел бы ты, сынок, отсюда со своей лопатой, пока не получил по шее, – отсмеявшись, посоветовал ему ласково Кабусякин и, посмотрев на нас, сказал уже совершенно серьезно. – Трудные времена идут, ребята. Хотят нас новыми налогами свалить

Мы уставились на председателя.

– Если это шутка, то очень скверная, босс, – сказал за всех Мутантов.

– Чтоб я сдох, – ответил ему Кабусякин и показал нам папку с бумагами. – Можете сами убедиться.

– Товарищ председатель, я бы все-таки очень хотел, чтобы вы завизировали мое заявление, – потянув за рукав Кабусякина,

сказал паренек. – Нужна только ваша виза. И я буду у вас работать. Конечно, за приличные деньги.

– У тебя проблемы с головой, малыш? – уже едва сдерживая себя, спросил Купонова председатель.

– Я вижу, что проблемы есть у вашего кооператива, – весьма хладнокровно ответил ему паренек. – Тем более в свете новых постановлений нашего правительства по предпринимательству. Я же готов подставить свое плечо под ваши заботы. Отныне они станут и моими.

После этих слов Купонова у нашего председателя отвисла челюсть. Но он быстро пришел в себя.

– Хорошо, – сказал Кабусякеин, взвешивая папку в своих руках. – А что ты, собственно, умеешь делать? У тебя есть диплом, образование? Ты умеешь шить сапоги или рубашки?

– Я – специалист по визированию, – спокойно ответил паренек.

– Что? – мы все удивленно переглянулись. – Что это такое?

– Визирую документы в различных инстанциях, – сказал Купонов и показал нам красивую, дорогую папку для документов, которую нельзя было и близко ставить с той, которую держал в руках Кабусякин.

– Могу часами спокойно сидеть в любых приемных и дожидаться руководителей самого высокого ранга, – продолжал паренек. – Не уйду до тех пор, пока все нужные мне бумаги не будут подписаны.

– Слушай, давай отсюда в натуре, а то ведь не посмотрим и на молодость, – рывкнул со своего рабочего места Мутантов. – Сейчас каблуком голову прошибу.

– Оскорбления, угрозы в адрес просителей-кооператоров, да и сами физические расправы над ними – печальный, к сожалению, элемент моей профессии, – грустно парировал Купонов. – Но я и к этому готов.

Он расстегнул пиджак, и мы увидели под ним небольшой, но профессионально подобранный и аккуратно уложенный арсенал для ведения многодневной круговой самообороны. Затем снял ботинок и показал всем нам устройство его подошвы:

– В нужный момент могу намертво приклеиваться к полу. Так что удалить меня из кабинета любого начальника практически невозможно. А живым я им не дамся.

Кабусякин со знанием дела осмотрел ботинок.

– Хорошая работа, – с нескрываемым восхищением сказал он и, немного подумав, добавил. – А дело толковое подсказываешь. Нам, действительно, столько документов надо завизировать сейчас, а еще это новое постановление. Может и жизни не хватить на все кабинеты.

– Вот и я говорю, зачем сапожнику печь пироги, пусть занимается сапогами, – тут же вставил свой пятак Купонов и протянул нашему председателю заявление о приеме на работу. – Ставьте визу! Сопrotивляться бесполезно!

– Похоже, что ты, дружок, нам подходишь, – почесал затылок Кабусякин и расписался на заявлении. – Видно, без таких специалистов, как ты, сегодня честному предпринимателю действительно не обойтись.

1992 г.

**More
Books!**

yes
I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн - в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов!
Мы используем экологически безопасную технологию "Печать-на-Заказ".

Покупайте Ваши книги на
www.morebooks.de

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.morebooks.de

OmniScriptum Marketing DEU GmbH
Bahnhofstr. 28
D - 66111 Saarbrücken
Telefax: +49 681 93 81 567-9

info@omniscrptum.com
www.omniscrptum.com

OMNIScriptum